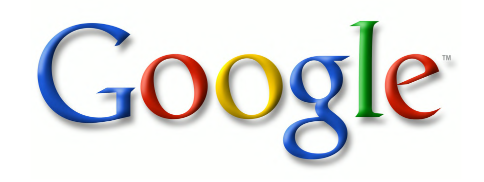

Google

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

БОЛЕСЛАВЪ-ЮРІЙ II,

КНЯЗЬ ВСЕЙ МАЛОЙ РУСИ.

СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ И ИЗСЛѢДОВАНІЙ,

сообщенныхъ

О. Гонсіоровскимъ, А. А. Куникомъ, А. С. Лаппо-Данилевскимъ, И. А. Линниченко, С. Л. Пташицкимъ и И. Режабкомъ.

Съ 10 таблицами.

ИЗДАНІЕ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1907.

БОЛЕСЛАВЪ-ЮРІЙ II,

КНЯЗЬ ВСЕЙ МАЛОЙ РУСИ.

СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ И ИЗСЛѢДОВАНІЙ,

сообщенныхъ

О. Гонсіоровскимъ, А. А. Куникомъ, А. С. Лаппо-Данилевскимъ, И. А. Линниченко, С. Л. Пташицкимъ и И. Режабкомъ.

ИЗДАНІЕ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1907.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, октябрь, 1907 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

Оглавленіе.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ЗАМѢТКА.

Въ теченіе своей долголѣтней научной дѣятельности А. А. Куникъ нѣсколько разъ обращался къ изученію прошлыхъ судебъ Червонной Руси.

Въ извѣстномъ своемъ трудѣ о «призваніи Шведской Руси финнами и славянами» А. А. Куникъ между прочимъ уже попытался выяснить и происхожденіе названія «русиновъ», живущихъ въ Венгріи: онъ полагалъ, что послѣднее «имѣетъ скорѣе церковное, чѣмъ національно-политическое значеніе» и въ такомъ именно церковномъ значеніи перешло сюда изъ Галиціи; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указалъ и на тѣ «культурныя отношенія», которыя начали водворяться между Галиціей и восточной Венгріей съ XI столѣтія и усилились со времени татарскаго погрома [1]).

Когда галичскій историкъ Д. И. Зубрицкій, въ 1850 году, обратился въ Археографическую коммиссію съ предложеніемъ предоставить въ ея распоряженіе сборникъ документовъ по исторіи Галиціи съ 1105 по 1506 годъ, А. А. Кунику, въ качествѣ исправляющаго должность главнаго редактора актовъ, поручено было разсмотрѣть этотъ трудъ. Вскорѣ онъ доложилъ коммиссіи, что сборникъ Д. И. Зубрицкаго имѣетъ важное зна-

1) A. Kunik, Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slaven, St. Petersburg, 1844, B. I, SS. 168—182: «Die Russinen in Ungarn in ihrem Verhältniss zur altrussischen Geschichte»; ср. B. II, S. 39 и сл.

ченіе преимущественно для древней исторіи галичскаго княжества, а также для изученія историческихъ судебъ русиновъ, поляковъ, бывшихъ нѣмецкихъ колоній и позднѣйшихъ еврейскихъ поселеній въ Галиціи [1]). Вѣроятно согласно постановленію коммиссіи, А. А. Куникъ приготовилъ заинтересовавшее его собраніе актовъ Д. И. Зубрицкаго для печати, сдѣлавъ въ рукописи мелкія исправленія, преимущественно въ стилѣ заголовковъ и легендъ, и присоединивъ къ нимъ нѣсколько замѣтокъ археографическаго характера. Редакторъ «сборника», повидимому, въ скоромъ времени предполагалъ выпустить его въ свѣтъ: текстъ почти всего собранія актовъ до 1410 г., надо думать, былъ напечатанъ не позднѣе заглавнаго листа («Codex diplomaticus galiciensis»), а послѣдній былъ уже готовъ въ 1852 году; я не знаю, каковы были обстоятельства, задержавшія выходъ въ свѣтъ всего изданія [2]); возможно, что А. А. Куникъ былъ отвлеченъ отъ него изданіемъ другихъ актовъ, собранныхъ К. Э. Напіерскимъ [3]).

Лишь тридцать лѣтъ спустя А. А. Куникъ принялся за составленіе новаго сборника матеріаловъ, касающихся исторіи Галичской Руси: по появленіи въ 1883 году изслѣдованія проф. И. Режабка о «Юріѣ II-мъ, послѣднемъ князѣ всея Малыя Руси» [4]), А. А. Куникъ возымѣлъ намѣреніе издать сочиненіе проф. И. Режабка въ русскомъ переводѣ и счелъ полезнымъ присовокупить къ нему свою собственную статью объ источникахъ по исторіи послѣднихъ Рюриковичей въ Червонной Руси, первоначально напи-

---

1) Протоколы Археографической комиссіи, вып. III, Спб., 1892 г., стр. 11, 37 и 50.

2) «Собраніе актовъ, относящихся къ исторіи Галиціи» въ рукописи и въ печатномъ видѣ (всего 18 лл. in 4⁰ на 144 стр.); сборникъ хранится въ Архивѣ Археографической коммиссіи М. Н. П.

3) Протоколы Археографической Коммиссіи, вып. III, стр. 106—107; въ октябрьскомъ засѣданіи 1852 года, докладывая коммиссіи о научномъ значеніи актовъ, собранныхъ К. Э. Напіерскимъ, А. А. Куникъ выразилъ готовность «немедленно взяться за ихъ изданіе»; оно вышло въ 1857 году.

4) Řežabek, Jiři II, poslední kníže veškeré Malé Rusi въ Čas. Mus. Ročník LVII, 120—141, 194—218.

санную на нѣмецкомъ языкѣ. Переводъ статьи г. Режабка, сдѣланный О. О. Гонсіоровскимъ, былъ, дѣйствительно, вскорѣ напечатанъ (стр. 1—66), причемъ переводчикъ добавилъ къ нему составленныя имъ генеалогическія таблицы Романовичей, Пястовичей и Гедиминовичей (стр. 67—70); самъ А. А. Куникъ хотѣлъ присоединить къ изслѣдованію проф. И. Режабка переводъ своей статьи: «Zur Quellenkunde der Geschichte der lezten Ruriker in Rothreussen»; возможно, что введеніе къ текстамъ грамотъ и лѣтописныхъ сказаній, помѣщеннымъ ниже (см. стр. 113—148), — переводъ вышеназванной статьи или выдержки изъ нея [1]). При жизни своей А. А. Куникъ успѣлъ напечатать все введеніе и приступилъ къ печатанію текстовъ (стр. 113—176); остальное было допечатано благодаря любезности академика А. А. Шахматова, доставившаго новому редактору сборника продолженіе выписки изъ патріаршаго списка (стр. 178), и содѣйствію С. Л. Пташицкаго (стр. 176—197) [2]). При самомъ возникновеніи «сборника» содержаніе его не ограничилось, однако, переводомъ изслѣдованія проф. И. Режабка и археографическими разысканіями А. А. Куника: уже въ 1885 году проф. И. А. Линниченко присоединилъ къ нимъ свою статью, въ которой онъ соглашается съ главнымъ выводомъ г. Режабка о тождествѣ Болеслава Тройденовича съ Юріемъ II-мъ, но предлагаетъ иные пріемы доказательства и дѣлаетъ нѣсколько поправокъ и дополненій къ изслѣдованію г. Режабка (стр. 81—104).

Вслѣдъ за тѣмъ работы по изданію сборника пріостанови-

---

1) Въ «введеніи» можно встрѣтить ссылки на изданія, вышедшія въ 1884 году (см., напримѣръ, стр. 145, 147). Въ библіографическомъ обзорѣ всѣхъ печатныхъ сочиненій А. А. Куника, составленномъ акад. К. Г. Залеманомъ (Ernesti Eduardi Kunik index operum omnium, Petrop., 1894) такой статьи не значится; насколько мнѣ извѣстно, ссылка на нее имѣется только въ Проток. Историко-Филолог. Отд. 1885 г., § 69.

2) Въ «сборникѣ» кромѣ того напечатаны: «три грамоты и одна надпись на колоколѣ, неизвѣстныя Ив. Ржежабку» (стр. 77—80); мнѣ не удалось выяснить, кто ихъ сообщилъ.

лись и только по смерти А. А. Куника мнѣ пришлось возобновить ихъ.

Несмотря на продолжительность срока, истекшаго со времени прекращенія дальнѣйшаго печатанія сборника, нельзя сказать, что содержаніе его представляетъ интересъ для одной только исторіографіи предмета. Матеріалы, собранные еще А. А. Куникомъ, могутъ служить удобнымъ сводомъ значительнаго большинства извѣстій, касающихся исторіи Малой Руси за послѣднія десятилѣтія ея самостоятельнаго политическаго существованія. Далѣе, изъ библіографическаго обзора новѣйшей литературы, посвященной исторіи той же области [1]), видно, что многіе изслѣдователи, несмотря на новое доказательство въ пользу мнѣнія проф. И. Режабка, указанное проф. О. Бальцеромъ, продолжаютъ придерживаться старой теоріи, въ противовѣсъ которой не мѣшаетъ, поэтому, возобновить въ памяти выводы г. Режабка, дополненные «замѣчаніями» И. А. Линниченка [2]). Наконецъ, нельзя не замѣтить,

---

1) Такой обзоръ отчасти уже сдѣланъ г. Ивановымъ, остающемся при старомъ мнѣніи (П. Ивановъ, Историческія судьбы Волынской земли, Од., 1895 г., стр. 202—217), и проф. М. С. Грушевскимъ, вкратцѣ формулировавшемъ доказательства въ пользу того, что Юрій II и Болеславъ Тройденовичъ — одно и тоже лицо (М. Грушевській, Історія України-Руси, т. III, Львовъ, 1905 г., стр. 524—525; до сихъ поръ я, къ сожалѣнію, не имѣлъ возможности вполнѣ воспользоваться вторымъ изданіемъ этого тома). Обозрѣніе специальной литературы предмета см. также ниже, въ статьѣ С. Л. Пташицкаго стр. I—IV.

2) Не только въ русской (ср. еще В. Васильевскій, Записи о поставленіи русскихъ епископовъ при митроп. Феогностѣ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1888 г., янв., стр. 453 и Н. Тихоміровъ, Галицкая Митрополія въ журналѣ «Благовѣстъ» 1895 г., май, стр. 11; ср. іюль, стр. 73), но даже и въ новѣйшей польской литературѣ мнѣніе г. Режабка (стр. 22) еще не вполнѣ утвердилось. Г. Болсуновскій, напримѣръ, полагаетъ, что въ 1324 г. престолъ галичскій занялъ Юрій II-й (1324–1335 гг.), причемъ отождествляетъ его съ «какимъ-то Болеславомъ»; г. Болсуновскій отличаетъ, однако, послѣдняго отъ Болеслава Тройденовича, будто-бы правившаго съ 1337-го по 1340-й годъ (K. Bołsunowski, Solidy Bolesława, Кіевъ, 1888, str. 17–19, 23, 28, 33). Г. Кохановскій также признаетъ существованіе Юрія II-го, а вступленіе на престолъ галичскій Болеслава Тройденовича относитъ къ 1327-му году. «Около 1324 г., пишетъ г. Кохановскій, polegli obaj książęta (т. е. Андрей и Левъ) w jednej z bitew z dziczą mongolską, a gdy małoletni ich następca, Jerzy II, syn Andrzeja, wpadł niebawem pod jarzmo tata-

что сборникъ, составленный А. А. Куникомъ, при выпускѣ его въ свѣтъ, разумѣется, потребовалъ нѣсколько новыхъ дополненій и исправленій; они и были сдѣланы И. А. Линниченкомъ (стр. 105—112 и 205—206), С. Л. Пташицкимъ (стр. I—IV и 198—204) и А. С. Лаппо-Данилевскимъ (стр. 211—309).

Въ виду интереса, какой представляютъ грамоты 1316—1341 гг., сочтено полезнымъ присоединить къ сборнику фототипическіе снимки съ нихъ, а также съ принадлежащихъ къ нимъ печатей; фототипіи, приложенныя къ нашему сборнику, изготовлены по фотографіямъ, снятымъ съ подлинниковъ, благодаря любезному содѣйствію г. директора Кёнигсбергскаго архива д-ра Іоахима и ученаго хранителя рукописей д-ра Эренберга.

Къ изслѣдованію проф. И. Режабка присоединены: хронологическая таблица событій, упоминаемыхъ въ его статьѣ, и особый указатель (стр. 71—76); сверхъ того ко всему сборнику также приложенъ указатель именъ личныхъ и географическихъ.

А. Лаппо-Данилевскій.

---

tarskie, rozchodzą się nawet wieści o powołaniu na osierocony po ostatnim Rurykowiczu tron Czerwonoruski Henryka, księcia Głogowskiego. Wtedy to, w 1327 r. zasiada na Haliczu, bardziej od tego ostatniego do spuścizny po Jerzym II uprawniony, wnuk Jerzego I po matce, Bolesław Trojdenowicz», на Руси принявшій имя Юрія (J. K. Kochanowski, Kazimierz Wielki, Zarys żywota i panowania, Warszawa, 1899, str. 50). Въ настоящее время кромѣ сторонниковъ мнѣнія г. Режабка, имена которыхъ приведены ниже (стр. III), можно еще указать и на другихъ; см. напримѣръ: A. Czołowski, Lwów za ruskich czasów въ Kwart, hist. R. V (1891), str. 807 и 808.—О. Терлецкій, Полїтичні події на Галицькій Руси в р. 1340, по смерти Болеслава-Юрия II въ Зап. Наук. тов. імени Шевченко, т. XII (1896), стр. 3.—F. Koneczny, Dzieje Polski za Piastów, Kraków, 1902, str. 352. Въ своемъ изслѣдованіи о львовскомъ братствѣ г. Крыловскій пишетъ: «Послѣ смерти галицко-владимірскихъ князей Андрея и Льва (1322—1324) владимирское и луцкое княжества перешли къ Любарту Гедиминовичу зятю одного изъ помянутыхъ князей; Подоліею завладѣли Татары, а остальная Галицкая Русь досталась Болеславу-Юрію II Тройденовичу, внуку Юрія I-го». (А. Крыловскій, Львовское Ставропиг. братство въ Арх. Юго-Зап. Рос., т. X, Кіевъ (1904), стр. 5—6).

Библіографическое обозрѣніе новѣйшей литературы объ Юріѣ II, послѣднемъ князѣ „всея малыя Руси".

Мнѣніе о томъ, что послѣднимъ княземъ Малороссіи былъ Юрій II, что онъ тождественъ съ Болеславомъ, сыномъ Тройдена, князя Мазовецкаго, уже въ прошломъ столѣтіи было высказано въ польской исторіографіи (см. ниже, стр. 87); въ русской-же установилось мнѣніе Карамзина, по которому признавалось, что по смерти послѣдняго Галицкаго князя изъ потомковъ Даніила Романовича, Юрія II, въ 1336 г. въ Галицкой землѣ утвердился другой зять Андрея Юрьевича, Болеславъ Тройденовичъ Мазовецкій (К. Бестужевъ-Рюминъ, Русская Исторія I. 298).

Изслѣдованіе г. Ржежабка, появившееся въ 1883 году въ Часописи Чешскаго музея, немедленно послѣ своего выхода въ свѣтъ, обратило на себя особенное вниманіе покойнаго академика А. А. Куника, тогда же по его порученію было переведено для Академіи на русскій языкъ и представлено III Отдѣленію вмѣстѣ съ разборомъ, сдѣланнымъ проф. И. А. Линниченкомъ. Выводы г. Ржежабка, которыми устанавливалось тождество Юрія II съ Болеславомъ Тройденовичемъ, признаны были критиками лучшимъ мѣстомъ въ статьѣ, а аргументація автора остроумной и доказательной (см. ниже, стр. 85).

Въ настоящее время изслѣдованіе г. Ржежабка не потеряло своего научнаго значенія и съ его выводами должны считаться всѣ, занимающіеся послѣдними годами самостоятельнаго существованія Галицкаго княжества.

Правда, что и послѣ выхода въ свѣтъ труда г. Ржежабка многіе изслѣдователи продолжаютъ повторять прежнее мнѣніе. Таковы:

А. М. Андріяшевъ, Очеркъ исторіи Волынской земли. Кіевъ, 1887 г.; авторъ, не упоминая о мнѣніи Ржежабка, оспариваетъ доказательства проф. Дашкевича и говоритъ, что вопросъ этотъ не можетъ быть рѣшенъ въ ту или иную сторону съ помощью только источниковъ, которые теперь у насъ есть (стр. 207, прим. 2).

Іванів, Картінка з історпі Волыни (Записки Общ. Шевченка, 1893 г., т. Ш) держится мнѣнія, что Юрій II не Болеславъ.

М. К. Любавскій, Областное дѣленіе Вел. Кн. Литовскаго. М. 1893 г., стр. 39, безъ всякаго упоминанія о существованіи двухъ мнѣній, говоритъ, что послѣ Юрія II въ Галицкой землѣ утвердился Болеславъ Тройденовичъ.

П. А. Ивановъ, Историческія судьбы Волынской земли. Одесса, 1895 г., подробно разсматриваетъ вопросъ о тождествѣ Юрія II съ Болеславомъ (стр. 203—215) и оспариваетъ мнѣніе г. Ржежабка. Онъ приходитъ къ выводу, что основанія, на которыхъ Ржежабекъ отождествляетъ Юрія II съ Болеславомъ Тройденовичемъ, не даютъ ни одного такого довода, которымъ-бы онъ могъ убѣдить читателя въ томъ, что Юрій II и Болеславъ одно и тоже лицо, и вопросъ о личности Юрія II далеко нельзя считать рѣшеннымъ. Самъ же П. А. Ивановъ склоненъ думать, что скорѣе можетъ быть принято мнѣніе тѣхъ ученыхъ, которые видятъ въ Юріи II одного изъ Даниловичей. Конечно, г. Ивановъ не могъ знать книги Бальцера, самъ же онъ ничего не говоритъ о свидѣтельствѣ «Annales Posnanienses I», хотя этотъ источникъ былъ изданъ еще въ 1888 г. Разборъ

книги г. Иванова сдѣлалъ проф. Грушевскій, который не соглашается съ его мнѣніемъ (Записки Общ. Шевченка, т. IX).

В. М. Площанскій, Прошлое Холмской Руси. Вильна, 1899 г., принимаетъ то мнѣніе, по которому Юрій II скончался въ 1336 году, и Галичане избрали Болеслава Тройденовича (стр. 14).

Тѣмъ не менѣе мнѣніе г. Ржежабка о тождествѣ Юрія II съ Болеславомъ Тройденовичемъ окончательно приняли слѣдующіе изслѣдователи:

Прежде всего согласился съ нимъ И. А. Линниченко въ ниже прилагаемыхъ замѣчаніяхъ, а также въ критическихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ Журн. Мин. Народн. Просвѣщенія, а именно: Разборъ книги А. В. Лонгинова Червенскіе города. (Ж. М. Н. Пр. 1886. VIII); Критическій обзоръ новѣйшей литературы по исторіи Галицкой Руси (Тамъ-же, 1891, V—VII).

Н. Дашкевичъ, Замѣтки по исторіи Литовско-Русскаго Государства. Кіевъ, 1885.

А. В. Лонгиновъ, Грамоты Малорусскаго князя Юрія II. М. 1887.

Gorzycki, Połączenie Rusi Czerwonej z Polską. Lwów. 1889.

И. П. Филевичъ, Борьба Польши и Литвы Руси. Спб. 1890.

Prochaska, W sprawie zajęcia Rusi przez Kazimierza Wielkiego (Kwartalnik Historyczny. 1892).

Ѳ. И. Леонтовичъ, Очерки исторіи Литовско-Русскаго права. Спб. 1894.

Balzer, Genealogia Piastów. Kraków. 1895. Табл. X, 2, и стр. 452—454.

Г. Грушевський — въ разборѣ книгѣ Иванова — Записки Общ. Шевченка, т. IX, а также въ печатаемомъ нынѣ (1900) III томѣ Істория Украйни.

Наконецъ, уже во время печатанія приложеній къ нашему сборнику и В. В. Качановскій, въ своей рецензіи на книгу

Arnold'a: Die Beziehung König Sigmunds zu Polen (Ж. Мин. Нар. Пр. 1900 г. Ноябрь, стр. 237) высказался за отождествление Юрія II съ Болеславомъ.

Нѣкоторые изслѣдователи не довольствовались однимъ только признаніемъ вывода, сдѣланнаго г. Ржежабкомъ въ 1883 г. и подкрѣпили его новыми доводами. Такъ напримѣръ, проф. Бальцеръ нашелъ доказательство, неизвѣстное г. Ржежабку и окончательно устанавливающее тождество Юрія II съ Болеславомъ Тройденовичемъ. Авторъ «Генеалогіи Пястовъ» указалъ на свидѣтельство «Annales Posnanienses I», гдѣ во второй части, принадлежащей, по изслѣдованію Кентржинскаго, лучшаго знатока польской анналистики, лицу, жившему въ Познани въ 1341 г., имѣется слѣдующая записка: Anno Domini MCCCXL obiit Boleslaus dictus Georius [sic!] dux Russiae VII Idus Aprilis (Monumenta Poloniae. Lwów, 1882. T. V. 880).

С. Л. Пташицкій.

Объ исторіи Галичско-Владимірскаго княжества, за первыя четыре десятилѣтія XIV вѣка, сохранились весьма скудныя извѣстія, да и тѣ нерѣдко столь противорѣчатъ другъ другу, что о тамошнихъ князьяхъ данной эпохи, т. е. о Юріѣ I, Андреѣ I, Львѣ II и Юріѣ II, кромѣ именъ ихъ и ихъ преемственности, мы знаемъ весьма мало достовѣрнаго *).

---

*) При составленіи настоящаго очерка мы непосредственно пользовались слѣдующими источниками:

Полное собраніе русскихъ лѣтописей: Часть II. Ипатьевская лѣтопись Часть III. Новгородская первая и вторая лѣтописи; Часть IV. Новгородская четвертая лѣтопись.

Aug. Bielowski: Monumenta Poloniae historica; часть II. Joannis de Czarnkow Chronicon Polonorum; часть III. Rocznik Kujawski; Spominki Plockie и друг.

Hirsch, Töppen и Strehlke: Scriptores rerum prussicarum; часть I Peter de Dusburg, Chronicon terre Prussie; часть II. Hermani de Wartberge. Chronicon Livoniae; часть III. Joh. v. Posilge, Chronik и друг.

Joh. Voigt: Codex diplomaticus prussicus; часть II. 1842 г.

Aug. Theiner: Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae. I. 1860 г.

А. И. Тургеневъ: Historica Russiae Monumenta. Петербургъ. 1848 г.

Supplementum ad historica Russiae monumenta. Петербургъ. 1848 г.

Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи, собранные и изданные Археографическою коммиссіею. I. Петербургъ. 1846 г.

Востоковъ: Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцовскаго Музеума. Петербургъ. 1842 г.

J. Danilowicz. Latopisiec Litwy i Kronika Ruska. Wilno. 1827 г.

T. Narbutt: Kronika Litewska. Wilno. 1846 г.

Объ этомъ обстоятельствѣ слѣдуетъ тѣмъ болѣе сожалѣть, что именно тогда — на сколько можно судить по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ — названное княжество достигло высшаго развитія своего могущества и потому было бы не безъинтересно имѣть болѣе подробныя свѣдѣнія о тогдашнихъ его отношеніяхъ къ сосѣднимъ государствамъ, особенно же къ падающей Татарской Ордѣ съ одной стороны и къ возникающему могуществу Литвы и Польши съ другой. Не менѣе интересны и важны были бы также болѣе точныя свѣдѣнія о тѣхъ перемѣнахъ, которыя произошли при послѣднемъ изъ выше названныхъ князей во внутреннемъ устройствѣ Галичско-Владимірскаго княжества и которыя были причиной, что государственная власть почти въ конецъ перешла въ руки честолюбиваго боярства, — что въ свою очередь имѣло слѣдствіемъ паденіе этого, когда-то могущественнаго

J. Długosza Dziejów polskich ksiąg dwanaście. Przekład K. Mecherzyńskiego. Часть III. (Въ IV части Полнаго собранія сочиненій Длугоша: изд. А. Пржездзецкаго. Kraków. 1868 г.

Monumenta Hungariae historica. Series IV. Acta extera hist. Hung. tempore Regum stirpis Andegaviensis illustr. Ed. G. Wenzel. Буда-Пештъ. 1874—1876. И другіе.

Пособія:

Карамзинъ: Исторія Государства Россійскаго. Часть IV, изд. 2. Петербургъ. 1819 г.

Зубрицкій: Исторія древняго Галичско-Русскаго княжества. III. Львовъ. 1855 г.

Шараневичъ: Исторія Галицко-Володимірской Руси. Львовъ. 1863 г.

Kazimierz hr. Stadnicki: Synowie Gedymina, wyd. poprawne. Mouwid, Narymunt, synowie Narymunta. Напечатано въ Rozprawach i Sprawozdaniach z posiedzeń Wydziału historyczno — filozoficznego Akad. Umiejętnosci w Krakowie. Томъ 3, стр. 1—75. 1875 г.

Voigt: Geschichte Preussens IV.

Caro: Geschichte Polens II.

Naruszewicz: Historya narodu polskiego. T. IX Wydanie nowe. Lipsk. 1837 г.

Stryjkowski: Kronika Polska, Litewska и т. д. Wydanie nowe. I. Warszawa. 1846 г.

Антоновичъ. Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго. I. Кіевъ. 1878 г.

L. Gołębiowski: Dzieje Polski za Władysława Jagiełły i Władysława. III. T. I. Warszawa. 1846. И другіе.

княжества и покореніе его болѣе сильными соседями. Хотя, вслѣдствіе скудости историческаго матеріала, мы, по всей вѣроятности, навсегда должны будемъ отказаться отъ мысли пріобрѣсти болѣе точныя свѣдѣнія по данному вопросу, тѣмъ не менѣе, на основаніи отрывочныхъ извѣстій, разсѣянныхъ по русскимъ и иностраннымъ источникамъ, можно составить себѣ объ нихъ болѣе или менѣе цѣльное представленіе, правда, въ частностяхъ неопредѣленное и неясное, но въ общемъ все-таки болѣе цѣльное и согласное съ истиной чѣмъ то, которое предложили предшествующіе историки. Изслѣдователь, поставившій себѣ такую задачу, встрѣчаетъ самыя большія трудности по вопросу о личности Юрія II, такъ какъ дошедшія до насъ объ немъ извѣстія такаго рода, что допускаютъ различіе взглядовъ не только относительно того, когда онъ вступилъ на престолъ и когда умеръ, но и относительно его происхожденія, не говоря уже о множествѣ другихъ сомнѣній, касающихся причинъ, слѣдствій и истиннаго значенія отдѣльныхъ событій его княженія. Удовлетворительное рѣшеніе этихъ и подобныхъ сомнѣній — составляетъ предметъ настоящаго изслѣдованія.

Прежнимъ историкамъ какъ русскимъ, такъ и польскимъ, личность Юрія II была совершенно неизвѣстна. Всѣ они вѣрили разсказу польскаго лѣтописца Стрыйковскаго, по которому князья Андрей I и Левъ II, сыновья Юрія I, погибли одинъ за другимъ въ борьбѣ съ великимъ литовскимъ княземъ Гедиминомъ, присоединившимъ, послѣ ихъ насильственной смерти, ихъ земли къ своимъ владѣніямъ (1320 г.)[1]. Несостоятельность этого взгляда впервые раскрылъ Карамзинъ, основавшій свое мнѣніе на

1) Стрыйковскій, Kronika Polska и т. д. I, стр. 362—364. Стрыйковскій или по ошибкѣ или же потому, что самъ не вполнѣ былъ убѣжденъ въ истинности передаваемаго имъ разсказа, отнесъ къ 1320 году событія, происходившія осенью одного и весною слѣдующаго года. Эта ошибка была причиною того, что историки, пользовавшіеся его трудомъ, колебались при опредѣленіи года паденія Галичско-Владимірскаго княжества между 1319—1320 и 1320—1321 годами.

[illegible] хранятся въ [illegible] ордена въ Королевцѣ [illegible] содержать въ себѣ дру- [illegible] и принадлежать Юрію II, [illegible] данной въ 1325 году, употреб- [illegible] князь русскій» и ссылается, какъ [illegible] Даніила, Льва (I) и Юрія (I), на- [illegible] праващимъ своимъ дѣдомъ, а его пред- [illegible] прадѣдомъ. Во второй грамотѣ, помѣ- [illegible] тотъ же Юрій называетъ себя «Божьею [illegible] русской земли» и прибавляетъ къ этому еще [illegible] опредѣленіе «Галича и Владиміра». Въ третьей — [illegible] титулъ: «Божьею милостью *природный* князь [illegible] Руси. Въ четвертой же, данной въ 1335 году назы- [illegible] «Божьею милостью княземъ всея Малыя Руси»; при [illegible] послѣднихъ грамотахъ упоминаетъ какъ своихъ [illegible], Романа, Даніила, Льва (I), Юрія (I) и [illegible] *Андрея*, имя котораго въ первой грамотѣ мы не [illegible][2]). На основаніи этихъ грамотъ, Карамзинъ не по-

---

[illegible] Такъ какъ мы еще нѣсколько разъ будемъ ссылаться на названныя грамоты, то поэтому приводимъ ихъ безъ всякихъ сокращеній.

1 Noverint universi ad quos presens scriptum fuerit devolutum Quod Nos *Georgius dei gracia dux Russie* promittimus ac spondemus honorabilibus dominis domino Werenhero Magistro generali in Thorun singulisque fratribus eiusdem ordini beate Marie deputatis Quod quemadmodum nostri *progenitores* felicis recordacionis Rex Daniel. seu *Leo noster atavus*, aut *Georgius noster avus karissimus* pacem et omnimodam karitatem cum ordine prenominato tenere consueverunt, Ita et nos non minuentes sed pocius augentes temporibus vite nostre nostra fide data in eadem concordia cupimus permanere. In cuius rei testimonium presentes fieri iussimus nostri maioris Sygilli munimine roboratas, datum et actum anno domini MCCCXXV..

Voigt, Cod. dipl. prussicus II, стр. 154, № CXVI. Карамзинъ, IV, въ прибавл. стр. 167. Примѣчаніе 276.

2. Magnifico domino dilectoque sibi in Christo fratri Wernhero de Orsele fratrum Ordinis Hospitalis Beate Marie Theutunicorum Gerosolimitani Generali Magistro Ceterisque fratribus eiusdem sacre Professionis in Prussia. *Georgius dei gratia Dux Terre Russie Galicie et Lodimere.* Salutem et post huius vite miliciam

колебался провозгласить Юрія II сыномъ Андрея и отнесъ его смерть къ 1336 году; а такъ какъ вскорѣ послѣ него на Галичско-Владимірскомъ столѣ является Болеславъ Тройденовичъ изъ рода Мазовецкихъ князей, то Карамзинъ вмѣстѣ съ тѣмъ

---

in celestibus triumphare. Cum inter Honorabiles viros vestros Predecessores Magistrum generalem atque fratres Prusie ex una parte nostrosque serenissimos Progenitores ex altera dileccionis insignia ac mutue promocionis beneficia viguerunt et nos vobiscum eodem Caritatis vinculo uniri ac sincera amicicia federi. (Въ грамотѣ князей Андрея и Льва 1316 года, коей повтореніемъ является настоящая грамота Юрія II, сказано: .... Delectat. et Nos. vobiscum. eodem caritatis vinclo. uniri. ac sincera amicicia federari). Maxime cum honorabilis et religiosus vir frater Zyghardus de Suarcburc consanguineus noster anticam antiquorum amiciciam nobiscum vestro nomine duxerit innodandam (innovandam) prout in instrumentis ac paccionibus super huiusmodi confectis plenius est expressum. Nos volentes utique exemplum nostrorum Progenitorum vobis adesse sincera amicicia et favore et de amiciciis federacionibus et pace inter nos conceptis a diebus diutinis nichil omnino dominuere sed potius volente domino abundancius adaugere, *ceterum terras vestras fideliter premunire curabimus pro tartaris dummodo nobis constiterit et ab hostili qualibet invasione* insuper vobis ac omni vestro populo ad omnem dileccionem et ad cuncta beneplacita promocionis et favoris existimus debitores. In cuius Rei testimonium presentes fieri duximus nostri Sigilli munimine roboratas Datum et actum anno dominui M°CCC°XXVII° in Ladimiria nostra Civitate capitali feria secunda post dominicam qua cantatur Reminiscere.

Voigt, Cod. dipl. pruss. II, стр. 157, № CXIX. Voigt: Gesch. Preussens IV, стр. 405.

3. Третья грамота писана къ великому магистру Людеру изъ города Львова въ 1334 году: ...Georgius ex dono Dei natus Dux et dominus Russie salutem..... Nostri *predecessores* carissimi, scilicet Romanus, Daniel, Leo, Georgius et Andreas..... Затѣмъ слѣдуютъ обычныя увѣренія въ дружбѣ.... quam unionem.... cum nostris Baronibus nec non commilitaribus videlicet Chodore Episcopo Galicensi, Temetrio Detcone, Chotkone Judice nostre Curie, Georgio Calvo, Mychahele Yelezarowicz, Alexandro Moldaowicz, Boriscone Cracula. Voigt, Cod. dipl. pruss. II, стр. 190 № CXLV.

4. In nomine Domini amen. Quoniam omnium conditoris inconprehensibilis prouidencie altitudo non solum ob id dominos prefici voluit, vt subditis dominando predessent, sed eciam vt pacis et justicie copiam eis ministrando prodessent: eapropter *nos Georgius Dei gratia natus Dux tocius Russie Mynoris* volentes litium dispendia equitatis et unionis conpendio coartare, ut per hoc zyzanie scrupulus enitari pacisque et concordie tranquillitas possit eo feruencius augmentari amicitie, pacis, concordie et federa amicabilis vnionis, cum olym cum reuerendis ac serenissimis, sacre professionis viris ac Dominis generalibus Magistris Ordinis Hospitalis sancte Marie domus Theutonicorum Ierus. Terre Prussie, quibuscunque nominibus censeantur, usquo ad tempora venusti reuerendique Domini Theodorici de

объявилъ Юрія II послѣднимъ Романовичемъ на томъ же столѣ, что вслѣдъ за нимъ повторяютъ всѣ изслѣдователи, писавшіе объ исторіи Польши и Россіи вообще, или о судьбахъ Галичской Руси въ частности.

Хотя мнѣніе это и опирается на якобы ясный смыслъ грамотъ, достовѣрность коихъ внѣ всякаго сомнѣнія, тѣмъ не менѣе оно допускаетъ существенныя возраженія. Прежде всего сомнѣніе относительно основательности выводовъ Карамзина, на сколько они касаются происхожденія Юрія II, возбуждаютъ въ насъ тѣ самыя грамоты, на которыхъ выводы эти основаны. Такъ уже первая изъ нихъ, которою Юрій II какъ бы извѣщаетъ Орденъ тевтонскихъ рыцарей о своемъ вступленіи на престолъ, вызываетъ въ насъ недоумѣніе тѣмъ, что онъ въ ней особенно горячо упоминаетъ о своемъ дѣдѣ, называетъ по имени даже своихъ прадѣдовъ, а между тѣмъ совершенно умалчиваетъ о своихъ непосредственныхъ предшественникахъ, т. е. объ Андреѣ I

Aldenburk, moderni summi et generalis Magistri Ordinis Hospitalis sancte Marie domus Theut. per nostros felicis *recordacionis predecessores, Reges et Principes, videlicet Romanum, Danyelem, Leonem, Georgium* et *Andream*, inita contracta atque habita ac iuiolabili effectu prosequente seruata, nos vna cum dilectis et fidelibus nostris Baronibus militibusque, scilicet Demetrio Detkone nostro, Mychalo Yelezarowicz Pallatine Belzenci, Wascone Kudrynowicz Judice curie nostre, Hryczkone Kossaczowicz, Pallatino Premysslensi, Boriscone Cracula pallatino Lemburgensi, Chodore, Otek Pallatino de Lutzek, Chotkone filio Yeromiri innowamus, approbamus, ratificamus et presentis scripto ammyniculo patrocinioque confirmamus, promittentes, bona fide semoto omni dolo, studio, in genio et subtilitate aliquali malis penitus pretermissis, vna cum prefatis nostris Baronibus, militibus nobilibus terris nostrisque et hominibus, eandem fauorabilem vnionem et concordiam cum prelibato reuerendo mire professionis Dno. Theodorico de Aldenburk, moderno Magistro generali Ordinis Hospitalis supra dicti, suisque cum Conpreceptoribus, Commendatoribus, fratribus, nobilibus terrisque ipsorum et hominibus perpetuis temporibus firmiter et irrefragabiliter obseruare nec contra facere aliqualiter aut venire, et ut hec maneant inconwulsa et semper integra, roburque obtineant perpetue firmitatis ac nowitatis wultum assumant, presentes scribi fecimus et nostro ac predictorum nostrorum Baronum sigillis communiri. Datum in Wlademiria, anno Incarnacionis Domini millesimo trecentesimo trecesimo quinto tredecimo Kalendas Nowenbris, in vigilia undecim milium sanctarum virginum. Карамзинъ IV, стр. 168, примѣч.; Voigt, Cod. dipl. pruss. II, стр. [illegible] [illegible]оницкій III, стр. 253, примѣч. 242.

и Львѣ II; а вѣдь одинъ изъ нихъ, въ силу господствующаго мнѣнія, былъ его роднымъ отцемъ. Такое умалчиваніе можно бы безъ натяжки объяснить лишь въ томъ случаѣ, еслибы самое содержаніе названной грамоты не дозволяло ему поименовать отца. Юрій II заявляетъ въ ней Вернеру изъ Орсельнъ, великому магистру Ордена нѣмецкихъ рыцарей, о своемъ желаніи жить съ нимъ и съ Орденомъ въ мирѣ, по примѣру своихъ предковъ, которыхъ онъ тутъ же поимянно перечисляетъ. Поэтому, если онъ въ перечнѣ пропускаетъ своихъ непосредственныхъ предшественниковъ, то это могло имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, еслибъ они не состояли въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Орденомъ. Однако это, единственно возможное объясненіе страннаго пропуска лишено всякаго основанія, такъ какъ въ бывшемъ тайномъ архивѣ тевтонскихъ рыцарей сохранилась грамота Андрея I и Льва II, помѣченная 1316[3]) годомъ, въ которой названные князья, безъ сомнѣнія, по случаю вступленія на престолъ, увѣряютъ Орденъ въ своей дружбѣ. А что эти отношенія и въ послѣдующіе годы не подверглись никакой перемѣнѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ жалованная грамота, которую въ 1320 году получили Торунскіе (Торнскіе) купцы отъ князя Андрея и которою имъ предоставлено право вести торговлю въ его владѣніяхъ[4]). Впрочемъ самъ Юрій II въ двухъ послѣднихъ грамотахъ (1334 и 1335 годовъ) въ числѣ своихъ предшественниковъ, которые состояли въ дружбѣ съ Орденомъ, называетъ Андрея и потому не подлежитъ сомнѣнію, что ему слѣдовало объ немъ упомянуть и въ первой грамотѣ и это тѣмъ болѣе, что Андрей, какъ его непосредственный предшественникъ, былъ лучше извѣстенъ Ордену рыцарей, чѣмъ какой бы то ни было изъ Галичско-

---

3) Грамота эта такого же содержанія, какъ и грамота Юрія II 1327 г. Voigt, Cod. dipl. pruss. II, стр. 92, № 75. Карамзинъ, IV стр. 164 въ прибавл. прим. 268. Зубрицкій, III, стр. 250, прим. 236.

4) Suppl. ad. hist. Russiae Monumenta, стр. 126, № 38. Зубрицкій, III, стр. 250, прим. 237.

Владимірскихъ князей. И такъ, названныя грамоты по данному вопросу представляютъ явную несообразность, которую никакъ нельзя объяснить случайнымъ недосмотромъ, такъ какъ врядъ-ли можно допустить, чтобы Юрій II ради своего дражайшаго дѣда и ради своихъ прадѣдовъ, совсѣмъ забылъ о незадолго до того умершемъ отцѣ, который, безъ сомнѣнія, былъ для него не менѣе дорогъ. Однако тѣ же самыя грамоты, въ которыхъ мы обнаружили вышеуказанную несообразность, даютъ намъ и средства къ удовлетворительному ея объясненію. Въ двухъ послѣднихъ грамотахъ Юрій II вообще перечисляетъ своихъ *предшественниковъ* (praedecessores) и между ними приводитъ и князя Андрея; въ первой же онъ говоритъ только о своихъ *предкахъ* (progenitores) и въ числѣ ихъ Андрея не называетъ, изъ чего неизбѣжно слѣдуетъ, *что князь Андрей не былъ его отцемъ.* Въ силу тѣхъ же причинъ и Льва II нельзя считать отцемъ Юрія II, ибо еслибъ даже допустить, что онъ, какъ младшій братъ, удовольствовался впослѣдствіи удѣломъ и потому не могъ быть названъ въ двухъ послѣднихъ грамотахъ, какъ предшественникъ Юрія II на княжескомъ столѣ — хотя этому противорѣчитъ грамота 1316 года, въ которой Левъ II выступаетъ какъ равный брату Андрею — то его все таки слѣдовало поименовать по крайней мѣрѣ въ первой грамотѣ, въ которой Юрій II перечисляетъ своихъ предковъ, состоявшихъ когда-то въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Орденомъ. *Но если Юрій II не былъ сыномъ ни Андрея, ни Льва, то онъ могъ называть Юрія I своимъ дѣдомъ только со стороны матери, а титулъ «природный князь русской земли» могъ принять въ качествѣ потомка Романовичей по женской линіи.*

Сообразно съ этимъ, послѣдними Романовичами по мужской линіи на Галичско-Владимірскомъ престолѣ были братья Андрей I и Левъ II и это прямымъ образомъ подтверждается письмомъ короля Владислава Локетка, отъ 21-го іюля 1324 года, къ папѣ Іоанну XXII. Въ упомянутомъ письмѣ польскій король сообщаетъ папѣ, что *«два послѣднихъ русскихъ князя изъ рода схизматиковъ»*, которые были для него непреоборимымъ оплотомъ противъ

свирѣпаго татарскаго народа, скончались, и проситъ папу поддержать его провозглашеніемъ крестоваго похода и другими средствами, такъ какъ татары могли бы овладѣть Галичемъ и оттуда безпокоить сосѣднія польскія земли[5]). Карамзинъ и его послѣдователи, считая Юрія II послѣднимъ потомкомъ Романа на Галичско-Владимірскомъ столѣ, мало заботились объ основательномъ выясненіи вопроса, почему король Владиславъ говоритъ о послѣднихъ князьяхъ изъ рода схизматиковъ; но тѣмъ не менѣе изъ ихъ разсказа видно, что они объясняли себѣ это малолѣтствомъ Юрія II, во время котораго страной управляло регентство, такъ что король Владиславъ I по этой причинѣ какъ бы даже не считалъ его государемъ[6]). Такое объясненіе даннаго вопроса было бы конечно неудовлетворительно и въ томъ случаѣ, еслибъ даже было неопровержимо доказано, что въ 1324 году Юрій II былъ на самомъ дѣлѣ несовершеннолѣтнимъ и вслѣдствіе того неспособнымъ къ самостоятельному управленію государствомъ. Но и это соображеніе до сихъ поръ ни кѣмъ не было доказано, тогда какъ противоположное мнѣніе имѣетъ за себя, въ двухъ первыхъ грамотахъ названнаго князя, весьма вѣскія основанія. Юрій II говоритъ въ нихъ какъ государь, вполнѣ самостоятельный и сознающій свою власть, который *по собственной инииціативѣ не только* возобновляетъ старые договоры съ Орденомъ тевтонскихъ рыцарей[7]), но и обѣщаетъ (во второй грамотѣ) покровительствовать ему, а въ случаѣ надобности защищать его

---

5) Hinc est, quod Sanctitati Vestrae insinuatione praesentium cum dolore reverentius intimamus, quod *duo ultimi Principes Ruthenorum de gente schismatica*, quos immediatos pro scuto inexpugnabili contra crudelem gentem Tartarorum habebamus, decesserunt ex hac luce: ex quorum *interitu* nobis et terris nostris ex vicinitate Tartarorum, *quos decerto credimus terram Ruthenorum, nostris metis contiguam occupare*, perturbatio indicibilis imminebit. Raynald, Annal. Eccl. въ прибавл. къ XV т. подъ 1324 г. Карамзинъ IV, въ прибавл. стр. 166, примѣчаніе 276. Зубрицкій III, стр. 251, примѣчаніе 239. Naruszewicz IX, стр. 66, примѣчаніе 1.

6) Карамзинъ IV, стр. 110. Зубрицкій III, стр. 260; Caro II, 223—227.

7) Смотри примѣчаніе 2.

земли противъ татаръ и прочихъ враговъ. Регентство, или, лучше сказать, совѣтъ является на ряду съ нимъ только въ двухъ послѣднихъ грамотахъ, т. е. подъ конецъ его княженія и составъ этого совѣта — онъ состоялъ не только изъ высшихъ придворныхъ и земскихъ чиновъ, но также изъ правителей отдѣльныхъ областей и сановниковъ церкви — лучше всего показываетъ, что причину возникновенія его слѣдуетъ искать не въ малолѣтствѣ, неспособности или душевной болѣзни князя, но въ черезмѣрномъ усиленіи крамольнаго боярства въ ущербъ центральной власти, объ чемъ мы подробнѣе скажемъ въ другомъ мѣстѣ. Но если Юрій II при своемъ вступленіи на престолъ былъ настолько могуществененъ, что о его дружбѣ и покровительствѣ хлопоталъ тевтонскій Орденъ, который тогда побѣдоносно воевалъ съ польскимъ королемъ и великимъ литовскимъ княземъ, то опасенія короля Владислава, выраженныя въ письмѣ къ папѣ Іоанну XXII, чтобъ татары, послѣ смерти Андрея I и Льва II не овладѣли Галичемъ и Волынью и не сдѣлались такимъ образомъ непосредственными сосѣдями Польши можно объяснить себѣ не иначе, какъ только тѣмъ, что по смерти предъидущаго князя до вступленія на престолъ его преемника прошло нѣсколько лѣтъ безначалія, во время котораго въ странѣ возникли неустройства, коими готовились воспользоваться татары, стремясь или возобновить надъ нею свою верховную власть, или же въ конецъ ее покорить, подобно тому какъ они это уже раньше сдѣлали съ Подоліей, составлявшей прежде часть Владимірско-Галичскаго княжества [8]). Письмо короля Владислава I, безъ со-

8) Шараневичъ, стр. 140. Что Галичскому княжеству дѣйствительно угрожала опасность со стороны татаръ, это доказывается тѣмъ, что въ 1325 году папа два раза разрѣшилъ продавать въ Польшѣ индульгенціи для борьбы противъ *схизматиковъ*, *татаръ*, *язычниковъ* и другихъ *невѣрующихъ народовъ*, борьба съ которыми обыкновенными средствами была королю Владиславу I не подъ силу. Повидимому татары, по своему обыкновенію, принуждали русскихъ совершать вмѣстѣ съ ними набѣги на сосѣднія земли. См Theiner, Vet. Monum. Pol. et Lith. I, стр. 215, № 334 и стр. 216. № 338.

мнѣнія, и написано подъ впечатлѣніемъ этого печальнаго положенія осиротѣвшей земли. Но коль скоро мы допустили, что отъ смерти Андрея I и Льва II до вступленія на престолъ Юрія II прошло не мало времени, то вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны признать, что Юрій II не былъ сыномъ ни одного изъ двухъ своихъ предшественниковъ, ибо въ противномъ случаѣ онъ, безъ опасныхъ проволочекъ, взялъ бы въ свои руки бразды правленія, такъ какъ земли Романовичей уже давно были наслѣдственны по прямой линіи.

И такъ мы показали, что король Владиславъ Локетокъ совершенно основательно говорилъ о «послѣднихъ князьяхъ изъ рода схизматиковъ» и что его показанія по данному вопросу вполнѣ согласны съ тѣми выводами, къ которымъ мы пришли на основаніи грамотъ Юрія II. Однако извѣстіе короля Владислава можно, до извѣстной степени, согласовать съ разсказомъ Стрыйковскаго, который почерпнулъ его, какъ это послѣ обнаружилось, изъ русско-литовской лѣтописи Быховца, составленной, правда, только въ XVI столѣтіи но несомнѣнно, на основаніи болѣе древнихъ письменныхъ памятниковъ [9]). Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что извѣстіе названной лѣтописи, будто бы земли Романовичей присоединены къ Литвѣ еще Гедиминомъ, составляетъ лишь выдумку лѣтописца-патріота, который этимъ путемъ хотѣлъ доказать, что историческія права Литвы на Владимірское княжество древнѣе, чѣмъ права Польши, а этотъ вопросъ, какъ извѣстно, составлялъ въ XV вѣкѣ предметъ безконечныхъ споровъ между обоими государствами. Но, признавъ указанное извѣстіе литовско-русской лѣтописи выдумкою ея составителя, тѣмъ самымъ еще не устраняется возможность, что остальная его часть, касающаяся смерти Владимірско-Галичскихъ князей въ борьбѣ съ Гедиминомъ, въ основныхъ своихъ чертахъ вѣрна. Что князья Андрей I и Левъ II дѣйствительно были убиты, это

---

9) Лѣтопись Быховца, стр. 15.

подтверждается слѣдующимъ мѣстомъ письма короля Владислава I къ папѣ: «*погибель* же ихъ причинитъ намъ и землямъ нашимъ со стороны татаръ. . . . несказанное безпокойство»[10]). Въ данномъ вопросѣ имѣетъ весьма важное значеніе и то, что они скончались одновременно[11]). По словамъ Стрыйковскаго, къ сожалѣнію, не называющаго источника, изъ котораго онъ почерпнулъ сообщаемое имъ извѣстіе, предлогъ къ войнѣ подали сами Галичско-Владимірскіе князья, занявъ, во время войны Гедимина съ Орденомъ изъ за Жмуди, города: Берестье, Дрогичинъ, Мельникъ, Бѣльскъ и вообще всю страну, извѣстную подъ именемъ Подляхіи, изъ-за которой — какъ это извѣстно по другимъ источникамъ — ихъ предки еще раньше вели войны съ Литовцами[12]). Когда именно Гедиминъ обратилъ свое оружіе противъ Галичско-Владимірскихъ князей, въ лѣтописи Быховца точно не сказано, а замѣчено только, что это произошло послѣ удачной защиты Жмуди противъ Нѣмцевъ, которые, по свидѣтельству прусскаго лѣтописца, Петра Дюсбурга, современника описываемыхъ имъ событій, потерпѣли отъ Литовцевъ рѣшительное пораженіе 13 іюля 1320 года[13]). На этомъ основаніи Стрыйковскій отнесъ смерть Андрея I и взятіе Владиміра Волынскаго къ тому же 1320 году, а смерть

10) См. примѣчаніе 5.

11) Каро и Шараневичъ предполагаютъ, что Левъ II скончался ранѣе 1320 года, такъ какъ къ этому году относится грамота, которою торунскимъ купцамъ предоставлены извѣстныя торговыя льготы и которая составлена отъ имени лишь одного Андрея. Названные историки не обратили однако вниманія на то, что Андрей употребляетъ въ ней титулъ: «Dei gratia Dux Ladimiriae et Dominus Russiae», изъ чего вполнѣ основательно можно заключить, что оба брата, княжившіе первоначально вмѣстѣ, впослѣдствіи подѣлились наслѣдствомъ, причемъ Левъ II, какъ младшій, получилъ Галичъ и потому не участвовалъ въ договорахъ, непосредственно не касавшихся его территоріи. Названная грамота не можетъ служить доказательствомъ въ пользу мнѣнія, что Левъ II скончался раньше 1320 г. Наоборотъ, пропускъ Галича въ титулѣ Андрея свидѣтельствуетъ скорѣе о вѣрности противоположнаго мнѣнія, какъ на это вполнѣ основательно указалъ уже Зубрицкій, III, стр. 250. О другомъ мнѣніи см. Шараневичъ, стр. 137 и Каро, II, стр. 228, примѣчаніе 1.

12) Зубрицкій III. 210, 211. Шараневичъ, стр. 110. 127.

13) Ss. rr. pruss. I. 185. Peter de Dusburg, Chronicon terre Prussie.

Льва II — къ слѣдующему, 1321. Но тутъ онъ положительно разошелся съ истиной, такъ какъ грамота Андрея I, которою подтверждены торунскимъ купцамъ извѣстныя торговыя привилегіи, была составлена въ день св. Руфа, т. е. 28 ноября 1320 года, и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Андрей въ то время еще спокойно княжилъ во Владимірѣ. Точно также мало представляется вѣроятнымъ, чтобы Гедиминъ, только что окончившій продолжительную и упорную войну съ Орденомъ, тотчасъ же рѣшился вступить въ борьбу съ могущественнымъ Владимірскимъ княземъ. Напротивъ, гораздо вѣроятнѣе, что онъ послѣдніе мѣсяцы 1320 года употребилъ на дѣятельныя приготовленія къ новому походу. Но долго медлить онъ не могъ. Пораженіе Тевтонскихъ рыцарей въ Жмуди, по всей вѣроятности, имѣло слѣдствіемъ распаденіе политическаго союза между Орденомъ и Владимірско-Галичскими князьями, союза, основаннаго на договорѣ 1316 года, такъ что его участники продолжали состоять лишь въ торговыхъ сношеніяхъ, одинаково выгодныхъ для обѣихъ договаривавшихся сторонъ. Этой временной изолированностію Романовичей Гедиминъ долженъ былъ воспользоваться ранѣе, чѣмъ Орденъ успѣлъ оправиться отъ нанесенныхъ ему ударовъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ, можно принять за фактъ, что нападеніе Литовцевъ на князя Андрея I, котораго лѣтопись Быховца ошибочно называетъ Владиміромъ, произошло въ 1321 году. Владимірскій князь былъ разбитъ и погибъ въ сраженіи[14]; но Гедиминъ, въ силу выше приведенныхъ нами соображеній, едва-ли овладѣлъ всѣми его землями, какъ это утверждаетъ авторъ лѣтописи Быховца. Гораздо вѣроятнѣе, что къ Литвѣ была присоединена лишь спорная Брест-

14) Y wpokoiwszy zemlu Żomoyckuiu ot Nemcow, y poszoł na kniazi Ruskija, y pryde napered k horodu Wołodymiru, y Kniaż Wołodymir Wołodymerski sobrawszysia z ludmi swoimi, y wczyni boy lut, z kniazem welikim Gidyminom. Y pomože Boh welikomu kniaziu Gidyminu, iż kniazia Wołodymera Wołodymerskogo samoho wbił i rat' ieho wsiu pobił i horod Wołodymir wozmet. Kronika Litewska, стр. 15.—Антоновичъ I, стр. 53.

ская область, такъ какъ ею, послѣ смерти Гедимина, владѣетъ Кейстутъ [14]) (хотя при Юріѣ II Литва уже больше не воевала съ Владимірскимъ княжествомъ и тѣмъ самымъ границы обоихъ государствъ остались безъ перемѣны), тогда какъ всѣ Волынскія земли, въ силу завѣщанія послѣдняго изъ тамошнихъ князей, отошли къ другому Гедиминовичу — къ Любарту [15]). Впрочемъ не слѣдуетъ думать, что Литовскій князь удовольствовался этимъ частичнымъ успѣхомъ. По словамъ лѣтописи Быховца, Гедиминъ, распустивъ войско, провелъ зиму въ Брестѣ, дѣятельно приготовляясь къ новому походу, цѣль коего состояла въ окончательномъ покореніи земель Романовичей. И дѣйствительно, въ слѣдующемъ 1322 году онъ напалъ на Льва II и, не смотря на то, что у послѣдняго были вспомогательные татарскіе отряды, нанесъ ему совершенное пораженіе, такъ что и самъ Левъ II и многіе русскіе князья погибли на полѣ битвы [16]). Но дальнѣйшій разсказъ лѣтописи Быховца, будто бы Гедиминъ послѣ этой побѣды раздвинулъ границы своихъ владѣній за Кіевъ — опять-таки есть нечто иное, какъ выдумка литовскаго патріота, ибо

---

[14]) Rex nihil juris habiturus unquam in Kiejstuti arces in Brest, Kamenica, Drohiczyn, Mielnik, Bielsko. Отрывокъ изъ грамоты хранящейся въ Польскомъ Коронномъ Архивѣ и относимой къ 1366 году. Ее читалъ и воспользовался ею Нарушевичъ, IX, стр. 247, примѣч. 1; Антоновичъ, стр. 53, примѣчаніе 1.

[15]) — a Liubarta prinial Wolodimirskij kniaź k dočeri, na Wolodimer i w Lucesk i na wsu zemliu Wolynskuju. См. Daniłowicz, Latopisiec wielkich kniaziow litewskich, стр. 27.

[16]) Boleslao, filio Troyden ducis Mazoviae, quem Rutheni unanimiter sibi in ducem et dominum susceperant, per toxicum intercepto, qui legem et fidem ipsorum immutare nitebatur, Lubardus filius Gedimini ducis Lithuanorum eundem ducatum Russiae possidebat. Bielowski, Mon. Pol. hist. II, стр. 629. Joannis de Czarnkow Chronicon Polonorum. У [illegible]. Anonymus Gnesnensis.

[17]) — a potom na zimu szoł do Berestia, wsi wojska swoi rozpustył, a sam w Berestiu zimował, y skoro welik den minuł, y on sobrawszy wsi swoi siły, Litowskii, Żomojtskii i Ruskii, y na druhoy nedeli po welice dni, poyde na kniazia Stanisława Kijewskoho, [illegible] y wzywszy boy y secza welikaia, y pomoże Boh welikomu kniaziu Gedyminu, pobiet wsich kniazey Ruskich na hołowu y wojsko ich wse pobito [illegible] zostało, y kniazia Lwa Luckoho [illegible] wbił. Лѣтопись Быховца, стр. 13. Антоновичъ, стр. 53.

Кіевъ, какъ это лучше другихъ доказалъ г. Антоновичъ [18]), еще долгое время управлялся русскими князьями, признававшими надъ собою верховную власть татаръ. Почему Гедиминъ не воспользовался смертью Романовичей и не завладѣлъ ихъ землями, это естественнымъ образомъ объясняется тѣмъ, что въ томъ же 1322 году Тевтонскіе рыцари, послѣ двухлѣтняго перемирія, вторглись съ сѣверо-запада въ его собственныя земли, вслѣдствіе чего онъ былъ вынужденъ направить въ эту сторону всѣ свои военныя силы; а такъ какъ война съ Орденомъ затянулась [19]), то во владѣніяхъ Романовичей успѣло утвердиться новое правительство. Этимъ выводамъ, основаннымъ на лѣтописи Быховца, ни мало не противорѣчитъ письмо короля Владислава (отъ 21 іюля 1324) къ папѣ Іоанну XXII, ибо мы раньше уже доказали, что вступленію Юрія II на престолъ предшествовалъ болѣе или менѣе продолжительный періодъ безначалія и потому мы можемъ безъ колебаній отнести смерть Андрея I къ 1321, а Льва II — къ слѣдующему 1322 году.

И такъ, мы достаточно ясно показали, что Андрей I и Левъ II были послѣдними Романовичами на Галичско-Владимірскомъ столѣ; теперь же мы приступимъ къ рѣшенію вопроса о происхожденіи ихъ преемника Юрія II.

Папа Іоаннъ XXII, въ письмѣ отъ 16 іюля 1327 года, убѣждаетъ какого-то Болеслава, котораго онъ именуетъ *русскимъ* княземъ, стоять твердо при своемъ намѣреніи перейти изъ право-

---

18) Антоновичъ. Очеркъ исторіи Великаго княжества Литовскаго. I, стр. 52—65.

19) Ss. rr. pruss. I. Petrus de Dusburg, Chron. terre Prussie, стр. 186 и слѣд. То обстоятельство, что папа въ письмахъ 1325 года даровалъ индульгенціи не только участникамъ похода противъ схисматиковъ и татаръ, но и противъ *язычниковъ*, повидимому даетъ право думать, что отдѣльные литовскіе отряды, даже послѣ удаленія главныхъ силъ Гедимина, продолжали опустошать Галичское княжество. А изъ этого опять можно заключить, что Юрій II—столь энергично принявшійся за управленіе государствомъ, что въ 1327 году могъ предложить Тевтонскимъ рыцарямъ свою защиту противъ татаръ,—въ началѣ 1325 года еще не сидѣлъ на княжескомъ столѣ.

славія въ лоно католической церкви [20]). Вопросъ о томъ, кого слѣдуетъ понимать подъ этимъ Болеславомъ, не возбуждаетъ никакихъ споровъ: это старшій сынъ Черскаго князя Тройдена, какъ это видно изъ другаго письма папы, которое въ тотъ же день было отправлено къ королю Владиславу I и въ которомъ упомянутый Болеславъ названъ его правнукомъ [21]). Это тотъ Болеславъ Тройденовичъ, который, въ силу господствующаго мнѣнія, занялъ престолъ послѣ смерти Юрія II. Почему папа назвалъ его русскимъ княземъ, Карамзинъ объяснялъ тѣмъ, что онъ, какъ потомокъ Романовичей по женской линіи, владѣлъ какимъ нибудь удѣльнымъ княжествомъ на Руси [22]). Гдѣ находился этотъ удѣлъ, объ этомъ Карамзинъ не сообщаетъ ничего опредѣленнаго, за то Каро категорически утверждаетъ, что это было Галичское княжество, но онъ ничѣмъ не подкрѣпляетъ своего мнѣнія, ибо письмо папы 1327 года, на которое онъ ссылается, не даетъ вѣдь никакого основанія для подобнаго вывода [23]). Пол-

---

[20]) Ср. Theiner, Mon. Pol. I. № 354. p. 299. Въ папскомъ письмѣ вмѣсто Boleslaus написано Bole laus, что слѣдуетъ объяснять не иначе какъ опискою [illegible].

[21]) Theiner, Mon. Pol. I, стр. 299 № 353; Тургеневъ. Hist. Russie Mon. I. стр. 111.

[22]) Ср. Карамзинъ, Исторія Госуд. Росс., IV, стр. 199, примѣч. 329.

[23]) Каро высказалъ это смѣлое предположеніе подъ вліяніемъ своего [illegible] мнѣнія о Юріѣ II. Онъ представляетъ себѣ его несовер[illegible] и по этой причинѣ за него будто бы должны были управлять [illegible] заботились больше о своихъ, чѣмъ о княжескихъ интересахъ, [illegible] однако сохранить за нимъ все отцовское наслѣдіе. Такъ, по ихъ [illegible] Холмъ и Белзъ, которыми завладѣлъ Любартъ Гедиминовичъ, [illegible] отъ князя Андрея въ качествѣ приданнаго городъ Луцкъ. [illegible] Каро, правители были въ состояніи воспрепятствовать [illegible] которого, послѣ неудавшейся кандидатуры Генриха [illegible] 1327 году) Болеславъ Тройденовичъ, и то при [illegible] какъ онъ былъ женатъ на дочери Гедимина. О сла[illegible] Каро, свидѣтельствуетъ то, что онъ четыре раза [illegible] въ своей дружбѣ, желая торговлей съ нѣмецкими [illegible] упавшее благосостояніе своей страны. Что [illegible]денивича, то Каро зналъ о его происхожденіи отъ [illegible] потому онъ не съумѣлъ иначе себѣ объяснить [illegible] въ томъ смыслѣ, что названный князь, оста-

нѣйшая несостоятельность подобныхъ догадокъ доказывается извѣстными грамотами Юрія II, а особенно двумя послѣдними, въ которыхъ совѣтниками князя въ числѣ другихъ вельможъ упоминаются: Ходоръ (Θеодоръ), епископъ *Галичскій*, Михаилъ Елезаровичъ, воевода *Белзскій*, Грычко (Григорій) Коссачовичъ, воевода *Перемышльскій*, Борисъ Кракула, воевода *Львовскій* и Отекъ воевода *Луцкій*. Изъ приведеннаго перечня ясно, что всѣ важнѣйшіе города, служившіе при первыхъ Романовичахъ мѣстомъ пребыванія для удѣльныхъ князей, находились въ 1334 и 1335 годахъ подъ властью Владимірскаго князя. Въ числѣ ихъ не поименованъ только городъ Берестье, но онъ, какъ это намъ уже извѣстно, находился въ рукахъ Литовцевъ. Поэтому, если папа называлъ Болеслава Тройденовича русскимъ княземъ, то онъ это сдѣлалъ на основаніи болѣе вѣскихъ доводовъ чѣмъ тѣ, которыми обставляютъ свое мнѣніе Карамзинъ и Каро.

Болеславъ Тройденовичъ, будучи сыномъ католическаго отца, былъ, безъ сомнѣнія, подобно двумъ младшимъ братьямъ

ваясь католикомъ послѣ занятія Галичскаго стола, хотѣлъ обратить въ католичество также своихъ подданныхъ и въ этомъ смыслѣ писалъ папѣ, но тотъ будто бы его не понялъ, думая, что самъ князь исповѣдывалъ православіе и что онъ желаетъ принять католичество. Этимъ то недоразумѣніемъ и обусловлены несообразности замѣчаемыя въ письмѣ папы. Вотъ сущность мнѣнія Каро. Что онъ неосновательно изображаетъ Юрія II несовершеннолѣтнимъ, видно изъ того, что̀ мы выше сказали объ этомъ князѣ; а что ни Болеславъ Тройденовичъ, ни Любартъ Гедиминовичъ не владѣли тѣми городами, которыми ихъ надѣляетъ Каро, это съ достаточной ясностью будетъ показано нами въ другомъ мѣстѣ нашего изслѣдованія. Просто смѣшнымъ является мнѣніе Каро касательно отношеній Юрія II къ Ордену Тевтонскихъ рыцарей. Вѣдь не кто нибудь другой, а именно Юрій обѣщалъ Ордену защиту отъ татаръ и другихъ враговъ, и изъ этого лучше всего видно, кто въ комъ больше нуждался. Но особенно нелѣпо извращеніе яснаго содержанія обоихъ папскихъ писемъ (1327 года) касательно перехода Болеслава Тройденовича въ католичество; если такимъ образомъ обращаться съ памятниками, то въ исторіи можно доказать все, что только угодно. Изъ сказаннаго ясно, что Каро меньше всего имѣлъ право упрекать Карамзина за то, что его описаніе Юрія II «черезвычайно сбивчиво». См. Caro, Geschichte Polens II; стр. 223—227.

князь воспитанъ въ ученіи западной церкви и перешелъ въ православіе уже въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, какъ это можно заключить изъ письма папы къ королю Владиславу Локетку, въ которомъ онъ проситъ польскаго короля, чтобъ тотъ своими отеческими увѣщеваніями содѣйствовалъ *возсоединенію* Болеслава Тройденовича съ католическою церковью[24]). Такъ какъ оба младшіе Тройденовичи въ теченіи всей жизни оставались вѣрными католицизму, то есть основаніе думать, что переходъ Болеслава въ православіе имѣлъ мѣсто не въ Черскѣ, а безъ сомнѣнія при дворѣ православныхъ Галицко-Владимірскихъ князей, съ которыми онъ по матери состоялъ въ родствѣ и изъ которыхъ послѣдній приходился ему дядей[25]). На этотъ важный въ то время шагъ Болеславъ по видимому рѣшился не въ силу внутренняго убѣжденія — въ противномъ случаѣ онъ не перешелъ бы опять въ католицизмъ, которому онъ, будучи русскимъ княземъ, служилъ столь усердно, что этимъ возбудилъ противъ себя всѣхъ своихъ православныхъ подданныхъ — но его побудили къ тому какія-то другія причины, какія-то личныя выгоды, достиженіе коихъ для него, какъ для католика, было дѣломъ невозможнымъ: *онъ имѣлъ въ виду наслѣдство Романовичей*. Быть можетъ, въ данномъ случаѣ онъ былъ вынужденъ исполнить волю послѣдняго князя, которому онъ долженъ былъ наслѣдовать, или же просто хотѣлъ во время

---

24) Theiner, Mon. Pol. I. 299 № 383... Cum itaque... nobilis vir Boleslaus Rusie, pronepos tuus, qui *ex ritus imitatione Grecorum* ab universalis sancte Romane matris ecclesie unione dividitur, spiritum, domino aspirante, conceperit *ad unitatem ipsius ecclesie redeundi*... rogamus Excellentiam Regiam... quatinus prefatum ducem, cui super hoc per alias nostras litteras scribimus, quod relicto huiusmodi ritu erroneo, *redeat* seu veniat in sue salutis premium ad ipsius ecclesie unitatem paternis et salubribus inducere monitis non ommittas.

25) ... et post non multo tempore mortuo magnifico principe Kazimiro (ошибочно вм. Boleslao, какъ это докажемъ ниже) dicto Georgio totius regni Russiae duce, filio Troydini ducis Mazoviae, *qui Kazimirus avunculo suo in ducatu Russiae successerat*, veneno per Ruthenos intoxicatus interierat, Kazimirus и т. д. Bielowski, Mon pol. hist. II, стр. 621. Ioannis de Czarnkow, Chron. Pol. (у Соммерсберга, Anonymus Gnesnensis II, стр. 97). Напечатано также въ Ss. rr. Pruss. II, стр. 716.

расположить въ свою пользу православное населеніе и этимъ путемъ устранить затрудненія, которыя могли при занятіи престола возникнуть для него изъ-за вѣроисповѣданія, не смотря на то, что онъ былъ ближайшимъ родственникомъ угасающаго княжескаго дома. Если Болеславъ Тройденовичъ дѣйствительно въ силу этихъ соображеній принялъ православіе, то онъ, съ своей точки зрѣнія, поступилъ вполнѣ благоразумно. Многіе изъ русскихъ бояръ, по всей вѣроятности, уже тогда, вслѣдствіе частыхъ сношеній съ католическими сосѣдями, относились болѣе чѣмъ равнодушно къ православію, какъ объ этомъ можно судить по той легкости, съ какою они цѣлыми толпами, подъ польскимъ владычествомъ, отрекались отъ вѣры своихъ отцевъ, забывая изъ-за личныхъ выгодъ объ интересахъ цѣлаго народа. Съ этой стороны Болеславъ конечно не встрѣтилъ бы сопротивленія при занятіи престола. Другая часть населенія, т. е. нѣмецкое мѣщанство, принесшее съ собою съ прежней родины ревностную преданность къ католической церкви, безъ сомнѣнія, привѣтствовала бы католическаго князя съ восторгомъ; но значительное большинство жителей крѣпко держалось православія и его-то Болеславъ долженъ былъ склонить на свою сторону подъ страхомъ недостиженія желанной цѣли, ибо оно, со временемъ должно было рѣшить вопросъ объ избраніи новаго князя. И Болеславу дѣйствительно удалось расположить въ свою пользу названное большинство: по достовѣрному извѣстію современника онъ былъ *единогласно* провозглашенъ княземъ, по всей вѣроятности, не смотря на противодѣйствіе католическаго меньшинства[26]). Но православное большинство едва-ли избрало бы его единогласно, еслибъ онъ до того времени обнаружилъ свое желаніе опять возвратиться въ лоно католической церкви, а тѣмъ болѣе, еслибъ онъ осуществилъ

---

26) Post hoc.... Boleslao, filio Troyden, ducis Mazoviae, quem Rutheni *unanimiter* sibi in ducem et dominum susceperunt, per toxicum interempto и т. д. Bielowski Mon. Pol. II, стр. 629. Jan z Czarnkowa, Chron. Polon. Напечатано также въ Ss. rr. Pruss. II, стр. 716.

свое намѣреніе. Изъ письма Іоанна XXII мы знаемъ, что Болеславъ Тройденовичъ обнаружилъ свое намѣреніе еще въ 1327 году; а что онъ его осуществилъ, это доказывается письмомъ папы Бенедикта, отъ 29 іюня 1341, писаннымъ въ Авиньонѣ, изъ каковаго письма явствуетъ, что польскій король Казиміръ указывалъ на возвращеніе въ католицизмъ, какъ на причину смерти Тройденовича, — о чемъ мы еще подробнѣе скажемъ въ своемъ мѣстѣ[27]). То же самое подтверждаютъ современные лѣтописцы Швейцарецъ Іоаннъ Витодуранъ и Іоаннъ изъ Чарнкова. По ихъ словамъ, Болеслава Тройденовича отравили за то, что онъ, будучи католикомъ, старался распространить въ своихъ владѣніяхъ католицизмъ, и этимъ возбудилъ противъ себя русскихъ[28]). Когда именно Болеславъ Тройденовичъ перешелъ изъ православія въ католичество, объ этомъ историческіе источники совершенно умалчиваютъ, но мы вправѣ предположить, что это произошло уже въ 1327 году. Косвеннымъ образомъ это подтверждается показаніемъ Длугоша, который подъ 1331 годомъ разсказываетъ, что «мазовецкій и русскій князь» Болеславъ Тройденовичъ женился въ Плоцкѣ на дочери Гедимина, предварительно крестивъ ее, такъ какъ она была язычницей[29]). То обстоятельство, что невѣста Болеслава приняла христіанство въ мазовецкомъ городѣ Плоцкѣ, а не гдѣ-нибудь на Руси указываетъ на то, что она была крещена по обряду католической церкви, ибо еслибъ она приняла

---

27) Ex oblatae siquidem nobis petitionis ejusdem Regis serie nuper accepimus, quod cum dudum gens scismatica Ruthenorum quondam Boleslaum Ducem Russie, ipsius Regis consanguineum germanum de *fidelibus* procreatum parentibus, veneno impie, ac nonnullos alios *Christi fideles eidem Duci*, dum viveret, obsequentes immaniter occidissent, idem Rex huiusmodi scelus abhorrens и т. д. Theiner, Mon. Pol. I, pag. 433, № 566.

28) Imperator Tartarorum.... procuravit eis Christianum latinum, si illi parcere vellent, ut videret. Qui dum regni gubernacula per plura annorum curricula strenue gessisset, tandem cum numerum et ritum Latinorum illic multiplicasset, et hoc Ruthenis displicuisset, ipsum intoxicabant. Eccardus, Corpus historicum medii aevi I. Iohannis Vitodurani Chronicon, стр. 1862. Qui legem et fidem ipsorum immutare nitebatur. Ioan. de Czarnkow, см. примѣчаніе 26.

29) Длугошъ, изданіе Пржездецкаго III, стр. 146 ad an. 1331.

православіе, то Длугошъ, безъ сомнѣнія, не замедлилъ бы объ этомъ упомянуть. Но если Галичскій князь крестилъ свою невѣсту по католическому обряду, то онъ самъ уже тогда былъ не православнымъ, а католикомъ. А такъ какъ единогласное избраніе Болеслава на престолъ предполагаетъ, что онъ въ то время былъ еще православнымъ, то тѣмъ самымъ слѣдуетъ признать за истину, что *онъ избранъ Галичско-Владимірскимъ княземъ еще до своего возвращенія въ католичество или другими словами раньше 1327*. Если же мы примемъ въ разсчетъ, что онъ могъ рѣшиться на этотъ опасный шагъ только послѣ того, какъ обезпечилъ себя противъ неудовольствія обманутаго православнаго населенія — а точку опоры онъ нашелъ, какъ увидимъ ниже, въ нѣмецкихъ переселенцахъ — и если, сверхъ того, обратимъ вниманіе и на то, что въ подобномъ дѣлѣ періодъ времени въ два или въ три года нельзя назвать слишкомъ продолжительнымъ, то придемъ къ заключенію, что начало его княженія на Руси слѣдуетъ отнести къ концу 1324 или къ началу слѣдующаго года, или другими словами, что онъ былъ преемникомъ Андрея I и Льва II. Что Болеславъ Тройденовичъ дольше занималъ Галичско-Владимірскій столъ, чѣмъ думали Карамзинъ и его послѣдователи, объ этомъ вполнѣ ясно свидѣтельствуетъ Іоаннъ Витодуранъ. Говоря о причинахъ татарскаго набѣга 1341 года на Польшу, онъ въ числѣ другихъ приводитъ и ту, что Болеславъ Тройденовичъ *«послѣ многолѣтняго и счастливаго княженія былъ отравленъ русскими»*; и хотя швейцарскій историкъ не называетъ его по имени, но по всѣмъ обстоятельствамъ видно, что это могъ быть только Болеславъ [30]).

---

30) См. примѣчаніе 28. Впрочемъ Витодуранъ самъ сознается, что ему ничего достовѣрнаго неизвѣстно ни о самомъ нападеніи татаръ на Польшу, ни о причинахъ, обусловившихъ этотъ набѣгъ; но такъ какъ ему довелось слышать объ этомъ событіи противорѣчивые разсказы, то онъ, не желая рѣшать вопроса, который изъ нихъ заслуживаетъ предпочтенія, привелъ ихъ всѣ одинъ за другимъ. То обстоятельство, что въ числѣ причинъ татарскаго набѣга онъ приводитъ отравленіе Болеслава Тройденовича, которое,

И такъ, на основаніи разбора достовѣрныхъ извѣстій о Юріѣ II и Болеславѣ Тройденовичѣ, мы пришли къ убѣжденію, что Юрій II, занявшій Галичско-Владимірскій столъ около 1325 года, былъ потомкомъ Романовичей лишь по женской линіи, при чемъ предшественникъ его Андрей I приходился ему дядей по матери. Далѣе мы показали, что Болеславъ Тройденовичъ вступилъ на престолъ Романовичей также около 1325 года и притомъ тоже послѣ смерти своего дяди, въ виду чего неизбѣженъ тотъ интересный выводъ, что *Юрій II и Болеславъ Тройденовичъ есть одно и тоже лицо*. Дѣло это объясняется крайне просто. Болеславъ Тройденовичъ, при переходѣ въ православіе, принялъ новое имя Юрія и такъ какъ онъ подъ этимъ именемъ вступилъ на Галичско-Владимірскій столъ, то удержалъ его даже послѣ того, какъ вернулся въ лоно католической церкви. Но въ Польшѣ, а особенно въ Плоцкѣ продолжали употреблять его первоначальное имя и оно естественнымъ образомъ перешло въ польскіе историческіе памятники.

Что имена Юрій и Болеславъ Тройденовичъ принадлежали одному и тому же Галичско-Владимірскому князю, прямо вытекаетъ изъ извѣстія Іоанна изъ Чарнкова о походѣ польскаго короля Казиміра на Галичъ, предпринятаго въ 1340 году съ цѣлью

какъ это достовѣрно извѣстно по другимъ источникамъ, было дѣйствительною причиною набѣга, служитъ доказательствомъ, что въ числѣ лицъ отъ которыхъ онъ почерпалъ извѣстія, находилось, по крайней мѣрѣ, одно, хорошо знакомое съ положеніемъ дѣлъ въ Галичско-Владимірской Руси. Витодуранъ самъ разсказываетъ, что два Шваба изъ Гегева (Hegöw), жившіе въ то время по своимъ дѣламъ въ Вѣнѣ при дворѣ австрійскихъ герцоговъ, узнавъ объ притѣсненіяхъ, причиняемыхъ татарами христіанамъ, бросили дѣла и приняли участіе въ крестовомъ походѣ, который предпринялъ противъ татаръ Польскій король Казиміръ Великій. Быть можетъ, что Витодуранъ именно отъ нихъ слышалъ ту часть своего разсказа, которая вѣрною передачею нѣкоторыхъ подробностей, извѣстныхъ по другимъ источникамъ, возбуждаетъ къ себѣ довѣріе; сюда напр. относится разсказъ о побѣдоносномъ отраженіи татарскихъ полчищъ отъ г. Люблина, названіе котораго тоже не приведено. На эту то часть извѣстія Витодурана мы въ данномъ случаѣ и ссылаемся.

отмщенія за насильственную смерть Болеслава Тройденовича. Названный лѣтописецъ разсказываетъ, что походъ былъ предпринятъ «*послѣ смерти знаменитаго князя Казиміра, называемаго Юріемъ, князя всего русскаго королевства*, сына мазовецкаго князя Тройдена, который то Казиміръ наслѣдовалъ русскій княжескій престолъ своему дядѣ» [31]). Имя Казиміръ, употребленное два раза подъ рядъ, находится, правда, во всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ девяти рукописяхъ хроники Чарнковскаго, но оно, повидимому, попало во всѣ списки лишь по ошибкѣ [32]). У мазовецкаго князя Тройдена былъ правда младшій сынъ Казиміръ, но онъ умеръ лишь въ 1354 или въ 1355 году естественною смертью на Плоцкомъ княженіи; здѣсь же рѣчь идетъ о сынѣ Тройдена, отравленномъ на Руси, а таковымъ былъ старшій сынъ названнаго князя, Болеславъ, какъ это вполнѣ достовѣрно извѣстно по другимъ источникамъ. Что въ обоихъ указанныхъ мѣстахъ хроники Чарнковскаго дѣйствительно слѣдуетъ читать Болеславъ вмѣсто Казиміръ, видно, впрочемъ, и изъ другаго мѣста той же хроники, въ которомъ разсказывается о походѣ польскаго короля на Владиміръ, предпринятомъ въ 1349 году. По этому случаю Чарнковскій опять упоминаетъ объ отравленномъ

---

31) См. примѣчаніе 25.—Бѣлёвскій въ Mon. pol. hist. II, стр. 620 (ср. 629) высказалъ догадку о тождествѣ Юрія II съ Болеславомъ Тройденовичемъ; но онъ ограничился приведеніемъ такихъ доказательствъ, которыя мало убѣдительны если не принять въ разсчетъ слѣдствій, вытекающихъ по данному вопросу изъ грамотъ Юрія II.

32) Бѣлёвскій объясняетъ эту замѣну именъ ошибкою переписчика (II, стр. 620), такъ какъ подлинникъ названной хроники до насъ не дошелъ; мы сомнѣваемся въ правильности подобнаго объясненія. Прежде всего представляется весьма мало вѣроятнымъ, чтобы переписчикъ вмѣсто Boleslaus прочелъ Kazimirus — хотя оба имени передаются одинаковымъ числомъ буквъ. По тогдашней графикѣ въ серединѣ перваго слова находились три высокихъ буквы (*l*, *s*, *l*), тогда какъ во второмъ нѣтъ ни одной, но за то имѣется глубокое (*z*), такъ что ошибка является просто невозможной. Во вторыхъ слово Kazimirus вм. Boleslaus употреблено во второй разъ одиннадцатью словами ниже въ томъ же самомъ періодѣ, а потому мало-мальски внимательный писецъ замѣтилъ бы сдѣланную ошибку, еслибъ онъ дѣйствительно ее сдѣлалъ при списываніи перваго имени. Наконецъ намъ кажется страннымъ

сынѣ Тройдена и правильно называетъ его Болеславомъ [33]). Поэтому не можетъ быть никакого сомнѣнія, *что Болеславъ Тройденовичъ носилъ также имя Юрія и этимъ вопросъ о происхожденіи Юрія II рѣшенъ окончательно.*

Только теперь мы можемъ приступить къ разсмотрѣнію во-

что указанная ошибка находится вовсѣхъ девяти дошедшихъ до насъ спискахъ хроники Чарнковскаго, что можно бы объяснить только тѣмъ, что ошибка вкралась въ одну изъ первыхъ копій, а оригиналъ утерянъ вскорѣ послѣ смерти автора, такъ что всѣ сохранившіеся экземпляры скопированы съ ошибочнаго списка. Но такой странный случай врядъ-ли возможенъ, такъ какъ по изслѣдованіямъ Шляхтовскаго нѣкоторые изъ сохранившихся списковъ носятъ на себѣ ясные слѣды того, что они окончены или, по крайней мѣрѣ, начаты — для насъ важно именно начало — уже въ концѣ XIV столѣтія, такъ что весьма правдоподобно, что по крайней мѣрѣ одинъ изъ нихъ изготовленъ при жизни автора или по меньшей мѣрѣ на основаніи подлинника. Если принять въ разсчетъ всѣ эти обстоятельства, то придется приписать указанную ошибку самому составителю хроники. Какъ это могло случиться — мы объясняемъ себѣ слѣдующимъ образомъ. Хроника Іоанна изъ Чарнкова дѣлается болѣе подробною лишь въ годъ смерти Казиміра Великаго, изъ чего можно заключить, что съ этого времени авторъ сталъ записывать событія по горячимъ слѣдамъ, тогда какъ предыдущія происшествія онъ разсказалъ на память, которая въ данномъ случаѣ ему измѣнила. Зная, что отравленный русскій князь Юрій былъ сыномъ Тройдена, онъ спуталъ его первоначальное имя Болеславъ съ именемъ его младшаго брата Казиміра, скончавшагося уже въ 1355 году, такъ что память о немъ въ 1370 году, когда Чарнковскій сталъ писать, какъ очевидецъ, уже успѣла вполнѣ изчезнуть, а лѣтописецъ могъ ошибочно думать, что у Тройдена были только два сына: Семовитъ, бывшій въ живыхъ еще послѣ 1355 года и Юрій русскій, котораго онъ назвалъ Казиміромъ по той причинѣ, что ему чаще доводилось слышать имя *Юрій*. Противъ этого объясненія — какимъ образомъ замѣна одного имени другимъ могла исходить отъ самого составителя хроники—можно сдѣлать одно, весьма существенное возраженіе: въ дальнѣйшемъ разсказѣ Чарнковскаго опять упоминается объ отравленномъ Тройденовичѣ, но здѣсь онъ уже названъ Болеславомъ. Возраженіе это, однако, теряетъ свою силу, если обратить вниманіе на то, что въ обоихъ лучшихъ спискахъ хроники этого имени нѣтъ совсѣмъ, а рѣчь идетъ лишь о сынѣ Тройдена, изъ чего можно заключить, что его не было и въ подлинникѣ и что оно занесено въ нѣкоторые списки переписчикомъ, который, быть можетъ, былъ уроженцемъ Мазовіи и зналъ о немъ по другимъ источникамъ. Почему нѣсколько выше онъ оставилъ имя Казиміръ, можно объяснить тѣмъ, что онъ, пожалуй, не обратилъ вниманіе на взаимную связь обоихъ мѣстъ и вписалъ имя лишь тамъ, гдѣ оно было пропущено.

[33]) примѣчаніе 26.

проса, почему именно Болеславъ Тройденовичъ наслѣдовалъ Романовичамъ и не было ли претендентовъ, имѣвшихъ болѣе близкія права на Галичско-Владимірскій столъ. Въ виду родства мазовецкаго князя съ послѣдними Романовичами отвѣтъ на этотъ вопросъ, казалось бы, долженъ быть простъ; но онъ усложняется вслѣдствіе догадки нѣкоторыхъ изслѣдователей, во главѣ коихъ стоятъ Зубрицкій и Стадницкій, будто Андрей I и Левъ II не были послѣдними мужскими потомками рода Романа, такъ какъ будто бы еще долгое время послѣ ихъ смерти упоминаются мужскіе потомки одной побочной линіи этого рода. Эта догадка кажется тѣмъ основательнѣе, что она опирается на одну грамоту.

Въ описаніи рукописей Румянцовскаго музея находится вкладная запись 1376, которою «князь Юрій Холмскій, сынъ Даніила Холмскаго» послѣ смерти сына своего Семена подарилъ церкви во имя Пречистой Богоматери нѣсколько деревень, расположенныхъ по обоимъ берегамъ Буга[34]). Зубрицкій утверждаетъ, что этотъ Юрій Даниловичъ Холмскій есть сынъ Даніила Мстиславича, про котораго Ипатьевская лѣтопись говоритъ, что онъ въ 1280 году долженъ былъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ Мстиславомъ Даниловичемъ принять участіе въ татарскомъ набѣгѣ на Польшу[35]). Почему Юрій Даниловичъ называетъ себя лишь Холмскимъ княземъ, въ то время какъ дѣдъ его Мстиславъ Даниловичъ владѣлъ сначала Луцкомъ, а затѣмъ, послѣ смерти своего двоюроднаго брата Владиміра Васильковича, всѣмъ Владимірскимъ княжествомъ, Зубрицкій объясняетъ тѣмъ, что отецъ

---

34) Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцовскаго музеума, составленное Александромъ Востоковымъ, стр. 174. Въ имя Отца и Сына и Святаго Духа се я князъ Юріа Холмъскии сынъ Даниліа Холмскаго по смерти сына моіего князя Семена придали іесмо къ церкви Божой Пречистои Богоматери и т. д. Напечатано также у Зубрицкаго III, стр. 266, прим. 249 и Стадницкаго въ III т. Rozpraw Akad. Um. w Krakowie, стр. 12.

35) ... и тако поидоша: Левъ радъ поиде с Татары и со сыномъ своимъ Юрьемъ, а Мьстиславъ и Володимеръ, сынъ Мьстиславль Данило, поидоша неволею Татарскою. Полное собраніе рус. лѣтописей II. 3. Ипатьевская лѣтопись, стр. 208. Что у Даніила Мстиславича былъ сынъ, объ этомъ нигдѣ ничего не сказано.

его, Даніилъ Мстиславичъ, рано умеръ, оставивъ малолѣтняго сына, чѣмъ воспользовался тогдашній Галичскій князь — Левъ I или Юрій I — и отнялъ у него Владиміръ, вслѣдствіе чего получилъ возможность называть себя княземъ всея Руси; Юрій же Даниловичъ, достигнувъ зрѣлыхъ лѣтъ, получилъ въ видѣ вознагражденія одинъ Холмъ, съ которымъ всегда былъ соединенъ и Белзъ. По мнѣнію Зубрицкаго, *Юрій Даниловичъ Холмскій это тотъ же Юрій Белзскій, который во второй половинѣ XIV столѣтія неоднократно выступаетъ въ немаловажной роли на поприщѣ Галичско-Владимірской исторіи*[36]). Но уже Стадницкій пришелъ къ убѣжденію, что Зубрицкій въ данномъ вопросѣ хватилъ черезъ край, такъ какъ нѣкоторыя современныя историческія извѣстія называютъ упомянутаго Юрія Белзскаго сыномъ Наримунта Гедиминовича. Тѣмъ не менѣе, желая, по крайней мѣрѣ, отчасти отстоять догадку Зубрицкаго, онъ пытался доказать, что слѣдуетъ различать двухъ Юріевъ Белзскихъ: Юрія Наримунтовича, одного изъ внуковъ великаго Литовскаго князя Гедимина и Юрія Даниловича, правнука Галичскаго короля Даніила[37]). Но и это мнѣніе, какъ это будетъ показано ниже, не выдерживаетъ исторической критики.

По словамъ Ипатьевской лѣтописи, приведеннымъ нами выше, Даніилъ Мстиславичъ, мнимый отецъ Юрія Холмскаго, долженъ былъ въ 1280 году принять участіе въ набѣгѣ татаръ на Польшу, а въ виду этого мы въ правѣ утверждать, что онъ уже не былъ ребенкомъ, если могъ подвергнуться лишеніямъ военной жизни. Если ему было, во время этого похода, только двадцать лѣтъ, то все же его мнимый сынъ могъ родиться не позже какъ между 1310 и 1320 годами, если вообще допустить, что самъ Даніилъ Мстиславичъ въ то время былъ еще въ живыхъ. Но въ дѣйствительности онъ, кажется, скончался въ княженіе Юрія I, потому что

---

36) Зубрицкій III, стр. 267 въ примѣчаніи.

37) Rozprawy i sprawozd. Akad. Umiejęt. w Krakowie. T. III, стр. 1—75. Kazimierz hr. Stadnicki: Synowie Gedymina.

этотъ послѣдній на своей печати называетъ себя Русскимъ королемъ и Владимірскимъ княземъ [38]), что едва-ли могло случиться при жизни Даніила Мстиславича, ибо онъ навѣрно не позволилъ бы отнять у себя наслѣдіе своего отца — Владимірское княжество. А такъ какъ въ 1316 году Юрій I уже не былъ въ живыхъ [39]), то смерть Даніила Мстиславича, а тѣмъ самымъ и рожденіе его мнимаго сына, Юрія Холмскаго, мы можемъ въ крайнемъ случаѣ отнести къ 1315 году. Если и допустить эту крайнюю возможность, то вѣдь Юрій Даниловичъ еще въ княженіе Юрія II долженъ былъ достигнуть такого возраста, что могъ вступить въ самоличное управленіе землями, выдѣленными ему въ видѣ вознагражденія за отнятое у него отцовское наслѣдіе. Но это однако не случилось: Юрій Даниловичъ не выступаетъ въ качествѣ удѣльнаго Белзскаго и Холмскаго князя ни при жизни Юрія II, ни въ теченіи первыхъ четырехъ десятилѣтій послѣ его смерти, — какъ это будетъ нами доказано на основаніи достовѣрнаго свидѣтельства грамотъ.

Въ послѣдней грамотѣ Юрія II, на которую мы уже не разъ ссылались, упоминается въ числѣ другихъ княжескихъ совѣтниковъ *Михаилъ Елезаровичъ, воевода Белзскій*, а это даетъ намъ полное право утверждать, что въ 1335 году Белзъ непосредственно входилъ въ составъ владѣній Владимірскаго князя и тѣмъ

---

38) Печать эта прикрѣплена къ грамотѣ Андрея I и Льва II 1316 года. На одной сторонѣ находится изображеніе Юрія съ короной на головѣ и жезломъ въ правой рукѣ; кругомъ читается надпись: Domini Georgi Regis Russiae. На другой сторонѣ изображенъ всадникъ въ латахъ со щитомъ и знаменемъ въ рукѣ, а кругомъ него надпись: Domini Georgi Principis Ladimeriae. См. Карамзинъ въ прибавленіяхъ, IV, стр. 132, примѣчаніе 204.

39) 1316 годъ принимается за годъ смерти Юрія I, на основаніи грамоты Андрея I и Льва II, помѣченной тѣмъ же годомъ. На дѣлѣ, однако, кажется, что Юрій I скончался еще раньше, ибо король Владиславъ Локетокъ пятью грамотами, данными 26-го іюня 1315 года въ Краковѣ, обязуется быть вѣрнымъ союзникомъ королей датскаго, норвежскаго и шведскаго и князей руянскаго, мекленбургскаго и вендскаго противъ маркграфа брандембургскаго и обязательство это онъ принимаетъ на себя и за *своихъ внуковъ, князей, русскихъ*, имѣя очевидно въ виду Андрея I и Льва II. Описаніе Румянцовскаго музеума, стр. 801.

самымъ не могъ быть удѣломъ Юрія Даниловича. А такъ какъ до этого времени Холмъ обыкновенно составлялъ съ Белзомъ одно цѣлое, то мы имѣемъ полное основаніе предполагать, что и тамъ не было никакого удѣльнаго князя, объ чемъ будетъ подробнѣе сказано въ другомъ мѣстѣ нашего изслѣдованія.

Среди войнъ, возникшихъ между Польшей и Литвой послѣ смерти послѣдняго самостоятельнаго князя Владиміро-Волынскихъ земель изъ-за вопроса о наслѣдствѣ, обѣ борющіяся стороны, истощенныя продолжительной борьбой, заключили двухлѣтнее перемиріе[40]). Въ договорной грамотѣ — годъ ея составленія не обозначенъ — съ обѣихъ сторонъ приведены поименно не только всѣ князья, но и всѣ земли, которыхъ заключенный договоръ касался и въ числѣ этихъ послѣднихъ находится также Белзъ и Холмъ, но въ перечнѣ князей имя Юрія Даниловича отсутствуетъ. Это замѣтилъ уже Стадницкій, но онъ, игнорируя слѣдствія, вытекающія изъ этого факта, старался доказать, что Юрій Даниловичъ, въ качествѣ Белзскаго князя, впервые выступаетъ на историческомъ поприщѣ лишь послѣ заключенія упомянутаго договора между Литвой и Польшей. Вотъ подлинныя слова Стадницкаго: «Итакъ, (когда происходили переговоры о заклю-

---

40) Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи I, стр. 1: Вѣдаи то каждый ч҃лвкъ. кто на тый листъ посмотрить. оже ы кнѧзь еоунутии, и кистютий, и любартъ, юрьий наримонътовичъ, юрьий корьытовичъ. чинимы миръ твердыи. ис королемь Казимиромъ польскымъ и сомовитомъ и съ его братомъ Казимиромъ мазовъскымъ, и съ его землѣми, краковьскою и судомирьскою, сирѧзьскою, куывьскою, лучичъскою, добрыньскою, *плотьскою*, мазовъскою, люблиньскою, сетѣховьскою, и со львовьскою. а за великого кнѧзѧ олькѣрта и за корьыта и за патрикиіа, и за ихъ сыны, мы ислюбꙋемъ, тотъ миръ держати вѣлми твердо, безо всѧкоѣхитрости. не заимати намъ королевы землѣ, ни его людий што его слухають, королеви держати лвовьскую землю исполна, а намъ держати володимѣрьскую, луцкую, белзьскую, холмьскую, берестиискую исполна жь. а миръ ѿ покрова бц҃ѣ до ивана дне до купалъ, а ѿ иванѧ дне за в҃. лѣтъ, а городовъ оу руской зе҃мли новыхъ не ставити, ни сожьженого не рубити, доколѧ миръ стоитъ, за в҃. лѣтъ. а кремѧнець держати юрью наримонътовичю ѿ кнѧзий литовьскыхъ, и ѿ короля за в҃. лѣтъ... а про любартово ытъство, хочемъ его поставити на судѣ передъ паны оугорьскими и т. д.—Нарушевичъ относитъ этотъ договоръ къ 1349 году (IX, стр. 74, примѣчаніе 1). Шуйскій, Hist. polski, стр. 71 къ 1352 году.

ченіи этого мира) онъ былъ лишенъ своего наслѣдства, хотя могъ тамъ (въ Белзѣ) проживать и, безъ сомнѣнія, проживалъ. Но онъ лишился его не на всегда. У него неожиданно явился покровитель. Въ 1349 г. король Казиміръ совершилъ первый походъ на Волынскія земли. Хроника Іоанна изъ Чарнкова, гнѣзненскаго архидіакона, гласитъ, что король завоевалъ всю эту страну и только за Любартомъ оставилъ городъ Луцкъ съ его округомъ. Длугошъ, ухватившись за это извѣстіе своего предшественника, заставляетъ короля, вопреки всякой логикѣ, начать походъ занятіемъ отдаленнаго Луцка, оставляя въ тылу у себя *Владиміръ* и другіе прибужскіе города, занятые литовскими гарнизонами. Но имѣя въ рукахъ источники, до насъ не дошедшіе, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ, что когда король овладѣлъ Холмомъ, послѣднимъ пунктомъ, занятымъ имъ во время этого похода, къ нему явились прежніе русскіе князья, у которыхъ Любартъ отнялъ ихъ владѣнія — ejectis antiquis Russiae principibus, какъ онъ (Длугошъ) выразился раньше. Уже одно упоминаніе о прибытіи русскихъ князей въ этомъ мѣстѣ, то есть послѣ описанія покоренія Холма, указываетъ на то, что между ними находился также князь Белзскій и Холмскій; былъ ли это однако Даніилъ Мстиславичъ, или же его сынъ Юрій Даниловичъ — за неимѣніемъ источниковъ рѣшить трудно. Король, принявъ отъ лишенныхъ своихъ владѣній князей ленную присягу, возвратилъ имъ отнятыя у нихъ земли. Въ этомъ поступкѣ было много великодушія, но былъ и разсчетъ: король этимъ путемъ хотѣлъ привязать къ себѣ прежнихъ владѣтелей этихъ земель, которыхъ населеніе любило, какъ природныхъ князей своихъ, и, противоставляя ихъ Литвѣ, дать имъ понять, что только въ Польшѣ они могутъ найти опору и гарантію дальнѣйшаго существованія. Но едва прошелъ годъ, какъ перевѣсъ опять склонился на сторону Литвы. Волынь, земля Холмская и Белзская были отвоеваны у короля. Если можно допустить, что недавній вассалъ короля, князь Белзскій могъ, подъ давленіемъ обстоятельствъ и оставленный безъ всякой поддержки, перемѣнить знамя, измѣнить

королю и покориться Литвѣ, дабы удержать за собою отцовское наслѣдіе, то съ другой стороны является невозможнымъ предположеніе, чтобъ Ольгердъ, Кейстутъ, а особенно Любартъ, котораго это ближе всего касалось, будучи побѣдителями, оставили раньше изгнаннаго ими князя на Белзскомъ столѣ, возвращенномъ ему по милости короля, ибо это значило бы тоже самое, что держать открытыми ворота, отдѣляющія Польшу отъ западной Руси. Еще менѣе вѣроятно, чтобъ они на этомъ посту предоставили ему столь значительныя средства, что онъ могъ въ теченіи двадцати семи лѣтъ удручать Польшу постоянными набѣгами, ибо русскій князь въ такомъ случаѣ предпочелъ бы войти въ соглашеніе съ своимъ сюзереномъ могущественнымъ королемъ Польши и съ его еще болѣе могущественнымъ союзникомъ Людовикомъ Венгерскимъ противъ Литвы, ихъ общаго врага. Впрочемъ эти натянутыя предположенія въ данномъ случаѣ излишни, ибо у Литовскихъ князей былъ племянникъ *Юрій Наримунтовичъ*, отецъ котораго владѣлъ Пинскомъ, а онъ самъ держалъ Каменецъ въ качествѣ залога отъ Литвы и Польши. Этому-то племяннику они дали Белзъ, и потому въ польскихъ хроникахъ онъ извѣстенъ лишь какъ dux de Belz. Законный же Белзскій князь вторично долженъ былъ идти скитаться, что на этотъ разъ продолжалось цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ, т. е. до 1366 года[41]).

Но эти выводы Стадницкаго, которыми онъ старается доказать существованіе двухъ Юріевъ Белзскихъ, не только не убѣдительны, но скорѣе опровергаютъ его собственное мнѣніе, что мы сейчасъ же и покажемъ. Прежде всего, мы затрудняемся искать, подобно Стадницкому, Юрія Даниловича въ числѣ лицъ, которыя, по словамъ Длугоша, послѣ покоренія Владимірскаго княжества просили защиты у короля Казиміра противъ Литвы. Въ самомъ, дѣлѣ, если признать всѣхъ этихъ лицъ равными другъ другу по сану, то мы должны были бы считать ихъ всѣхъ князьями и этимъ

---

41) Rozprawy i Sprawoz. Akad. Umiej. w Krakowie. III. Stadnicki: Synowie Gedymina, стр. 9—11.

путемъ мы пришли бы къ выводу, что послѣ смерти Андрея и Льва остался на Волыни цѣлый рядъ мелкихъ Романовичей, чего до сихъ поръ еще никто не утверждалъ. Этому рѣшительно противорѣчитъ послѣдняя грамота Юрія II, изъ которой явствуетъ, какъ на это уже было указано выше, что во Владимірско-Галичскомъ княжествѣ въ то время не было никакихъ удѣловъ. Вѣроятнѣе всего, что подъ этими князьями, упоминаемыми у Длугоша, слѣдуетъ понимать тѣхъ бояръ-воеводъ, которые — какъ объ этомъ скажемъ подробнѣе ниже — засѣли въ послѣдніе годы княженія Юрія II въ отдѣльныхъ городахъ какъ независимые князья и были изъ нихъ вытѣснены только преемникомъ Юрія II (на Владимірскомъ столѣ) — Любартомъ, замѣнившимъ ихъ литовскими вельможами.

Противъ выводовъ Стадницкаго можно сдѣлать еще одно, весьма существенное возраженіе. Онъ самъ указалъ на громадную важность Белзской и Холмской области, вполнѣ правильно назвавъ ее воротами, ведущими изъ Польши въ западную Русь. Дѣйствительно, географическое положеніе названныхъ княжествъ такого рода, что они, въ войнѣ за наслѣдство Романовичей, въ которой изъ польскихъ областей самое дѣятельное участіе принимала Малая Польша, всегда лежали на пути — все равно овладѣвали ли побѣдоносныя войска польскаго короля Казиміра III Волынскими городами, или же неугомонная Литва переносила пламя мелкой войны за Санъ, въ земли привислянскія. Князь Белзскій и Холмскій — если вообще онъ существовалъ — при всемъ своемъ желаніи не могъ остаться равнодушнымъ зрителемъ упорной борьбы, но долженъ былъ присоединиться къ одной изъ воюющихъ сторонъ подъ страхомъ испытать на себѣ удары и Литвы и Польши, такъ какъ его владѣнія образовали какъ бы мостъ, черезъ который должна была пройти или одна или другая сторона. Но если бы онъ принялъ участіе въ войнѣ, на сторонѣ ли Польши или Литвы, то имя его было бы приведено въ мирномъ договорѣ, подобно тому какъ въ немъ названы съ литовской стороны Юрій Наримунтовичъ и Юрій Корятовичъ,

а съ польской — князья Мазовецкіе. Такимъ образомъ выводы Стадницкаго были бы лишены основанія и въ томъ случаѣ, еслибъ даже было доказано, что польско-литовскій мирный договоръ заключенъ раньше перваго похода короля Казиміра III на Волынь; но они окончательно опровергаются тѣмъ фактомъ, что упомянутый договоръ относится къ позднѣйшему времени, какъ это мы докажемъ на основаніи содержанія этого договора.

Выше мы уже замѣтили, что въ немъ приведены не только имена договаривающихся князей, но и перечислены тѣ области, на которыя распространялось заключенное перемиріе, а между ними находится также и Плоцкая область. Въ Плоцкѣ по 1351 годъ княжилъ Болеславъ Ваньковичъ[42]), а послѣ его смерти городъ вмѣстѣ съ областью получили, въ видѣ залога, двоюродные братья Болеслава: Семовитъ III Тройденовичъ, князь черскій и его братъ Казиміръ, князь варшавскій (въ сентябрѣ 1351 г.)[43]). Такъ какъ въ мирномъ договорѣ Литвы съ Польшей говорится лишь о Плоцкой области, но не о Болеславѣ Ваньковичѣ, а между тѣмъ оба его преемника приведены съ польской стороны въ числѣ договаривающихся князей — правда, только подъ общимъ названіемъ князей Мазовецкихъ, — то изъ этого можно заключить, что упомянутый договоръ заключенъ послѣ смерти Болеслава Ваньковича, т. е. послѣ 1351 года. Это впрочемъ подтверждается той статьей договора, въ которой упоминается о взятіи въ плѣнъ венгерскимъ королемъ литовскаго князя Любарта, а это случилось, во время похода Людовика Великаго на Владиміръ въ 1351 г. Съ другой стороны Казиміръ Тройденовичъ умеръ уже

42) Item sub anno domini 1351 XII Kalendas Septembris obiit dux Boleslaus plocensis filius Wankonis in expedicione: quia promiserat dux Kyenstuth baptizari и т. д.

Bielowski Mon. Pol. hist. III, 120: Spominki Płockie; Długosz III, стр. 226.

43) Король Казиміръ отдалъ Плоцкъ въ залогъ обоимъ названнымъ князьямъ помимо зятя Болеслава Ваньковича Генриха, князя жаганско-глоговскаго, который принялъ его въ ленное владѣніе отъ чешскаго короля. Szujski Historya Polski, стр. 71. Naruszewicz IX, стр. 178, 174.

въ концѣ 1354 или въ началѣ слѣдующаго года[44]), и если онъ названъ въ договорѣ, то очевидно, что договоръ этотъ могъ быть заключенъ не позже 1355 г., или другими словами, составленіе его слѣдуетъ отнести ко времени отъ 1351 — 1355 г. Но такъ какъ, по единодушному показанію историковъ, литовскіе князья въ 1352 г. опустошали польскія области[45]), мстя за пораженія предъидущаго года, а король Казиміръ тщетно требовалъ противъ нихъ помощи отъ Венгерцевъ, вслѣдствіе чего онъ былъ вынужденъ желать мира и такъ какъ Длугошъ подъ 1353 годомъ сообщаетъ, что князь Любартъ въ іюлѣ напалъ на Галичъ, нарушивъ договоръ заключенный между Литвой и королемъ Казиміромъ[46]), то мы имѣемъ полное основаніе утверждать, что договоръ этотъ заключенъ въ началѣ 1353 года. Еслибы мнѣніе Стадницкаго — что король Казиміръ въ 1349 вступился за Юрія Даниловича и посадилъ его на Белзскомъ столѣ — не было лишено основанія, то Юрій несомнѣнно былъ бы упомянутъ въ мирномъ договорѣ, ибо нельзя допустить, чтобы польскій король, въ переговорахъ съ Литовцами, неблагоразумно умолчалъ о человѣкѣ, который, какъ союзникъ въ борьбѣ съ Литвой, имѣлъ для него первенствующее значеніе. Именно, въ виду чрезмѣрной важности Белзскаго и Холмскаго княжествъ польскій король постарался бы выговорить своему сподручнику по крайней мѣрѣ такое положеніе, какое договоромъ предоставлено Юрію Наримунтовичу въ Кременцѣ, т. е., чтобъ онъ владѣлъ Белзомъ и Холмомъ въ ленной зависимости отъ Литвы и Польши, — если ужъ

---

44) См. Spominki Płockie, Biel. Mon. Pol. hist. III, стр. 120. Długosz III, стр. 232 и слѣд. подъ 1355 годомъ.

45) In Martio (MCCCLII) Tartari et Ruteni pagani cum multis legionibus armatorum contra Regem Cracoviae intrant Poloniam и т. д. Annales Hainrici Rebdorff, изд. Marq. Freheri: rr. Germ. SS. ed. 3, cura Struvii, стр. 638. Напечатано также въ Ss. rr. pruss. II, стр. 742.

Item eodem anno quinquagesimo secundo Rex Litoviae cum auxilio Tartarorum innumerabili per Russiam transiens animo destruendi Cracoviam и т. д.

Urstisius: Germ. hist. ill. II, Alb. Argentinus, стр. 159. Напечатано также въ Ss. rr. pruss. II, стр. 737. См. также Długosz III, стр. 229.

46) Długosz III, стр. 230 подъ 1353 годомъ.

нельзя было сдѣлать его вполнѣ независимымъ отъ Литвы. Но этого не случилось. Белзская и Холмская области прямо присоединены къ Литвѣ и изъ этого слѣдуетъ, что до 1353 года не было на свѣтѣ такого Юрія Даниловича, который имѣлъ бы право на названныя княжества, и что тотъ Юрій Холмскій, который выступаетъ на сцену въ дарственной записи 1376 года — если только она не подложна — завладѣлъ Холмомъ во второй половинѣ XIV вѣка и то не раньше 1353 года. А изъ этого прямымъ образомъ вытекаетъ слѣдствіе, что Юрій Даниловичъ Холмскій не былъ потомкомъ Романовичей, ибо въ противномъ случаѣ онъ долженъ былъ выступить на историческомъ поприщѣ уже при обстоятельствахъ только что нами указанныхъ.

Этимъ споръ о происхожденіи Юрія Белзскаго рѣшенъ окончательно. Но гр. Стадницкій, признавъ, что договоръ Литвы съ Польшей заключенъ раньше 1349 г. и не обративъ вниманія на всѣ слѣдствія, вытекающія изъ того, что Юрій Даниловичъ въ немъ не названъ, старался доказать, что упомянутый князь, какъ потомокъ Романовичей и истинный князь Белзскій, выступаетъ на историческомъ поприщѣ во второй половинѣ XIV вѣка наряду съ незаконнымъ Белзскимъ княземъ, т. е. съ Юріемъ Наримунтовичемъ, а потому мы должны его выводы подвергнуть дальнѣйшему разсмотрѣнію. Если мы докажемъ, что догадка Стадницкаго лишена основанія, что современныя извѣстія, упоминая о Юріѣ Белзскомъ, всегда имѣютъ въ виду лишь Юрія Наримунтовича, то мы вмѣстѣ съ тѣмъ опровергнемъ и мнѣніе Зубрицкаго, который хотя и признавалъ одного Юрія Белзскаго, но считалъ его потомкомъ Романа.

Самъ Стадницкій, какъ это видно изъ вышеприведенныхъ его словъ, старается доказать, вопреки мнѣнію Зубрицкаго, что тотъ Юрій Белзскій, который своими набѣгами въ теченіи двадцати лѣтъ опустошалъ сосѣднія польскія области, былъ однимъ изъ литовскихъ князей; ибо русскій князь, располагая такими военными силами, предпочелъ бы скорѣе соединиться противъ Литвы съ своими сюзеренами, сначала съ Казиміромъ Великимъ,

а потомъ съ его преемникомъ Людовикомъ Венгерскимъ. Но этотъ доводъ въ пользу литовскаго происхожденія Юрія Белзскаго крайне слабъ. Литва временъ Ольгерда была по преимуществу государствомъ не литовскимъ, а русскимъ, такъ какъ мало по малу около нея сгруппировались почти всѣ юго-западныя русскія области, подобно тому, какъ въ сѣверо-восточной Руси мелкія удѣльныя княжества объединялись подъ властью Москвы. Литва дала новому западно-русскому государству названіе и княжескій родъ, но она немедленно подверглась вліянію высшей культуры своихъ подданныхъ, такъ что въ литовскомъ государствѣ уже при Ольгердѣ русскій языкъ былъ языкомъ господствующимъ [47]), о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ древнѣйшій литовско-польскій договоръ 1353 года, написанный чистѣйшимъ русскимъ языкомъ, хотя въ немъ не упоминается ни одинъ князь русскаго происхожденія. Поэтому, еслибъ Белзскому князю пришлось рѣшать вопросъ, долженъ ли онъ примкнуть къ Литвѣ или къ Польшѣ, то онъ, безъ сомнѣнія, отдалъ бы предпочтеніе послѣдней, хотя бы и происходилъ изъ рода Романовичей, а изъ этого видно какимъ шаткимъ доводомъ подкрѣпилъ свое мнѣніе гр. Стадницкій.

Впрочемъ нѣтъ никакой надобности рѣшать вопросъ о происхожденіи Юрія Белзскаго на основаніи общихъ соображеній о тогдашнемъ политическомъ состояніи Польши и Литвы, такъ какъ нѣкоторыя вполнѣ достовѣрныя извѣстія того времени прямо называютъ его сыномъ Наримунта, другія же приводятъ насъ къ тому же самому заключенію указаніемъ его родственныхъ связей. О Юріѣ Наримунтовичѣ, какъ мы выше мимоходомъ замѣтили, первый разъ упоминается въ мирномъ договорѣ 1353 года, по которому онъ получилъ городъ Кременецъ, въ качествѣ совмѣстнаго вассальнаго владѣнія Польши и Литвы. Съ этого времени ему безъ сомнѣнія принадлежалъ также городъ Белзъ, хотя въ письменныхъ памятникахъ объ Юріѣ Белзскомъ впервые упоминается только три-

47) См. Антоновичъ «Очеркъ истор. Вел. Кн. Лит.», стр. 44—52; Іосифъ Перволъфъ, Poláci a Rusíni v. Osvětě 1881, XI, str. 311—315.

надцать лѣтъ спустя, а именно у Длугоша и Іоанна изъ Чарнкова, который послѣдній походъ короля Казиміра на Волынь описываетъ слѣдующими словами: «Въ 1366 году король Казиміръ, собравъ большое войско напалъ на Русь, и князь Юрій Белзскій призналъ надъ собою его власть, но притворно, какъ это обнаружилось потомъ. Король же, покоривъ со всѣми городами землю Волынскую, раньше принадлежавшую Любарту, отдалъ ее всю Александру, племяннику Ольгерда и Кейстута за исключеніемъ одного Холма, который онъ предоставилъ Юрію»[48]). Въ этомъ послѣднемъ Юріѣ Стадницкій видитъ своего Юрія Даниловича и это на томъ основаніи, что имя его ничѣмъ ближе не опредѣлено, а потому де его слѣдуетъ отличать отъ Юрія Белзскаго упоминаемаго въ томъ же извѣстіи. Но этотъ доводъ крайне неубѣдителенъ, ибо даже такой неопытный стилистъ, какимъ вполнѣ основательно считается Чарнковскій, не замедлилъ бы ближе опредѣлить другое лицо, носящее тоже самое имя, хотя бы при помощи пріема, употребленнаго имъ по отношенію къ Александру Корятовичу, т. е. указаніемъ его родства. Если же онъ этого не сдѣлалъ, то очевидно, что все сказанное имъ относилось къ одному и тому же Юрію, т. е. къ Юрію Белзскому. Замѣчаніе Стадницкаго, что Казиміръ, счастливо окончивъ войну, не сталъ бы увеличивать рессурсовъ безъ того опаснаго врага отдачей ему новой территоріи, — не выдерживаетъ критики и основано на поверхностномъ сужденіи о вещахъ. Король Казиміръ во время своихъ безконечныхъ войнъ съ Литовцами, безъ сомнѣнія пришелъ къ заключенію, что онъ не побѣдитъ ихъ до тѣхъ поръ, пока они будутъ дѣйствовать противъ него за одно и потому, если онъ хотѣлъ обезпечить за собой временныя пріобрѣтенія своего оружія, то онъ долженъ былъ прежде всего постараться посѣять раздоръ между своими врагами, и для достиженія этой цѣли нельзя было придумать болѣе вѣрнаго средства какъ раздѣлъ покоренной области Любарта

48) Joannes de Czarnkow, Chron. Pol. въ Бѣлевскаго Mon. Pol. hist. II,

между его племянниками, Александромъ Корятовичемъ и Юріемъ Наримунтовичемъ; и дѣйствительно политика эта приносила свои плоды вплоть до самой смерти Казиміра Великаго. Впрочемъ мнѣніе Стадницкаго опровергается также показаніемъ Длугоша [49]), который въ обоихъ указанныхъ случаяхъ говоритъ лишь о Юріѣ Белзскомъ и ни однимъ словомъ не проговаривается, что онъ дѣйствительно имѣлъ въ виду двухъ Юріевъ, какъ это старается навязать ему графъ Стадницкій. Нарушевичъ, который при составленіи своей исторіи имѣлъ въ рукахъ оригиналъ договора, заключеннаго въ 1366 г. между Литвой и Польшей, называетъ, правда, въ дословно приведенныхъ вступительныхъ словахъ этого договора двухъ Юріевъ [50]), какъ участниковъ онаго со стороны Польши; но этотъ второй Юрій есть не кто иной какъ братъ Александра Корятовича, вмѣстѣ съ которымъ онъ владѣлъ Подоліей. Это тотъ самый Юрій, который упоминается еще въ договорѣ 1353 года наряду съ Юріемъ Наримунтовичемъ и потому Стадницкій напрасно въ немъ видитъ своего Юрія Даниловича. Въ грамотѣ, приведенной Нарушевичемъ, ничего не сказано о происхожденіи обоихъ Юріевъ, точно также не говорится, кому уступлены на ленныхъ правахъ Белзъ и Холмъ, но все это не противорѣчитъ извѣстію Длугоша и Іоанна изъ Чарнкова, а еще менѣе подтверждаетъ мнѣніе Стадницкаго. Вполнѣ опредѣленно по этому вопросу говорятъ позднѣйшія извѣстія.

Польское главенство надъ Владимірскими землями прекратилось тотчасъ послѣ смерти короля Казиміра въ 1370 году [51]). Его преемникъ Людовикъ Венгерскій, въ первое время своего царствованія въ Польшѣ, былъ занятъ другими дѣлами, въ особенности же войной съ Венеціей, вслѣдствіе чего литовскіе

49) Długosz III, str. 285—287.

50) Ece ego dux magnus Olgierdus cum suis fratribus, cum Kiejstuto, Javnutho, Lubarto, et cum suis liberis conclusimus pacem cum suo fratre rege Poloniae Casimiro, et ex gratia Dei cum *duce Georgio et altero Georgio*, et Alexandro. Naruszewicz, Hist. nar. pol. IX str. 245.

51) Bielowski, Mon. Pol. hist. II, стр. 643. Joannes de Czarnkow, Chron. Polonorum.

князья не только овладѣли, въ годъ смерти Казиміра, всѣми землями, утраченными въ 1366 году, но смѣлость ихъ дошла до того, что въ ноябрѣ 1376 года они напали на собственно польскія области, лежащія за рѣкой Саномъ. По словамъ Іоанна Чарнковскаго, Литовцами начальствовалъ *Кейстутъ Троцкій*, братъ великаго князя Ольгерда, съ братомъ своимъ *Любартомъ Луцкимъ* и *Юріемъ Белзскимъ, ихъ племянникомъ*[52]). Изъ этого извѣстія видно, что Юрій Белзскій былъ сыномъ Наримунта, ибо изъ внуковъ Гедимина, это имя носилъ еще лишь младшій Коріатовичъ, но онъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Александромъ былъ вѣрнымъ союзникомъ Польши[53]). Это извѣстіе подтверждаетъ другой современникъ этихъ событій, ливонскій лѣтописецъ Германнъ де Вартберге, который разсказываетъ подъ 1376 годомъ, «что венгерскій король подарилъ Опольскому (Опельнскому) князю извѣстныя земли, пограничныя съ владѣніями королей — братьевъ, т. е. Юрія Белзскаго и Любарта Луцкаго, королей литовскихъ»[54]). Еще опредѣленнѣе высказывается о происхожденіи Юрія Белзскаго тотъ же ливонскій лѣтописецъ, описывая походъ, который предпринялъ въ 1377 году король Людовикъ, дабы наказать литовскихъ князей за опустошенія, произведенныя въ Малой Польшѣ въ предъидущемъ году. Король Людовикъ, по словамъ Германна де Вартберге, сначала опустошилъ часть Владимірскаго княжества, а затѣмъ осадилъ Белзъ, *въ которомъ имѣлъ свою резиденцію Юрій Наримунтовичъ*[55]).

---

52) Bielowski, Mon. Pol. hist. II, стр. 674, 675. Joannes de Czarnkow, Chronicon Polonorum.

53) Joannes de Czarnkow, Chron. Polon. въ Biel. Mon. Pol. hist. II, стр. 631. Item autem dux Alexander usque ad mortem regis tenuit *fideliter sibi serviendo*.

Joannis de Czarnkow, стр. 643 (подъ 1370 годомъ) Sed duce Alexandro filio Michaelis alias Coriathi, in *Cracovia* existente и т. д.

54) Hermanni de Wartberge Chronicon Livoniae въ собраніи Ss. rr. pruss II, стр. 111.

55) Script. rr. prussicarum II, стр. 114 Hermanni de Wartberge Chronicon Livoniae..... idem rex castrum Belse in giro undique circum vallavit. In quo castro Georgius filius Normanten residebat. Хроника Германна де Вартберге обнимаетъ событія до 1378 г. и была составлена около того же года. См. Ss. rr. pruss. II, стр. 13.

Противъ столь ясныхъ историческихъ показаній Стадницкій, конечно, ничего не могъ возразить и онъ дѣйствительно признаетъ этого Юрія сыномъ Наримунта, но наряду съ нимъ онъ тѣмъ не менѣе защищаетъ существованіе Юрія Даниловича, какъ законнаго Белзскаго князя и потомка Романовичей, и мнѣніе свое старается обосновать нѣкоторыми противорѣчіями въ разсказахъ о взятіи Белза королемъ Людовикомъ. По словамъ Іоанна изъ Чарнкова, осажденный Юрій, потерявъ надежду отстоять городъ, сдался королю венгерскому и польскому при посредничествѣ своего дяди Кейстута Троцкаго, причемъ онъ отдалъ Людовику городъ Белзъ, а взамѣнъ того получилъ Любачевъ и сто гривенъ дохода изъ Бохненскихъ соляныхъ копей[56]). Подобнымъ же образомъ разсказываетъ объ этомъ событіи Германнъ-де-Вартберге, говоря, что «Юрій Белзскій сдалъ Венгерскому королю городъ (Белзъ) съ его областью и съ людьми. король же, принявъ его, занялъ его Поляками, своими совѣтниками. Такимъ образомъ городъ, который прежде населяли схизматики, принадлежитъ теперь къ Венгерскому королевству. Король же взялъ съ собою Юрія съ женой и сыновьями и подарилъ ему одинъ городъ въ Венгріи съ жителями, землей и всѣмъ принадлежащимъ къ нему»[57]). Хотя Ливонскій лѣтописецъ городъ, подаренный Юрію Наримунтовичу, взамѣнъ за утраченный Белзъ, помѣщаетъ въ Венгріи, но это ни мало не противорѣчитъ извѣстію Іоанна изъ Чарнкова, такъ какъ Галичское княжество, на территоріи котораго лежитъ Любачевъ, считалось, въ силу договора Казиміра В. съ Людовикомъ, достояніемъ Венгерской короны, къ которой оно и было присоединено послѣ того, какъ Владиславъ Опольскій отказался отъ своихъ правъ на эти земли. Но этимъ двумъ, только что приведеннымъ и вполнѣ согласнымъ между собою извѣстіямъ, противорѣчитъ Длугошъ, по словамъ кото-

---

56) Іоаннъ изъ Чарнкова, Chronicon Pol. въ Бѣлёвскаго Mon. Pol. hist. II, стр. 678, 679.

57) Hermanni de Wartberge Chronicon Liv. въ Собраніи Ss. rr. pruss. II, стр. 115.

«послѣ капитуляціи Белза, король Людовикъ, платя добромъ за зло, ему причиненное, возвратилъ городъ Юрію, обѣщавшему, за себя и за своихъ потомковъ, владѣть имъ именемъ польскаго короля, соблюдая бесусловное повиновеніе, и вѣрность Польскому королевству. Сверхъ того, онъ прибавилъ ему городъ Любачевъ и предоставилъ ему пожизненно сто гривенъ ежегоднаго дохода изъ Бохенскихъ соляныхъ копей» [58]). Такимъ образомъ по извѣстіямъ Чарнковскаго и Германна-де-Вартберге городъ Белзъ былъ отнятъ у Юрія Наримунтовича и взамѣнъ того ему предоставили Любачевъ съ доходомъ съ Бохенскихъ соляныхъ копей; между тѣмъ Длугошъ утверждаетъ, что Юрій не только не лишился Белза, но еще получилъ къ нему значительную прибавку. Это противорѣчіе мы должны подвергнуть разсмотрѣнію, такъ какъ Стадницкій на одностороннемъ его толкованіи основываетъ свои дальнѣйшія выводы. Если сравнить степень достовѣрности обоихъ извѣстій, то мы должны скорѣе отдать предпочтеніе показаніямъ двухъ свидѣтелей, чѣмъ одного, тѣмъ болѣе, что они были современниками описываемыхъ ими событій и, живя въ мѣстахъ очень отдаленныхъ одно отъ другаго, не могли черпать извѣстія изъ одного и того же источника. Между тѣмъ Длугошъ писалъ свое сочиненіе почти сто лѣтъ спустя, когда уже не были въ живыхъ участники этого событія, которые могли бы вывести его изъ заблужденія. Самый разсказъ Длугоша повидимому не имѣлъ въ виду другой цѣли, какъ показать, что иногда даже государи поступали по христіански. Сверхъ того крайне трудно отыскать разумный мотивъ, въ силу котораго король Людовикъ рѣшился бы увеличить средства только что побѣжденнаго мятежнаго вассала. Подобнымъ поступкомъ онъ не только не вызвалъ бы чувство благодарности въ литовскихъ князьяхъ, но, наоборотъ, скорѣе обнаружилъ бы свою слабость и этимъ косвенно побудилъ бы ихъ къ новымъ нападеніямъ на свои владѣнія. Съ побѣжденнымъ мятежнымъ вассаломъ, конечно, слѣдовало поступить строже, чѣмъ поступилъ въ 1366 году Кази-

58) Dlugosz III, 347 подъ 1377 годомъ.

міръ съ побѣжденнымъ врагомъ и король Людовикъ дѣйствительно поступилъ строже: онъ отнялъ у Юрія Наримунтовича Белзское княжество, которое представляло передовой постъ Литвы противъ Польши и далъ ему взамѣнъ, кромѣ постояннаго денежнаго дохода съ Бохненскихъ копей, городъ Любачевъ. Этимъ онъ географически изолировалъ Юрія отъ остальныхъ литовскихъ князей, особенно же отъ его дяди Любарта Луцкаго, который хотя и добровольно покорился Людовику, но, какъ старый зачинщикъ всѣхъ интригъ сначала противъ польскаго, а затѣмъ противъ венгерскаго владычества, не могъ возбуждать къ себѣ довѣрія. Всѣ сомнѣнія, какія еще могли бы возникнуть по данному вопросу, окончательно устраняются купчею крѣпостью отъ 8-го октября 1377 года. Въ этомъ документѣ, составленномъ уже послѣ похода короля Людовика, въ числѣ свидѣтелей наряду съ другими вельможами и мѣщанами г. Галича упоминается также *Прибко, бургграфъ Белзскій*, что доказываетъ, что Юрій Наримунтовичъ въ это время не владѣлъ Белзомъ [59]). Кажется, что бывшему Белзскому князю не пришелся по душѣ его новый удѣлъ, такъ какъ въ первой Новгородской лѣтописи подъ 1379 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что «въ Новгородъ пріѣхалъ Литовскій князь Юрій Наримунтовичъ», причемъ не приведенъ его обыкновенный титулъ «Белзскій» [60]).

Объ этихъ данныхъ, опровергающихъ извѣстіе Длугоша касательно возвращенія Белза его бывшему владѣльцу, Стадницкій или не зналъ, или же не обратилъ на нихъ должнаго вниманія. Считая сообщеніе Длугоша вполнѣ вѣрнымъ, онъ по своему согласовалъ его съ разсказомъ Чарнковскаго и Германа-де-Вартберге. Суть мнѣнія Стадницкаго состоитъ въ слѣдующемъ:

---

59) Mon. Hungariae hist. Series IV. Acta extera hist. Hung. tempore Regum stirpis Andegaviensis illustr. ed. Wenzel III, стр. 153. Походъ Людовика, на основаніи его грамотъ, можно отнести къ іюлю и августу 1377 года. См. объ этомъ: Ss. rr. pruss. II, стр. 115.

60) Полное собраніе русскихъ лѣтописей. III. Новгородская первая лѣтопись, стр. 91. Тои же зимы (1379 г.) пріѣха въ Новъгородъ князь Литовскій Юрьи Наримантовичъ.

оба извѣстія одинаково вѣрны; Юрій, утратившій Белзъ, былъ сыномъ Наримунта[61]); Юрій, получившій этотъ городъ отъ великодушнаго Людовика — это Юрій Даниловичъ[62]); а этотъ послѣдній есть де Юрій Белзскій, о которомъ нѣсколько разъ упоминается въ письменныхъ памятникахъ послѣ 1377 года. Доказывать неосновательность этого взгляда было бы дѣломъ лишнимъ и въ томъ случаѣ, еслибъ мы даже допустили, что извѣстіе Длугоша, насколько оно касается возвращенія Юрію Белзскому его владѣній, совершенно согласно съ истиной; ибо изъ одного его содержанія до очевидности ясно, что рѣчь идетъ объ одномъ и томъ же лицѣ, т. е. объ Юріѣ Белзскомъ, которому Белзъ принадлежалъ еще до 1377 года и котораго самъ Стадницкій считаетъ сыномъ Наримунта. Но такъ какъ Стадницкій при защитѣ своей догадки — что подъ Юріемъ Белзскимъ, упоминаемымъ послѣ 1377 года скрывается Юрій Даниловичъ — дѣлаетъ ссылки на грамоты, отчасти сохранившіяся въ оригиналахъ, то вслѣдствіе этого, противъ своей воли, мы вынуждены продолжать разборъ его мнѣнія и докажемъ, что Юрій Бѣлзскій, упоминаемы послѣ 1377 года, есть никто другой, какъ сынъ Наримунта.

Когда именно Юрій Наримунтовичъ вернулся въ Белзъ, на это нѣтъ прямыхъ указаній, но весьма правдоподобно, что это случилось вскорѣ послѣ смерти короля Людовика († 1382), а именно, въ то время, когда Бенедиктъ, намѣстникъ русскихъ земель, не будучи въ состояніи защитить Владимірскія города отъ нападеній литовскихъ князей, продалъ ихъ Луцкому князю Любарту, который, въ свою очередь, уступилъ ихъ своему племяннику Юрію Нари-

---

61) Стадницкій, Synowie Gedimina въ Rozprawach i spraw. Akad. Umiej. w Krakowie III, стр. 15.

62) Стадницкій, правда, не прямо высказываетъ это мнѣніе, но оно вытекаетъ изъ его словъ, что въ 1377 г., при взятіи Холма, «Юрій Даниловичъ имѣлъ, безъ сомнѣнія возможность оказать Польшѣ услуги за ея защиту» и за это, по всей вѣроятности, былъ награжденъ. Точно также осталось бы неизвѣстнымъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ Юрій Даниловичъ послѣ 1377 г. занялъ Белзъ, гдѣ онъ по словамъ Стадницкаго навѣрное княжилъ въ 1386 г. Стадницкій, Synowie Gedimina III, стр. 12 и слѣдующія.

мунтовичу, владѣвшему ими раньше. Съ Юріемъ послѣ этого мы впервые встрѣчаемся въ 1386 году. Когда, послѣ смерти Людовика Венгерскаго, состоялось соглашеніе между Ягайломъ и польскими вельможами, по вопросу о предоставленіи ему вмѣстѣ съ рукой Ядвиги Польской короны, то Ягайло долженъ былъ дать королевѣ и вельможамъ заложниковъ въ удостовѣреніе того, что онъ исполнитъ принятыя на себя обязательства; въ числѣ же заложниковъ, вмѣстѣ съ знаменитѣйшими литовцами, Скиргайломъ, Витовтомъ, Михаиломъ Заславскимъ и Ѳеодоромъ Любартовичемъ названъ также *сынъ Юрія Иванъ, князь Белзскій*[63]). Не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ Иванъ былъ сыномъ Юрія Наримунтовича, ибо сынъ Юрія Даниловича не могъ представлять для королевы и для вельможъ слишкомъ большей гарантіи, такъ какъ онъ, по словамъ Стадницкаго, былъ давнишнимъ врагомъ Польши. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что если Иванъ Белзскій названъ въ грамотѣ княземъ Русскимъ (Dux Russiae), то это не можетъ служить доказательствомъ, что онъ происходилъ изъ рода Романовичей — какъ думаетъ Стадницкій: это значитъ только, что Белзская область причислялась къ владѣніямъ Польши а не Литвы, ибо въ противномъ случаѣ онъ былъ бы названъ княземъ литовскимъ. Изъ всего этого ясно, что въ 1386 году въ Белзѣ уже опять княжилъ Юрій Наримунтовичъ.

Дальнѣйшія о немъ извѣстія относятся къ 1387 году. Когда королева Ядвига, уже будучи женой Владислава Ягайлы, за отсутствіемъ мужа овладѣла, во главѣ польскаго войска, Червонною Русью и г. Львовомъ, ей оказывалъ сопротивленіе только одинъ Бенедиктъ, который съ венгерскимъ гарнизономъ защищалъ городъ Галичъ. Доведенный до крайности, онъ согласился сдаться подъ условіемъ, что не только жизнь его будетъ пощажена, но

---

63) Joan. Georgii bełsensis filius dux Russie in obstagio apud Hedvigim reginam Poloniae, ratione certorum contractuum inter Vladislaum regem ab una, ac proceres regni, ab altera parte etc. Изъ inv. arch. kor. Sandomiriae post dom. cantate 1386. Gołębiowski I, стр. 6, примѣчаніе 15. Объ остальныхъ гарантіяхъ см. на стр. 5.

и имущество его не будетъ конфисковано и также, что съ него не взыщутъ убытковъ, причиненныхъ гражданамъ его войсками. Ядвига, желая окончить войну, согласилась на эти условія, исполненіе коихъ гарантировали Бенедикту слѣдующіе свидѣтели, находившеся въ лагерѣ королевы: Александръ Витовтъ, князь Брестскій, Юрій Белзскій, Өеодоръ Рогатинскій, Василій Пинскій, Өеодоръ Владимірскій, Семенъ Степанскій и Юрій Слуцкій. Всѣ эти князья въ указанной грамотѣ названы «князьями-братьями», короля же Владислава они называютъ «дражайшимъ братомъ» и «своимъ любимымъ братомъ», чего, однако, не слѣдуетъ принимать буквально, ибо они приходятся ему не родными, а двоюродными братьями.

Изъ всего этого однако видно, что Юрій Бѣлзскій, имя котораго приведено въ числѣ прочихъ литовскихъ князей, есть дѣйствительно Юрій Наримунтовичъ, ибо и онъ былъ двоюроднымъ братомъ короля Владислава. Стадницкій, конечно, не могъ воспользоваться этой грамотой для своихъ цѣлей въ подлинномъ ея видѣ. Онъ помогъ горю тѣмъ, что произвольно переставилъ имена и знаки препинанія и при томъ такимъ образомъ, что слова «князья братья» относятся уже къ Семену Степанскому и Юрію Слуцкому, которыхъ Стадницкій выдаетъ за князей русскаго происхожденія, лишенныхъ удѣловъ Любартомъ; что касается Юрія Белзскаго, то онъ поименовалъ его послѣднимъ, дабы не могло казаться, что и онъ принадлежитъ къ литовскимъ князьямъ [64]). Какъ

---

64) Чтобъ не быть голословнымъ, мы приведемъ здѣсь перечень этихъ князей какъ онъ напечатанъ у Голембіовскаго и затѣмъ какъ онъ читается у Стадницкаго:

Alexander Withowdus dux brestensis, *Georgius belzen.* Theodor rohatineu., Vasilo pinscen., Theodor vladim., Simeon stepanensis et Georgius slucensis, duces fratres, Vladislao regi pro Benedicto palatino haliciensi cavent. Gołębiowski I, стр. 501, примѣч. 132.

У Стадницкаго это мѣсто читается такъ:

Alexander Witold Pan na Brześciu i Kniaziowie Wasyl piński, Teodor Włodzimierski, Szymon i Jerzy bracia, jeden kniaź na Stepaniu drugi na Słucku (wszyscy wyzuci z kniaztw dziedzicznych przez Lubarta), nakoniec Theodor rohatyński i *Jersy bełski.* Stadnicki (Synowie Gedymina) въ Rozprawach i Sprawozd. Ak. Um. III, стр. 13.

это могло случиться, что эти мнимые русскіе князья, которые должны были считать Литовцевъ своими злѣйшими врагами, находились съ великимъ литовскимъ княземъ Ягайломъ въ столь дружественныхъ отношеніяхъ, что находятъ возможнымъ называть его «своимъ дражайшимъ, любимымъ братомъ», объ этомъ Стадницкій благоразумно умалчиваетъ, ибо въ противномъ случаѣ онъ безпомощно застрялъ бы въ своихъ противорѣчіяхъ.

Впрочемъ, это умышленное извращеніе исторической истины въ пользу излюбленной догадки ровно ни къ чему не ведетъ, ибо объ Юріѣ Белзскомъ сохранилось еще одно извѣстіе, не допускающее никакихъ сомнѣній, насчетъ того, на чьей сторонѣ находится истина.

Когда между королемъ Владиславомъ и его двоюроднымъ братомъ Витовтомъ вспыхнула война, то Юрій Белзскій принялъ сторону послѣдняго, изъ чего вполнѣ основательно можно заключать, что это былъ Юрій Наримунтовичъ, ибо Юрій Даниловичъ врядъ ли безъ всякой причины возмутился бы противъ своего сюзерена, польскаго короля, который всегда былъ его защитникомъ и перешелъ бы на сторону Литвы, которая когда то отняла у него отцовское наслѣдіе. Другое дѣло Юрій Наримунтовичъ. Этотъ князь, даже послѣ соединенія Литвы съ Польшей, скорѣе сознавалъ себя княземъ литовскимъ, чѣмъ русскимъ, и потому вполнѣ естественно, что онъ во время войны Литвы съ Польшей принялъ сторону первой, хотя на польскомъ престолѣ сидѣлъ великій князь литовскій. Это послѣднее возмущеніе имѣло слѣдствіемъ, что Юрій окончательно лишился Белзскаго княжества и долженъ былъ, подобно Витовту, искать убѣжища у Тевтонскихъ рыцарей въ Пруссіи (въ 1390 г.)[65]). Когда же Витовтъ въ слѣдующемъ году вернулся въ Литву и, въ силу заключеннаго съ Владиславомъ договора, сдѣлался великимъ литовскимъ княземъ, то при его водвореніи на княжескомъ столѣ — по словамъ хро-

65) Dornoch qwam ken Prusen herczoge Conrad mit syme wybe, herczoge *Jorge von der Belse*, herczoge Ywan mit wybe und kinden, und vil ander irre lute. Ss. rr. prussicarum III, стр. 163. Joh. von Posilge подъ 1390 годомъ.

ники Быховца — присутствовалъ также *князь Юрій Наримунтовичъ Белзскій*[66]). Столь ясное свидѣтельство никакъ нельзя было извратить, и потому Стадницкій просто на просто отвергъ его достовѣрность, говоря, что оно свидѣтельствуетъ лишь о томъ, «какъ заботились о преданіи забвенію прежнихъ русскихъ князей въ пользу литовскихъ похитителей». По этому поводу мы замѣтимъ только, что авторомъ упомянутой хроники былъ русскій, и въ качествѣ таковаго, его нельзя заподозрить въ пристрастіи противъ старыхъ родовъ русскихъ князей. Юрій Наримунтовичъ, по всей вѣроятности скончался вскорѣ послѣ воцаренія Витовта (1392 г.) и ни онъ, ни его сынъ не получилъ обратно Белза, какъ это можно заключить изъ того, что уже въ 1395 году все Белзское княжество получилъ отъ Владислава Семовитъ Мазовецкій[67]), не смотря на то, что Иванъ Юрьевичъ Белзскій жилъ вплоть до 1399 года[68]).

И такъ, мы доказали, что какъ до 1377 года, такъ и послѣ этого года Белзомъ владѣлъ одинъ и тотъ же Юрій и что онъ былъ сыномъ Наримунта. О Юріѣ Даниловичѣ Холмскомъ до 1376 года ни разу не упоминается въ историческихъ памятникахъ, такъ что первое (а вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднее) объ немъ извѣстіе мы почерпаемъ изъ вышеупомянутой грамоты, напечатанной въ «Описаніи рукописей Румянцовскаго Музеума». Но и эта грамота — въ подлинности коей мы не хотимъ въ данную минуту сомнѣваться — косвеннымъ образомъ опровергаетъ мнѣніе, что Юрій Даниловичъ былъ потомкомъ Романовичей. Она помѣ-

66) A kniaź wieliki Witolt wžo oseł Wilniu i kniastwo Litowskoie, y prynem był kniaź Juri Narymontowicz Belski, a kniaź Iwan Olgimontowicz y koli seł na stolcy diady swoieho Olgierda, y otca swoieho Kestutia и т. д. Narbutt: Pomniki do dziejów Litewskich, стр. 33.

67) Semovitus dux Masoviae, recognoscit se terram bełzensem cum castris Horodło, Lubaczow, Busko, Grabowiec jure haereditario obtinuisse и т. д. Cracovie in crast. cinerum 1395. Выписка изъ Kor. arch. Gołębiowski I стр. 49, примѣчаніе 87.

68) Онъ былъ убитъ въ сраженіи на рѣкѣ Ворсклѣ, въ которомъ Витовтъ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе отъ Татаръ. Полное собраніе русскихъ лѣтописей IV, стр. 104. Новгородская четвертая лѣтопись подъ 1399 годомъ.

чена 1376 годомъ, т. е. составлена въ то время, когда могущество литовскихъ князей возросло до того, что они осмѣлились напасть на польскія области, лежащія за рѣкой Саномъ, а при такихъ условіяхъ едва-ли въ Холмѣ могъ держаться князь, враждебный Литвѣ. И дѣйствительно, изъ извѣстія Чарнковскаго о походѣ 1377 года, предпринятаго Людовикомъ противъ Руси, видно, что Белзъ въ это время находился въ рукахъ Юрія Белзскаго, ибо король «съ своими Уграми осадилъ Белзъ, Краковяне же, Сандомерцы и Серадзане окружили Холмъ и овладѣвъ имъ заняли его гарнизономъ а потомъ пришли къ королю подъ Белзъ [69]). Затѣмъ Куявскій лѣтописецъ разсказываетъ, что король «силою овладѣлъ Грабовцами, Холмомъ, Белзомъ, Городлемъ и Всеволожемъ, городами Юрія, который былъ зачинщикомъ всего дѣла» [70])». Стадницкій самъ признаетъ, что отъ смерти короля Казиміра по 1377 годъ Холмъ находился во власти Юрія Наримунтовича, однако онъ думаетъ, что этотъ послѣдній позволилъ Юрію Даниловичу проживать въ городѣ, прежде ему принадлежавшемъ [71]). Но въ этомъ можно вполнѣ основательно сомнѣваться. Юрій Наримунтовичъ не могъ не знать, что лишенный престола князь, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, станетъ искать помощи у польскаго и венгерскаго короля и что онъ, особенно во время осады, войдетъ въ сношенія съ своими приверженцами изъ числа бывшихъ подданныхъ, дабы при ихъ содѣйствіи, въ удобный моментъ предать литовскій гарнизонъ Польскому королю. Въ виду этой возможности Юрій Наримунтовичъ навѣрное не сталъ бы его держать въ городѣ. Еще менѣе вѣроятно, чтобы Юрій Наримунтовичъ, какъ дѣйствительный владѣтель Холма, позволилъ Юрію Даниловичу и впредь называться княземъ Холмскимъ и сыномъ Холмскаго князя — какъ это имъ дѣйствительно сдѣлано въ его

---

69) Joanes de Czarnkow, Chron. Pol. въ Biel. Mon. Pol. hist. II, стр. 678.

70) Куявская лѣтопись была составлена около 1378 года. Bielowski, Monum. Pol. hist. III, стр. 212.

71) Stadnicki, Synowie Gedimina въ Rozprawach i Sprawozdaniach Akad. Umiej. w Krakowie III, стр. 12.

дарственной записи — и такимъ образомъ напоминать о своихъ историческихъ правахъ на упомянутое княжество. Точно также представляется намъ сомнительнымъ, чтобы низложенный князь сохранилъ за собою столько помѣстій, что могъ за одинъ разъ подарить за поминъ души нѣсколько деревень. Впрочемъ, еслибъ даже онъ дѣйствительно обладалъ столь большимъ состояніемъ, то онъ, безъ сомнѣнія, воспользовался бы имъ для увеличенія числа своихъ приверженцевъ среди городскаго населенія. Поэтому, еслибъ мы даже не приняли въ разсчетъ, что Юрій Даниловичъ не упоминается въ мирномъ договорѣ 1353 года — а этого одного достаточно, чтобы доказать, что онъ не былъ Холмскимъ княземъ — и еслибъ мы, сверхъ того, оставили безъ вниманія тотъ фактъ, что Холмъ раньше 1366 года принадлежалъ Любарту, а послѣ него достался на ленныхъ правахъ отъ короля Казиміра Юрію Наримунтовичу, то все-таки лишь на основаніи однихъ слѣдствій, вытекающихъ изъ дарственной записи 1376 года, а также въ виду тогдашнихъ политическихъ условій, мы должны были бы признать, что Юрій Даниловичъ не могъ быть потомкомъ Романовичей. Ибо происходи онъ дѣйствительно изъ этой линіи княжескаго дома, онъ, въ силу одного этого происхожденія былъ бы противникомъ Юрія Наримунтовича, а потому въ 1376 году даже не могъ бы находиться въ Белзѣ. Впрочемъ, возможна была бы догадка, что Юрій Наримунтовичъ, лично защищая стольный Белзъ, оборону Холма возложилъ на какого-нибудь мелкаго литовскаго князя, который назывался Юріемъ Даниловичемъ [72]; но этому противорѣчитъ то обстоятельство, что Юрій въ дарственной записи называетъ себя княземъ Холмскимъ, сыномъ Холмскаго князя, что предполагаетъ, по крайней мѣрѣ, второе поколѣніе на названномъ столѣ и его наслѣдственность, а между тѣмъ намъ извѣстно, что Холмъ прочно

---

72) Въ сраженіи при рѣкѣ Ворсклѣ (1399 г.), въ которомъ былъ убитъ Иванъ Юрьевичъ Белзскій, погибъ также «князь Михаилъ Даниловичъ и братъ его Димитрій, князь Волынскій» — князья неизвѣстнаго, но безъ сомнѣнія Литовскаго происхожденья. Полное собраніе русскихъ лѣтописей. IV, стр. 104. Новгородская четвертая лѣтопись.

принадлежалъ Литовцамъ только съ 1353 года, и то сначала Любарту, а затѣмъ Юрію Наримунтовичу, такъ что о какомъ-нибудь третьемъ наслѣдственномъ родѣ Холмскихъ князей и рѣчи быть не можетъ. Если же мы теперь обратимъ вниманіе на всѣ трудности и противорѣчія, представляемыя дарственною записью, то мы не можемъ не усомниться въ ея подлинности, тѣмъ болѣе, что на это даютъ намъ право еще другія обстоятельства, а въ частности то, что она не сохранилась въ оригиналѣ, а лишь записана на поляхъ евангелія, относящагося правда, судя по почерку письма, къ XIII столѣтію. Сверхъ того, слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что всѣ деревни, подаренныя вкладною на вѣчныя времена Холмской церкви, находятся въ настоящее время въ рукахъ частныхъ владѣльцевъ, какъ на это указалъ самъ Стадницкій [73]). Въ виду всего этого весьма вѣроятно, что упомянутая запись представляетъ подлогъ, сдѣланный неизвѣстно съ какою цѣлью отъ имени Юрія Наримунтовича, при чемъ отецъ его по ошибкѣ названъ по христіански Даніиломъ, въ то время какъ на дѣлѣ онъ нарѣченъ въ крещеніи Глѣбомъ [74]).

И такъ, длиннымъ и окольнымъ путемъ мы, наконецъ, пришли къ заключенію, что послѣ смерти Андрея I и Льва II не остался въ живыхъ ни одинъ мужской потомокъ рода Романовичей. Вслѣдствіе этого Галичско-Владимірское княжество очутилось въ 1322 году въ такомъ положеніи, въ какомъ находились въ самомъ началѣ XIV вѣка, послѣ прекращенія мѣстныхъ династій, сначала Венгрія, а затѣмъ и Чехія; въ то время, какъ дворянство никакъ не могло достигнуть соглашенія по вопросу объ избраніи новаго государя, сосѣднія державы всѣми силами старались подчинить осиротѣвшую землю своей власти или по крайней мѣрѣ настоять на избраніи своего приверженца. Какъ

---

73) Stadnicki, Synowie Gedimina въ Rozprawach i Sprawozdaniach Akad. Umiej. III, стр. 12, примѣч. 25.

74) Семъ же лѣтѣ вложи Богъ въ сердце князю Литовскому Наримонту, нарѣченному въ крещеніи Глѣбу и т. д. Полное Собр. Рус. Лѣтописей Новгород. первая лѣтопись III, стр. 77 подъ 1333 годомъ.

это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, кандидатовъ на престолъ было нѣсколько. Въ числѣ ихъ находился Генрихъ Глоговскій, какъ объ этомъ можно судить на основаніи его письма къ папѣ Іоанну XXII (1324 г.), въ которомъ упомянутый князь употребляетъ титулъ «Haliciae dux» и также на основаніи того что папа въ письмѣ (1325 г.) къ брату Генриха Глоговскаго, Іоанну Глогово-Щенявскому называетъ его княземъ Владимірскимъ (dux Longomeriae)[75]). Въ силу какихъ причинъ Болеславъ Тройденовичъ одержалъ побѣду надъ своими соперниками объ этомъ мы скажемъ въ нижеслѣдующихъ замѣчаніяхъ.

Законъ о престолонаслѣдіи не былъ во всѣхъ русскихъ княжествахъ одинаково регулированъ, тѣмъ не менѣе можно утверждать, что съ тѣхъ поръ какъ отдѣльные удѣлы сдѣлались наслѣдственными, княжескій престолъ какъ бы считался частною собственностью той вѣтви княжескаго дома, которая имъ владѣла въ данную минуту, такъ что съ прекращеніемъ мужскаго колѣна престолъ переходилъ, помимо другихъ мужскихъ линій рода Рюрика, къ дочерямъ покойнаго князя, подобно тому, какъ это до сихъ поръ имѣетъ мѣсто, напр., въ Англіи; если наслѣдница престола была уже за мужемъ, то обыкновенно вмѣсто нея управлялъ мужъ, какъ это, напр., случилось въ Витебскомъ княжествѣ, которое, по словамъ лѣтописца Даниловича, послѣ смерти послѣдняго тамошняго князя наслѣдовалъ Ольгердъ Гедиминовичъ, женатый на его дочери[76]). Поэтому-то, когда прекратился родъ Романовичей по мужской линіи, никто въ Галичѣ и Владимірѣ не думалъ о возведеніи на престолъ какой-нибудь другой вѣтви Рюрикова дома, что неминуемо должно было бы случиться въ періодъ чисто удѣльный, когда всѣ русскія области считались неотъемлемою собственностью *всего* княжескаго рода; теперь же

---

75) Raynald, Ann. eccl. подъ 1324 и 1325 г. Каро, Geschichte Polens II, стр. 225, примѣч. 2.

76) Olhirdu, Korolewu otcu Krewo, da k tomu kniaź Witebskyj sinow nederžał, prinial jeho k dotce, Witebsk wziati. Daniłowicz: Lietopisiec wiel. kniazej Litowskich, стр. 27.

вопросъ состоялъ въ томъ, которая изъ княгинь или княженъ, или который изъ ихъ мужскихъ потомковъ имѣлъ ближайшее право на престолъ? На этотъ вопросъ чрезвычайно трудно дать удовлетворительный отвѣтъ, такъ какъ о дочеряхъ и супругахъ Романовичей мы вообще очень мало знаемъ, въ частности же о двухъ послѣднихъ князьяхъ, мы даже не можемъ сказать. оставилъ ли хоть одинъ изъ нихъ какую-нибудь дочь или нѣтъ. Основываясь на лѣтописи Даниловича, можно думать, что отъ нихъ дѣйствительно осталась какая-то дочь, ибо слова: «а Любарта принялъ Володимірскій князь къ дотцѣ во Володимеръ и въ Луцескъ, и во всю землю Волынскую» [77]), никакъ не могутъ относиться къ дочери Юрія, который, будучи женатъ на сестрѣ Любарта, не могъ выдать свою дочь за ея роднаго дядю; по всей вѣроятности, въ приведенномъ отрывкѣ, рѣчь идетъ о дочери одного изъ предшественниковъ Юрія, скорѣе всего — о дочери Андрея. Она-то по закону должна была сдѣлаться наслѣдницей отцовскихъ владѣній, а вмѣстѣ съ нею и ея супругъ Любартъ. Почему это не случилось, можно объяснить тѣмъ, что княжна вышла за мужъ за Любарта уже послѣ, и то, безъ сомнѣнія, при посредничествѣ Юрія II; такъ какъ послѣ смерти отца у нея не было защитника ея правъ, то ее не трудно было устранить отъ престола, тѣмъ болѣе, что она, по всей вѣроятности, была еще несовершеннолѣтней. Подобная догадка дѣлается весьма правдоподобной въ виду того, что Любартъ, при жизни Юрія II, не требовалъ для себя Владимірскаго княжества, которое онъ получилъ только послѣ его смерти. Галичско-Владимірскіе бояре хотѣли, безъ сомнѣнія, слѣдовать примѣру польскихъ и венгерскихъ магнатовъ, которые въ подобныхъ случаяхъ распоряжались престоломъ по собственному усмотрѣнію; избраніе новой княжеской династіи они употребили какъ средство для расширенія своихъ правъ въ томъ направленіи, чтобъ съ прекращеніемъ княжескаго рода, имъ можно было избирать князей помимо женскаго потом-

---

77) См. примѣчаніе 16.

ства. Не признавая правъ дочери Андрея I. они искали новаго князя на сторонѣ, причемъ болѣе умѣренная партія все же еще обращала вниманіе на женскихъ потомковъ Романовичей и желала одному изъ нихъ предоставить княжескій столъ, но не по праву наслѣдства, а по выбору. При такихъ обстоятельствахъ, самые большіе шансы были на сторонѣ Болеслава Тройденовича, который, будучи ближайшимъ родственникомъ прекратившагося княжескаго дома, получилъ воспитаніе при дворѣ своего дѣда Юрія I, какъ объ этомъ можно судить по теплому упоминанію объ немъ въ первой его грамотѣ (1325 г.). Возможно и то, что и дяди Болеслава хотѣли предоставить ему, по крайней мѣрѣ, какую-нибудь часть своихъ владѣній, на что указываетъ его переходъ въ православіе, который долженъ былъ снискать ему расположеніе не только низшихъ слоевъ населенія, но и болѣе ревностныхъ приверженцевъ православія изъ числа знатнаго боярства. Рѣшенію избирательной борьбы въ пользу Болеслава Тройденовича содѣйствовало немало и то обстоятельство, что одна изъ политическихъ партій, безъ сомнѣнія онѣмеченныя города, предложила на свой страхъ княжескій престолъ католику и лицу совершенно постороннему, т. е. Генриху Глоговскому, который, какъ мы уже выше замѣтили, дѣйствительно съ этихъ поръ называлъ себя Галичскимъ княземъ. Вслѣдствіе этого, послѣ продолжительной неурядицы, единогласно избранъ былъ на престолъ въ концѣ 1324 или скорѣе въ началѣ слѣдующаго года Болеславъ Тройденовичъ, который въ качествѣ Галичскаго князя носилъ православное имя Юрій II. Избраніемъ этимъ, безъ сомнѣнія, остался доволенъ Польскій король, который, можетъ быть, даже рѣшилъ его своимъ вмѣшательствомъ, такъ какъ для него было чрезвычайно важно, чтобъ въ сосѣдней странѣ наконецъ водворился порядокъ, прежде чѣмъ она сдѣлается добычей Татаръ. Такимъ образомъ, въ Галичско-Владимірскомъ княжествѣ произошло тоже самое, что случилось потомъ въ сосѣдней Польшѣ: послѣ устраненія боковыхъ линій царствующаго дома,—тамъ Рюриковичей, а здѣсь Пястовичей, свободнымъ избраніемъ возведенъ на престолъ сынъ

сестры послѣдняго мѣстнаго князя; при этомъ верховныя его права сильно ограничены въ пользу олигархической аристократіи. Это-то ограниченіе привело оба государства—одно раньше, другое позже къ потерѣ независимости, когда къ политической неурядицѣ присоединились религіозныя распри, дававшія сосѣдямъ возможность вмѣшиваться въ ихъ внутреннія дѣла.

Теперь же перейдемъ къ связному разсмотрѣнію дѣятельности новаго князя, насколько, это вообще возможно при скудости источниковъ.

По отношенію къ сосѣднимъ государствамъ Юрій II остался вполнѣ вѣренъ политикѣ своихъ предшественниковъ изъ рода Романовичей, насколько измѣнившіяся обстоятельства не заставляли его идти по новому пути. Въ объединившейся Польшѣ онъ вполнѣ основательно видитъ для себя опасность и потому сейчасъ, послѣ вступленія на престолъ (въ 1325 г.), онъ возобновляетъ дружескія отношенія къ Тевтонскому Ордену, стремящемуся черезъ занятіе восточнаго Поморья оттѣснить возобновленное Польское королевство отъ береговъ Балтійскаго моря; черезъ два года онъ заключилъ даже съ магистромъ Ордена Вернеромъ де-Орсельнъ оборонительно-наступательный союзъ, при чемъ обязался защищать Орденъ по преимуществу отъ Татарскихъ набѣговъ, и также «отъ какихъ бы то ни было вражескихъ нападеній» [78]). Въ договорѣ изъ осторожности ничего не сказано, съ какой стороны подобное нападеніе могло угрожать Ордену, но тѣмъ не менѣе не трудно догадаться въ чемъ дѣло. Татаре, противъ которыхъ этотъ договоръ прямо направленъ, владѣли, правда, въ то время Подоліей и Кіевской областью: ихъ земли непосредственно соприкасались съ владѣніями Юрія II; но на Тевтонскихъ рыцарей они могли напасть не иначе, какъ только въ качествѣ союзниковъ великаго Литовскаго князя, а противъ него-то этотъ договоръ собственно и былъ направленъ. Ближайшій поводъ къ его заключенію, безъ сомнѣнія, подали измѣнившіяся отно-

78) См. примѣчаніе 2.

шенія между Литвой и Польшей. Съ тѣхъ поръ какъ оба эти государства пришли къ убѣжденію, что у нихъ общій врагъ въ лицѣ Тевтонскаго Ордена, могущество котораго росло пропорціонально къ ихъ раздорамъ, прежняя ихъ вражда начала уступать мѣсто дружбѣ, которая въ 1325 году была скрѣплена бракомъ Казиміра III Владиславовича съ Альдоной (Анной), дочерью Гедимина; при этомъ случаѣ, состоялось также соглашеніе на счетъ общихъ дѣйствій противъ Ордена рыцарей. Въ виду такой опасности, Орденъ, конечно, сталъ искать союза съ Юріемъ II, который тѣмъ охотнѣе склонился къ нему, чѣмъ опаснѣе былъ для него самого Польско-Литовскій союзъ, съ которымъ, въ извѣстной степени былъ солидаренъ также Венгерскій король Карлъ Робертъ, вступившій въ 1320 году въ бракъ съ Елисаветой, дочерью Владислава Локетка; вслѣдствіе этого владѣнія Юрія II почти со всѣхъ сторонъ были окружены землями враждебныхъ ему союзниковъ.

Но Юрій II не могъ не знать, что союзъ съ Орденомъ можетъ привести его къ весьма опаснымъ затрудненіямъ, и потому онъ сталъ искать союзника, который не нуждался бы въ его помощи, но который, въ случаѣ надобности, могъ бы его поддержать или деньгами, или же своимъ могущественнымъ покровительствомъ; такого союзника онъ надѣялся найдти въ папѣ. Побуждаемый политическими обстоятельствами, а еще болѣе личными наклонностями онъ въ началѣ 1327 года, кажется, еще до заключенія договора съ Тевтонскимъ Орденомъ, выразилъ желаніе вернуться въ лоно католической церкви. И вотъ уже 16 іюня папа Іоаннъ XXII отвѣтилъ ему, убѣдительно увѣщевая его остаться при своемъ спасительномъ намѣреніи. Весьма вѣроятно, что король Владиславъ I служилъ посредникомъ въ этихъ переговорахъ Юрія II съ папской куріей, такъ какъ папа обратился къ нему съ письмомъ изъ Авиньона, отъ того же 16 іюня 1327 года, въ которомъ убѣдительно проситъ Польскаго короля всячески содѣйствовать возвращенію своего родственника въ лоно католической церкви. Можно догадываться, что Владиславъ охотно исполнилъ просьбу папы, находя въ ней желанное

средство склонить на свою сторону Владимірскаго князя и отвлечь его отъ союза съ Тевтонскимъ Орденомъ, который въ то время сильно угрожалъ Польшѣ, соединившись съ другимъ могущественнымъ врагомъ Владислава — Чешскимъ королемъ Іоанномъ Люксембургскимъ. Но Юрій II, хотя и перешелъ въ католицизмъ, тѣмъ не менѣе Владиславъ не достигъ съ нимъ полнаго соглашенія, такъ какъ Владимірскій князь, очевидно, колебался приступить къ союзу Польши, Литвы и Венгріи противъ Тевтонскаго Ордена; это явствуетъ изъ словъ Прусскаго лѣтописца, который подъ 1329 годомъ въ числѣ отъявленныхъ враговъ Ордена приводитъ только короля Польскаго, Венгерскаго и великаго князя Литовскаго [79]). Однако, съ другой стороны сомнительно и то, чтобы Юрій II принялъ участіе въ борьбѣ въ качествѣ союзника Ордена, къ чему онъ прямо обязался договоромъ 1327 года; по всей вѣроятности, королю Владиславу удалось склонить его, если не къ союзу, то, по крайней мѣрѣ, къ соблюденію нейтралитета. Только послѣ того, когда Тевтонскіе рыцари потерпѣли рѣшительное пораженіе подъ Пловцами (1331 г.), Юрій окончательно отказался отъ союза съ ними и, по всей вѣроятности, примкнулъ къ союзу Польско-Литовскому (Венгерскій король не принималъ участія въ этой битвѣ). Для скрѣпленія дружбы, Владимірскій князь еще въ концѣ 1331 года вступилъ въ бракъ съ дочерью великаго князя Гедимина, сестра коего была за мужемъ за Польскимъ королевичемъ Казиміромъ [80]). Въ это же время, по всей вѣроятности, со-

---

79) Dri konige offenbâren
des ordens viende wâren:
von Polen konig Lokût,
zu Littowen ein heiden mût,
konig Gedemin genant,
und der konig vom Ungerlant.

Ss. rr. pruss. II, стр. 471. Die Chronik Wigands v. Marburg (хроника эта составлена около 1393 года).

80) Długosz подъ 1331 годомъ; Joh. Vitodurani Chron. въ Eccardi Corp. hist. I, стр. 1862. Quod audiens rex Kragoviae, cujus consors soror uxoris Regis Ruthenorum jam intoxicati fuerat, illuc cum exercitu properavit. — Anon. Leobiensis Chron. въ собраніи Ss. rr. austriacarum ed. Hier. Pez, I, стр. 958 подъ

стоялся бракъ Любарта Гедиминовича съ дочерью князя Андрея; быть можетъ, уже тогда было условлено, что Любартъ, послѣ смерти Юрія, получитъ Владимірское княжество, чтó и на самомъ дѣлѣ случилось [81]).

Но какъ только Владиславъ скончался (1333 г.) и миролюбивый сынъ и преемникъ его Казиміръ заключилъ договоръ съ Орденомъ, Юрій немедленно также возобновилъ дружбу съ Тевтонскими рыцарями, о чемъ свидѣтельствуютъ двѣ послѣднія грамоты 1334 и 1335 годовъ. Естественнымъ слѣдствіемъ этого было, какъ кажется, быстрое охлажденіе дружественныхъ отношеній къ Польшѣ, чему не мало содѣйствовало то обстоятельство, что союзъ съ Литвой, послѣ того какъ Казиміръ обнаружилъ желаніе помириться съ Орденомъ, потерялъ всякій смыслъ и сталъ быстро уступать мѣсто взаимному нерасположенію; Юрій же, не будучи угрожаемъ со стороны бывшихъ союзниковъ, могъ безъ всякой для себя опасности возобновить прежнюю дружбу съ Тевтонскими рыцарями. Мало того, старая вражда къ Польшѣ вспыхнула вскорѣ во Владимірѣ съ такою силою, что Русскіе въ 1337 году напали на Люблинъ, отнятый у нихъ въ 1302 году, и соединились для этого даже съ Татарами, своими недавними заклятыми врагами [82]). Но такъ какъ татарскій вождь погибъ въ сраженіи

1340 годомъ: Hoc anno Rex Ruthenorum moritur, et Rex Krakoviae ratione consortis, quae filia Regis Livoniae fuerat, terram apprehendere festinavit.

81) Boleslao, filio Troyden ducis Mazoviae... per toxicum interempto..... Lubardus, filius Gedimini ducis Litwanorum, eundem ducatum Russiae possidebat и т. д. (Bielowski Mon. Pol. hist. II, 629) Joannis de Czarnkow Chronicon Polonorum. Изъ всего сказаннаго нами ясно, что Любартъ, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, при жизни Юрія II не получилъ никакого удѣла. Извѣстіе хроники Даниловича (стр. 27) что Любартъ ничего не получилъ отъ отца, такъ какъ онъ унаслѣдовалъ Владимірское княжество находится въ полномъ соотвѣтствіи съ разсказомъ Чарнковскаго, ибо Гедиминъ по словамъ русскихъ лѣтописей скончался только въ 1341 году (а не въ 1339 или еще раньше), такъ что Любартъ дѣйствительно еще при его жизни получилъ удѣлъ. (О смерти Гедимина, см. Первая Новгород. лѣтопись въ Полн. Собр. русс. лѣт. III, стр. 81).

82) Anno domini 1337 Tartari cum Ruthenis castrum Lublyn vallaverunt (Biel. Mon. Pol. histor. III, p. 78). Rocznik Świętokrzyski; также на стр.

и войско его вслѣдствіе этого потеряло мужество, то попытка овладѣть Люблиномъ осталась безъ успѣха; но для Юрія неудача эта имѣла, по всей вѣроятности, то слѣдствіе, что земли его, пользовавшіяся въ началѣ XIV вѣка полною самостоятельностью, попали въ зависимость отъ Татаръ. Этимъ объясняется, почему Іоаннъ Витодуранъ полагалъ, что Юрій занялъ престолъ по волѣ татарскаго хана [83]), а также и то, почему Галичскіе бояре послѣ смерти Юрія II требовали отъ Татаръ помощи противъ короля Казиміра, ссылаясь на вассальную зависимость Галичскаго княжества отъ татарскихъ хановъ [84]). Если же мы обратимъ вниманіе на то, что предшественники Юрія II не только вмѣшивались въ польскія дѣла, но и съ успѣхомъ боролись съ возрастающимъ могуществомъ Литвы и въ конецъ освободились отъ татарской зависимости, то мы должны будемъ признать, что силы Владимірско-Галичскаго княжества въ послѣдніе годы жизни Юрія II значительно ослабѣли, коль скоро онъ вынужденъ былъ просить помощи у тѣхъ Татаръ, противъ которыхъ онъ скорѣе долженъ былъ защищать сосѣднія земли; причину этого несомнѣннаго упадка силъ слѣдуетъ искать во внутренней неурядицѣ.

О внутреннемъ состояніи Галичско-Владимірскаго княжества при Юріѣ II, сохранилось также мало извѣстій, какъ и о дѣлахъ внѣшнихъ, но тѣмъ не менѣе, на основаніи тѣхъ немногихъ данныхъ, которыя до насъ дошли, мы можемъ полагать, что названное княжество находилось въ то время въ состояніи полнѣйшаго внутренняго разложенія. Этотъ печальный процессъ завершился 25 марта 1340 года отравленіемъ Юрія II [85]); тѣ источ-

---

83) Joh. Vitodurani Chron. въ Eccardi Corp. hist. I, стр. 1862. Imperator Tartarorum.... procuravit eis Christianum latinum и т. д.

84) Capitaneus ipsius gentis ad Usbek Tartarorum Imperatorem, *cui gens ipsa tributaria dinoscitur*, accedens и т. д. Theineri Vet. Mon. Pol. et Lithuaniae I, стр. 434 № 566. — Rex Tartarorum hoc audiens, *regnum asserit esse suum, tanquam sibi et suis progenitoribus censuale.* Anonymus Leobiensis въ Собраніи Ss. rr. austr. ed. Pez, I, стр. 958 подъ 1340 годомъ.

85) Rocznik Traski въ Biel. Mon. Pol. hist. II, 860. Długosz III, стр. 183 184.—Joh. Vitodurani Chron. у Eccarda, I, 1862. Rocznik Małopolski въ Biel. Mon.

ники, изъ которыхъ мы почерпаемъ извѣстіе о его смерти, вмѣстѣ съ тѣмъ косвенно проливаютъ свѣтъ на причины, обусловившія упадокъ его государства. Изъ письма папы Бенедикта отъ 29 іюня 1341 г. писаннаго въ Авиньонѣ къ Краковскому епископу, вытекаетъ, что король Казиміръ насильственную смерть Юрія и преданныхъ ему приверженцевъ приписывалъ ихъ католическому вѣроисповѣданію [86]). Яснѣе высказывается по этому поводу Траска, который говоритъ про Болеслава Тройденовича, «что онъ-де слишкомъ жестоко поступалъ съ своими подданными, подвергая ихъ заключенію и грабя ихъ имущество, похищая ихъ дочерей и женъ и насилуя ихъ, а также отдавая предпочтеніе передъ ними другимъ народамъ, какъ напримѣръ Нѣмцамъ и Чехамъ» [87]). Правда, Траска самъ ослабляетъ свое показаніе словомъ «де» (dicitur), но существенную его часть подтверждаетъ Іоаннъ изъ Чарнкова, говоря, что Болеславъ Тройденовичъ «старался измѣнить ихъ (Русскихъ) законъ и вѣру» [88]); въ этомъ согласенъ съ обоими историками также Іоаннъ Витодуранъ. Когда и какими средствами Юрій старался навязать своимъ православнымъ подданнымъ католическую религію, объ этомъ не сохранилось прямыхъ извѣстій; но на основаніи того, что до насъ дошло, можно дѣлать много предположеній. Когда въ 1327 году Юрій II рѣшился вернуться въ лоно католической церкви, онъ, по всей вѣроятности, могъ разсчитывать на безусловную преданность извѣстной части

Pol. hist. III стр. 199. Item Boleslaus filius Trohide ducis Mazovie, princeps Ruthenorum, a suis inpocionatus circa festum annunciacionis beate Marie ex hac vita decessit.

86) Ex oblate siquidem nobis peticionis eiusdem regis (Kazimiri) serie nuper accepimus, quod cum dudum gens scismatica Ruthenorum quondam Boleslaum Ducem Russie, ipsius Regis consanguineum germanum de fidelibus procreatum parentibus, veneno impie, ac *nonnulos alios Christi fideles* eidem Duci, dum viveret, obsequentes, immaniter occidissent, idem Rex huiusmodi scelus abhorrens, et zelo *ulciscende iniurie fidei christiane* accensus, cum exercitu suo terram Russie dictam gentem expugnaturus intravit и т. д. Theiner Monumenta Poloniae, стр. 434 № 566.

87) Bielowski Mon. Pol. hist. II, 860. Rocznik Traski.

88) — qui legem et fidem ipsorum immutare nitebatur. Joan. de Czarnkow въ Biel. Mon. Pol. hist. II, стр. 629.

своихъ подданныхъ, ибо въ противномъ случаѣ его уже тогда постигла бы та участь, которой онъ въ концѣ концовъ всетаки не избѣжалъ. Кто были эти надежные союзники на это довольно ясно намекаетъ Траска: это были Чехи и Нѣмцы. Правда, въ упомянутомъ извѣстіи на первомъ мѣстѣ приведены Чехи, но, кажется, что мы не слишкомъ ошибемся, утверждая, что ихъ при дворѣ Юрія II было немного и что главную опору противонародныхъ стремленій князя составляли Нѣмцы, которыхъ, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ извѣстій, въ странѣ было довольно большое количество. Даже грамоты Юрія II свидѣтельствуютъ о томъ, что торунскіе купцы уже въ прежнія времена пользовались постоянно покровительствомъ Галичско-Владимірскихъ князей и потому, естественно, что многіе изъ нихъ посѣщали страну съ торговыми цѣлями не только временно, но и жили здѣсь постоянно, будучи въ этомъ поддерживаемы разными княжескими льготами. Этотъ потокъ нѣмецкихъ переселенцевъ достигъ наибольшей силы послѣ перваго Татарскаго нашествія (1240), когда князья, не будучи гарантированы передъ новыми набѣгами, стали укрѣплять возобновленные города и заселять ихъ иностранцами, такъ какъ уменьшенное населеніе оказывалось недостаточнымъ. Въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій число этихъ иностранныхъ переселенцевъ возросло до того, что уже въ концѣ XIII вѣка они добились участія въ государственныхъ дѣлахъ, какъ объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ извѣстіе, заключающееся въ Волынской лѣтописи, по которому Мстиславъ, младшій сынъ короля Даніила, будучи назначенъ наслѣдникомъ престола своимъ двоюроднымъ братомъ Владиміромъ, отправился еще, при его жизни, въ его стольный городъ Владиміръ, созвалъ всѣхъ Владимірскихъ бояръ и горожанъ, Русскихъ и Нѣмцевъ и приказалъ передъ всѣми ими прочесть дарственную грамоту двоюроднаго брата (1287) [89]). Та-

---

89) Веемъ же рядъ с братомь поѣха до Володимѣря, и приѣхавъ Володимѣрь ѣха во пископью ко свѣтѣй Богородици: и созва бояры Володимѣрьскыя

кимъ образомъ, признаніе Мстислава наслѣдникомъ Владиміра зависѣло также отъ согласія нѣмецкихъ мѣщанъ. Вѣроятно также и то, что на Галичскихъ Нѣмцевъ заразительно дѣйствовалъ примѣръ ихъ Краковскихъ соотечественниковъ, которые, послѣ смерти Генриха Глоговскаго, вмѣстѣ съ Грифиной сами стали распоряжаться упраздненнымъ престоломъ и по собственному произволу предложили корону Чешскому королю Вячеславу II. Можетъ быть, что и Галичскіе Нѣмцы, послѣ прекращенія. мѣстной княжеской династіи, хотѣли рѣшить вопросъ объ избраніи новаго князя сообразно своимъ стремленіямъ и нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что именно они-то призвали онѣмечившагося Генриха Глоговскаго на Галицкій престолъ. Весьма также вѣроятно, что единогласное избраніе Болеслава Тройденовича сдѣлалось возможнымъ, благодаря тому, что русскій, православный элементъ, все же еще болѣе многочисленный, нежели переселившіеся Нѣмцы-католики, единодушно отвергъ ихъ ни на чемъ не основанныя притязанія. Но, если Болеславъ Тройденовичъ дѣйствительно былъ избранъ противъ воли нѣмецкаго мѣщанства, то онъ вскорѣ успѣлъ пріобрѣсти его расположеніе, поддерживая уже въ самомъ началѣ католиковъ противъ православныхъ, и перетянулъ ихъ окончательно на свою сторону, когда, противъ воли православнаго населенія, самъ перешелъ въ католицизмъ. Только этимъ тѣснымъ сближеніемъ нѣмецкаго населенія съ княземъ возможно объяснить, почему Юрій, измѣнившій вѣрѣ большинства населенія, не былъ сейчасъ же лишенъ престола: въ рукахъ его приверженцевъ находились нѣкоторые укрѣпленные города въ томъ числѣ Владиміръ и Львовъ, противъ которыхъ возмущеніе сельскаго населенія не могло имѣть большаго успѣха.

Сознавая прочность своего положенія, Юрій вскорѣ послѣ своего обращенія началъ, по всей вѣроятности, дѣлать приготовленія къ обращенію въ католицизмъ своихъ православныхъ под-

---

брата своего, и мѣстичѣ Русци(н) и Нѣмцѣ, и повелѣ передо всими чести грамоту братну, о даньи землѣ и. т. д. Ипатьев. лѣт. подъ 6795 г. (изд. 1871 года).

данныхъ. Опасность, угрожавшая православной церкви была тѣмъ больше, что Юрій началъ мириться съ Польскимъ королемъ, и въ этомъ обстоятельствѣ слѣдуетъ искать причину того замѣчательнаго явленія, что тогдашній русскій митрополитъ Ѳеогностъ, родомъ грекъ, вскорѣ послѣ своего пріѣзда изъ Царьграда отправился во Владиміръ и провелъ въ немъ съ промежутками нѣсколько лѣтъ, — хотя отъ смерти его предшественника Петра († 1326) постояннымъ мѣстопребываніемъ русскихъ митрополитовъ была Москва. О пребываніи Ѳеогноста во Владимірѣ намъ извѣстно изъ того, что туда долженъ былъ ѣхать для поставленія вновь избранный Новгородскій архіепископъ Василій; поставленіе это совершено надъ нимъ въ 1331 году въ храмѣ Богородицы, въ присутствіи епископовъ: Григорія Полоцкаго, Аѳанасія Владимірскаго, Ѳеодора Галичскаго, Марка Перемышльскаго и Іоанна Холмскаго [90]). Три года спустя (въ 1334 г.) [91]) тотъ же Василій совершилъ во Владиміръ Волынскій къ митрополиту вторую поѣздку; изъ чего видно, что Ѳеогностъ проживалъ въ этомъ городѣ довольно продолжительное время, а это не могло имѣть другой цѣли, какъ организацію защиты православной церкви противъ нападокъ со стороны католическаго князя.

Впрочемъ, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что пребываніе митрополита Ѳеогноста во Владимірѣ въ самомъ началѣ не противорѣчило намѣреніямъ князя. Кто знаетъ, не питалъ ли онъ тайной надѣжды, что ему со временемъ удастся склонить Ѳеогноста навсегда остаться въ его владѣніяхъ и этимъ путемъ положить начало самостоятельной Галичско-Владимірской митрополіи. Осуществить эту мысль пытался двадцать лѣтъ тому назадъ князь Юрій I [92]), и его внуку не могло быть безъизвѣстно, на сколько

---

90) Полное Собраніе рус. Лѣтоп. III, стр. 75. Новгород. первая лѣт. подъ 1331 годомъ (6839). Новгородская вторая Лѣт., стр. 181.

91) Въ лѣто 6842 (1334) индикта 2 владыко Василіи ходилъ къ митрополиту въ Володимерь. Полн. Собр. рус. Лѣт. III, стр. 77. Новгород. первая лѣтопись.

92) Житье св. митрополита Петра, составленное митрополитомъ Кипріа-

меньше трудностей представляло бы осуществленіе его намѣренія, еслибъ ему удалось заручиться по этому вопросу согласіемъ митрополита. При его помощи, онъ безъ особаго насилія могъ бы осуществить соединеніе православнаго населенія съ католической церковью, въ то время, какъ въ противномъ случаѣ онъ долженъ былъ постоянно опасаться, что угнетённое православное населеніе будетъ обращать свои взоры къ болѣе сильной, Сѣверо-восточной Руси, а это для него съ политической точки зрѣнія не могло быть безразлично. Если Юрій II дѣйствительно ожидалъ отъ Ѳеогноста исполненія своихъ желаній касательно устройства самостоятельной Галичской митрополіи, то онъ, конечно, ошибался, ибо митрополитъ наконецъ уѣхалъ въ Сѣверо-восточную Русь— потому-ли, что его туда звали какія-нибудь неотложныя дѣла, или же, быть можетъ, потому что Владимірскій князь, не будучи въ состояніи пріобрѣсти его для своихъ цѣлей, просто на просто выгналъ его изъ своего стольнаго города, чтобъ онъ не былъ ему помѣхой, при осуществленіи его плановъ. Однако, отъ мысли учредить самостоятельную Галичскую митрополію Юрій II не отказался даже и послѣ этого. Изъ письма короля Казиміра къ Константинопольскому патріарху мы узнаемъ, что въ Галичѣ, раньше чѣмъ онъ подпалъ подъ власть Польши, были четыре митрополита, а именно: Нифонтъ, Петръ, Гавріилъ и Ѳеодоръ [93]). Если это такъ, то послѣдній изъ нихъ приходится, безъ сомнѣнія, на княженіе Юрія II и есть не кто иной, какъ Галичскій епископъ Ѳеодоръ, тотъ самый, который участвовалъ въ 1331 году въ поставленіи Новгородскаго архіепископа Василія. Этотъ Ѳеодоръ еще въ грамотѣ Юрія II 1334 года называется еписко-

---

помъ. «Князь же Волынскія земли, совѣщаетъ совѣтъ не благъ: *восхотѣ Галичскую* Епископію въ Митрополію претворити. У Карамзина, IV, стр. 149, примѣчаніе 243.

93) Πρῶτον ἦν μητροπολίτης τῆς ὑμῶν εὐλογίας ὁ Νίφων, δεύτερος μητροπολίτης ὁ Πέτρος, τρίτος μητροπολίτης ὁ Γαβριήλ, τέταρτος μητροπολίτης ὁ Θεόδωρος, οὗτοι πάντες ἦσαν εἰς αὐτὸν τὸν θρόνον τῆς Γαλίτζες. Acta Patriarchatus Constant. ed. Miklosich et Müller I, стр. 577. Также въ Biel. Monum. Polo-t. II, стр. 626, примѣч. 6.

помъ Галичскимъ, но уже въ грамотѣ слѣдующаго года онъ упоминается безъ всякаго титула; очень возможно, что именно тогда, послѣ отъѣзда Өеогноста, шли переговоры о возведеніи его въ санъ митрополита, причемъ этотъ послѣдній долженъ былъ содѣйствовать князю въ дѣлѣ обращенія православныхъ жителей въ католицизмъ.

Подобнымъ стремленіямъ князя, кромѣ почти всего православнаго духовенства, сопротивлялись также и свѣтскіе чины. Галичско-Владимірское боярство, представлявшее по характеру и своимъ стремленіямъ большое сходство съ сосѣдними польскими и венгерскими магнатами, было, правда, укрощено на болѣе продолжительное время королемъ Даніиломъ, но оно опять подняло голову, когда Юрій II сталъ на путь антинаціональной политики; опираясь на православное населеніе оно стало стремиться къ осуществленію своихъ честолюбивыхъ замысловъ, конечную цѣль коихъ составляло ослабленіе княжеской власти и расхищеніе коронпаго имущества. О ходѣ этой борьбы намъ, къ сожалѣнію, ничего неизвѣстно, но о результатѣ ея мы можемъ судить на основаніи тѣхъ четырехъ грамотъ Юрія II, на которыя мы уже не разъ ссылались. Въ первыхъ двухъ, относящихся къ 1325 и 1327 годамъ, Юрій заключаетъ дружественные договоры съ Тевтонскимъ Орденомъ отъ своего имени, на основаніи чего можно судить, что онъ въ то время управлялъ государствомъ еще безъ всякихъ ограниченій. Въ третьей грамотѣ (1334) соблюденіе договора, вмѣстѣ съ княземъ гарантируютъ также знатнѣйшіе сановники страны, а именно: Өеодоръ, епископъ Галичскій, Димитрій, придворный гофмейстеръ, Хотко, высшій земскій судья, Юрій Лысый, Михаилъ Елизаровичъ, Александръ Молдаовичъ и Борисъ Кракула. Точно также договоръ 1335 г. заключенъ не только именемъ князя, но и знаменитѣйшихъ его вельможъ, которые выступаютъ въ немъ не только въ званіи высшихъ земскихъ чиновниковъ, но и въ качествѣ управителей отдѣльныхъ областей государства; въ частности это были слѣдующія лица: Димитрій, придворный гофмейстеръ, Михаилъ Елизаровичъ, вое-

вода Белзскій, Васька Кудриновичъ, высшій земскій судья, Грычко Коссачовичъ, Перемышльскій воевода, Борисъ Кракула, воевода Львовскій, Өеодоръ, Отекъ, воевода Луцкій и наконецъ Хотко, сынъ Еромíра (Яромíра). Къ двумъ послѣднимъ грамотамъ поименованные въ нихъ вельможи привѣсили на равнѣ съ княземъ свои печати. Такимъ образомъ, въ теченіи шести лѣтъ власть князя до того была ограничена, что онъ не могъ уже по собственной волѣ заключать договоровъ, не испросивъ на это согласіе не только высшихъ государственныхъ сановниковъ, но и простыхъ управителей отдѣльныхъ областей. Изъ этого видно, что княжество Романовичей стало быстро распадаться на составныя свои части, въ которыхъ отдѣльные вельможи распоряжались столь же самостоятельно, какъ и прежніе родовые старшины, такъ что князь былъ совершенно безсиленъ противъ ихъ своеволія. Нѣкоторые изъ нихъ дошли до того, что не стѣснялись на свой страхъ вести войны съ сосѣдними государствами. Къ числу такихъ предпріятій, совершенныхъ противъ воли князя, слѣдуетъ отнести разбойническій набѣгъ на восточную Венгрію, который въ 1330 году совершили Галичане въ качествѣ союзниковъ Татаръ и Валаховъ противъ Валашскаго воеводы Базарады, о чемъ разсказываютъ намъ Венгерскія хроники [94]). Хотя Юрій II въ это время находился въ дружбѣ съ Польскимъ королемъ и, по всей вѣроятности, у него также вслѣдствіе этого не было никакихъ недоразумѣній съ Венгерскимъ королемъ, тѣмъ не менѣе разбойническія набѣги на Венгрію не прекращались, пока наконецъ король Карлъ Робертъ не былъ вынужденъ вооруженной рукой положить предѣлъ этимъ набѣгамъ. Онъ предпринялъ съ этою цѣлью два похода: первый въ 1332 и второй въ 1334 г. Такъ какъ война велась съ православными русскими, то папа по просьбѣ короля, разрѣшилъ венгерскому войску употреблять въ постные дни мясную пищу, ибо въ опустошенной странѣ нельзя было достать другой пищи. Каковы были результаты этихъ походовъ,

---

94) Pray Ann. reg. Hung. подъ 1332, 1334, 1338 гг.

объ этомъ въ историческихъ памятникахъ ничего не сказано, но можно догадываться, что они были ничтожны, коль скоро оказалось необходимымъ повторять ихъ вновь.

Сильное униженіе княжеской власти, которую никакъ нельзя было поднять принятіемъ титула «Божьею милостью природный князь всея Малыя Руси» было для Юрія II дѣломъ крайне неудобнымъ и невыносимымъ, и потому онъ попытался насильственными средствами возвратить ей прежнее значеніе. Какъ онъ послѣ этого поступалъ, видно изъ словъ польскаго лѣтописца Траски, который говоритъ, что князь «подвергалъ заключенію бояръ, и вмѣсто нихъ замѣщалъ должности иностранцами—Чехами и Нѣмцами». Роль палачей при этомъ, безъ сомнѣнія, играли мѣстные Нѣмцы, интересы коихъ страдали отъ усиленія власти бояръ еще болѣе, нежели интересы самого князя. Кажется, что успѣхъ въ борьбѣ съ боярствомъ былъ на сторонѣ Юрія, какъ объ этомъ можно догадываться на основаніи одного извѣстія, сохранившагося въ венгерскихъ хроникахъ. По ихъ словамъ въ послѣднихъ числахъ іюня 1338 года пріѣхалъ въ Вышеградъ (въ Венгріи) какой-то князь Лохка и будучи принятъ съ большимъ почетомъ, поклялся Венгерскому королю въ дружбѣ и неизмѣнной вѣрности. Это извѣстіе скорѣе всего слѣдуетъ понимать такъ, что какой-нибудь Галичскій вельможа, не надѣясь выйдти цѣлымъ изъ борьбы съ княземъ, добровольно сдѣлался вассаломъ Венгерскаго короля [95]), съ которымъ Владимірскій князь со временъ размолвки съ Польскимъ королемъ, находился также въ враждебныхъ отношеніяхъ. Но событіе это не имѣло никакихъ послѣдствій, такъ какъ Венгерскій король хотя и охотно принялъ ленную присягу русскаго боярина, но будучи занятъ собственными дѣлами, осо-

---

95) Thurocz разсказываетъ, что «anno domini 1338 circa festum apostolorum Petri et Pauli, dominus *Lochka dux Ruthenorum*, venit in Vissehrad cum electo populo militum ad regem Carolum Hungariae, promittens omnis amicitiae incrementum». Pray говоритъ: Advenerat Vissohradum, ubi a rege honorificentissime acceptus in Hungarorum se amicitia et fide perpetuo mansurum, data sponsione promisit. См. Naruszewicz IX, стр. 68, примѣчаніе 5.

бенно же вопросомъ о назначеніи своего сына Людовика преемникомъ бездѣтному Казиміру, ничего не предпринялъ противъ князя Юрія II.

Ободренный удачнымъ началомъ политической реакціи Юрій II, безъ сомнѣнія, только теперь сталъ насильно обращать жителей въ католицизмъ, въ чемъ ему не малыя услуги оказывалъ самъ новый митрополитъ. Эти религіозныя притѣсненія сопровождались грубымъ оскорбленіемъ семейныхъ узъ, что̀ окончательно вооружило противъ него всѣхъ коренныхъ обитателей страны. Такъ какъ явное возмущеніе не могло имѣть вѣрнаго успѣха, ибо въ рукахъ князя находились многіе укрѣпленные города, то недовольные прибѣгли къ излюбленному въ XIV вѣкѣ средству для устраненія непріятныхъ лицъ, т. е. — къ яду. 15-го марта 1340 года Юрій II былъ отравленъ во Владимірѣ [96]) ядомъ столь сильнымъ, что, по словамъ Витодурана, отъ его дѣйствія тѣло князя распалось на нѣсколько частей. Таковъ былъ грустный конецъ деспотическаго государя—но вмѣстѣ съ тѣмъ и конецъ самостоятельности Галичско-Владимірскаго княжества. Судьба русскаго народа въ Галичѣ послѣ 1340 г. во многомъ напоминаетъ печальную участь чешскаго народа послѣ Бѣлогорской битвы: чужеземцы и католическая церковь подѣлились добычей въ такой мѣрѣ, что цвѣтущая прежде страна, въ теченіи тридцати лѣтъ, превратилась почти въ безлюдную пустыню.

---

96) Шараневичъ не знаетъ гдѣ это случилось, но думаетъ, что во Львовѣ (стр. 153). По извѣстіямъ со второй половины XV вѣка Юрій отравленъ во Владимірѣ. Bielowski, Mon. Pol. hist. III, стр. 284 (Troydenus) habuit tres filios: *Boïkonem*, qui receptus per Ruthenos, in Wlodzymyrz veneno interiit, Kazimirum qui decessit sine prole anno 1355 et Semovitum.

1. *Генеалогическая таблица Романовичей.*

Мстиславъ II Изяславичъ † 1169,
кн. Владиміро-Волынскій.

- Святославъ † 1175.
- **Романъ** † 1205, кн. Владимір. (и Галичскій съ 1199 г.).
  - **Даніилъ** (род. 1201, † 1264).
    - Ираклій.
    - **Левъ I** † 1301.
      - **Юрій I** † 1315.
        - Михаилъ † 1284.
        - **Андрей I**, кн. Влад., † 1321.
          - Буча [2]), супруга Любарта Гедиминовича.
            - Волынь присоединена къ Литвѣ.
        - **Левъ II**, кн. Галич., † 1322.
        - **Марія** [1]), суп. Тройдена Болеславича.
          - **Болеславъ (Юрій II)** † 1340 г., суп. Марія Гедиминовна.
            - Галичское княжество присоединено къ Польшѣ.
    - Романъ † 1260.
    - Шварнъ † 1269.
    - Мстиславъ † 1291.
      - Даніилъ.
  - Василько † 1271.
    - Владиміръ, князь Владимірскій 1289.
- Всеволодъ Белзскій † 1193.
  - Всеволодъ † 1245.
  - Александръ † 1234, кн. Белзскій.
    - Всеволодъ.
    - Гримислава, супруга Лешка Бѣлаго.

---

1) Что Марія, супруга Тройдена Мозовецкаго, была дочерью Юрія I, объ этомъ свидѣтельствуетъ первая грамота Юрія II къ магистру Тевтонскаго ордена: .... Nos Georgius dei gracia dux Russie promittimus ac spondemus honorabilibus dominis domino Werenhero Magistro generali in Thorun .... Quod quemadmodum nostri *progenitores* felicis recordacionis Rex Daniel, seu Leo noster atavus, aut *Georgius noster avus karissimus* pacem et omnimodam karitatem cum ordine prenominato tenere consueverunt... Подробности см. на стр. 6—8.

2) Супруга Любарта Гедиминовича по словамъ литовской лѣтописи, изданной Даниловичемъ и Поповымъ — а Люборта принялъ Володимерскии князь к дотце во Володимеръ и в Луческъ и во всю землю Волынскую. (См. Уч. Зап. II Отдѣленія Акад. Н. Книга I. 1854. Пам., стр. 27) и Длугоша (Septimus et ultimus Lubardus, sortem inter fratres non accepit; matrimonium *filiae unicae Ducis Wladimiriensis sortitus*, cum qua illi ducatus Leopoliensis et Wladimiriensis obveniebat), была дочерью Владимірскаго князя. Такъ какъ Владимірское княжество принадлежало Андрею I (а это видно изъ жалованной грамоты, данной Торунскимъ купцамъ въ 1320 г.), то слѣдуетъ признать, что супруга Любарта была дочерью Андрея I.

2. Генеалогическая таблица младшей линіи Пястовичей.

Казиміръ Справедливый (1177—1194).

- Лешекъ Бѣлый † 1227.
  - Болеславъ Стыдливый. † 1297.
  - Соломея, суп. Коломана Венгерскаго.
- **Конрадъ Мазовецкій † 1247.**
  - Казиміръ Куявскій † 1268.
    - Лешекъ Черный † 1288 г. Супруга Графина, дочь Ростислава, бана Мачевскаго, внучка Михаила Черниговскаго.
    - Владиславъ Локетокъ † 1333.
      - Казиміръ В. 1333—1370. Суп. Анна (Альдона), дочь Гедимина.
      - Елисавета, суп. Карла Роберта.
        - Людовикъ Венгерскій.
          - Ядвига, супругъ Владиславъ Ягайло.
  - **Семовитъ Мазовецкій † 1262.**
    - **Конрадъ † 1294 кн. Черскій.**
    - Болеславъ.
      - **Тройденъ.** Суп. Марія, дочь Юря I Галичскаго.
        - **Болеславъ (Юрій II) Галичскій † 1340. суп. Марія Гедиминовна.**
        - **Казиміръ Варшавскій † 1354.**
        - **Семовитъ Черскій † 1381.**
      - Ванько † 1338. Суп. Данмила, дочь Гедимина.
        - Болеславъ Плоцкій † 1351.

3. *Генеалогическая таблица Гедиминовичей.*

Пукуверъ [1]).

- Витанъ или Витенъ [2]) 1292—1315.
  - Поята суп. Лиздейка.
    - Виршилло суп. кн. Белзской [3]).
- Гедиминъ 1315—1341.
  - Монвидъ † 1432—1343.
  - Наримундъ (Глѣбъ) † 1348.
    - Александръ.
    - Патрикій.
    - Юрій Белзскій.
      - Иванъ † 1399.
  - Ольгердъ † 1337.
    - Ягайло, мужъ Ядвиги.
    - Владиміръ кн. Кіевскій.
  - Явнутъ.
  - Кейстутъ.
    - Витовтъ.
  - Любартъ † 1386 суп. Буша.
    - Михаилъ.
    - Александръ.
    - Өеодоръ.
    - Иванъ.
  - Корята.
  - Альдона (Анна), суп. Казиміра В.
  - Данмила (Елисавета), суп. Ваньки Мазовец.
  - Марія, суп. Болеслава Тройденовича (Юрія II).

---

1) Такъ какъ къ сожаленію, литовская ономастика еще не обработана, то намъ нельзя возстановить настоящую форму имени отца Витена. Во всѣхъ спискахъ хроники Петра Дюсбурга (Petrus de Dusburg), современника Витена и Гедимина, онъ называется Pucuverus (Script. rer. pruss. I, 155). Карамзинъ и за нимъ другіе предпочитаютъ форму Lutuverus, которая однакожъ встрѣчается только въ изданіи Гарткноха. Pucu-, можетъ быть, является искаженіемъ формы Butu. Срав. догадку Теппена въ Scriptt. I, 146.

Профессоръ Бецценбергеръ, давно занимающійся разработкою вопроса о прусскихъ и литовскихъ именахъ, одобряетъ эту послѣднюю досадку, и, на основаніи лингвистическихъ и палеографическихъ соображеній, предполагаетъ форму Butu-mer-us. Если догадка проф. Бецценбергера вѣрна, то предпола-

гаемую имъ форму можно сблизить съ общеславянскими именами *Буди*миръ и *Буди*славъ (если Дюсбургъ былъ уроженцемъ верхней Германіи, то онъ легко могъ написать t вм. d). Замѣтимъ при этомъ, что въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1290 (6708) г. упоминается литовскій князь *Буди*видъ.

Стрыковскій, пользовавшійся не дошедшимъ до насъ спискомъ Дюсбурга, постоянно называетъ (см. стр. 246, 250, 248 и 267 Варш. изданія) отца Витена — Utinverus. Можно полагать, что онъ пропустилъ начальную согласную, тѣмъ болѣе, что во всѣхъ спискахъ Дюсбурга она сохранилась.

2) Въ черновой письма города Риги, написанномъ на пергаментѣ въ концѣ 1822 или весною 1823 г., городскіе старшины обращаются къ Гедимину съ слѣдующими словами: sicut Vithene bone memorie frater vester et antecessor (Русско-ливонскіе акты. 1868, стр. 31). Кажется даже, что послѣднія четыре слова (frater noster et a.) заимствованы изъ письма самого Гедимина, на которое Рижане отвѣчали.

3) Г. Котлубай, въ своемъ сочиненіи: Galerja nieświeżska portretów Radziwiłłowskich (Wilno 1857 г.), приводитъ извѣстіе, которое даетъ основаніе полагать, что у Бушп, дочери Андрея I, была родная, или двоюродная сестра. По его словамъ «(Lizdejko) z Pojaty córki W. Księcia Witenesa, miał jedynego syna Wirszyłłę, urodzonego w r. 1300, który w roku 1322 dowodził wojskiem Litewskiém w wyprawie przeciw Krzyżakom; w r. 1325 poślubił jakąś *Księżniczkę Bełzką* i z niéj zostawił syna Serputa czy Syrpucia». Если это извѣстіе, почеркнутое г. Калубаемъ изъ неизданныхъ документовъ Несвѣжской библіотеки, достовѣрно, то неизвѣстная по имени княжна Белзская скорѣе всего была дочерью Льва II, ибо у Андрея, по словамъ Длугоша, была только одна дочь... «Septimus et ultimus Lubardus, sortem inter fratres non accepit; matrimonium *filiae unicae* Ducis Wladimiriensis sortitus, cum qua illi ducatus Leopoliensis et Wladimiriensis obveniebat».

Въ выше приведенномъ со словъ г. Котлубая извѣстіи,обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что упоминаемая въ немъ княжна Белзская вышла за мужъ въ 1325 г., т. е. въ самомъ началѣ княженія Юрія II и при томъ за лицо, не княжескаго рода. Очень возможно, что предполагаемая дочь Льва II выдана за мужъ Юріемъ II и что этотъ послѣдній не безъ задней мысли выбралъ ей супруга, который не имѣлъ права занять княжескій столъ.

Осипъ Гонсіоровскій.

Хронологическая таблица съ указателемъ.

1280. Даніилъ Мстиславичъ принимаетъ участіе въ татарскомъ набѣгѣ на Польшу, стр. 25. 26.

1287. Владиміръ Васильковичъ назначаетъ Мстислава Даниловича своимъ преемникомъ, стр. 27. 59. 60.

1315. Смерть Юрія I Львовича, 27.

1315, 26 іюня. Владиславъ Локетокъ заключаетъ союзъ съ королями датскимъ, норвежскимъ и шведскимъ и князьями руянскимъ, меклембургскимъ и вендскимъ противъ маркграфа бранденбургскаго, 27.

1316, 10 августа. Грамота Андрея I и Льва II къ Карлу Трирскому, магистру Тевтонскаго Ордена, 7. 8. 13. 27.

1320. Бракъ Карла Роберта съ Елисаветою, дочерью Владислава Локетка, 54.

1320, 13 іюля. Гедиминъ наноситъ пораженіе Тевтонскимъ рыцарямъ въ Жмуди. Перемиріе съ Орденомъ, 12, 13.

1320, 28 ноября. Жалованная грамота Андрея I торунскимъ купцамъ, 7, 13.

1321. Походъ Гедимина на Волынь. Смерть владимірскаго князя Андрея I и присоединеніе къ Литвѣ Подляхіи, 13—15.

1322. Гедиминъ наноситъ пораженіе галичскому кн. Лльву II. Смерть Льва II, 14, 15.

1322. Тевтонскіе рыцари возобновляютъ военныя дѣйствія противъ Литвы, 15.

1324, 21 іюля. Письмо Владислава Локетка къ папѣ Іоанну XXII, 8. 10—12. 15.

1324. Письмо Генриха Глоговскаго къ папѣ Іоанну XXII, 50.

1325. Первая грамота Юрія II къ Вернеру, магистру Тевтонскаго Ордена, 4. 9. 17. 52. 53. 63.

1325. Вступленіе Юрія II на Галичко-Владимірскій столъ, 15. 18—22. 52. 60.

1325. Письмо папы Іоанна XXII къ Ивану, князю Глогово-Щенявскому, 50.

1325. Бракъ Казиміра Владиславовича съ Альдоною (Анною) Гедиминовной и союзъ Владислава Локетка съ Гедиминомъ противъ Тевтонскаго Ордена, 54.

1327. Вторая грамота Юрія II къ Вернеру де Орсельнъ, магистру Тевтонскаго ордена, 4. 5. 9. 17. 53—55. 63.

1327, 16 Іюля. Письмо папы Іоанна XXII къ Владиславу Локетку, 16. 18. 54.

1327. Возвращеніе Юрія II въ лоно католической церкви, 18. 19. 20. 21. 58. 59.

1330. Галичане вмѣстѣ съ Татарами и Валахами совершаютъ набѣгъ на валашскаго воеводу Базараду, 64.

1331. Владиславъ Локетекъ наноситъ пораженіе Тевтонскимъ рыцарямъ при Пловцахъ, 55.

1331. Бракъ Юрія II съ Маріей Гедиминовной, 20. 55.

1331. Бракъ Любарта Гедиминовича съ Бушей, дочерью Андрея I, 50. 56.

1331. Первое путешествіе новгородскаго архіепископа Василія во Владиміръ Волын. къ митрополиту Өеогносту, 61.

1332. Первый походъ Карла Роберта противъ Галичанъ, 64.

1333. Смерть Владислава Локетка. Преемникъ его Казиміръ В. заключаетъ перемиріе съ Орденомъ, 56.

1334. Второе путешествіе новгородскаго архіепископа Василія во Владиміръ Волын. къ митрополиту Өеогносту, 61.

1334. Второй походъ Карла Роберта противъ Галичанъ, 64.

1334. Третья грамота Юрія II къ магистру Тевтонскаго Ордена, 4. 5. 7. 56. 63.

1335, 20 октября. Четвертая грамота Юрія II къ магистру Тевтонскаго ордена, 4—7. 27. 56. 63.

1337. Русины вмѣстѣ съ татарами осаждаютъ Люблинъ, 56.

1338. Кн. Лохка (Lochka) приноситъ въ Венгерскомъ Вышеградѣ ленную присягу венгерскому королю, 65.

1340, 25 марта. Смерть Юрія II, 57. 58. 66.

1340. Походъ Казиміра В. на Русь и присоединеніе Галичскаго княжества къ Польшѣ, 22. 23.

1341. Татарскій набѣгъ на Польшу, 21. 22.

1341, 29 іюня. Письмо папы Бенедикта къ Краковскому епископу, 20. 58.

1341. Смерть Гедимина, 56.

1349. Походъ Казиміра на Русь и покореніе Владимірскаго княжества, 29. 33.

1351. Смерть плоцкаго кн. Болеслава Ваньковича, 32.

1351, Сентябрь. Семовитъ III и Казиміръ Тройденовичи получаютъ Плоцкъ, 32.

1351. Походъ Людовика Венгерскаго на Владиміръ. Взятіе въ плѣнъ Любарта, 28. 32. 33.

1352. Литовскіе князья опустошаютъ Польшу, 33.

1353. Мирный договоръ Литвы съ Польшей, 28. 31—38.

1353, іюль. Любартъ Гедиминовичъ совершаетъ нападеніе на Галичъ, 33.

1354—1355. Смерть Казиміра Тройденовича, 23. 24. 33.

1366. Казиміръ В. покоряетъ землю Волынскую, 36.

1366. Договоръ Литвы съ Польшей, 30. 37.

1370. Смерть Казиміра В. Волынскія земли переходятъ подъ власть Литвы, 37.

1376. Вкладная запись Юрія Даниловича Холмскаго, 27. 34. 46. 48. 49.

1376. Набѣгъ литовскихъ князей на Малую Польшу, 38.

1377, іюль—авг. Походъ Людовика В. на Волынь, 38—41. 47.

1377, 8 октября. Купчая крѣпость, 41.

1379. Юрій Наримунтовичъ пріѣзжаетъ въ Новгородъ.

1382. Смерть Людовика В. Бенедиктъ, намѣстникъ русскихъ владѣній венгерской короны, продаетъ ихъ Любарту Гедиминовичу, 42.

1386. Бракъ Ягайлы съ Ядвигой, 43.

1387. Поляки, подъ начальствомъ Ядвиги, овладѣваютъ Червонною Русью, 43. 44.

1390. Юрій Наримунтовичъ и его сынъ Иванъ ищутъ убѣжища у Тевтонскихъ рыцарей, 45.

1392. Вступленіе Витовта на великокняжескій литов. престолъ, 45.

1392, октябрь. Смерть Юрія Наримунтовича, 45. 46.

1395. Владиславъ Ягайло даетъ Белзъ Семовиту Мазовецкому, 46.

1399. Сраженіе на берегахъ Ворсклы. Смерть Ивана Юрьевича, 46.

УКАЗАТЕЛЬ.

Мы пользуемся случаемъ чтобы сдѣлать общедоступными три грамоты и одну надпись на колоколѣ, неизвѣстныя Ив. Ржежабку, а проливающія новый свѣтъ на послѣдніе годы самостоятельнаго существованія Червонной Руси.

1.

Князь Юрій II жалуетъ городу Саноку магдебургское право. Во Владимирѣ, 20 января 1339 г.

In dei nomine Amen. Quod humana mundi negotia facilius elabuntur memoria, que nec scripto neque voce testium lucide confirmantur: ideo necesse est, vt res acta digno memorie scripto perhenniter roboretur. Noverint igitur vniuersi et singuli, tam presentes quam futuri, quorum audiencie seu visui presens pagina demonstratur, quod nos Georgius dei gracia dux et heres regni Russie, existentes in bona corporis sospitate et mentis sanitate, maturata ac prehabita meraque voluntate dedimus et contulimus fideli nostro seruitori Bartkoni de Sandomiria aduocaciam in Sanak nostra ciuitate super flumen quod dicitur San sita, cum plena potestate et omni iurisdiccione Theuthunico iure id est iure Megdeburgensi, sibi et suis pueris legitimis heredibusque vniuersis perpetuo iure libere ac hereditarie habendam, tenendam et possidendam, prout ipsum (sic) ius Megdeburgense viget et tenetur per ciuitates singulas; omnem hominem iudicandum, sive sit Theuthunicus, Polonus, Vngarus et Ruthenus, cuiuscunque condicionis et sexus fuerit homo siue status in districtu confinioque eidem ciuitati Sanak assignato. De pena vero a iudicatis personis cedente duo denarii nobis iure cedere debent, tertius autem denarius ipsi Bartkoni et suis posteris ac heredibus debet destinari. Demum dedimus prius dicto Bartkoni suisque pueris ac successoribus legitimis presentibus et futuris in ipsa ciuitate Sanak forum et eius circumferenciam omni iure et libertate hereditarie possidendam, vt quidquid super ipsum edificare et construere voluerint seu potuerint, pretorium, institas et cameras emptibiles vniuersas, videlicet pannicidarum, institorum, macellorum, sutorum, piscatorum, et ea que ad

vsus proprios quiuerint conuertere aut commutare [1]). Similiterque eidem Bartkoni predicto et suis posteris dedimus et contulimus curiam sartorum et balnea cum areis eorundem, siue intra ac extra civitatem Sanak fuerint situata. Insuper bono spiritu sepius nominato Bartkoni suisque successoribus aut pueris legitimis dedimus perpetuo iure atque hereditarie habendum sextum mansum seu laneum inter gades et metas Sanak ipsius ciuitatis. scilicet sub spacio dimidii miliaris eius quoque circumferencia superius et inferius ciuitatis, prope flumen San 1. miliare, ad partem dextram totidem in ista parte littoris, in qua ciuitas est locata, cum omnibus vsualibus proventibus, que sunt et que fieri possunt, scilicet in agris extirpatis et extirpandis, in pratis, in pascuis, in campis, in paludibus, in siluis et rubetis, in venatione animalium et ferarum cunctarum et omnium auium captura, in omni quoque usu et profectu, quem comparare poterint inter gades et limites prelibatas. Incole vero et subsides in ipsa Sanak ciuitate et extra residentes seu commorantes, reliquos mansus vel laneos in confinio iam dicte ciuitatis colentes et laborantes, expirata et consumpta XV annorum libertate, de quolicet mansu et laneo XVI grossos soluere tenebuntur census annualis. De ortis vero circumiacentibus ciuitati tertius denarius eidem Bartkoni et suis pueris debet destinari. Insuper sepefato Bartkoni et eius progenitis uniuersis dedimus et contulimus flumen San in longitudine dimidii miliaris littore ex utroque superius ciuitatem ascendendo, cum insula minori prope ciuitatem, et omnes fluuios ad ipsum San defluentes in metis prenotatis et molendinum in Trebscz locatum, quidquid in eo et in eis vsus siue prouentus facere poterint, scilicet molendina, piscinas et piscaturas piscium, obstaculorum quorumlibet quod Theuthunice wer, sclauonice vero jacs nuncupatur. Nihilominus volumus et distinctius mandamus, quatenus sub obtentu gracie nostre nullus officialium et ministerialium nostrorum, nobilis aut imgnobilis (sic), potens et simplex quidquam [2]) habeat agere, iudicare et imperare in dicta ciuitate Sanak eiusque confiniis in terris aut in aquis contra uoluntatem sepefati Bartkonis et suorum heredum ac successorum legitimorum. Qui vero secus fecerit, nostram se senciat incurrisse indignationem et offensam grauiorem. Sed qua [3]) si (?) quando placuerit eidem Bartkoni sepius nominato suis heredibus et posteris legitimis casu oportunitatis eueniente, pretactam aduocaciam sanacensem cum vniuersis vsibus et prouentibus partim aut in toto vendere, proponere, exponere aut in alia bona commutare, plenissime consentimus. In horum euidenciam presentes conscribi et dependendi nostri sigilli munimine dedimus roboratas. Actum in Lodomiria sub testimonio uirorum proborum et honestorum videlicet, Johannis dicti Lacta, Adalberti aduocati de Bochna, Bartholomei

1) communicare?
2) potens aut simplex quidquid
3) quia, si (quasi?)

aduocati de Warssov, Johannis Brunonis, Leonis de Sywicz. Datum anno domini millesimo trecentesimo tricesimo nono in die sanctorum Fabiani et Sebastiani.

2.

Напись на колоколѣ соборной Юрьевской церкви въ Львовѣ. 1341 г.

C X	C H
V ꓘ	I N

Въ лѣт. ,ѕѡмд сольанъ бы колокъ сиі стму юрью при кнѧзи дмитриї игуменомь еѵъфимьемь, ъвокѧ арокс ъласип а[1]).

3.

Венгерскій король Людовикъ требуетъ отъ правителя Руси Дядька, чтобы русскіе сборщики собирали съ кашавскихъ купцовъ такіе же пошлины, какъ и съ польскихъ. Въ Офенѣ 20 маія 1344 г.

Ludovicus, Dei gratia rex Hungariae, fideli suo magnifico, comiti Dechk, capitaneo Ruthenorum, salutem et gratiam. Conqueruntur nobis fideles cives ac hospites civitatum nostrarum regni Hungariae praedicti, et specialiter cives civitatis nostrae Cassa vocatae, cum rebus scilicet mercimonialibus ad Rutheniam procedere consveti, quod cum ipsi, cum eorum rebus mercimonialibus ad loca tributorum vestrorum pervenirent, tributarii vestri super ipsos tributum superfluum, imo omnino injustum, et plus quam a populis, seu mercatoribus regni Poloniae, ac aliorum regnorum, ab ipsis exigerent, et extorquerent indebite et injuste; quare fidelitatem vestrae magnificentiae de praesentibus requirimus diligenter, nihilominus damus in mandatis, quatenus super fatos cives et hospites quarumlibet civitatum nostrarum, et specialiter praedictae civitatis nostrae Cassa, in locis tributorum vestrorum per vestros tributarios superfluum tributum, ac plus, quam a populis et hospitibus regni Poloniae et aliorum regnorum exigi facere non velitis, et non debeatis; aliud proptereaque non facturi; imo eodem solutis justis et ab antiquo consvetis eorum tributis, de locis vestrorum tributorum libere, et absque omni impedimento abire permitti faciatis, salvis rebus et personis. Datum Budae in octavis festi ascensionis Domini. Anno millesimo, trecentesimo, quadragesimo quarto.

---

1) Послѣднія четыре слова надобно читать на оборотъ: а писалъ Скора Яковъ.

4.

Грамота, данная польскимъ королемъ и господаремъ русской земли Казимиромъ торунскимъ купцамъ на свободный проѣздъ черезъ Польшу во Владимиръ волынскій. Въ Сандомирѣ, 5 дек. 1349 г.

Noverint universi presencium noticiam habituris, quod nos Casimirus dei gratia rex Polonie dominusque terre Russie damus et concedimus plenam et omnimodam securitatem omnibus et singulis mercatoribus de terris Prussiae et de nostris praecipue e Thorunensibus per terram nostram Rusiae transeundi et ad Ladimiram nostram civitatem veniendi ibique negociandi mercandi et morandi salvis rebus omnibus et personis promittimus eciam pro omni dampno mercatoribus praedictis si quod absit ab aliquo homine in terra nostra Rusie eveniret, quod dampnum de nostro thesauro solvimus. Actum Sand(omirie) sub anno domini millesimo CCCXLIX sabbato infra octavam sancti Andreae. In cujus rei testimonium nostrum sigillum duximus appendendum.

ЗАМѢЧАНІЯ И. А. ЛИННИЧЕНКА

НА СТАТЬЮ Г. РЕЖАБКА

О ПОСЛѢДНЕМЪ КНЯЗѢ ВСЕЙ МАЛОРОССИИ ЮРІѢ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12).
1885.

этого разложенія, но для того чтобы возстановить его картину въ полномъ видѣ, не имѣемъ никакихъ средствъ. Источники не только не даютъ намъ отвѣта на разные вопросы о внутреннемъ устройствѣ южной Руси конца XIII и первой половины XIV в., но мы до послѣдняго времени не могли возстановить даже генеалогіи послѣднихъ галицко-волынскихъ князей.

Этого смутнаго періода исторіи Галицко-Волынскаго княжества касается (хотя далеко не въ полномъ объемѣ) статья г. Режабка[1]). Авторъ возстановляетъ генеалогію послѣднихъ галицко-волынскихъ князей и старается, на основаніи дошедшихъ до насъ грамотъ, начертить исторію послѣднихъ временъ самостоятельности Галицко-Волынскаго княжества. Мы увидимъ дальше, что обѣ эти задачи разрѣшены авторомъ далеко не одинаково удовлетворительно.

До Карамзина обыкновенно полагали, что по смерти Андрея и Льва, сыновей Юрія Львовича (внука Даніила), павшихъ около 1320 г. въ битвѣ съ Гедиминомъ, послѣдній присоединилъ къ Литвѣ Галицко-Волынское княжество. Карамзинъ указалъ однако на 4 грамоты князя Юрія (за періодъ отъ 1325—1335), который называетъ Даніила, Льва, Юрія и Андрея своими предшественниками. Карамзинъ счелъ этого Юрія за сына Андрея, предположивъ его смерть около 1336 г. Преемникомъ его является Болеславъ Тройденовичъ Мазовецкій отъ Маріи, дочери Андрея, судьба котораго такъ трагически закончилась.

Такимъ образомъ послѣднимъ Романовичемъ по мужской линіи считался Юрій II, предполагаемый сынъ Андрея Юрьевича. Эта генеалогія держалась до послѣдняго времени[2]), несмотря на то, что еще въ 1872 г. Бѣлевскимъ было высказано сомнѣніе въ правильности этой генеалогіи и предложена новая, которую

1) Юрій II, послѣдній князь всей Малороссій (J. Řežabek: Jiři II, poslední kníže veškeré Malé Rusi, въ Časopis Musea Královstvi Českého, 1883. Svaz. I—III).

2) Такъ въ прекрасномъ трудѣ проф. В. Б. Антоновича, Очеркъ Исторіи Вел. Княж. Лит. 1878 г., находимъ слѣд. генеалогію послѣднихъ галицко-волынскихъ князей:

Исторія южной Руси съ конца XIII в., т. е. со времени прекращенія галицко-волынской лѣтописи и до самой средины XIV в. крайне темна; мѣстныя лѣтописи или прекратились, или не дошли до насъ, въ польскихъ и нѣмецкихъ лѣтописяхъ на весь этотъ періодъ имѣемъ 2, 3 извѣстія, притомъ записанныхъ по слухамъ и, даже съ перваго взгляда, неточно. Единственный достовѣрный матеріалъ даютъ грамоты, но ихъ весьма мало — нѣсколько княжескихъ грамотъ и нѣсколько папскихъ буллъ; этого матеріала конечно недостаточно для освѣщенія такого значительнаго промежутка времени.

А между тѣмъ періодъ первой половины XIV в. въ исторіи южной Руси представляетъ глубокій интересъ. Только тщательное изученіе внутреннихъ условій жизни Галицко-Волынскаго княжества можетъ дать отвѣтъ на невольно возникающій вопросъ: какія причины привели государство, достигшее такого блестящаго разцвѣта и такой степени могущества, какимъ отличалась южная Русь при Даніилѣ и его преемникахъ, къ такому быстрому паденію, къ такому жалкому распаденію на части, безъ труда оторванныя сосѣдями. Необходимо предположить значительное внутреннее разложеніе элементовъ государства, начавшееся издавна, но достигшее въ этомъ періодѣ своего полнаго развитія. Хотя мы и можемъ догадываться о причинахъ

этого разложенія, но для того чтобы возстановить его картину въ полномъ видѣ, не имѣемъ никакихъ средствъ. Источники не только не даютъ намъ отвѣта на разные вопросы о внутреннемъ устройствѣ южной Руси конца XIII и первой половины XIV в., но мы до послѣдняго времени не могли возстановить даже генеалогіи послѣднихъ галицко-волынскихъ князей.

Этого смутнаго періода исторія Галицко-Волынскаго княжества касается (хотя далеко не въ полномъ объемѣ) статья г. Режабка[1]). Авторъ возстановляетъ генеалогію послѣднихъ галицко-волынскихъ князей и старается, на основаніи дошедшихъ до насъ грамотъ, начертить исторію послѣднихъ временъ самостоятельности Галицко-Волынскаго княжества. Мы увидимъ дальше, что обѣ эти задачи разрѣшены авторомъ далеко не одинаково удовлетворительно.

До Карамзина обыкновенно полагали, что по смерти Андрея и Льва, сыновей Юрія Львовича (внука Даніила), павшихъ около 1320 г. въ битвѣ съ Гедиминомъ, послѣдній присоединилъ къ Литвѣ Галицко-Волынское княжество. Карамзинъ указалъ однако на 4 грамоты князя Юрія (за періодъ отъ 1325—1335), который называетъ Даніила, Льва, Юрія и Андрея своими предшественниками. Карамзинъ счелъ этого Юрія за сына Андрея, предположивъ его смерть около 1336 г. Преемникомъ его является Болеславъ Тройденовичъ Мазовецкій отъ Маріи, дочери Андрея, судьба котораго такъ трагически закончилась.

Такимъ образомъ послѣднимъ Романовичемъ по мужской линіи считался Юрій II, предполагаемый сынъ Андрея Юрьевича. Эта генеалогія держалась до послѣдняго времени[2]), несмотря на то, что еще въ 1872 г. Бѣлевскимъ было высказано сомнѣніе въ правильности этой генеалогіи и предложена новая, которую

---

1) Юрій II, послѣдній князь всей Малороссіи (J. Řežabek: Jiří II, poslední kníže veškeré Malé Rusi, въ Časopis Musea Království Českého. 1883. Svaz. I—III).

2) Такъ въ прекрасномъ трудѣ проф. В. Б. Антоновича, Очеркъ Исторіи Вел. Княж. Лит. 1878 г., находимъ слѣд. генеалогію послѣднихъ галицко-волынскихъ князей:

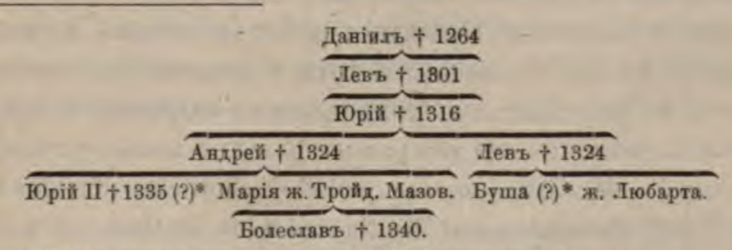
онъ вывелъ изъ одного мѣста хроники Яна Чарнковскаго (Monum. Pol. II, p. 620).

Изслѣдуя сохранившіяся грамоты Юрія II, г. Режабекъ приходитъ къ заключенію, что Юрій не былъ сыномъ ни Андрея, ни Льва, но могъ называть Юрія I дѣдомъ съ материнской стороны, а потому имѣлъ право называть себя природнымъ княземъ русскимъ, какъ потомокъ Романовичей по женской линіи. Такимъ образомъ г. Режабекъ подтверждаетъ мнѣніе Бѣлевскаго, что Юрій II и Болеславъ Тройденовичъ одно и то же лицо, и что въ промежуткѣ между князьями Андреемъ и Львомъ и Болеславомъ-Юріемъ никакого другого князя не было [3]).

Часть сочиненія г. Режабка, устанавливающая тождество Болеслава Тройденовича съ Юріемъ II, представляетъ лучшее мѣсто въ его статьѣ. Аргументація автора остроумна и доказательна.

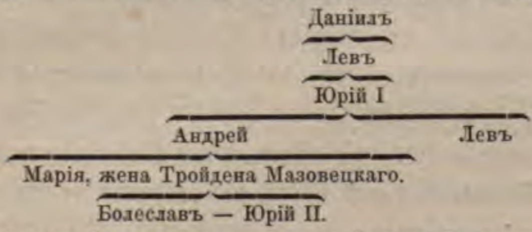
Установленіе тождества Болеслава и Юрія даетъ объясненіе двумъ папскимъ булламъ, въ которыхъ идетъ рѣчь объ обраще-

---

* Знакъ вопрос. принадлежитъ В. Б. Антоновичу.

3) Такимъ образомъ генеалогія послѣднихъ галицко-волынскихъ князей изъ рода Романа Мстиславича устанавливается въ слѣд. видѣ:

Имѣлъ ли Левъ дочь, выданную за Любарта Гедиминовича — еще вопросъ сомнительный.

можетъ, обратило его вниманіе на другіе вопросы изъ времени первой половины XIV в., недостаточно имъ разработанные.

Установивъ тождество Болеслава Тройденовича и Юрія II, г. Режабекъ обращается къ вопросу, дѣйствительно ли родъ Романовичей совершенно прекратился въ Галицкомъ княжествѣ, и Андрей и Юрій были послѣдними его представителями по мужской линіи. Онъ рѣшаетъ этотъ вопросъ утвердительно. Между тѣмъ въ литературѣ существуетъ мнѣніе гр. Стадницкаго (высказанное въ его Synowie Gedymina, t. II), мнѣніе обратное, не признающее Андрея и Юрія за послѣднихъ прямыхъ потомковъ Даніила и указывающее на одного изъ такихъ прямыхъ потомковъ Даніила, жившихъ въ срединѣ XIV ст., въ лицѣ князя Юрія Холмскаго. Теорію гр. Стадницкаго подробно разбираетъ г. Режабекъ. Гр. Стадницкій въ своей теоріи исходитъ изъ грамоты (напечатанной у Востокова въ Опис. Рук. Румянц. Муз.), Юрія Даниловича Холмскаго — дарственной записи холмской епископской каѳедрѣ на разныя земли (1376 г.). Предположивъ этого Юрія за сына Даніила Мстиславича, гр. Стадницкій ищетъ въ лѣтописяхъ слѣдовъ его прежней дѣятельности. Въ числѣ литовскихъ князей средины XIV в. было два Юрія — Наримунтовичъ и Коріатовичъ; оба часто названы только по имени или съ прибавленіемъ названія удѣла ихъ; пользуясь отсутствіемъ отчества при имени Юрія въ лѣтописяхъ и грамотахъ, гр. Стадницкій дѣлаетъ очевидныя натяжки къ пріуроченію данныхъ о князѣ Юріѣ именно къ Юрію Даніиловичу. Г. Режабекъ вполнѣ основательно разбиваетъ теорію гр. Стадницкаго и доказываетъ, что всѣ упоминанія о князѣ Юріѣ въ XIV в. относятся по большей части къ Юрію Наримунтовичу и отчасти къ Юрію Коріатовичу, но нѣтъ никакихъ лѣтописныхъ указаній на существованіе князя Юрія, потомка Романовичей. Что касается грамоты Юрія Даніиловича, то г. Режабекъ склоненъ считать ее подложною, выданной якобы отъ имени Юрія Наримунтовича, отецъ котораго ибкой названъ Даніиломъ, между тѣмъ какъ христіанское имя унта было Глѣбъ.

Намъ удалось лично видѣть въ Румянцевскомъ музеѣ подлинникъ грамоты Холмскаго князя (запись на поляхъ прекрасно сохранившагося Евангелія XIII в.). Способъ написанія ея не внушаетъ никакого сомнѣнія относительно принадлежности ея XIV ст. Но мы не могли не обратить вниманія на слѣд. фактъ: вторая половина имени князя, выдавшаго эту грамоту, стерлась отъ времени; Востоковъ прочелъ имя князя: *Юріа*, но первую букву этого имени можно съ одинаковымъ правомъ прочесть и *ю* и *іе*, вторая — несомнѣнно *р*, но что касается третьей, то она гораздо болѣе походитъ на *е*, чѣмъ на *іа* (остальную половину имени прочесть уже нельзя). Поэтому весьма возможно, что князь, выдавшій эту грамоту, носилъ какое либо другое имя, а не Юрій.

Переходя къ разбору остальной части изслѣдованія г. Режабка, остановимся нѣсколько на періодѣ времени отъ смерти послѣднихъ представителей рода Даніила и до вокняженія Юрія-Болеслава.

Время прекращенія династіи Романовичей въ точности неизвѣстно; изъ письма папы къ Владиславу Локетку знаемъ только одно, что въ 1324 г. потомковъ Романа уже не было въ живыхъ. Папа сожалѣетъ о гибели князей, составлявшихъ крѣпкій оплотъ западу отъ Татаръ и боится, какъ бы теперь этотъ страшный врагъ не нахлынулъ на западъ. Опасенія папы были не напрасны; изъ его же буллъ (отъ 1325 г. см. Theiner, Vet. Mon. Pol. № 316, 324, 338), видно, что въ это время Татаре участили набѣги на Польшу — папа обѣщаетъ прощеніе грѣховъ всѣмъ павшимъ въ битвахъ съ *схизматиками*, Татарами и другими язычниками. Упоминаніе въ буллахъ схизматиковъ говоритъ за то, что въ походахъ Татаръ участвовали и Русскіе. Этотъ фактъ кажется намъ важнымъ въ томъ отношеніи, что объясняетъ легендарные разсказы нѣкоторыхъ лѣтописцевъ, разсказывающихъ о назначеніи ханомъ въ южную Русь татарскихъ царьковъ, систематически отравляемыхъ Русскими. Въ этихъ разсказахъ повидимому смѣшана судьба Болеслава, дѣйстви-

тельно отравленнаго Русскими, съ другимъ, кажется намъ, историческимъ фактомъ — временнаго управленія южной Руси, по смерти послѣднихъ князей ея, татарскими баскаками, вѣроятно при посредствѣ боярской думы, какъ это мы видимъ позже, по смерти Болеслава и до водворенія въ южной Руси Казимира.

Періодъ отъ смерти потомковъ Романа и до вокняженія Болеслава-Юрія г. Рсжабекъ считаетъ временемъ анархіи въ южной Руси и отводитъ этому періоду 1322—1325 г. Въ это время, думаетъ онъ, объявилось нѣсколько кандидатовъ на галицко-володимерскій столъ, кандидатовъ, выставленныхъ разными партіями среди населенія этого княжества (н. пр. думаетъ онъ, кандидатуру силезскаго князя, Генриха Глоговскаго, поддерживали нѣмецкія колоніи въ южной Руси). Одолѣла партія православная, стоявшая за Болеслава Тройденовича Мазовецкаго, принявшаго для большаго успѣха своего дѣла, православіе.

Намъ однако дѣло представляется нѣсколько въ иномъ видѣ; мы думаемъ, что рѣшающее дѣло въ замѣщеніи галицко-волынскаго стола имѣли не разныя партіи внутри государства, а власть, стоявшая внѣ его — воля татарскаго хана[6]). Принятіе этого предположенія объясняетъ фактъ, необъяснимый при гипотезѣ боярскихъ вліяній на избраніе Юрія, фактъ самостоятельной власти Юрія въ началѣ княженія и ограниченной боярской думой въ послѣдніе его годы. Еслибы онъ явился въ Галицко-Володимирское княжество въ качествѣ боярскаго кандидата, то слѣдовало бы ожидать обратнаго явленія. Между тѣмъ, какъ ханскій избранникъ, опиравшійся на татарскую орду, онъ могъ дѣйствительно явиться самостоятельнымъ правителемъ, пока обстоятельства, о которыхъ будетъ рѣчь ниже, не измѣнили его положенія. Очень вѣроятно, что кандидатуру Юрія поддерживалъ у хана и польскій король, Владиславъ Локетокъ, для котораго удобнѣе было

6) Объ этомъ прямо говоритъ Joh. Vitoduranus (Eccardi, Corp. hist.): Imperator Tartarorum procuravit eis Christianum latinum.

видѣть на галицкомъ столѣ мазовецкаго князя, чѣмъ силезскаго, и безъ того опаснаго ему [7]).

Группируя тѣ, крайне скудныя, данныя, которыя мы имѣемъ за періодъ 1325—1340 г., г. Режабекъ пытается возстановить внѣшнія отношенія галицко-володимерскаго княжества за это время. Указавъ на крайне затруднительное положеніе Галицко-Володимирскаго княжества, со всѣхъ сторонъ окруженнаго непріятелями, авторъ рисуетъ намъ политику Юрія въ слѣд. чертахъ: по его мнѣнію, Юрій возобновилъ тѣсныя отношенія съ Орденомъ, завязавшіяся еще при его предшественникахъ, заключивъ съ нимъ оборонительный союзъ и противъ Татаръ и противъ другихъ непріятелей, въ которыхъ г. Режабекъ видитъ Литву. Основаніемъ для такого союза послужилъ между прочимъ тѣсный союзъ, заключенный въ это же время между Польшей и Литвой, союзъ скрѣпленный бракомъ Казимира, сына Владислава, на дочери Гедимина и тѣмъ болѣе опасный Юрію, что къ этому союзу до извѣстной степени примыкалъ, всл. родственныхъ отношеній съ польскимъ королемъ, и венгерскій король. Въ виду опасности такого союза для Галицко-Володимирскаго княжества, Болеславъ-Юрій сталъ искать союзника и нашелъ его въ папѣ, выразивъ ему желаніе возвратиться въ лоно католической церкви. Въ этомъ обращеніи принималъ живое участіе Владиславъ Локетокъ, надѣявшійся найти союзника въ Юріѣ въ своей борьбѣ съ Орденомъ [8]).

---

7) Противоположное думаетъ Caro (Gesch. Pol., II, 225); по его мнѣнію Владиславъ могъ поддерживать сторону Генриха Глоговскаго (по Caro-у русской боярской партіи), чтобы отвратить его претензіи на Вел. Польшу — мнѣніе это опровергаетъ уже простая логика — кого боятся, тому не даютъ новаго оружія въ руки.

8) Въ отчетахъ о командировкѣ заграницу г. Вержбовскаго (Варш. Унив. Изв.) находимъ указаніе на существовавшія грамоты нѣкоторыхъ русскихъ князей къ королю Владиславу; въ нихъ эти князья даютъ Владиславу присягу на вѣрность (а именно: въ инвентарѣ польскаго королевскаго архива, составл. въ 1730 г. въ отдѣлѣ Palatinatus Cijoviae подъ 1333 — Klodimirus Vladislao homagium praestat; въ отдѣлѣ Palatinatus Volhiniae подъ тѣмъ же 1333 г. — Theodori Romani et Alexandri Ducum et Aliorum homagium et fidelitas Vladislao

Впрочемъ Юрій не сталъ на сторонѣ Владислава противъ Ордена, а ограничился лишь простымъ нейтралитетомъ въ ихъ борьбѣ. Лишь послѣ того какъ въ 1331 г. Владиславъ, въ союзѣ съ Литвою, нанесъ Ордену жестокое пораженіе при Пловцахъ, Юрій обратился отъ Ордена къ польско-литовскому союзу и даже женился на дочери Гедимина, сестрѣ жены Казимира. (Авторъ при этомъ дѣлаетъ гипотезу, что Юрій заключилъ съ Литвою договоръ, по которому послѣ его смерти Любарту должно было перейти Галицко-Володимерское княжество, гипотезу, которая намъ кажется однако маловѣроятною). Впрочемъ, дружественныя съ Польшею отношенія продолжались у Юрія недолго; по смерти Владислава онъ снова возобновляетъ союзъ съ Орденомъ, результатомъ чего и было охлажденіе отношеній съ Польшею, порвавшей въ то же время дружественныя связи съ Литвою. Вмѣстѣ съ Татарами Юрій дѣлаетъ, неудачный впрочемъ, набѣгъ на Люблинъ. Съ того же времени (1337) княжество Юрія становится въ зависимость отъ Татаръ, чему способствовали внутреннія неурядицы въ Гал.-Волод. княжествѣ.

Что касается отношеній Юрія къ Ордену, то нѣсколько страннымъ является фактъ частаго возобновленія союзнаго до-

---

regi promissa). Владислава этого г. Вержбовскій, а за нимъ и Н. П. Дашкевичъ (Лит.-Русск. Госуд.) считаютъ за Владислава Локетка. Но это невѣрно. Или г. Вержбовскій невѣрно прочелъ годъ этихъ грамотъ, или въ самомъ инвентарѣ годъ проставленъ неправильно. Дѣло въ томъ, что указаніе на эти грамоты сохранилось въ другомъ инвентарѣ, составленномъ гораздо раньше и напечатанномъ въ 1862 г. въ Парижѣ (Inventarium omnium et singulorum privilegiorum .. quaecunque in archivo regni Cracoviensi continentur. Paris.). Содержаніе этихъ грамотъ въ послѣднемъ инвентарѣ гораздо подробнѣе и не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онѣ относятся ко времени Владислава Ягайла: въ отд. Litterae Palatinatus Kijoviae (275, 271): Homagium Vladimiri ducis Kiiioviensis (это никто иной, какъ Владимиръ Ольгердовичъ) Vladislao regi Poloniae et Hedvigi reginae consorti ejus regnoque Poloniae praestitum. Datum Luceoriae in vigilia S. Margarethae anno 1388. Въ отдѣлѣ: Litterae Palatinatus Volhiniae: Theodorus Danilowicz, Romanus Fiedorowicz, Simon Iwanowicz, Alexander Czetwertynski, Ioannes Nieswicki, Jesko Romankowicz, Wasko Kierdejowicz, Andrejko Romankowicz, duces Rutheni homagium et fidelitatem praestant Vladislao regi Poloniae. Luceoriae die 10 octobris anno 1387.

говора (1325, 1327, 1334 и 1335). Время 20-хъ и 30-хъ годовъ XIV ст. есть время особенно ожесточенной борьбы Польши съ Орденомъ, а потому вѣроятно враги наперерывъ старались заручиться помощію Юрія. Въ одной изъ грамотъ (1334 г.) есть намекъ на подобныя старанія одной изъ враждебныхъ Ордену сторонъ, быть можетъ Польши: (Verum etiam nos. ut obvlulancium (?) seu latrancium et minus iuste detrahencium condictatui memorate unionis. qui concurrimus veritati referunt. *ora concludamus et obstruamus* pretacta tenore presencium litterarum . .[9]).

Что касается отношеній Юрія къ папѣ, то намъ кажется, что починъ здѣсь принадлежалъ не Юрію, а самому папѣ. Примѣръ Даніила Романовича, Александра Невскаго, Гедимина, ясно доказываютъ, что папы, убѣждая нашихъ князей оставить схизму и перейти въ католичество, всегда представляли дѣло въ такомъ видѣ, что будто просьбы объ обращеніи шли къ папѣ отъ князей, а не обратно Что относительно Юрія было тоже самое, на это намекаетъ, кажется намъ, тонъ папскихъ посланій къ Юрію и Владиславу Локетку; къ папѣ дошли только *слухи* о желаніи Юрія перейти въ католичество (audivimus), въ буллахъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на прямое обращеніе Юрія къ апостольскому престолу (вспомнимъ дѣло Гедимина, гдѣ папа имѣлъ дѣйствительное основаніе ссылаться на обращеніе къ нему литовскаго князя: онъ постоянно ссылается на письма Гедимина и приводитъ ихъ подробное содержаніе); папа проситъ Локетка поддерживать русскаго князя въ его благомъ намѣреніи. По всему этому намъ кажется, что къ папѣ дошли лишь неопредѣленные слухи о желаніи Юрія перейти въ католицизмъ, или кто либо изъ миссіонеровъ или пограничныхъ съ Русью польскихъ епископовъ (можетъ быть Любушскій [10]) указали папѣ на русскаго князя, рожденнаго отъ ка-

---

9) Voigt, Cod. dipl. Prussiae, II, № CXLV. Странно, что г. Режабекъ, помѣстивъ у себя остальныя грамоты Юрія in extenso, приводитъ эту лишь въ извлеченіи, такимъ образомъ пропускаетъ это важное мѣсто.

10) Cf. утвержденіе Любушскаго епископа, что Sedes episcopalis Lubucensis in partibus minoris Galathe, que Ruscia nuncupatur, in loco videlicet *Flandemiria*

толическихъ родителей и перешедшаго затѣмъ въ православіе, какъ на хорошій объектъ для пропаганды. Намъ вообще кажутся нѣсколько преувеличенными разсказы о прозелитизмѣ Юрія; во 1) во всей его политикѣ проглядываетъ значительный умъ и осмотрительность, которые не могли позволить ему круто задѣть самое дорогое для русскаго народа наслѣдіе; 2) обращеніе его въ католицизмъ совершилось вѣроятно около 1327 г. (къ этому году относится къ нему обращенная папская булла), слѣд. онъ княжилъ, будучи католикомъ, цѣлыхъ 13 лѣтъ. Намъ кажется что основною причиной его гибели былъ не прозелитизмъ, а другія основанія, о которыхъ мы скажемъ ниже, обвиненіе же въ излишней ревности къ распространенію католической вѣры было въ значительной степени преувеличено его противниками съ цѣлью самооправданія.

Не можемъ также согласиться съ авторомъ въ его очеркѣ отношеній южной Руси къ Татарамъ въ первой половинѣ XIV ст. Авторъ думаетъ, что предшественники Юрія совершенно освободились отъ татарскаго подданства, и что южная Русь снова подпала ихъ власти лишь въ послѣдніе годы Юрія, послѣ неудачнаго похода его съ татарскимъ войскомъ на Люблинъ. Что въ концѣ XIII в. южная Русь сильно чувствовала татарскую власть, ясно изъ гал.-вол. лѣтописи, въ которой находимъ много разсказовъ о подневольныхъ походахъ галицко-володимерскихъ князей съ татарской Ордою на Польшу и Угрію (Ип. 585, 588, 591). Многочисленныя извѣстія о набѣгахъ Татаръ вмѣстѣ съ Русскими на Польшу въ концѣ XIII и началѣ XIV в. находимъ и въ польскихъ анналахъ (R. Malop. ad. a. 1288, 1293, 1302).

(въ другомъ мѣстѣ правильнѣе Flademiria) ab antiquo extitit situata et adhuc ibi patent plura episcoporum sepulchra... Замѣчательно, что это утвержденіе и жалоба на разныя препятствія, заставившія Люб. епископа уйти изъ Владимира и даже потерять юрисдикцію въ этой области (правильность всѣхъ этихъ утвержденій совершенно другой вопросъ), относятся именно къ *1327* г. (Kal. Martii, а буллы папы къ Юрію и Локетку отъ XVI Kal. Julii того же года (Thein. № 376, 383, 384).

Что предшественники Юрія чувствовали себя безсильными въ отношеніи къ Татарамъ, видимъ изъ ихъ договорныхъ грамотъ съ Орденомъ. Они обѣщаютъ охранять земли Ордена отъ Татаръ, *если только это имъ будетъ возможно* (...terras vestras. fideliter. premunire. curabimus pro Tataris *dummodo nobis constiterit*[11]). О нападеніяхъ Татаръ вмѣстѣ съ Русскими въ 20-хъ годахъ XIV в. на Польшу мы знаемъ изъ папскихъ буллъ[12]). Юрій, какъ мы думаемъ, сѣлъ на княжескомъ столѣ южной Руси съ согласія хана и находился по отношенію къ нему въ тѣхъ же вассальныхъ отношеніяхъ, что и его предшественники[13]). Замѣтимъ при этомъ, что степень давленія Татаръ на южную Русь находилась въ зависимости отъ личности баскака, кочевавшаго со своей Ордой вблизи ея и отъ силы его отряда (кажется, отдѣльные татарскіе отряды смѣняли другъ друга въ опредѣленныхъ кочевьяхъ). Такъ Даніилъ Романовичъ «держаше рать с Куремьсою *и николи же не боя́ся Куремьсь*, дондеже приде Бурунда со силою великою... *и ста на мѣстѣхъ Куремьсьнѣхъ*» (Ип. 560).

Особенно любопытны и важны отношенія южной Руси къ Литвѣ въ первой половинѣ XIV ст. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ слишкомъ мало данныхъ, притомъ частью подозрительнаго свойства, для уясненія этихъ отношеній.

Первая половина XIV ст. есть время особенно интенсивной

---

11) Грамота Андрея и Льва отъ 1316 г. (Voigt, Cod. dipl., т. II, № 75). Эта же фраза *буквально* повторена въ договорѣ Юрія II съ Орденомъ отъ 1327 г. (ib. № 119).

12) Theiner, № 316, 324, 338 — первая отъ 1324, остальныя отъ 1325. Въ 30-тыхъ годахъ XIV ст. по нѣкоторымъ извѣстіямъ (см. Pray, Annales regum Hungariae ad a. 1332, 1334, 1335) Татары вмѣстѣ съ Русскими дѣлали неоднократные набѣги на Венгрію. Но это могли быть Татары Подольскіе, а бывшіе съ ними въ походѣ Русскіе-Подольцы, которые находились въ особенныхъ вассальныхъ отношеніяхъ къ нимъ (см. Лѣт. Даниловича). На это обстоятельство не обратилъ вниманія г. Режабекъ, считающій походы на Венгрію самовольными походами намѣстниковъ Юрія.

13) Что и въ южной Руси требовалось ханское утвержденіе для занятія княжескаго стола, совершенно ясно изъ словъ Мстислава Даніиловича Юрью Львовичу, что Владимиръ Васильковичъ передалъ ему землю свою и города, по своемъ животѣ *при царѣхъ и при его рядцяхъ* (Ип. 611).

завоевательной дѣятельности Литвы[14]); завоевавъ значительную часть сѣверо-западной Руси (княж. Полоцкое, Витебское, Туровское, Пинское, Черную Русь), литовскіе князья обратились въ 1-й четверти XIV в. къ Галицко-Володимерскому княжеству и, повидимому, овладѣли Подляхіей и частью восточной Волыни.

Изъ всѣхъ непріятелей, окружавшихъ Галицко-Володимерское княжество, самымъ для него опаснымъ была несомнѣнно Литва, которая, помимо своей возрастающей мощи, находила опору въ симпатіяхъ русскаго населенія, ибо Литва не только оставляла ему старыя учрежденія, но и сама быстро обрусѣла. Кромѣ того литовскіе князья представляли на южно-русскія земли еще родственныя права[15]). Если Литва не воспользовалась удобнымъ случаемъ занять южную Русь по прекращеніи прямыхъ потомковъ Даніила, то, намъ кажется, этому помѣшали Татары, видѣвшіе въ Литвѣ могучаго соперника[16]).

14) Изслѣдователи не согласны между собою относительно объема Литовско-русскаго государства при Гедиминѣ: такъ В. Б. Антоновичъ (Очеркъ ист. велик. княж. Литовскаго) считаетъ вымысломъ разсказъ лѣтописи Быховца о завоеваніи Гедиминомъ Кіева; Н. П. Дашкевичъ (Лит.-русск. Госуд. въ Кіевск. Унив. Изв. за 1882) принимаетъ его, но относитъ не къ 1321, а къ 1333. Оба однако согласны, что Подляхія была отнята Литвою у Гал.-Волод. княжества еще при Гедиминѣ.

15) Въ такомъ смыслѣ толкуетъ В. Б. Антоновичъ (Оч. вел. кн. Лит. 51) слова лѣтописи Даниловича: «А Люборта принялъ Володимерскій князь къ дочцѣ, въ Володимеръ, и въ Луческъ, и во всю землю Волынскую», но, говоритъ онъ, Литва могла заявить это право только послѣ 1340 г., послѣ прекращенія рода Галицко-Володим. князей. Н. П. Дашкевичъ (Лит.-русск. Госуд.) считаетъ извѣстіе лѣтоп. Даниловича тенденціознымъ, но не приводитъ доказательствъ своей мысли. Если фактъ брака Любарта на дочери Владим. князя дѣйствителенъ, то во всякомъ случаѣ онъ не могъ произойти, какъ это думаетъ г. Режабекъ, во время Юрія II, ибо какъ же могъ Гал.-Вол. князь дать самому опасному врагу въ руки такое важное оружіе? Любартъ 1348 г. женился на дочери Конст. Борисовича Ростовскаго (Никон. лѣт.).

16) Мы имѣемъ извѣстія о набѣгахъ Татаръ на Литву въ 1324 и 1337 г. (Никон. лѣт. 1324: Царь Азбякъ посылалъ князей Литвы воевати: и много зла створиша Литвѣ, и со многимъ полономъ пріидоша въ орду.... 1337: тогоже лѣта Татарове воеваша Литву. О борьбѣ Литвы съ Татарами въ 1324 г. гов. и Лив. акты (Rex non poterat loqui nobiscum, quia *cum Tataris erat impeditus*. (Наперскій, p. 47). Странно, что В. Б. Антоновичъ это извѣстіе принимаетъ

Характеръ отношеній Юрія къ Литвѣ нѣсколько разъ мѣнялся; въ началѣ княженія онъ, повидимому, заключаетъ съ Орденомъ оборонительный союзъ противъ Литвы; послѣ ослабленія Ордена несчастной битвой 1331 г. при Пловцахъ, онъ пристаетъ къ польско-литовскому союзу [17]), но очень скоро возобновляетъ союзъ съ Орденомъ (1335 г.). Вѣроятно, причиною этому были наступательныя дѣйствія Литвы на южную Русь, которыя нѣкоторые источники относятъ именно къ 30-мъ годамъ XIV ст. (См. у Н. П. Дашкевича, Лит. Русск. госуд. выписку изъ межигорской рукописи). Едвали случайнымъ совпаденіемъ слѣдуетъ считать одновременные набѣги Руси съ Татарами на Польшу (R. swiętokr. ad a. 1337) и Татаръ на Литву (Никон. лѣт.).

Обращаясь къ внутреннимъ дѣламъ Галицко-Володимерскаго княжества, г. Режабекъ замѣчаетъ прежде всего, что княжество это находилось въ состояніи полнаго внутренняго разложенія. Внутри его шла борьба разныхъ элементовъ, изъ которыхъ оно слагалось, и прежде всего борьба туземнаго населенія съ пришлыми колонистами. Съ другой стороны, тамъ же происходитъ борьба княжеской власти съ боярствомъ, окончившаяся полнымъ пораженіемъ первой.

Пришлому элементу населенія Галицко-Володимерскаго княжества, и особенно нѣмецкимъ колонистамъ, г. Режабекъ придаетъ весьма важное значеніе и считаетъ ихъ настоящими виновниками разложенія южной Руси. Нѣмцы, по мнѣнію автора, составляли главную опору для противонародныхъ стремленій Юрія. Хотя онъ и сѣлъ въ Галицко-Володимерскомъ княжествѣ помимо ихъ воли, ибо они выставили своимъ кандидатомъ католика Генриха Глоговскаго, но Юрій скоро съ ними сблизился и только благодаря имъ могъ такъ долго держаться на княжескомъ столѣ, котораго бы иначе немедленно лишился съ переходомъ въ католицизмъ.

въ смыслѣ посольства Татаръ къ Гедимину (Оч. вел. кн. Лит. 80), между тѣмъ какъ impeditus здѣсь ясно указываетъ на военное столкновеніе.

17) 1331 г., по извѣстію Длугоша, Юрій женился на дочери Гедимина.

Мнѣніе это кажется намъ преувеличеннымъ. Нѣмецкіе мѣщане едвали могли играть такую важную роль, какую имъ приписываетъ г. Режабекъ; нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы именно ими былъ призываемъ въ Галицко-Володимерское княжество Генрихъ Глоговскій — онъ могъ состоять въ какомъ либо, неизвѣстномъ намъ, родствѣ съ галицко-володимерскими князьями и на этомъ основаніи предъявлять свои права[18]. Съ другой стороны разсказы о прозелитизмѣ Болеслава кажутся намъ значительно преувеличенными и составленными по словамъ враждебной Юрію боярской партіи; едвали притомъ одни нѣмецкіе мѣщане могли служить достаточнымъ оплотомъ Юрію при враждебномъ къ нему отношеніи бояръ и всего православнаго населенія[19]; хотя нельзя не отрицать явныхъ намѣреній Юрія замѣстить высшіе уряды чужеземцами, людьми ему преданными (въ грамотахъ Юрія находимъ: Александра Молдавана (Moldowicz), Бориса Кракулю (вѣроятно, тоже молдаванина), Михаила Елезаровича (едвали русскаго — не русскимъ кажется намъ и Ходоръ Отекъ, воевода Луцкій — это, повидимому, Чехъ); но здѣсь онъ дѣйствуетъ противъ русской боярской партіи, ненавистной и населенію (вспомнимъ поведеніе галицкихъ бояръ временъ Даніила и подневольное къ нимъ отношеніе населенія).

Введеніе магдебургскаго права въ южную Русь, доказательство котораго представляетъ ниже помѣщаемая грамота Юрія II отъ 1339 г. (неизвѣстная г. Режабку) имѣетъ, какъ

---

18) Родственныя связи послѣднихъ Гал.-Володим. князей почти совсѣмъ неизвѣстны. Мы знаемъ лишь отчасти родство ихъ съ Мазовецкими князьями. [illegible] встрѣчаются указанія и на иныя родственныя связи — такъ напр. [illegible] Зигарда де Шварцбургъ (Zyghardus de Swarcburc) называетъ родственникомъ Юрій II (еще раньше его называютъ своимъ родственникомъ [illegible]), но что это было за родство, намъ неизвѣстно.

19) [illegible] (Ueber die Verbreit. des Magdeb. Stadtrechts) замѣчаетъ, что [illegible] «kamen nur sparsam und langsam ins Land, und dieses ihr [illegible] scheint mir ... die Ansicht zu bestätigen, dass die ersten Er[illegible] nur erst sehr allmählich zum festen Besitz der Polen wurden».

мы думаемъ, скорѣе экономическое, чѣмъ политическое значеніе [20]).

Характеризуя положеніе княжеской власти и поведеніе бояръ во времена Юрія II, авторъ замѣчаетъ, что сила боярства, сломленная Даніиломъ, возродилась при Юріѣ, благодаря его противонароднымъ стремленіямъ. Она возрасла на столько, что при концѣ правленія Юрія княжество его распалось на отдѣльныя намѣстничества (жупы), управляемыя почти самовластно боярами. Власть бояръ ограничила княжескую власть настолько, что для заключенія международныхъ договоровъ князь долженъ былъ имѣть согласіе ихъ, между тѣмъ какъ въ первые годы своего княженія онъ былъ еще самостоятельнымъ государемъ.

По мнѣнію автора, сила боярства возродилась лишь при Юріѣ, будучи подавлена Даніиломъ. Хотя мы имѣемъ очень мало данныхъ для характеристики боярской партіи Галицко-Володимерскаго княжества за 2-ю половину XIII и 1-ю XIV в., но и на основаніи имѣющагося скуднаго матеріала мы не можемъ согласиться съ выводами г. Режабека.

Даніилу правда удалось въ значительной мѣрѣ справиться съ боярской партіей, но не безъ значительныхъ уступокъ, онъ долженъ былъ многихъ бояръ оставить на ихъ мѣстахъ. Независимѣе Даніила въ отношеніи боярства были повидимому Василько и его сынъ Владиміръ въ своей Волыни — замѣчательно, что въ разныхъ переговорахъ послѣдній пользуется какъ послами духовенствомъ, а не боярами (Ип. 592, 593, 600, 611); передъ смертью онъ передаетъ Волынскую землю Мстиславу Даніиловичу, не спрашивая бояръ; на духовной грамотѣ его (Ип. 594) точно

---

20) Грамота 1339 г. надѣляетъ Санокъ Магдеб. правомъ. По мнѣнію Репеля (Ueber die Verbreitung des Magdeb. Stadtr. im Gebiete des alten polnischen Reichs, Breslau, 1857) и Львовъ вѣроятно получилъ еще при Юріѣ Магдеб. право. Странно однако, что въ послѣдующемъ надѣленіи Санока Магдеб. правомъ (Akta gr. i ziemskie) не сказано, чтобы Санокъ уже раньше имъ пользовался. Въ грамотѣ Юрія упоминаются въ числѣ свидѣтелей advocati — de Bahna, de Varsov и de Sywicz.

также нѣтъ подписи бояръ. Однако боярство съ его стремленіями не исчезло и въ Волынской землѣ, его сдерживала лишь сила и популярность Владимира Васильковича (быть можетъ на защиту отъ боярскаго произвола указываетъ плачь Владимирцевъ по Владимирѣ: «добро бы ны господине, с тобою умрети, створшему толикую свободу, яко же и дѣдъ твой Романъ свободилъ бяшеть отъ всихъ обидъ» (Ип. 605). Но уже Мстиславу пришлось считаться съ боярствомъ—онъ видимо сознавалъ ихъ значеніе (оно поднялось благодаря существованію нѣсколькихъ кандидатовъ на Владимирскій столъ) и еще при жизни Владимира завелъ съ ними сношенію (Ип. 592—слухъ, что Мстиславъ раздаетъ волынскія земли боярамъ). Съ конца XIII в. и до временъ Юрія значеніе бояръ усиливалось; они успѣли ограничить княжескую власть еще до Юрія II—такъ грамота Андрея (Suppl. ad hist. Russiae Monum. № 38) издана ex consilio baronum ac nobilium nostrorum. Мы думаемъ, что на усиленіе боярскаго элемента въ южной Руси долженъ былъ значительно повліять приливъ новой струи въ среду боярства—служилыхъ князей, бѣжавшихъ сюда послѣ завоеванія ихъ удѣловъ Литвою. Уже въ XIII ст. мы находимъ такихъ князей на службѣ у галицко-волод. князей (Василько князь Вослонимскій, Ип. 583—4, Юрій, князь Пороскій, Ип. 612 [21]). Положеніе ихъ, повидимому мало отличалось отъ положенія прочихъ бояръ—гал.-волод. князь называется по отношенію къ нимъ *господиномъ* (Ип. 584), они служатъ у него воеводами, намѣстниками (Данiилъ изъ Острога [22]). Приливъ слу-

---

21) Въ концѣ XIII в., послѣ завоеванія Литвою Турово-Пинской земли, князья ея перешли на службу въ Гал.-Волод. княжество — таковы позднѣйшіе князья Острожскіе, однимъ изъ предковъ которыхъ былъ упоминаемый въ хроникѣ Яна Чарнковскаго Даніилъ изъ Острога (М. Р. II), cf. Максимовичъ, Собр. соч.: Письма о князьяхъ Острожскихъ. (Мнѣніе, высказанное въ соч. Kniazowie i Szlachta Rulikowskiego i Radziminskiego, что князья Острожскіе не происходятъ отъ Турово-Пинскихъ, а суть потомки норманскихъ викинговъ (?), не выдерживаетъ критики).

22) Служилымъ князьямъ кажется не удалось даже сравняться по значенію со старыми Галицко-Волод. боярами — такъ по смерти Юрія главную роль въ Южной Руси играетъ Demetrius Detko, едвали князь (см. грамоту его въ Mon.

жилыхъ князей въ Галицко-Володимерское княжество долженъ былъ быть особенно значителенъ въ 1-й половинѣ XIV ст., когда завоевательная дѣятельность Литвы охватила огромный районъ русскихъ земель.

Самостоятельный тонъ, которымъ отличаются первыя грамоты Юрія II, объясняется, кажется намъ, удовлетворительно нашей гипотезой, что онъ сѣлъ на галицко-володимерскомъ столѣ съ ханскаго соизволенія. Но конечно онъ не могъ долго игнорировать той силы, которую представляло боярство и долженъ былъ войти съ нимъ въ соглашеніе. Конечно, при недостаткѣ фактовъ мы можемъ ограничиться и здѣсь лишь гипотезой—повидимому боярская опека тяготила Юрія и онъ старался избавиться отъ нея тѣмъ, что окружилъ себя преданными людьми изъ чуземцевъ (см. выше); быть можетъ онъ замышлялъ какой либо внутренній переворотъ въ отношеніи русскаго боярства (впрочемъ и среди него онъ имѣлъ повидимому свою партію — въ числѣ приближенныхъ къ нему упоминаются Demetrius Detko,

---

Pol., т. II), онъ же первымъ подписанъ на грамотахъ Юрія II. Что онъ не былъ князь, указываетъ его титулъ Provisor ceu Capitaneus Terrae Russiae, который онъ принялъ по смерти Юрія II. Есть еще обращенная къ Детку грамота отъ венгерскаго короля Лудовика, (см. Fejer, Cod. dipl. Hung. IX, v. I, p. 209) тонъ который по отношенію къ Детку весьма надменный. Замѣчательно, что хотя по смерти Юрія во главѣ правленія становится вмѣстѣ съ Димитріемъ Деткомъ и Даніилъ, *князь* Острожскій, но главная ролъ принадлежитъ первому. Прозваніе Димитрія *Деткомъ* обыкновенно обясняютъ черезъ *Дядько*, считая его кормильцемъ или пѣстуномъ Юрія II. Званіе кормильца, воспитателя молодыхъ князей дѣйствительно существовало въ Гал.-Володим. княжествѣ. Княжескіе пѣстуны, избираемые изъ знатныхъ бояръ, назывались или кормильцами (Ип. 481, 483 — кормиличичи, т. е. сыновья кормильцевъ; ими бывали посадники — Ип. 373: посадникъ Паукъ, кормилецъ Владимира Глѣбовича) или *дядьками* (Ип. 481 дядько Романовичей Мирославъ; у Льва Даніиловича упоминяется въ числѣ бояръ Семенъ *Дядьковичъ* (Ип. 612). При этомъ вспомнимъ слова покойнаго А. А. Котляревскаго: «Переходъ мальчика изъ женской половинѣ въ мужскую и поступленіе въ науку мужей, которая въ первобытное время держалась на пѣсняхъ, сказкахъ, пословицахъ и загадкахъ (скорѣе впрочемъ, прибавимъ отъ себя, состояла въ обученіи тонкостямъ военнаго дѣла), совершался съ семитѣтняго возраста, послѣ обряда постригъ». (Чтен. въ Общ. Лѣт. Нест. Кіевъ, 1879, p. 292).

Wasco Kudrinowicz, Hryczko Kossaczowicz). Доказательствомъ этому можетъ служить фактъ отъѣзда нѣкоторыхъ русскихъ бояръ изъ Галицко-владимирской области въ концѣ правленія Юрія. Объ одномъ изъ такихъ отѣздовъ узнаемъ изъ Венгерской хроники Туроца[23]). Во всякомъ случаѣ насильственная смерть Юрія кажется намъ дѣломъ одной изъ боярскихъ партій, опасавшихся его, а не дѣломъ всего боярства (Demetrius Detko называетъ въ своей грамотѣ Торунскимъ купцамъ Юрія — *felicis memoriae*). Этотъ дворцовый переворотъ впрочемъ, какъ кажется, окончился торжествомъ партіи приверженной Юрію (во главѣ ея стоялъ Димитрій Дедко). Пораженная партія, повидимому, должна была спасаться бѣгствомъ и на основаніи ея пристрастныхъ показаній могли составиться тѣ разсказы о прозелитизмѣ Юрія, которыя мы считаемъ значительно преувеличенными.

Не можемъ также вполнѣ согласиться съ авторомъ въ его очеркѣ церковныхъ отношеній въ Галицко-Володимерскомъ княжествѣ при Юріѣ.

Авторъ основательно замѣчаетъ, что долгое пребываніе митрополита Θеогноста въ галицко-володимерской землѣ (впродолженіи 4 лѣтъ) объясняется опасеніемъ его за цѣлость въ ней православной вѣры; онъ думаетъ, что Юрій могъ желать окончательнаго утвержденія митрополита въ своей землѣ и тѣмъ создать самостоятельную галицкую метрополію. Но когда Θеогностъ ушелъ на сѣверъ (авторъ думаетъ, что его могъ заставить уйти самъ Юрій, планамъ котораго онъ мѣшалъ), Юрій сталъ хлопотать объ учрежденіи въ своей землѣ отдѣльной метрополіи; онъ указываетъ на свидѣтельство Казимира въ письмѣ къ цареград-

---

23) Подъ 1338 г. Туроцъ сообщаетъ о приходѣ въ Венгрію русскаго князя *Lochka* (правильнѣе *Lothka*, что, по мнѣнію Ис. Шарапевича, Исп. Гал.-Волод. княж., есть сокращеніе имени Владимира — Володька). Туроцъ говоритъ только о его приходѣ съ значительной дружиной, но Pray (Ann. Reg. Hung.) говоритъ, что онъ вернулся назадъ щедро одареный венгерскимъ королемъ. Впрочемъ Pray кажется для этого извѣстія пользовался только Туроцомъ, почему послѣднее извѣстіе можно считать его собственной прибавкой.

скому патріарху, что въ галицкой Руси существовала до него метрополія и имѣла 4 представителей, послѣднимъ изъ которыхъ до Казимира былъ Θеодоръ — его г. Режабекъ сближаетъ съ упоминаемымъ въ одной изъ грамотъ Юрія галицкимъ епископомъ Θеодоромъ и думаетъ что уже съ 1335 г. шло дѣло о его возведеніи въ митрополиты, ибо въ грамотѣ Юрія отъ этого года онъ названъ просто Θеодоромъ безъ титула.

Вопросъ о галицкой метрополіи въ XIV в. нельзя еще считать удовлетворительно рѣшеннымъ, благодаря частью противорѣчію, частью подозрительности источниковъ [24]). Такъ въ житіи Петра говорится неопредѣленно — «князь же волынскія земли совещает совет не благъ: *восхотѣ* галицскую епископаю въ митрополію превратити» — неизвѣстно, ни какой князь, ни то, удалось ли ему его намѣреніе. Есть грамота галицкой метрополіи, выданная Львомъ въ 1301 г. (Fejer, Cod. dipl. Hung. v. III, p. 285), но подлинность ея возбуждаетъ сомнѣнія. Содержаніе письма Казимира также возбуждаетъ нѣкоторыя сомнѣнія [25]). Предположеніе г. Режабка, что галицкій епископъ Θеодоръ могъ быть митрополитомъ при Юріѣ, основано на невѣрномъ чтеніи грамоты 1335 г. — нужно читать не Chodor, Otek, а Chodor Otek (въ грамотѣ 1334 г. притомъ епископъ стоитъ на первомъ мѣстѣ).

Высказавъ по многимъ пунктамъ наше несогласіе съ выводами г. Режабка [26]), мы не можемъ однако не привѣтствовать его работы какъ труда основательнаго и почтеннаго. Ав-

---

24) О Гал. метрополіи см. статью о. Ант. Петрушевича въ Галицкомъ Историч. Сборникѣ.

25) Письмо Казимира упоминаетъ о 4 епископахъ — Нифонѣ, Петрѣ, Гавріилѣ и Θеодорѣ, между тѣмъ въ грамотѣ Льва упоминается митрополитъ Григорій. Мы не входимъ въ сравнительную оцѣнку показаній этихъ источниковъ, а указываемъ лишь на ихъ противорѣчіе.

26) Мы могли бы прибавить еще, что авторъ слишкомъ круто обрываетъ свое изслѣдованіе на смерти Юрія; для цѣльнаго уразумѣнія разбираемой имъ эпохи, изслѣдованія автора слѣдовало бы довести по крайней мѣрѣ до занятія Казимиромъ галицкаго княжества.

торъ собралъ большинство наличнаго матеріала для своей задачи и довольно удачно во многихъ мѣстахъ сгруппировалъ его. Пожелаемъ чтобы молодой авторъ продолжалъ свои изслѣдованія по исторіи южной Руси за избранный имъ крайне любопытный и столь мало разработанный періодъ.

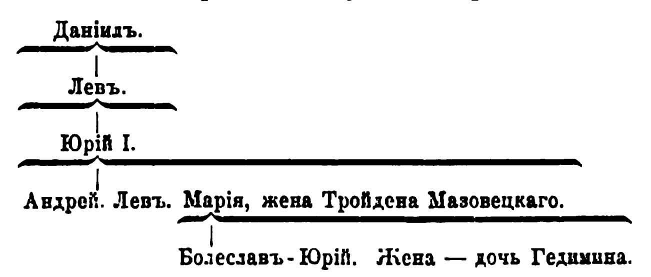
Одесса, 1884 г. 28 декабря.

Дополненія къ Замѣчаніямъ.

Замѣчанія наши были написаны 16 лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ появилось довольно значительное число трудовъ, посвященныхъ исторіи послѣднихъ лѣтъ самостоятельнаго существованія Галицко-Волынскаго княжества (большинство ихъ перечислено въ предисловіи къ издаваемому сборнику; прибавимъ къ списку и нашъ трудъ «Черты изъ исторіи сословій въ юго-западной (Галицкой) Руси XIV—XV в.» Москва, 1894 г., въ первой главѣ котораго «политика польскихъ королей и судьба древне-русскаго боярства» мы касаемся также нѣкоторыхъ вопросовъ, связанныхъ съ исторіей Гал.-Вол. княжества первой половины XIV в.). Нѣкоторые изъ послѣднихъ трудовъ (А. В. Лонгинова, Горжицкаго) мы подвергли подробному критическому разбору въ нашихъ статьяхъ «Критическій обзоръ новѣйшей литературы по исторіи Гал. Руси, Ж. М. Н. Пр., 1891 г., № 5, 6, 7, нѣкоторые болѣе цѣнные выводы другихъ трудовъ приводимъ въ упомянутомъ выше трудѣ «Черты» etc., наконецъ, въ дополненіяхъ къ «Замѣчаніямъ» разбираемъ выводы работъ послѣдняго времени (Бальцера, Грушевскаго и др.). Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ ученыхъ, которые упорно отстаиваютъ разъ ими высказанныя мнѣнія только потому, что это — ихъ мнѣнія. Мы всегда bona fide готовы отказаться отъ нашихъ личныхъ выводовъ, если они будутъ опровергнуты вѣскими доказательствами, или если чужія мнѣнія покажутся намъ болѣе прочно обоснованными, нежели наши. Замѣтимъ однако, что со времени появленія труда г. Режабка количество новыхъ фактовъ, которые могли-бы пролить свѣтъ на этотъ темный періодъ въ исторіи юго-западной Руси, увеличилось очень незначительно. Что же касается соображеній и гипотезъ, высказанныхъ въ трудахъ, писанныхъ послѣ труда г. Режабка и нашихъ замѣчаній, то большинство ихъ не измѣнило нашихъ главныхъ выводовъ. Въ дополненіяхъ къ «Замѣчаніямъ» мы подвергаемъ критическому разбору нѣкоторыя возраженія, которыя вызвали наши замѣчанія и отмѣчаемъ болѣе оригинальныя мнѣнія ученыхъ, писавшихъ послѣ выхода въ свѣтъ труда г. Режабка.

Къ стр. 85.

Въ генеалогическую таблицу на стр. 85, прим. 3 вкралась ошибка, таблица должна быть исправлена слѣдующимъ образомъ:

Къ стр. 88.

Доказательства тождества Юрія II и Болеслава Тройденовича, приводимыя г. Режабкомъ, приняты большинствомъ ученыхъ, писавшихъ послѣ выхода его труда (Н. П. Дашкевичемъ, А. В. Лонгиновымъ, г. Филевичемъ, Горжицкимъ, Грушевскимъ, Прохаскою и Бальцеромъ). При старомъ мнѣніи, отличавшемъ двухъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ князей, Юрія II (изъ Романовичей) и Болеслава Тройденовича, остались г. Андріяшевъ, Любавскій и Ивановъ. Первымъ двумъ однако сочиненіе г. Режабка осталось неизвѣстнымъ (страница труда г. Любавскаго, Обл. дѣленіе Лит. русск. госуд., посвященная исторіи Волыни XIV в., исполнена недосмотровъ); г. Ивановъ въ очень длинномъ и очень спутанномъ экскурсѣ (Ист. очерки Вол. земли), критически разбираетъ мнѣніе г. Режабка, но не приводитъ ему ни одного вѣскаго возраженія (ср. введеніе).

Два цѣнныхъ дополненія къ доказательствамъ г. Режабка даютъ гг. Прохаска и Бальцеръ. Первый (W Sprawie zajęcia Rusi przez Kazimierza Wielkiego, Kwart. Hist. 1892) обратилъ вниманіе на напечатанную въ мало извѣстномъ сборникѣ статей Нарбутта, (Pomniejsze pisma Historyczne, Wilno, 1856) генеалогію Мазовецкихъ князей, составленную или переписанную какимъ-то Варгоцкимъ около половины XVI в. по латыни. Нарбуттъ приводитъ ее въ польскомъ переводѣ. Генеалогія эта даетъ слѣдующія данныя о родѣ Болеслава.

Troiden, Xiąże na Czersku, a potem i na Plocku, po bracie Ziemowicie, miał za żonę Rusinkę, Siostrę rodzoną Lwa Halickiego Króla Która umarla roku 1340. Ich potomstwo, synów trzech.: 1. Bolesław, 2. Kazimierz, Xiąże Warszawski, 3. Michal. Trojden umarl roku 1347.

Bolesław, Syn Trojdena, osiągnąwszy, Ruś czerwieńską, po matce nań spadlą, otruty przez Rusinów roku 1340. Mial za sobą Ofke, na chrzcie Maryą, Córką Wielkiego Xiązęcia Litewskiego Gedymina. Żyć przestała 1342 Lutego 5-go dnia, wrzucona przez Rusinów pod lód na Wiśle pod Zawichostem (*swiadczy nadgrobny napis w Kósciele Zawichoskim*), (p. 296). Послѣдняя фраза напечатана Нарбуттомъ курсивомъ

и въ скобкахъ, и за отсутствіемъ оригинала неизвѣстно, была-ли она въ его текстѣ, или составляетъ прибавку самого Нарбутта. Г. Грушевскій, (Ист. Укр. Русп III, 577, прим. 4) очевидно со словъ проф. Бальцера (Geneal. Piastów, 456), заявляетъ, что теперь такой надписи въ Завихостскомъ костелѣ нѣтъ и поэтому скептически относится къ этому извѣстію — почему у Завихостья, и почему Русины, спрашиваетъ онъ? Если вѣрить факту убіенія Юрія-Болеслава и его приверженцевъ (а въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться въ виду цѣлаго ряда независимыхъ одно отъ другого извѣстій), то есть доля вѣроятія и въ извѣстіи объ убіеніи его жены, хотя объ этомъ и свидѣтельствуетъ только данный источникъ, довольно точный въ остальныхъ данныхъ, касающихся Юрія. Странной кажется впрочемъ дата — 1342 г. (Болеславъ-Юрій убитъ 1340 г.). Объ имени жены Болеслава-Юрія см. у Бальцера, 456. Проф. Б. доказываетъ, что имя ея было Офка (Евфимія), а не Марія.

На другое извѣстіе обратилъ вниманіе проф. Бальцеръ: Anno Domini MCCCXL obiit *Boleslaus dictus Georgius*, dux Russiae, VII Idus Aprilis (Monum. Pol. V, 880; ср. введеніе, стр. III—IV; извѣстно, что у Яна Чарнковскаго ошибкой стоитъ *Kazimirus*, dictus Georgius, вм. Boleslaus).

Мы указали въ текстѣ на грамоту 1339 г. Юрія-Болеслава Саноку на Магдеб. право (кромѣ соч. Реппеля она напечатана и въ III т. Cod. dipl. Polon.). Ссылку на эту грамоту мы находимъ въ Akta grodzkie XI, p. 161. Въ судебномъ дѣлѣ между Петромъ, Саноцкимъ войтомъ, и вдовой Пелки de Jurgiowicze съ ея сыномъ Николаемъ, судъ рѣшаетъ, что strenuus Petrus advocatus Sanocensis *privilegium domini ducis Georgii* per dominum nostrum Regem confirmatum, sub sigillo Majestatis, et prenarrata domina Pelczina cum suo filio privilegium domini Regis Kazimiri per dominum nostrum Regem bene memorie confirmatum eciam sub sigillo Majestatis in Nyepolomicze in Crastino Sancte Lucie proxime venturum debent coram domino Rege reponere (7 декабря 1439 г.); издатель А. G. замѣчаетъ, что ведшій въ XV ст. процессъ Саноцкій войтъ могъ быть потомкомъ Бартка, получившаго грамоту на Саноцкое войтовство отъ Юрія-Болеслава, такъ какъ пишетъ себя heres de Trzepcza, а въ грамотѣ 1339 г. въ числѣ угодій Саноцкаго войтовства упоминается млынъ въ Trzepcza.

Къ стр. 89.

Что касается вкладной грамоты Юрія Даніиловича Холмскаго, то я въ настоящее время считаю ее подложной. Нѣкоторыя черты недостовѣрности записи (титулъ Юрія и наименованіе епископа Холмскимъ и Белзскимъ) указаны были уже А. В. Лонгиновымъ (грамота малор. князя Юрія II и вкладная запись кн. Юрія Даніиловича Холмскаго, Чт. М. О. Ист. и Др. 1887 г.; о мнѣніи А. В. Лонгинова, считающаго этого Юрія Даніиловича наслѣдственнымъ владѣльцемъ крупнаго участка въ Холмской землѣ, величавшемъ себя княземъ по мѣстному происхожденію (?), мы уже высказались въ нашемъ разборѣ этого труда въ (Ж. М. Н. Пр., 1891 г., № 5). Есть и возможность указать причину такого подлога.

Перечисленныя въ записи села — Стрижево, Слѣпче, Космово, Цуциево (Грубешевскаго у., Любл. губ.) составляли собственность православнаго Холмскаго епископства. Когда эти села вошли въ составъ имѣній этого епископства, сказать трудно, но несомнѣнно, что уже въ первой четверти XV в. Холмскіе епископы ими владѣли, такъ какъ въ 1425 г. Ягайло, по просьбѣ епископа Харитона, вводитъ въ Слѣпчѣ и Космовѣ нѣмецкое право; въ Стрижевѣ оно было введено 1461 г. Казиміромъ по просьбѣ епископа Григорія (Лонгиновъ, Червенскіе города, 289, со ссылкой на книгу привилегій Холмско-уніатской епископской каѳедры, хранящуюся въ Холмскомъ церк. арх. музеѣ; къ сожалѣнію, грамоты эти in extenso не приведены А. В. Лонгиновымъ. См. также Акты Вил. Комм. т. XIX, и т. XXIII, предисловіе — на основаніи, впрочемъ, труда г. Лонгинова). Слѣпче, Космово и Цуциево въ 1524 г. обмѣнены епископомъ (правосл.) Филаретомъ на королевскія села Бѣлополе и Буспо; Стрижево же въ 1533 г. отобрано королемъ у православныхъ Холмскихъ епископовъ и отдано Холмскимъ римско-католическимъ епископамъ, и изъ за послѣдняго села Холмскіе православные епископы вели безконечныя тяжбы въ продолженіи XVI—XVII ст. (Акты Вил. Комм. XXIII, CXLIV).

Въ нашемъ трудѣ «Черты изъ исторіи сословій въ юго-зап. Руси» и въ статьяхъ «Критич. обзоръ новѣйшей литературы по исторіи Галицкой Руси мы указывали многіе способы, какими Русскіе Гал. Руси отстаивали свои права на владѣніе недвижимой собственностью — въ числѣ ихъ немалую роль играла подделка документовъ на владѣніе; мы констатировали ее уже въ XV в., но она могла, конечно, появиться съ первыхъ же лѣтъ польскаго владычества въ Гал. Руси. Такимъ же характеромъ — оправдательнаго документа — могла отличаться и грамота soi-disant Юрія Даниловича. Составлена она могла быть скорѣе всего въ первой четверти XV в.;— хотя Холмское католическое епископство и было учреждено папской буллой 1375 г., но de facto оно устроилось только 1417 г. (селами оно было надѣлено между 1417—19 г.). Опасаясь утерять свои владѣнія, православная капитула и могла сочинить поддѣльный документъ на владѣніе указанными селами и б. м. представляла его Ягайлу при просьбѣ о введеніи нѣмецкаго права въ с. Слѣпче и Космово. Послѣ 1524 г., [illegible] трое изъ упомянутыхъ въ записи селъ были обмѣнены на королевскія имѣнія, не могло уже существовать почвы для такой поддѣлки.

По свидѣтельству знатока палеографіи, завѣдывающаго рукописнымъ отдѣленіемъ Румянцевскаго музея, С. О. Долгова, запись отли[illegible] отъ почерка рукописи, сдѣлана болѣе блѣдными чернилами, но ха[illegible] буквъ современный и рукописи, и датѣ. Въ такомъ случаѣ нужно [illegible] что Запись была составлена еще въ послѣдней четверти XIV в. [illegible] къ ея составленію служило основаніе римско-католической [illegible] епископіи.

Къ стр. 89.

[illegible] прекращенія династіи Романовичей — до сихъ поръ вопросъ [illegible] твердо обоснованнымъ (письмомъ Локетка къ папѣ отъ 21 мая

1323 г.) можно лишь признать тотъ фактъ, что въ началѣ 1323 г. послѣднихъ Романовичей — Андрея и Льва — уже не было въ живыхъ. Фраза письма польскаго короля: duo ultimi principes Ruthenorum... decesserunt ex hac luce приводитъ нѣкоторыхъ изслѣдователей къ предположенію объ одновременной или близкой по времени смерти обоихъ Галицкихъ князей. Это предположеніе имѣетъ нѣкоторыя основанія: еслибы одинъ изъ князей умеръ значительно раньше другого, Локетку нечего было-бы говорить о *duo* ultimi principes. Тревожный тонъ письма польскаго короля свидѣтельствуетъ о томъ, что оно написано въ эпоху событій, вызванныхъ гибелью (мы придаемъ значенію слову *interitus*) русскихъ князей, поэтому эпоху смерти послѣднихъ Романовичей слѣдуетъ отнесть къ концу 1322 или самому началу 1323 г. Обыкновенно предполагаютъ (даже не вполнѣ довѣряя разсказу Лит. лѣтописей), что Гал. Вол. князья погибли въ борьбѣ съ Литвою. Однако замѣчательно, что въ письмѣ Локетка нѣтъ ни слова объ опасности со стороны Литвы, выражается лишь тревога, какъ-бы *Татары* не овладѣли Русью, бывшей до того щитомъ противъ Татаръ, и не напали затѣмъ на Польшу, и въ отвѣтъ на это папа объявляетъ крестовый походъ противъ Татаръ (но не противъ Литвы). Въ виду этого есть основанія признавать нѣкоторую достовѣрность за извѣстіями (Витодурана) о гибели Гал. Вол. князей въ борьбѣ съ Татарами. Присутствіе Татаръ на Руси объяснило-бы и фактъ, почему Литва не завладѣла оставшемся безъ князей наслѣдіемъ Романовичей. (Такое мнѣніе высказываетъ и A. Prochaska, W sprawie zajęcia Rusi, 5). На основаніи грамоты 1320 г., выданной однимъ Андреемъ, нѣкоторые изслѣдователи заключаютъ, что Льва уже въ 1320 г. не было въ живыхъ. А. А. Куникъ (см. выше, р. 115) очевидно на основаніи разсказа Лит. лѣтописи, доказываетъ, что Андрей погибъ годомъ раньше Льва, г. Грушевскій (Ист. Укр. Руси III, 196) доказываетъ, что въ 1320 г. *оба* князя еще были живы, такъ какъ въ грамотахъ Краковскимъ и Торнскимъ купцамъ Андрей именуетъ себя только Владимірскимъ княземъ. Однако въ этой грамотѣ (дату ея мы принимаемъ 28 ноября, а не 27 августа) Андрей называетъ себя — въ первой — Dux ladomiriensis et *dominus terrae Russiae*, во второй — Dux Ladimiriae et *dominus Russiae*, что указываетъ скорѣе на обладаніе всѣмъ Галицко-Волынскимъ княжествомъ.

Къ стр. 95.

Противъ мнѣнія нашего о значительной зависимости Гал. Руси отъ Татаръ во 2-й половинѣ XIII в. возстаетъ г. Грушевскій (Історія Украйны-Руси, т. III), однако приводимые имъ факты только подтверждаютъ наше мнѣніе. Зависимость Гал. Руси отъ Татаръ, по мнѣнію автора, выражалась, во-первыхъ, въ томъ, что Гал. князья оказывали ханамъ «зверхнюю честь, як своім зверхникамъ». Во-вторыхъ, князья Гал. должны были съ своими войсками участвовать въ походахъ Татаръ, при чемъ авторъ почему-то особенно налегаетъ на то, что Татары требовали военной помощи русскихъ князей только для походовъ на сосѣднія

земли — Литву, Угорщину и Польшу. Иногда и русскіе князья просили военной помощи у Татаръ, но это дѣлалъ только Левъ, а другіе князья Татаръ въ своихъ междоусобіяхъ не приглашали (а между тѣмъ авторъ самъ себѣ противорѣчитъ, разсказывая черезъ нѣсколько страницъ о призывѣ Мстиславомъ Татаръ противъ Юрія и его отца). Что касается побора и «Татарщины», то авторъ полагаетъ, что это не была постоянная дань, а только сборъ въ пользу Татаръ, когда они проходили черезъ Русскія земли, или вообще въ какихъ нибудь экстраординарныхъ случаяхъ. Во внутреннія отношенія князей Татары не вмѣшивались, развѣ только сами князья къ нимъ обращались. Съ этой точки зрѣнія авторъ толкуетъ извѣстіе лѣтописи о составленіи Владиміромъ Васильковичемъ завѣщанія «при царѣхъ и при его рядцахъ». Владиміръ хотѣлъ этимъ поставить свое завѣщаніе подъ защиту Татаръ противъ покушеній Льва, которыхъ онъ опасался.

Вообще цѣль автора доказать незначительную зависимость Гал. Руси отъ Татаръ и отсутствіе необходимости для занятія княжескаго стола ханскаго утвержденія.

На это замѣтимъ слѣд.: необходимо различать зависимость юридическую отъ зависимости фактической. Формы юридической зависимости однѣ и тѣже на сѣверо-востокѣ и на юго-западѣ — подчиненіе Татарамъ выражается въ признаніи верховной власти хана, утвержденіи князей на столѣ, военной помощи Татарамъ по ихъ требованію и въ уплатѣ дани. Фактическое исполненіе этихъ условій зависитъ отъ степени матерьяльной силы покоренныхъ и покорившихъ въ каждое данное время.

Автору хорошо извѣстно выраженіе южной лѣтописи «тогда бяхуть вси князи Русціи в воли Татарьской покорени, гнѣвомь Божиимъ» (Ип. 591), но онъ едва-ли не считаетъ это риторической фигурой. Что касается утвержденія князей на столѣ и спора относительно смысла словъ Владиміра Мстиславу «а даю тобѣ, брату своему, землю свою всю и города по своемь животѣ, а се ти даю при царѣхъ и при его рядьцахъ (Ип. 591), то для объясненія его укажемъ и слѣд. мѣсто лѣтописи: «посла Мьстиславъ ко брату своему ко Львови и ко сыновцю своему, тако река: «се же, брате мой, Володимиръ далъ ми землю свою всю и городы, а чего восхочешь искати по животѣ брата моего и своего, *о се же ти царевѣ, а се царь*, а се азъ, молви со мною што восхочешь» (ib.) и когда по смерти Владиміра Васильковича Юрій захватилъ Берестье, Мстиславъ посылаетъ ему сказать... «ты самъ слышалъ гораздо, и отецъ твой и вся рать слышала, оже братъ мой Володимеръ далъ ми землю свою всю и городы, по своемь животѣ, *при царихъ и при его рядцяхъ*, а вамъ повѣдалъ, а я повѣдалъ же: аже чего еси хотѣлъ, чему есь тогда со мною не молвилъ *при царѣхъ?* (Ип. 611). Т. о. Мстиславъ нѣсколько разъ ссылается на Татаръ, какъ на высшую инстанцію для рѣшенія княжескихъ претензій. Можно-ли послѣ этого считать Татаръ только случайными свидѣтелями завѣщанія и утверждать вмѣстѣ съ авторомъ, что практика утвержденія князей Татарами въ Галицко-Волынской Руси намъ неизвѣстна (р. 98)? Еслибы Татары случайно не находились при составленіи завѣщанія, то [illegible]комъ случаѣ пришлось-бы послать его къ нимъ на утвержденіе.

Что касается дани Татарамъ, то авторъ не приводитъ ровно никакого доказательства тому, что эта дань была случайная и экстраординарная, а не постоянная. Авторъ дѣлаетъ ссылку на свое болѣе раннее сочиненіе, Барское Староство (р. 27), но забываетъ отмѣтить, что ссылка эта относится ко второй половинѣ XIV в., эпохѣ занятія Коріатовичами Подолья, забывая однако сказанное въ томъ-же трудѣ раньше (р. 18) «Татары ближайшимъ образомъ не вмѣшивались въ общественную жизнь подольскаго населенія; сами татарскіе отчичи и дѣдичи не жили среди него, а зависимость отъ нихъ населенія выражалась въ сборѣ дани *періодически* наѣзжавшими баскаками». Изъ выраженія завѣщанія Владиміра Васильковича «а поборомъ и Татарщиною ко князю» можно лишь вывести одно — что въ Гал. Руси уже въ XIII в. самъ князь собиралъ дань Татарскую (какъ это съ XIV в. установилось и на Руси Московской). Такой-же порядокъ былъ и въ Подоліи, гдѣ татары посадили атамановъ «которые вси доходы заведали, а къ нимъ приѣзжали баскаки татарскіе, и въ тыхъ атамановъ беручи дани, къ Ордѣ вожнвали». Татары такъ часто появлялись на Руси, что экстраординарные сборы, которые предполагаетъ авторъ, были-бы тяжелѣе ординарныхъ. Замѣтимъ, что *ежегодные* поминки Татарамъ просуществовали въ Моск. Руси вплоть до конца XVII в. (южный лѣтописецъ такими словами оплакиваетъ униженіе Даниила передъ Батыемъ: о злая честь Татарская... нынѣ сѣдить на колѣну и холопомъ называеться, и *дани хотять*... (Ип. 536). Г. Грушевскій это мѣсто Гал. Вол. лѣтописи пропустилъ, почему и говоритъ (р. 566, прим. 3) про молчаніе Вол. лѣтописи о дани Татарамъ. Странно и отрицательное отношеніе къ извѣстіямъ иностранныхъ писателей, по которымъ ханъ признавалъ Галицію tanquam sibi et suis progenitoribus censuale (Font. Rer. german. I, 433) и названія князей Русскихъ и Литовскихъ tributarii (Cod. dipl. Prussiae III, 21); умалчиваетъ г. Грушевскій и о грамотѣ Локетка папѣ 1323 г. (хотя позже, р. 566 приводитъ ее по другому вопросу), гдѣ читаемъ: ex quorum (послѣднихъ Романовичей) interitu nobis et terris nostris ex vicinitate Thartarorum quos de certo credimus terram Ruthenorum nostris metis contiguam, *de qua annua tributa perciperi consueverunt* (у Райнальда, Ann. Eccl. послѣдняя фраза тенденціозно передѣлана — de qua annua tributa consueverunt *papae* percipere — болѣе вѣрный текстъ напечатанъ А. А. Куникомъ изъ Сборника Muratori, см. выше, р. 117 и 152; въ статьѣ A. Prochaska, W Sprawie Zajęcia Cz. R. вм. annua стоитъ omnia) — occupare, — perturbatio indicibilis. Если г. Грушевскій не вѣритъ Витодурану ибо «на таку докладность відомостей и вислову далекаго хроніста тяжко покластися» (556, пр. 3), то въ лицѣ новаго свидѣтеля, польскаго короля Владислава Локетка, имѣетъ уже ближайшаго сосѣда Гал. Руси, знакомаго, конечно, отлично съ ея внутренними и внѣшними отношеніями. Что касается замѣчанія г. Грушевскаго, что Татары брали вспомогательныя войска у Галицкихъ князей только для походовъ на сосѣднія страны, то не понимаю, какая-же въ этомъ особенная льгота. Гал. Русь находилась въ ближайшемъ подчиненіи у южныхъ Татаръ, и тѣ дѣлали набѣги преимущественно по сосѣдству. Притомъ-же всякій такой

походъ сопровождался жестокимъ опустошеніемъ и самихъ владѣній Галицкихъ князей. Послѣ похода съ Телебугой — на Ляхи, Левъ не досчитался «полътрѣтьинадесять тысячѣ» населенія (Ип. 589).

Къ стр. 96, прим. 15.

Г-нъ Грушевскій (Ист. Укр. Руси III, 200) пытается выйти изъ затрудненія предположеніемъ, что жена Любарта, которую обыкновенно принимаютъ за дочь одного изъ Юрьевичей, въ дѣйствительности была дочерью самого Болеслава-Юрія, и что послѣдній не имѣя мужского потомства, «въ якійсь мірі (?) признавъ Любарта своїмъ евентуальним спадкоэмцем». Гипотеза эта представляется намъ весьма неправдоподобной. Не малый возрастъ предполагаемой дочери Болеслава-Юрія (Болеславъ женился въ 1331 г., а умеръ 1340, слѣдов. даже въ 1340 г. его дочери могло быть всего около 7 лѣтъ) заставляетъ насъ считать эту гипотезу мало удачной (русскія княжны выходили порою замужъ въ ребяческомъ возрастѣ — такъ, дочь Всеволода Юрьевича выходитъ замужъ 8 лѣтъ, Ип. 443), а другія соображенія: во 1-хъ, жена Болеслава-Юрія была дочерью Гедимина, т. е. дочь его приходилась-бы племянницей Любарту. Г. Грушевскій указываетъ, что католическая церковь разрѣшаетъ такіе браки, а жену Болеслава (а слѣд. и ея предполагаемую дочь) онъ считаетъ католичкой. Однако г. Грушевскій при этомъ забываетъ упомянуть, что Любартъ былъ православный, а не католикъ (его крестное имя Димитрій, см. Wolf, Ród Gedimina, 73), (притомъ-же г. Грушевскій, увлекаясь своей гипотезой, не замѣчаетъ противорѣчія, въ которое впадаетъ — вѣдь онъ возстаетъ противъ мнѣнія большинства ученыхъ о фактическомъ переходѣ Юрія изъ православія въ католицизмъ). 2) Непонятнымъ является, почему это молодой Галицкій князь такъ скоро потерялъ надежду на мужское потомство? (Отецъ Болеслава-Юрія Тройденъ женился на Маріи, дочери Юрія Галицкаго, никакъ не позже 1309 г., такъ какъ первый ребенокъ отъ этого супружества род. 1310 г., и, по соображеніямъ проф. Бальцера, Geneal. Piastow 453, стр. 438—39 Болеславъ-Юрій род. не позже 1313 г., слѣд., въ эпоху смерти ему не было и 30 лѣтъ). Какія политическія причины заставили Болеслава-Юрія сдѣлать своимъ евентуальнымъ преемникомъ Любарта, и притомъ въ одной только Волынской землѣ, г. Грушевскій не объясняетъ. Не понимаемъ также замѣчанія г. Грушевскаго, что извѣстіе Лит. лѣтописи («а Любарта принялъ Володимерьскій князь къ дочцѣ, въ Володимеръ, и въ Луческъ, и во всю землю Волынскую») составлено тогда, когда Волынь еще не была obiectum litis — вѣдь споръ изъ за Волынской земли между Польшей и Литвой начинается еще въ XIV ст. Поэтому если уже принимать извѣстіе Лит. лѣтописи о бракѣ Любарта съ дочерью Волынскаго князя, то правильнѣе остаться при старомъ мнѣніи, по которому жена Любарта была дочерью одного изъ послѣднихъ Юрьевичей.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЕ ВВЕДЕНІЕ.

А. **Грамоты.**

№ 1.

Грамота русскихъ князей Владимира-Андрея и Льва Юрьевичей къ великому магистру нѣмецкаго ордена Карлу трирскому, отъ 9 августа 1316 г., изъ Владимира.

(См. ниже текстъ подъ № 1).

Изъ этой и другихъ грамотъ червоннорусскихъ князей видно, что они тщательно оберегали архивы и при случаѣ пользовались хранящимися въ нихъ грамотами для составленіи новыхъ документовъ. Изъ нашей грамоты нѣкоторыя фразы вошли въ грамоту кн. Болеслава-Георгія 1327 года. Сверхъ того мы узнаемъ изъ нея, что оба княжескіе братья въ первыя 8 лѣтъ ихъ княженія не слѣдовали политикѣ своихъ предковъ въ отношеніи къ нѣмецкому ордену и что только, вслѣдствіе настоятельныхъ представленій родственнаго имъ Зигегарда шварцбургскаго, рѣшились возобновить дружескія сношенія съ орденомъ. Эта перемѣна въ политикѣ двухъ послѣднихъ Романовичей послѣдовала въ 1316 году, т. е. въ годъ вступленія могущественнаго Гедимина на литовскій великокняжескій престолъ, и она то была причиною ихъ погибели.

Перепечатано изъ Codex diplomaticus prussicus. Herausgegeben von Joh. Voigt. 2. Band. Königsb. 1842, p. 92. (№ 75). О печатяхъ см. также у Карамзина IV, пр. 268.

№ 2.

Письмо папы Іоанна XXII къ русскимъ князямъ Владиміру-Андрею и Льву Юрьевичамъ, 3 февраля 1317 г., изъ Авиньона.

(См. ниже текстъ подъ № 2).

Это письмо до настоящаго времени было извѣстно лишь по одному голому указанію Райнальдо (Annales ecclesiastici. 1317 an. Cap. 50). Сообщеніемъ вѣрной копіи этого документа я обязанъ кардиналу-архиваріусу Гергенрётеру, автору обширной монографіи о патріархѣ Фотіѣ. Документъ этотъ, правда, лишенъ всякаго историческаго содержанія, но онъ ниже напечатанъ, потому что находится въ тѣсной связи съ подобными же попытками ближайшихъ предшественниковъ папы Іоанна. Остается рѣшить вопросъ, кто побудилъ папу, вскорѣ послѣ его вступленія на столъ въ Авиньонѣ, обратиться съ подобнымъ воззваніемъ къ Юрьевичамъ?

№ 3.

Грамоты князя Владиміра-Андрея Юрьевича магистратамъ и гражданамъ городовъ Кракова и Торна, 27 августа 1320 г., изъ Владимира.

(См. ниже текстъ подъ № 3).

Грамота, данная торунскимъ купцамъ и впервые напечатанная археографическою коммиссіею (Supplementum ad Historica Russiae monumenta. Petropoli 1848, pag. 126), обратила на себя всеобщее вниманіе историковъ, занимающихся исторіей сѣверо-восточной Европы. Между прочимъ, на основаніи того, что она была дана однимъ кн. Андреемъ, а не вмѣстѣ съ его братомъ (какъ напр. грамота 1316 г.), заключали, что въ 1320 г. луцкій князь Левъ не былъ уже въ живыхъ. Между тѣмъ оказы-

вается, что изъ двухъ братьевъ-князей старшій Андрей погибъ годомъ раньше кн. Льва и что послѣдній, въ силу своего положенія, не имѣлъ никакой особенной надобности участвовать въ составленіи двухъ вышеназванныхъ торговыхъ грамотъ 1320 г. Болѣе обширною изъ нихъ, данною краковскимъ купцамъ, у насъ до сихъ поръ никто не пользовался, вѣроятно потому, что многочисленные сборники источниковъ для исторіи древней Польши, издаваемые краковскою академіею наукъ, слишкомъ мало распространены въ Россіи, хотя они вовсе не заслуживаютъ, чтобъ къ нимъ можно было относиться съ такимъ пренебреженіемъ.

Мы перепечатываемъ болѣе обширную изъ двухъ грамотъ кн. Андрея по краковскому сборнику (Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. Tomus V., continet: Codicis diplomatici civitatis Cracoviensis partem primam. 1876, № 12, pag. 14), и прибавляемъ для болѣе удобнаго сравненія взгляда Андрея на торговыя сношенія съ Краковомъ и съ Торномъ (Toruń) и вторую грамоту, подлинникъ которой исчезъ изъ архива торунскаго магистрата. Въ 1870 г. онъ продавался въ Берлинѣ (см. Manuscripte, Urkunden, Autographen aus dem Nachlasse des Kanzlei-Raths Vossberg. Zu verkaufen durch I. A. Stargardt. Berlin 1870, p. 12, № 154). Странно, что по берлинскому katатaлогу въ грамотѣ имя Andreas пишется «An».

Такъ какъ до сихъ поръ не опредѣлено точно время нападенія Гедимина на двухъ послѣднихъ Даниловичей и такъ какъ, сверхъ того, годъ и мѣсяцъ смерти кн. Андрея обозначаются историками весьма различно, то необходимо обратить особенное вниманіе на хронологическую легенду, находящуюся въ концѣ двухъ грамотъ кн. Андрея. По мнѣнію Режабка (см. выше стр. 13) грамота, данная торунскимъ купцамъ, была составлена въ день св. мученика Руфа, 28 ноября 1320 г. Грамота, пожалованная краковскимъ купцамъ, по мнѣнію ея краковскаго издателя, написана 27 августа 1320 г.; противъ этого мнѣнія ничего нельзя возразить, если допустить, что писецъ грамоты былъ латинянинъ. Такое предположеніе весьма вѣроятно, ибо въ то время волын-

скіе князья не могли обойтись безъ латинскихъ драгомановъ. Къ тому же, около того времени въ этихъ краяхъ находилось нѣсколько членовъ римской пропаганды. Православная церковь не празднуетъ память мученика Руфа 27 августа. См. между прочимъ Kalendarium eccles. constant. Cura A. Morcelli. Roma 1788, p. 104; Полный мѣсяцословъ... всѣхъ Святыхъ; сочиненія Вершинскаго (Мѣсяцословъ правосл. ц. П. 1856), Сергія (Полный мѣсяц. Востока. М. 1876) и Мартынова (Annus ecclesiasticus graeco-slavicus. 1863, pag. 208 и 380).

№ 4.

Грамота польскаго короля Владислава Локетка къ папѣ Іоанну XXII, 21 мая 1323 г.

(См. ниже текстъ подъ № 4).

Письмо это, бросающее яркій свѣтъ на тогдашнее бѣдственное положеніе Польши и на отношенія объединителя польскихъ земель къ двумъ послѣднимъ князямъ Червонной Руси изъ рода Даніила Романовича, приводилось да и до сихъ поръ приводится многими учеными для подтвержденія мнѣнія, что король Владиславъ только въ 1324 году — по нѣкоторымъ даже 21 іюля того же года — извѣстилъ папу о смерти русскихъ князей Андрея и Льва Юрьевичей. Убѣдившись, что большая часть упомянутыхъ изслѣдователей не имѣла передъ собою полнаго текста письма, я счелъ за нужное включить и этотъ документъ въ наше собраніе. Перепечатка оказалась необходимой и по другимъ причинамъ.

Имѣя въ виду въ другомъ мѣстѣ подробнѣе изложить, какимъ образомъ мнѣ удалось, послѣ многихъ тщетныхъ трудовъ, на основаніи текста одного изданія Райнальдо, точно опредѣлить время составленія письма короля Владислава, я ограничусь здѣсь замѣткою, что въ изданіи Райнальдо хронологическая легенда совсѣмъ искажена. Кромѣ того, у него не достаетъ послѣднихъ словъ самаго текста, а произвольною вставкою слова «Papae»

разсчетливые клерикалы сообщили одному мѣсту письма такой смыслъ, о которомъ король Владиславъ не могъ и думать.

Для возстановленія болѣе вѣрнаго текста Владиславова письма я пользовался сборникомъ Муратори (Antiquitates Italiae medii aevi. Tomus sextus. Mediolani 1742 in fol., col. 146), въ которомъ оно также напечатано. Списокъ, находившійся въ распоряженіи Муратори, мѣстами тоже грѣшитъ нѣкоторыми неточностями, но вѣрность хронологической легенды не подлежитъ въ немъ никакому сомнѣнію: ею окончательно подтвердилась основательность моихъ, прежде сдѣланныхъ, хронологическихъ вычисленій.

№ 5.

Грамота князя Болеслава-Георгія, изъ Владимира, къ великому магистру нѣмецкаго ордена въ Пруссіи, Вернеру. 1325 г.

(См. выше стр. 4 № 1).

Есть нѣкоторое основаніе предполагать, что документъ этотъ написанъ во второй половинѣ 1325 г.

№ 6.

Грамота князя Болеслава-Георгія, изъ Владимира, къ великому магистру Вернеру отъ 10 марта 1327 г.

(См. выше стр. 4 № 2).

№ 7.

Грамота князя Болеслава-Георгія, изъ Львова, къ великому магистру Людеру, отъ 11 февраля 1334 г.

(См. ниже текстъ подъ № 7).

Выше (на стр. 93) авторъ «Замѣтокъ» высказалъ свое сожалѣніе по поводу того, что г. Режабекъ (стр. 5, № 3), подобно Карамзину (IV, примѣч. 276), привелъ эту грамоту съ пропусками. Находя его мнѣніе справедливымъ и желая побудить другихъ ученыхъ приняться за объясненіе нѣкоторыхъ встрѣчаю-

щихся въ ней намековъ, смыслъ коихъ до сихъ поръ не разгаданъ, мы печатаемъ ее in extenso по Фохту (Codex diplomaticus Prussiae, II. Band № 145, стр. 190). Здѣсь мы должны замѣтить, что сочли лишнимъ держаться нелѣпаго употребленія знаковъ препинанія подлинной грамоты. При словѣ obvlulancium (см. выше на стр. 93) Фохтъ поставилъ вопросительный знакъ. По всей вѣроятности, это нечто иное какъ lapsus calami княжескаго писца, написавшаго obvlulancium вмѣсто obulvlancium. Мы, не колеблясь, напечатали obululantium, что̀ и по смыслу хорошо соединяется съ слѣдующимъ «seu latrantium».

№ 8.

Грамота князя Болеслава-Георгія, изъ Владимира, къ великому магистру Дитриху, отъ 20 октября 1335 г.

(См. выше стр. 5 № 4 и ниже текстъ подъ № 8).

Грамота эта извѣстна у насъ по копіи, полученной Карамзинымъ изъ Кенигсберга (отъ директора тамошняго архива Геннига) и имъ же напечатанной на латинскомъ языкѣ и съ русскимъ переводомъ (Томъ IV, прим. 276). Въ сборникѣ Фохта, на который выше указано (стр. 6), она не перепечатана. Ни Карамзину, ни Зубрицкому (III, примѣч. 242, стр. 253) ни, наконецъ, Режабку не было извѣстно, что она впервые издана по подлиннику Авг. ф. Коцебу (Preußens ältere Geschichte. Zweiter Band. Riga 1808, pag. 397). Если оставить въ сторонѣ употребленіе прописныхъ буквъ и знаковъ препинанія и столь обыкновенное у средневѣковыхъ писцовъ употребленіе e вмѣсто ae и смѣшеніе знаковъ t и c, то всетаки чтенія Карамзина и Коцебу представляютъ нѣкоторыя разногласія, затемняющія даже смыслъ періода. Во избѣжаніе недоразумѣній считаемъ нелишнимъ указать на слѣдующіе варіанты. Слова напечатанныя здѣсь курсивомъ, вставлены нами въ текстъ новаго изданія.

У Карамзина:	У Коцебу:
predessent	*preessent*
coartare	coarcare [1])
evitari	euitari (enitari въ текстѣ Режабка — опечатка).
Chodore Otek	*Chodore Otek* [2])
scripto	*scripti*
mire	*inire*

№ 9.

Жалованная грамота князя Болеслава-Георгія II, во Владимирѣ, отъ 20 янв. 1339 г. Бартку (Варѳоломею) изъ Сендомира.

(См. выше стр. 77, 87 и 98).

Такъ какъ г. Режабекъ не воспользовался этою грамотою, выданною Юріемъ II своему слугѣ (servitor) Бартку на войтовство въ городѣ Санокѣ, то это могло бы дать поводъ думать, что подлинность ея подлежитъ сомнѣнію. По этой причинѣ, а также въ силу другихъ соображеній, она выше перепечатана. Изъ самого ея текста, въ которомъ Юрій называетъ себя «dux et *heres* regni Russie», можно убѣдиться въ ея подлинности. Она была напечатана уже два раза, хотя къ сожалѣнію, по невполнѣ исправнымъ спискамъ съ пергаментнаго подлинника (ex archetypo membranaceo). Первый разъ ее издалъ Рöпель (въ Abhandlungen der historisch-philosophischen Gesellschaft in Breslau I. Band. Breslau 1857, pag. 281), а именно въ статьѣ, вышедшей потомъ отдѣльно подъ названіемъ: Ueber die Verbreitung des Magdeburger Stadtrechts im Gebiete des alten polnischen Reichs ostwärts der Weichsel. Bresl. 1857), по списку полученному имъ отъ извѣстнаго издателя польскихъ юридическихъ памятни-

1) Вмѣсто arctare встрѣчается также форма artare.

2) У обоихъ издателей имена эти напечатаны слитно. У Режабка: Chodore, Otek, — но безъ всякаго основанія, см. выше стр. 98.

ковъ Гельцеля (Helzel). По словамъ послѣдняго, списокъ былъ сдѣланъ съ подлинника. Второй разъ грамота эта была издана Бартошевичемъ (Codex diplomaticus Poloniae. Tomus III. Varsoviae 1858, pag. 197), по списку, сдѣланному съ пергаментнаго подлинника Ржищевскимъ. Въ вышеприведенной перепечаткѣ чтеніе возстановлено по одному и другому изданію, но нѣкоторыя мѣста требуютъ сличенія съ подлинникомъ. О печати князя Юрія ни Гельцель ни Ржищевскій ничего не сообщили.

№ 10.

Булла папы Бенедикта XII краковскому епископу Іоанну, изъ Авиньона 29 іюня 1341 г.

(См. ниже текстъ подъ № 10).

Король Казимиръ, послѣ убіенія своего двоюроднаго племянника кн. Георгія, женатаго на сестрѣ его первой жены, предпринялъ послѣ пасхи 1340 г. походъ на Червонную Русь, но встрѣтивъ въ теченіи лѣта сильное сопротивленіе со стороны Русиновъ и призванныхъ ими на помощь Татаръ, онъ долженъ былъ отказаться отъ своего права наслѣдства на Русь и удовольствоваться нѣкоторыми выгодами, добитыми имъ путемъ миролюбивой сдѣлки. Въ силу договора, заключеннаго Казимиромъ съ Дмитріемъ Дьядкомъ, Червонная Русь получила политическую автономію, но взамѣнъ за то обязалась выставлять польскому королю военный контингентъ и кромѣ того признала надъ собою какія-то «subjectiones». — Употребленіе Казимиромъ титула: Dominus et haeres terrae Russiae въ 1346 году еще весьма сомнительно. См. ниже стр. 124.

Упомянутый выше договоръ заключенъ былъ никакъ не позже весны 1341 г., а можетъ быть даже въ концѣ предъидущаго 1340 г. Казимиръ, правда, скоро раскаивался въ своей уступчивости, но изъ послѣдующихъ за симъ событій должно заключить, что онъ отложилъ исполненіе новаго плана завоеванія (см. буллу Папы) на болѣе удобное время. Изъ событій 1343 г.

видно, что Казимиръ въ 1342 г. былъ занятъ приготовленіями къ большому походу въ западную часть Великопольши, подвластную силезскимъ Пястамъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1343 году онъ предпринялъ походъ съ многочисленнымъ войскомъ (armatorum multitudo) противъ глоговскихъ Пястовъ, во время котораго Русскіе (вѣроятно червонно-русскій контингентъ) зажгли Стинаву (Steinau), столицу герцога Іоанна, сына герцога Генриха I († 1309) и слѣдовательно брата герцога глоговско-саганскаго Владислава-Генриха, усыновленнаго въ 1396 г. Владиславомъ Локеткомъ и умершаго 22 янв. 1342 года.

Папская булла перепечатана изъ сборника Тейнера (Vetera monumenta Poloniae I, № 566, pag. 434).

№ 11.

Напись на колоколѣ во Львовѣ, 1341 г.

(См. выше стр. 79).

Напись на колоколѣ 1341 г. неоднократно была издаваема въ Галиціи. Нѣкоторые изъ тамошнихъ историковъ, со временъ Зубрицкаго (Исторія древняго Галичско-Русскаго Княжества Ч. III. 1855, стр. 290; Ч. IV: Анон. Гнѣзн. 36, 84) видятъ въ князѣ Дмитріѣ-Любарта Гедиминовича, но по Унеевскому помяннику (см. ниже Введ. № 19) и по литовскимъ лѣтописямъ христіанское имя Любарта было Ѳеодоръ. Мнѣніе, высказанное Вагилевичемъ (Akta grodzkie i ziemskie. Tom III. We Lwowie 1872, p. 59), также не выдерживаетъ критики. Срезневскій (Древніе памятники русскаго письма. 1863, стр. 92; 2-ое изданіе 1882 г. стр. 191) о личности Дмитрія не высказалъ своего мнѣнія. Догадка Д. И. Иловайскаго (Исторія Россіи. Т. II. М. 1884, стр. 81 и 542, прим. 23), нуждается въ подтвержденіи. До появленія послѣдняго сочиненія я предполагалъ, что составитель написи, называя земскаго старосту Дмитрія (владѣтельнымъ) княземъ, хотѣлъ только польстить его самолюбію. Въ гра-

мотѣ византійскаго императора Кантакузена (см. ниже стр. 127) Любартъ дѣйствительно названъ Дмитріемъ.

Покуда нѣтъ достаточнаго основанія предполагать, что кн. Болеславъ-Георгій, женившійся въ 1331 г. на дочери Гедимина, умирая оставилъ малолѣтняго сына Дмитрія.

№ 12.

Грамота князей Кинстута и Любарта торунскимъ гражданамъ, послѣ 1341 г.

(См. ниже текстъ № 12).

Начало и конецъ этой грамоты напечатаны покойнымъ И. И. Срезневскимъ (по снимку, доставленному ему Ганкою) въ его Древнихъ Памятникахъ русскаго письма и языка. 2-е изд. П. 1882, столб. 191. По извѣстію Срезневскаго подлинникъ хранится въ Кенигсбергскомъ архивѣ, что̀ однако не подтвердилось.

Не имѣя подъ рукою полной копіи этого документа, я на этотъ разъ воздерживаюсь сообщить мои хронологическія соображенія о времени составленія этой грамоты. Не есть ли эта грамота та самая, которая въ 1840 г. считалась пропавшею? См. донесеніе П. Прейса въ Жур.Мин. Нар. Просв. за 1840 г. (Часть 28, отд. IV, стр. 14): «Въ Торнѣ я надѣялся найти грамоту, можетъ быть, древнѣйшій памятникъ Бѣлорусскаго нарѣчія, о которой мнѣ сказывалъ Профессоръ Фохтъ. За 20 лѣтъ предъ симъ онъ имѣлъ эту грамоту въ рукахъ; теперь ея нѣтъ въ городскомъ архивѣ. Пропала также весьма важная грамота Литовскаго князя, Кейстута». Только въ недавнее время архивъ города Торна былъ приведенъ въ порядокъ. По словамъ архиваріуса Бендера отъ пропавшей грамоты сохранилась только большая восковая печать Кинстута («Sigillum Kenstutis»).

№ 13.

Грамота Дмитрія Дядьки, изъ Львова, къ магистрату и гражданамъ города Торна (около 1342 г.).

(См. ниже текстъ подъ № 13).

Димитрій Дядько извѣщаетъ этимъ письмомъ Торунцевъ, что недоразумѣнія, возникшія между нимъ и Казимиромъ В. (послѣ убіенія Болеслава-Георгія), окончательно устранены (см. выше стр. 120), а изъ этого слѣдуетъ, что письмо Дядьки могло быть написано въ 1341 или 1342 г. Подлинная грамота съ хорошо сохранившейся печатью Дядьки находится въ кенигсбергскомъ архивѣ и была отнесена Фохтомъ (Gesch. Preussens, 4. Band. Königsb. 1830, p. 580) сперва къ 1341 г., а послѣ (Codex diplomaticus. 3. Band. 1848, p. 83) къ 1349 г.

№ 14.

Грамота венгерскаго короля Людовика къ Дмитрію Дядькѣ, (14—20 мая) 1344 г., изъ Офена.

(См. выше стр. 79 и 101).

Перепечатано изъ Codex diplomaticus Hungariae. Studio et opera G. Fejér. Tomi IX, Volumen I, pag. 209. Budae 1833.

Нельзя ли заключить изъ этой грамоты, что Дмитрій Дядько не былъ княземъ, а только «старостою» или «опекальникомъ» Червонной Руси?

№ 15.

Грамота, данная торунскимъ купцамъ польскимъ королемъ и господаремъ русской земли Казимиромъ, 5 декабря 1349 г., въ Сендомирѣ,

(См. выше стр. 80).

Эта грамота, данная Казимиромъ вскорѣ послѣ втораго (временнаго) занятія Волыни, найдена проф. Каро въ торунскомъ городскомъ архивѣ (Gesch. Polens. 2. Theil. 1863, p. 285, 287).

До этого заслуженнаго изслѣдователя польской исторической науки никто не думалъ подвергать ближайшему разсмотрѣнію вопросъ о томъ, съ котораго времени Казимиръ сталъ называться владѣтельнымъ княземъ русской земли. Ему же удалось сдѣлать открытіе, что Казимиръ, упоенный легкимъ завоеваніемъ Галиціи и Волыни, впервые въ нашей грамотѣ назвалъ себя «dominus terre Russie», чтò соотвѣтствуетъ встрѣчающейся въ его русскихъ грамотахъ формулѣ: «господарь русской земли».

Не входя здѣсь въ разъясненіе мотивовъ, заставившихъ Казимира, вскорѣ послѣ 1349 г., на время отказаться отъ употребленія новаго титула, замѣтимъ только, что въ жалованной грамотѣ отъ 2-го февраля 1346 г. (Akta grodzkie i ziemskie. Tom VII. 1878, p. 7). Казимиръ называетъ себя «Dei gracia rex Polonie nec non terrarum Cracouie, Sandomirie, Siradie, Lancicie, Cviauie, Pomoranie Russieque dominus et heres». Львовскій издатель не находитъ (см. его прим. на стр. 9) достаточно убѣдительныхъ причинъ, для того чтобы заподозрить подлинность этой грамоты, дошедшей до насъ не въ подлинномъ видѣ. Тѣмъ не менѣе спрашивается, могъ ли Казимиръ, во время правленія Дмитрія Дядьки усвоить себѣ многознаменательный титулъ «Russie dominus»? Былъ ли Дядько въ 1346 г. еще въ живыхъ? Не умеръ ли онъ только осенью 1349 г.?

№ 16.

Письмо короля Казимира В. къ папѣ Иннокентію VI (весною 1354 г.).

(См. ниже текстъ № 16).

Документъ этотъ, найденный Авг. Мозбахомъ († 1884 г.) и имъ же напечатанный съ объясненіями въ его «Wiadomościach do dziejów polskich z Archiwum prowincyi szląskiej. Ostrów 1860» (p. 43) черезвычайно важенъ для характеристики короля Казимира. Послѣдній обратился съ своею просьбою къ папѣ Иннокентію не раньше января мѣсяца 1354 года и во всякомъ

случаѣ это должно было случиться раньше апрѣля м., потому что 20 апрѣля 1354 г. въ Авиньонѣ уже дали ходъ этому дѣлу. Не смотря на то, что папа исполнилъ просьбу Казимира В., этотъ послѣдній — по политическому ли разсчету, или потому что у него не было войска — счелъ за лучшее, подобно тому какъ и въ 1341 г. (см. выше стр. 120), оставить на время мысль о завоеваніи Волыни и Подлѣсіи, занятыхъ Любартомъ и Кинстутомъ, и возобновилъ договоръ 1352 г., который съ формальной стороны носилъ характеръ перемирнаго акта. Но договорная грамота 1354 года до сихъ поръ нигдѣ не напечатана. Не смѣю утверждать, что о существованіи ея свидѣтельствуетъ Кромеръ (Martini Cromeri Polonia. Coloniae Agripp. 1589, pag. 207):«... Hoc autem pactum paulo post, Iaunuto summo principe et natu maximo inter filios Gedimini ab Olgerdo et Keistuto fratribus capto ac de principatu deiecto, Olgerdus idem, cum ipsi successisset, renouavit. Extat eius exemplum in archiuo regio Cracoviensi, in quo enumerantur arces, quas Lubartus in Volynia, qua suo Keistutus in Polessensi tractu retinebant». Сравн. Inventarium privilegiorum, litterarum, diplomatum, quaecunque in archivo regni in arce cracoviensi continentur. Lut. Parisiorum. 1862, p. 371 et 372.

Ниже мы сообщимъ in extenso статью Мозбаха со выключеніемъ двухъ мѣстъ, заключающихъ въ себѣ хронологическія соображенія, которыя нынѣ уже не имѣютъ никакого значенія.

№ 17.

Грамота польскаго короля и господаря русской земли Казимира къ константинопольскому патріарху, 1370 г.

(См. ниже текстъ № 17).

Нѣтъ сомнѣнія, что въ гор. Галичѣ почти до 1352 г., т. е. до перваго присоединенія Червонной Руси къ Польшѣ, существовала епископская каѳедра, занятая особыми епископами. Послѣднимъ изъ нихъ былъ Ѳеодоръ, упоминаемый въ первой

новгородской лѣтописи подъ 1331 г. и въ грамотѣ Болеслава-Юрія 1334 г. (см. ниже текстъ подъ № 7). Въ качествѣ епископа Ѳеодоръ былъ подчиненъ (кіевскому) митрополиту всея Руси, Ѳеогносту, который, проживши на сѣверѣ съ 1329 по 1331 г., на время переѣхалъ въ Кіевъ и во Владиміръ волынскій, вѣроятно, въ видахъ укрѣпленія своей духовной власти надъ юго-западною русскою украиною, послѣдній князь которой первоначально былъ воспитанъ въ духѣ римской церкви. Если уже въ послѣднія десятилѣтія самостоятельнаго существованія галичско-волынскаго княжества замѣчается стремленіе добиться церковной независимости отъ главы православной русской церкви, то стремленіе это сдѣлалось еще болѣе сильнымъ, въ періодъ, послѣдовавшій за смертью Болеслава-Юрія. Дѣйствительно, въ сороковыхъ годахъ XIV столѣтія, когда Червонная Русь управлялась Дмитріемъ Дядькомъ, а Волынь находилась подъ властью литовскаго князя Любарта, еп. Ѳеодоръ выступаетъ на историческомъ поприщѣ въ качествѣ самостоятельнаго «митрополита» галичской и волынской земель. Но захватъ митрополичьей власти со стороны еп. Ѳеодора вызвалъ въ 1346 г. или весною 1347 г. энергическій протестъ великаго московскаго князя Симеона гордаго и митрополита Ѳеогноста.

По жалобѣ Симеона и Ѳеогноста, византійскій императоръ Іоаннъ Кантакузенъ и патріархъ Исидоръ потребовали Ѳеодора въ 1347 г. на судъ и постановили въ мѣсяцѣ августѣ чтобы и впредь, по примѣру прежнихъ временъ, была только одна (кіевская) митрополія какъ для Великой такъ и для Малой Руси. Подъ «Малою Русью или Μικρὴ Ῥωσία» въ то время по преимуществу разумѣли Червонную Русь и Волынь. Остается рѣшить вопросъ, кто именно изъ представителей свѣтской власти въ предѣлахъ бывшаго галическо-владимирскаго княжества послѣ 1340 г. подстрекалъ епископа Ѳеодора къ отпаденію отъ давно существовавшихъ церковныхъ порядковъ и поддерживалъ его въ сепаративныхъ стремленіяхъ? Безъ сомнѣнія, кромѣ Дмитрія Дядьки, князь волынскій Любартъ. Послѣдняго, какъ Гедиминовича и узур-

патора, должна была сильно безпокоить мысль, что его русскіе подданные въ духовномъ отношеніи зависѣли отъ митрополитовъ всея Руси, искренно преданныхъ великимъ князьямъ владимирско-московскимъ. Не даромъ византійскій императоръ Іоаннъ Кантакузенъ въ сентябрѣ 1347 г. препроводилъ къ Любарту оффиціальное письмо (см. стр. 30 Приложеній въ изд. Павлова), начало котораго мы здѣсь выписываемъ.

Εὐγενέστατε ῥὴξ Βολοδιμήρου καὶ ἀνεψιὲ τῆς βασιλείας μου, κῦρ Δημήτριε Λούμπορτε.	Благороднѣйшій князь владимирскій и сродникъ моего царскаго величества, киръ Димитрій Любартъ.

Въ самомъ письмѣ императоръ обращается къ своему «cousin« повелительнымъ тономъ:

«По приказу моего царскаго величества и соборному рѣшенію установлено, чтобы тамошнія святѣйшія епископіи, галичская и прочія, опять состояли подъ святѣйшею митрополіею кіевскою, какъ было и прежде... Обо всемъ этомъ извѣщаетъ тебя мое царское величество на тотъ конецъ, дабы ты содѣйствовалъ удаленію того галичскаго архіерея и побудилъ его прибыть сюда; а преосвященнаго митрополита кіевскаго, пречестнаго и экзарха всея Руси, примите отнынѣ, какъ настоящаго и законнаго митрополита».

По дальнѣйшему ходу событій видно, что Любартъ исполнилъ приказаніе императора. Еще въ 1347 году митрополитъ Ѳеогностъ посѣтилъ Волынь, откуда онъ возвратился въ слѣдующемъ году къ вел. кн. Симеону, который тогда выдалъ за мужъ свою «сестричину», дочь кн. Константина Борисовича ростовскаго, за кн. Любарта. Но Галичъ въ теченіи 23 лѣтъ былъ лишенъ своего владыки, пока наконецъ король Казимиръ, встревоженный упадкомъ религіознаго духа своихъ русскихъ подданныхъ, не обратился въ 1370 г. къ константинопольскому патріарху, прося его возвести въ санъ самостоятельнаго *митрополита* какого-то Антонія, на что послѣдовало согласіе со стороны патріарха въ 1371 году.

Въ своемъ письмѣ къ патріарху Казимиръ глухо указалъ на то, что онъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Галицію по

праву наслѣдства (См. ниже текстъ подъ № 17 и срав. употребляемое королемъ въ латинскихъ грамотахъ выраженіе haeres terrae Russiae). Этотъ взглядъ, дѣйствительно, не лишенъ нѣкотораго основанія. Какъ сынъ короля Владислава Локетка Казимиръ былъ двоюроднымъ братомъ двухъ послѣднихъ Романовичей по мужской линіи, т. е. Владимира-Андрея и Льва II Юрьевичей (сыновей Евфиміи, сестры Владислава) и въ то же время приходился двоюроднымъ дядею послѣднему галичско-владимирскому князю Болеславу-Юрію, сыну Маріи Юрьевны. (См. генеалогическую табл. въ концѣ предисловія къ сборнику). Одинъ изъ современныхъ писателей, Іоганнъ винтертурскій, (см. ниже текстъ подъ № 28) разсказывая о походѣ Казимира въ Галицію въ 1340 г. указалъ, какъ кажется, съ намѣреніемъ и на то, что польскій король былъ женатъ на сестрѣ жены Болеслава-Георгія.

Грамота Казимира къ константинопольскому патріарху Филоѳею была открыта и впервые издана на греческомъ языкѣ съ русскимъ переводомъ Викторомъ Ив. Григоровичемъ по вѣнскому списку въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1847 г. (Ч. 54, отд. II, стр. 145—147). По тому же списку подлинный текстъ былъ изданъ въ 1860 г. Миклосичемъ и Іос. Миллеромъ въ Acta patriarchatus (I, 577—578). Текстъ вѣнскихъ издателей, въ 1872 г., былъ перепечатанъ Бѣлёвскимъ съ прибавленіемъ польскаго перевода (Ант. Малецкаго во II томѣ Помниковъ = Monumenta Poloniae historica, стр. 626—628). Наконецъ, въ 1880 г. Алексѣй Степановичъ Павловъ перепечаталъ греческій текстъ (съ прибавленіемъ русскаго перевода) въ «Русской исторической библіотекѣ», издаваемой археографическою коммиссіею (Т. VI, Прилож. столб. 125—128). Въ чтеніи одного мѣста текста, мы не можемъ вполнѣ согласиться съ прежними издателями. Мѣсто это *по изданію Григоровича* читается такъ: «*καὶ οὗτοι οἱ ῥηγάδες ἀπόβησαν τῆς Ῥωσίας καὶ ἡ γῆ χήρα ἦν* = и сіи князья оставили Россію (*ἀπόβησαν — можетъ быть, въ значеніи:* прешли) и земля осиротѣла».

По изданію рукописнаго перевода Григоровича въ сочиненіи Зубрицкаго: «Князья Россіи были мои родственники, и эти князья оставили Россію (ἀπόβησαν въ значеніи *перевелись — извелись — прекратились, измерли, gingen ab*) и земля осиротѣла»[1]).

По изданію Миклосича и Миллера: καὶ οὗτοι οἱ ῥῆγες διέβησαν τῆς Ῥωσίας, καὶ ἡ γῆ χήρα ἦν.

По изданію Бѣлёвскаго: «καὶ οὗτοι οἱ ῥῆγες διέβησαν τῆς Ῥωσίας, καὶ ἡ γῆ χήρα ἦν = i ci xiążęta odumarli Ruś, a kraj osierociał». (Этотъ подходящій переводъ принадлежитъ Ант. Малецкому).

По изданію Павлова: «καὶ οὗτοι οἱ ῥῆγες διέβησαν τῆς Ῥωσίας, καὶ ἡ γῆ χήρα ἦν = но князья эти вышли изъ [сей части] Россіи, и земля осиротѣла».

Какъ бы ни былъ далекъ искуственный литературный языкъ канцеляристовъ тогдашняго патріарха отъ классическаго, тѣмъ не менѣе употребленіе глагола διαβαίνειν съ родительнымъ падежемъ въ данномъ мѣстѣ довольно странно. Скорѣе можно согласиться на чтеніе ἀπέβησαν τῆς Ῥωσίας (ср. выраженія: ἀποβαίνειν ἀβάτων, νηός, πεδίων въ «Thesaurus l. gr. ab H. Stephano constructus», column. 1363 новаго изд.). Фактъ, что два послѣдніе князья умерли насильственною смертью или, другими словами, что они отошли въ вѣчность, оставивъ Русь осиротѣвшею, король Владиславъ въ 1323 г. (см. ниже текстъ подъ № 4) передалъ столь же мягкими словами: decesserunt ex hac luce. Казимиръ же, употребляя выше приведенную формулу, конечно, имѣлъ также въ виду и отравленіе Болеслава-Георгія, который, подобно Владиміру и Льву, приходился ему сродникомъ (συγγενής) и княжилъ также въ Малой Руси.

---

[1]) Этотъ переводъ былъ списанъ Ганкою изъ портфеля Григоровича и напечатанъ Зубрицкимъ въ 1855 году. (См. Анонимъ Гнезненскій и Іоаннъ Длугошъ, стр. 104). Слова напечатанныя Зубрицкомъ курсивомъ, вѣроятно, прибавлены Григоровичемъ самимъ. Петрушевичъ въ своемъ сочиненіи «О соборной богородичной церкви и святителяхъ въ Галичѣ» держался текста и перевода, напечатанныхъ В. Григоровичемъ въ 1847 г. («оставили Россію — можетъ быти въ значеніи: прешли, прекратились»). См. Галицкій историческій сборникъ. Выпускъ III. Львовъ 1860, на стр. 13.

Вопросъ о такъ назыв. галичскихъ «митрополитахъ», упомянутыхъ въ грамотѣ Казимира, остается, за недостаткомъ источниковъ, довольно темнымъ. Выше (на стр. 103) приведенный епископъ Григорій упоминается въ грамотѣ, которая считается подложною. Нѣтъ сомнѣнія, что польскій король имѣлъ не совсѣмъ точныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ. Но послѣдній епископъ Ѳеодоръ достаточно засвидѣтельствованъ исторіей (см. выше стр. 125 [1]). Слѣдуетъ только точнѣе (см. выше на стр. 62 и 103) опредѣлить время, когда онъ былъ (неправильно) возведенъ патріархомъ Аѳанасіемъ изъ епископа въ митрополиты (ἀπὸ ἐπισκόπου εἰς μητροπολίτην) Галиціи. Это послѣдовало, какъ мнѣ кажется, не въ княженіе Болеслава-Георгія, но во время смутъ, происшедшихъ въ Византіи въ первой половинѣ сороковыхъ годовъ. См., между прочимъ, слѣдующія указанія: κατὰ τὸν πρὸ ὀλίγου δὲ γεγονότα καιρὸν τῆς συγχύσεως . . . καὶ ἀπεκόπησαν πρὸ ὀλίγου . . . (въ хрисобуллахъ императора, 1347 года; въ изд. Павлова, столб. 18 и 21 Приложеній); ἐλθὼν δὲ πρὸ ὀλίγου (въ хрисобуллѣ, столб. 31); πρὸ ὀλίγου καιρὸς τῆς συγχύσεως (въ постановленіи патріарха Исидора, того же 1347 г., столб. 35 и 37).

Какимъ образомъ св. «Петръ» попалъ въ списокъ такъ наз. галичскихъ митрополитовъ? Будучи сыномъ одного волынскаго крестьянина онъ, еще въ XIII столѣтіи, постригся въ монахи подъ именемъ «Петра», а потомъ сдѣлался игуменомъ основаннаго имъ Ратскаго монастыря. Какъ игуменъ онъ сдѣлался извѣстнымъ митрополиту Максиму, обозрѣвавшему около 1301 г. Волынскую землю во время путешествія въ Константинополь. Въ то

1) Въ концѣ челобитной галичскихъ православныхъ Русиновъ кіевскому митрополиту Макарію, которую издатель ея — Ив. Ив. Григоровичъ — относитъ къ 13 дек. 1539 г., встрѣчается слѣдующее извѣстіе: «Преосвященный господине! Маемъ то... (въ хро)никахъ, ажъ тому есть двѣстѣ лѣтъ и одинъ рокъ, отъ святого... минуло, якъ владыка на Галичи былъ; а отъ тыхъ часовъ... предъ вашею милостью бывали, того довести не могли». (Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи. Томъ II, 1848, стр. 361 и Примѣч. 125 на стр. 14. — Акты... Томъ III, прим. 34, на стр. 9). См. еще исторію русской церкви, Макарія. Томъ IV, 1866, стр. 21, прим. 26.

О послѣднемъ епископѣ галичскомъ см. еще ниже текстъ № 17.

время Петръ пользовался благорасположеніемъ князя Георгія I Львовича († въ день св. Георгія 1308 года), который «восхотѣ галичскую епископію въ митрополію претворити». Для достиженія этой цѣли князь отправилъ Петра къ константинопольскому патріарху съ письмомъ и съ своимъ посломъ. Но на созванномъ патріархомъ соборѣ епископія галичская не была возведена на степень особой митрополіи, а Петръ сдѣлался митрополитомъ всея Руси. Въ 1308 г. патріархъ отпустилъ его въ отечество и съ этого времени вплоть до 1326 г. онъ съ честью трудился для блага русской церкви.

О епископѣ Гавріилѣ не упоминается ни въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ источниковъ. Нѣтъ достаточнаго основанія предполагать, что въ княженіе Владимира-Андрея (1308—1321) и въ управленіе русскою церковью Волынца Петра (1308—1326) галичская епископская каѳедра оставалась не занятою. Подъ 1331 годомъ упоминаются, рядомъ съ галичскимъ еп. Ѳеодоромъ, епископы: Аѳанасій владимирскій, Марко перемышльскій и Іоаннъ холмскій.

№ 18.

Жалованная грамота венгерской и галичской королевы Маріи венгерскому дворянину Іоганну Палудьѣ, въ Офенѣ (30 сент. — 6 окт.) 1385 г.

(См. ниже извлеченіе изъ грамоты въ текстѣ подъ № 18).

Личность Дмитрія Дядьки (см. ниже Алфавитный указатель) столь тѣсно связана съ судьбами Червонной Руси и Волыни послѣ смерти двухъ послѣднихъ Романовичей въ 1321 и 1322 гг., что каждое новое, хотя бы и маловажное извѣстіе объ этомъ представителѣ южно-русскаго боярства, не лишено для насъ интереса. Нѣтъ никакаго сомнѣнія, что между Болеславомъ-Георгіемъ и Дмитріемъ Дядькою существовали тѣсныя, дружескія отношенія: въ грамотѣ 1335 г. (см. ниже текстъ № 8) Дядько занимаетъ первое мѣсто между «баронами» молодаго князя, при чемъ послѣдній, конечно, не безъ причины, поставилъ при его имени слово

noster[1]). Спустя два года послѣ трагической кончины Болеслава-Георгія, Дмитрій Дядько съ своей стороны, упоминаетъ о смерти блаженной памяти кн. Георгія (см. ниже текстъ № 13). Вслѣдствіе этого самъ собою возникаетъ вопросъ, какъ согласовать теплый отзывъ Дмитрія о послѣднемъ галичско-владимирскомъ князѣ съ легендарными извѣстіями о причинѣ его смерти? Сверхъ того, важно было бы опредѣлить, въ которомъ году Дмитрій Дядько сошелъ съ историческаго поприща въ качествѣ правителя Галиціи? Основываясь на томъ фактѣ, что Казимиръ В. въ 1349 г. внезапно и притомъ зимою сдѣлалъ вторичную попытку завладѣть Червонною Русью, можно полагать, что смерть Дмитрія послѣдовала не позже 1349 года. Существуетъ только одна грамота, въ которой упоминается о смерти Дмитрія Дядьки и о его (родовомъ?) имѣніи — Дмитровичахъ. Грамота эта была три раза напечатана какъ (мнимая) pièce justificative, по случаю перваго раздѣла Польши и послѣ того была нѣсколько разъ перепечатана. Не смотря на это она, какъ кажется, до сихъ поръ еще нигдѣ не была безукоризненно издана.

На основаніи договора, заключеннаго въ 1352 г. между Казимиромъ и его племянникомъ Людовикомъ королемъ венгерскимъ, по поводу возрастающаго могущества литовскихъ князей, Червонная Русь должна была отойти къ Венгріи въ случаѣ, если польскій король не оставитъ послѣ себя мужскаго потомства. Вскорѣ послѣ смерти Казимира († 30 окт. 1370 г.), Людовикъ († 11 сент. 1382 г.) старался привести въ исполненіе выше упомянутый договоръ. Дочь и преемница его Марія въ качествѣ венгерской королевы владѣла Галиціей съ 1382 по 1387 г. До насъ дошло нѣсколько ея грамотъ, касающихся Галиціи и относящихся къ указанному періоду времени. Въ числѣ ихъ находится жалованная грамота отъ октября 1385 года, которою коро-

---

1) cum Demetrio Detkone nostro — едва-ли въ смыслѣ: съ нашимъ кормильцемъ Дмитріемъ. См. выше стр. 101. Въ волынской лѣтописи упоминается подъ 6749 = 1241 г. и «Дядьковъ (т. е. Дядьковь) градъ» въ Болоховской землѣ.

лева Марія пожаловала венгерскому дворянину Іоганну Палудьѣ и его братьямъ деревню Дмитровичи, нѣкогда принадлежавшую какому-то «Dessk», а вмѣстѣ съ нею еще три другія деревни, составлявшія когда-то собственность Иваны (Ивана = Johanna), жены Desk'a. Деревни эти лежали въ перемышльской области и до 1385 г. принадлежали къ перемышльскому замку. Челобитчикъ Іоганъ Палудья (Ioannes, filius Andreae de Palugya) прося пожаловать ему выше упомянутыя деревни, указываетъ на то, что Desk и его жена умерли не оставивъ наслѣдниковъ ни по мужской ни по женской линіи.

Хотя тождество Димитрія Дядьки съ Desk'омъ грамоты 1385 г. и съ Dechk'омъ[1]) грамоты 1344 г. до сихъ поръ никѣмъ не было замѣчено, тѣмъ не менѣе оно не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Достаточно будетъ упомянуть, что по Чарнковскому (см. ниже текстъ № 23) «baro Datko nomine — въ 1341 г. — castrum Przemisl habens» призвалъ на помощь Татаръ противъ Казимира вмѣстѣ съ (кн.) Даниломъ Острожскимъ и что и донынѣ въ перемышльскомъ уѣздѣ существуютъ деревни Дмитровичи, Плошовичи и Поповичи.

Грамота Маріи 1385 г. съ подтвердительнымъ актомъ губернатора Бебека впервые была издана въ трехъ сочиненіяхъ, вышедшихъ подъ заглавіемъ: 1) «Exposé préliminaire des droits de la Couronne de Hongrie sur la Russie Rouge et sur la Podolie; ainsi que de la Couronne de Bohème sur les Duchés d'Oswiétzim et de Zator. A Vienne 1772» in-4⁰ (№ IV et V), 2) «Praevia explicatio jurium Hungariae in Russiam Minorem... Vindob. 1772» in-4⁰, и 3) «Zbiór deklaracyi, not i czynności, które poprzedziły i zaszły podczas sejmu pod węzłem konfederacyi, odprawującego się od dnia 18. września 1772 do 14. maja 1773 г.» Изъ послѣдняго

---

1) См. выше стр. 79. Не извѣстно, сохранился ли подлинный списокъ грамоты Людовика. Феjèръ имѣлъ подъ рукою только копію, писецъ которой вѣроятно читалъ Dechk вмѣсто Dethk. Это смѣшеніе двухъ въ палеографическомъ отношеніи сходныхъ буквъ t и c — вещь обыкновенная у средневѣковыхъ писцевъ. У Длугоша Дядько называется — Daszko.

рѣдкаго сочиненія Казимиръ Стадницкій перепечаталъ текстъ грамоты въ своемъ сочиненіи «Synowie Gedymina (T. II. Lubart xiążę wołyński. Lwów 1853, pag. 253). Болѣе вѣрный текстъ подлинной и подтвердительной грамотъ былъ изданъ по копіи, находящейся въ VIII томѣ теки Нарушевича, въ Aktach grodzkich i ziemskich. T. VII. We Lwowie 1878, pag. 33. Изъ этого изданія мы заимствовали извлеченіе, напечатанное ниже въ текстѣ подъ № 18.

Издателямъ Актовъ гродскихъ не было извѣстно, что подлинникъ грамоты Бебека былъ представленъ въ 1807 г. венгерскому сейму и что она, какъ и грамота королевы Маріи напечатаны Катоною и въ собраніи венгерскихъ грамотъ, изданномъ Фејèромъ, а именно въ первой части X тома на стр. 225 и 261, гдѣ Дядько какъ и у Стадницкаго ошибочно названъ Desk или Dessk[1]). Такъ какъ мнѣ неизвѣстно, имѣлъ ли Фејèръ подъ рукою подлинникъ, то я перепечатываю здѣсь два его замѣчанія. На стр. 226, въ концѣ текста сказано:

«Ex authentico Conuentus Thurocz transumto. V. ad annum 1386. Produxit eam, qui *praeuiam explicationem iurium Hungariae in Russiam minorem et Podoliam* edidit, numero IV et V, p. 3, 4, 5. Katona tom. XI, p. 96 sqq.» — На выше приведенный «Exposé», сочиненный извѣстнымъ придв. совѣтникомъ Колларомъ, явился отвѣтъ подъ заглавіемъ: Réponse à l'Exposé préliminaire... (Sine loco). 1773. 4°. Есть и изданіе подъ тѣмъ же заглавіемъ, но sine loco et anno. 4°.

Въ концѣ вводной во владѣніе грамоты, выданной Јоганну Палудьѣ правителемъ Эмерикомъ Бебекомъ (totius regni Russiae capitaneus) 1 ноября 1385 г. мы читаемъ у Фејèра, на стр. 263:

«Orig. in archivo illustris familiae Palugyai de eadem, in Diaeta Anno 1807 productae Actorum. Sess. XLIII. p. 260. Item Katona l. c. p. 98 sqq.»

---

1) Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. Studio et opera Georgii Fejér. Tomi 10. volumen 1. Budae 1834. 8°. Собраніе Фејèра давно уже не находится въ продажѣ. Въ Петербургѣ имѣется только одинъ полный экземпляръ этого сборника, именно въ университетской библіотекѣ, куда онъ поступилъ изъ собранія книгъ извѣстнаго словениста П. Прейса. — Въ 1866 г. вышелъ въ свѣтъ и подробный указатель къ Сборнику Фејèра (Index alphabeticus Codicis diplomatici... Jussu Academiae scient. hungaricae concinnavit M. Czinar).

Въ соч. Катоны (Historica critica regum Hungariae stirpis mixtae. Tomus IV, Ordine XI. Budae 1790) грамоты Маріи и Бебека (Copia statutionis) перепечатаны на стр. 96 и 98. Дядько у него называется «Dessk».

В. **Лѣтописныя сказанія.**

№ 19.

Литовскія сказанія о смерти русскихъ князей Владиміра-Андрея и Льва II Юрьевичей въ 1321 и 1322 г.

(См. ниже тексты подъ № 19).

Хотя исторія юго-западной Руси послѣ 1292 г. представляетъ много пробѣловъ, тѣмъ не менѣе довольно странно, что о такомъ крупномъ событіи, какъ трагическая кончина двухъ послѣднихъ представителей дома Даніила Романовича, не сохранилось никакихъ извѣстій ни въ великорусскихъ ни въ польскихъ лѣтописяхъ. Изъ польскихъ лѣтописцевъ только Янъ Чарнковскій подъ 1340 г. (см. ниже текстъ 23) помѣстилъ замѣтку, что Болеславъ-Георгій своему «avunculo successerat». Такую же краткую замѣтку мы встрѣчаемъ у Длугоша, который называетъ дядю Болеслава Любартомъ! Въ другомъ мѣстѣ онъ мимоходомъ упоминаетъ о прогнаніи послѣднихъ русскихъ князей Червонной Руси и Волыни. Онъ же знаетъ о женитьбѣ Любарта на дочери Андрея (См. ниже текстъ 24). Что касается иностранныхъ лѣтописцевъ XIV вѣка, то только одинъ швейцарецъ Іоганнъ Витодуранъ (см. ниже текстъ 27) сохранилъ для насъ довольно смутное извѣстіе о существованіи и о смерти двухъ выше названныхъ князей. Этотъ ощутительный пробѣлъ отчасти вознаграждается, кромѣ письма Владислава Локетка 1323 и письма Казимира В. 1370 г., тѣми извѣстіями о кончинѣ Владиміра-Андрея и Льва, которыя мы встрѣчаемъ въ литовскихъ лѣтописяхъ. Изъ послѣднихъ почерпнулъ и Стрыйковскій свой разсказъ о кончинѣ Владиміра-Андрея и Льва II.

Оставляя, на этотъ разъ, въ сторонѣ вопросъ о классификаціи литовскихъ лѣтописей, я ограничиваюсь здѣсь напечатаніемъ однѣхъ выписокъ о смерти двухъ послѣднихъ Романовичей по всѣмъ доступнымъ мнѣ спискамъ. Для этой ближайшей цѣли достаточно будетъ замѣтить, что всѣ эти сказанія о смерти двухъ княжескихъ братьевъ могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: на сказанія пространной и краткой редакцій. Къ первой группѣ слѣдуетъ отнести разсказъ помѣщенный въ сводѣ Стрыйковскаго и списокъ сохранившійся въ сборникѣ Руссова, ревностнаго любителя исторіи, который въ свое время сдѣлался извѣстнымъ цѣлымъ рядомъ историческихъ брошюръ, въ томъ числѣ и «Волынскими записками» П. 1809 г. Этотъ списокъ «Литовской и жомойтской кроники», открытый мною когда-то въ библіотекѣ Степана Руссова, оканчивается 1588 годомъ и получилъ довольно поздно свою нынѣшнюю форму. Уже по языку нельзя его считать буквальной копіею съ пространной литовской лѣтописи. Можно полагать, что составитель этой «Литовской и жомойтской кроники», равно какъ и извѣстный ему Стрыковскій, описывая походъ Гедимина противъ двухъ Юрьевичей, имѣли подъ рукою по экземпляру потерянной полной литовской лѣтописи.

Прилагаемыя выписки изъ литовскихъ лѣтописей дадутъ возможность любителямъ западно-русской исторіи провѣрить всѣ дошедшіе до насъ разсказы о смерти двухъ послѣднихъ Даниловичей. Желая облегчить эту задачу тѣмъ, которые не привыкли къ чтенію тяжеловѣсныхъ періодовъ и витіеватыхъ фразъ польскихъ лѣтописцевъ, я напечаталъ главу о покореніи юго-западной Руси Гедиминомъ не по какому-либо экземпляру стараго русскаго рукописнаго перевода Стрыйковскаго, но предпочелъ просить О. О. Гонсіоровскаго перевести ее на современный русскій языкъ, причемъ поставилъ ему на видъ, что для историковъ-изслѣдователей важно имѣть не столько изящный, сколько точный переводъ.

Всѣмъ извѣстно, что Стрыйковскій, подобно другимъ тогдашнимъ компиляторамъ, въ дѣлѣ опредѣленія хронологіи событій

поступалъ крайне некритически: имѣя подъ руками вѣрныя хронологическія данныя, онъ нерѣдко отдавалъ предпочтеніе находящимся въ его распоряженіи невѣрнымъ даннымъ. Это случилось и по отношеніи къ 3. главѣ XI. книги. Въ спискѣ Руссова годы событій, о которыхъ Стрыйковскій разсказываетъ въ упомянутой главѣ, обозначены вѣрно. Чтобы въ этомъ убѣдить неопытныхъ хронологовъ, достаточно указать на terminus a quo и terminus ad quem. Въ тѣ времена на Волыни и въ Подлѣсіи зимніе походы, хотя бы по причинѣ глубокихъ снѣговъ, были явленіемъ исключительнымъ. Въ разсказѣ литовской лѣтописи имѣется даже прямое указаніе на зимнія квартиры Гедимина (зимою 1321—1322 г.). Весною (21 мая) 1323 г. король Владиславъ извѣстилъ папу о смерти своихъ русскихъ племянниковъ, изъ которыхъ старшій былъ еще въ живыхъ 27 августа 1320 г. (см. выше стр. 114 и текстъ № 3). Раньше 1321 г. мстительный Гедиминъ и не могъ предпринять столь гигантскаго для того времени похода, ибо онъ окончилъ свои счеты съ нѣмецкимъ Орденомъ только въ 1320 г., причемъ 27 іюля того же года былъ убитъ оберъ-маршалъ Генрихъ фонъ Плоцке, стоявшій, за отсутствіемъ великаго магистра, во главѣ войскъ Ордена.

Изъ разнородныхъ краткихъ редакцій литовской лѣтописи мы сообщаемъ ниже выписки изъ 5 списковъ. Здѣсь мы должны замѣтить, что на основаніи правописанія этихъ списковъ нельзя еще судить о ихъ старшинствѣ, потому что правописаніе это въ извѣстной степени, принадлежитъ позднѣйшимъ переписчикамъ. Въ концѣ считаю нужнымъ замѣтить, что въ приводимыхъ мною отрывкахъ титла, для удобства, раскрыты. При изданіи полнаго собранія литовскихъ лѣтописей, (которое, какъ я надѣюсь, состоится въ непродолжительномъ времени), конечно, должно будетъ, руководствоваться, сколь возможно, твердо установленными филологическими правилами.

Въ трехъ спискахъ: супрасльскомъ (изданномъ Даниловичемъ) и спискахъ графовъ Уварова (изд. А. Н. Поповымъ) и Красинскихъ, равно какъ и въ такъ наз. спискѣ Авраамки, имена Ан-

дрея и Льва вовсе не упоминаются, а только въ самомъ краткомъ видѣ говорится о женитьбѣ Любарта на дочери Владимира-Андрея. Замѣтимъ здѣсь при случаѣ, что имя дочери его — Буча — встрѣчается въ Сербіи подъ 1409 г. Срав. еще географич. словарь Я. Ѳ. Головацкаго. Вильна 1884, стр. 37.

Женился ли Любартъ до или послѣ 1321 г. — вопросъ нерѣшенный. См. сочиненіе Н. П. Дашкевича (Замѣтки по исторіи литовско-русскаго государства. Кіевъ 1885, стр. 46). По Стрыйковскому и по списку Руссова дочь Андрея вышла за Любарта еще при жизни своего отца. Впрочемъ, только часть извѣстій въ этой главѣ Стрыйковскаго (I, 382 по Варшавск. изданію) взята имъ изъ литовской лѣтописи. Въ спискѣ Руссова, по случаю раздачи удѣловъ Гедиминовичамъ, говорится слѣдующее:

«Любартъ зась же понялъ былъ въ станъ малженскій у Володимера (см. выше стр. 56 и 67, пр. 2 и стр. 96, пр. 15), князя володимерскаго и волынскаго, дочку, мѣлъ часть съ посагу на Волыну. А по смерти Володимера взялъ князьство володимерское, все луцкое и волынское».

Считаю не лишнимъ привести въ точномъ переводѣ разсказъ Стрыйковскаго о женитьбѣ Любарта.

«Что касается Любарта, то онъ, женившись на дочери Владимира, князя владимирскаго и волынскаго, получилъ съ нею въ приданное удѣлъ на Волыни, а затѣмъ, когда Гедиминъ, Любартовъ отецъ, разбилъ высокомѣрнаго Владимира, тестя вышеназваннаго своего сына, такъ что онъ, потерявъ въ сраженіи свое войско, былъ убитъ и Гедиминъ завладѣлъ всѣмъ владимирскимъ и волынскимъ княжествами — какъ объ этомъ разсказано выше —, то онъ далъ ихъ своему сыну Любарту, женатому на наслѣдницѣ этихъ княжествъ, а потомъ когда луцкій князь Левъ былъ убитъ Литовцами въ кіевскомъ сраженіи, то и луцкое княжество перешло по наслѣдству къ Любарту; такимъ образомъ, довольствуясь русскими княжествами, наслѣдованными по женѣ и по убитомъ тестѣ, онъ не получилъ, на равнѣ съ братьями, удѣла въ великомъ княжествѣ литовскомъ, по тѣмъ не менѣе и этого было съ него, ибо онъ, какъ объ этомъ повѣствуетъ Длугошъ, Мѣховита и Кромеръ, распространилъ потомъ свое государство до самаго Львова и до венгерскихъ горъ путемъ наслѣдства и войною въ русскихъ княжествахъ, изъ-за которыхъ онъ воевалъ съ своимъ зятемъ (szwagrem), польскимъ королемъ Казимиромъ Локетковичемъ и съ Людовикомъ, королемъ венгерскимъ и польскимъ — какъ объ этомъ будетъ сказано ниже».

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Стрыйковскій въ этомъ разсказѣ спуталъ событія и время, когда они происходили. Спрашивается, однако, возможно ли допустить, чтобы такой полководецъ какъ Гедиминъ, послѣ столь блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ имъ надъ русскими князьями въ 1321 и 1322 гг., удалился во свояси, не воспользовавшись даже въ ничтожной мѣрѣ плодами своихъ побѣдъ? Мы не знаемъ, какъ онъ смотрѣлъ на выборъ мазовецкаго принца Болеслава. Но едвали Болеславъ-Юрій или его руководитель Дмитрій Дядько посмѣли бы отказать побѣдоносному Гедимину въ уступкѣ небольшаго удѣльнаго луцкаго княжества. Болеславъ-Юрій, какъ мы знаемъ, считалъ себя законнымъ наслѣдникомъ своего дяди Владимира-Андрея и, судя по всему, этотъ взглядъ раздѣляли и русскіе бояре, ибо въ противномъ случаѣ они врядъ ли бы избрали Болеслава своимъ княземъ. Но разъ право наслѣдства было признано за женскою линіею княжескаго дома, то и Любартъ могъ выступить съ своими притязаніями, все равно, женился ли онъ на Бучѣ до, или послѣ смерти Андрея.

Если допустимъ, что Любартъ при вступленіи Болеслава на владимирскій столъ получилъ луцкое княжество, то сдѣлается понятнымъ, почему онъ до 1340 г. нигдѣ не упоминается какъ соучастникъ въ походахъ Литовцевъ ни противъ нѣмецкаго ордена ни противъ мазовецкихъ и русскихъ князей и почему онъ при раздѣлѣ литовско-русскихъ земель Гедиминомъ, не получилъ никакого чисто литовскаго удѣла. Этотъ раздѣлъ имѣлъ мѣсто въ послѣдніе годы княженія Гедимина, стало быть раньше 1341 г. Въ самомъ дѣлѣ, подканцлеръ Чарнковскій, родившійся скорѣе прежде чѣмъ послѣ 1340 г., прямо говоритъ, что Любартъ владѣлъ этою землею (частью Волыни?), когда Казимиръ весною 1340 г. предпринялъ завоеваніе Галиціи и Волыни.

Противъ догадки, что Любартъ получилъ луцкое княжество прежде 1340 г., можно возразить, что въ одной грамотѣ Болеслава-Георгія, въ числѣ другихъ вельможъ, называется Ѳеодоръ Отекъ, воевода луцкій (cum... Chodore Otek, pallatino de Lutzek;

у Коцебу, вѣроятно по ошибкѣ: Lutzel). Изъ этого можно заключить, что по крайней мѣрѣ въ годъ составленія этой грамоты, т. е. въ 1335 г., Луцкъ находился подъ властью Болеслава-Георгія, женившагося въ 1331 г. на дочери Гедимина, или что Любартъ зависѣлъ отъ него какъ васальный князь.

Со временемъ, безъ сомнѣнія, откроются еще какія нибудь извѣстія о кн. Владимирѣ-Андреѣ и Львѣ. Донесенія миноритовъ, какъ кажется, еще не вполнѣ исчерпаны и число малоизвѣстныхъ мѣстныхъ лѣтописцевъ XIV в., дошедшихъ до насъ на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, довольно значительно. Не встрѣчаются ли какія-нибудь извѣстія о владимирскихъ князяхъ XIV в. въ неизданной первой редакціи лѣтописи Іоганна изъ Виктринга? (См. ниже текстъ 27). О межигорской рукописи см. статью Антоновича (Кіевская старина 1882 г. іюль мѣсяцъ), разсужденіе Шараневича: «O latopisach i kronikach ruskich 15 i 16 wieku» (см. Rozprawy wydziału historyczno-filozoficznego Akademii umiejętności. Tom 15. W Krakowie 1882, стр. 351, 372, 379 и т. д.) и сочиненіе Дашкевича (Замѣтки. Кіевъ 1885, стр. 55 и т. д.). Этотъ послѣдній ученый указываетъ (стр. 32) также на какую-то лѣтопись черноризца Ивана.

О спискѣ литовской лѣтописи, принадлежащемъ генералъ-лейтенанту С. Θ. Хоминскому, упоминается въ статьѣ Іохера (Biblioteka Warszawska. 1854. Tom drugi, str. 128). — Мнѣ сообщаютъ, что существуетъ еще одинъ списокъ литовской лѣтописи и что онъ находится въ рукахъ одного помѣщика херсонской губерніи. — О такъ назыв. Равданской рукописи см. Dzieje nar. lit. przez Narbutta I, 156 и IV, 459.

Меня просили перепечатать «Уневскій помянникъ», изданный А. Петрушевичемъ въ «Пчелѣ» (Львовъ 1849 г.), но я не могъ достать этой библіографической рѣдкости. Мнѣ извѣстно только то, что онъ заключаетъ въ себѣ важный матеріалъ для повѣрки генеалогическихъ легендъ о знатныхъ родахъ, но, кажется, вездѣ безъ хронологическихъ указаній. Для примѣра приведемъ здѣсь изъ него «Упись рода князя русскаго Лва»: Даніилъ, Левъ,

Георгій, Димитрій, Арсеній... (слѣдуетъ еще 30 именъ). Любопытно сдѣланное изъ того же помянника извлеченіе о родѣ князя Любарта Гедиминовича (см. Synowie Gedymina, przez Kaz. Stadnickiego. T. II. Lubart xsiążę wołyński. Lwów 1853 г., стр. 171; снимокъ на стр. 260):

1400. Родъ князя Ѳеодора Лобарта.

Ѳеодора,	Димитрія,	Агрипину,	Анастасію,
Симеона,	Георгія,	Василія,	Михаила и т. д.
Софію,	Андрея,	Іакова,	Іоана и т. д.

№ 20.

Рочники малопольскіе.

(См. ниже текстъ подъ № 20).

Въ числѣ источниковъ для древняго періода польской исторіи одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимаетъ «Rocznik małopolski», дошедшій до насъ не въ первоначальномъ видѣ, а въ формѣ компиляцій. Онъ изданъ Бѣлёвскимъ и названъ такъ потому, что многія упоминаемыя въ немъ событія относятся къ областямъ, составляющимъ Малую Польшу. Подъ 1340 г. (Mon. III, 199) въ немъ разсказывается о смерти Болеслава-Георгія и о послѣдовавшемъ вслѣдъ за тѣмъ первомъ (неудачномъ) походѣ Казимира В. на Червонную Русь и Волынь, предпринятомъ въ видахъ присоединенія этихъ земель къ польскому государству. Объ этомъ разрядѣ польскихъ анналовъ написалъ изслѣдованіе В. Кентржинскій, подъ заглавіемъ: O Roczniku Małopolskim. Przyczynek do annalistyki polskiéj w XIII i XIV wieku. (Roczniki towarzystwa przyjaciół nauk Poznańskiego. T. X. Poznań 1878 p. 203—242).

Рочникомъ Траски Бѣлёвскій назвалъ довольно поздно составленную редакцію анналовъ, оканчивающуюся, подобно списку Куропатницкаго рочниковъ малопольскихъ, 1340 г., разсказомъ объ отравленіи Болеслава-Георгія и о послѣдовавшемъ вслѣдъ затѣмъ походѣ Казимира В. Въ концѣ этого разсказа, а слѣдо-

вательно и въ концѣ всего рочника, за словомъ «nobilium», читается еще: «Thrasca etiam fuit ibidem» (Mon. Pol. hist. II, 861). Кентржинскій возстаетъ не столько противъ названія, даннаго для удобства цитатъ и т. д. этому памятнику Бѣлёвскимъ, сколько противъ того, что послѣдній отдѣлилъ «Rocznik Traski» отъ другихъ списковъ малопольскихъ рочниковъ. Дѣйствительно, лѣтописная компиляція, нынѣ извѣстная подъ именемъ: Rocznik Thraski въ сущности принадлежитъ къ разряду малопольскихъ анналовъ. Разсказъ о событіяхъ 1340 г. почти совершенно сходенъ съ тѣмъ же разсказомъ, перепечатаннымъ ниже въ текстѣ подъ № 20, гдѣ за словомъ «nobilium» читается «etc». Спрашивается, что было записано въ первоначальной редакціи: «Thraska etiam...» или «etc». Кажется, не послѣднее. Вообще такъ наз. Рочникъ Траски отличается отъ другихъ списковъ нѣкоторыми замѣчательными варіантами. Неизвѣстный намъ ближе воинъ Траска или Thratka, какъ соучастникъ похода, конечно, могъ сообщить анналисту перечень военныхъ событій 1340 года.

№ 21.

Плоцкій помянникъ.

(См. ниже текстъ подъ № 21).

Подъ заглавіемъ «Spominki Płockie» Бѣлёвскій напечаталъ (Mon. Pol. hist. III, 119) нѣкоторыя отрывочныя извѣстія, въ которыхъ, между прочимъ, упоминается и о смерти Болеслава-Георгія. См. также замѣтку Бѣлёвскаго (3, 309, прим. 2).

№ 22.

Родоводъ польскихъ князей.

(См. ниже текстъ подъ № 22).

Rodowód xiążąt polskich представляетъ компиляцію, дошедшую до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ не старше 1462 г. Из... Бѣлёвскимъ въ Mon. Pol. hist. T. III, pag. 284.

№ 23.

Янъ Чарнковскій.

(См. ниже текстъ подъ № 23).

Jan z Czarnkowa былъ архидіакономъ въ Гнѣзнѣ, а съ 1367—1370 г. состоялъ подканцлеромъ Казимира В. Его лѣтопись, — «Chronicon Polonorum», — обнимающая періодъ времени съ 1333—1384 г., впервые издана, но небрежно, и притомъ по дурному списку, Зоммерсбергомъ (во 2-мъ томѣ Scriptt. rerum Siles. 1730 г.) подъ заглавіемъ: «Anonymi archidiaconi Gneznensis chronicon». Критическимъ изданіемъ Чарнковскаго мы обязаны Я. Шляхтовскому (во второмъ томѣ Monumentorum Poloniae historicorum. Lwów 1872). Г. Режабекъ попытался ближе объяснить (см. выше стр. 24), почему ученый міръ цѣлое столѣтіе заблуждался, пріурочивая одно и то же событіе то къ мазовецко-русскому князю Болеславу Тройденовичу, то къ русскому князю Георгію Андреевичу. Выясненіе этого вопроса тѣмъ болѣе желательно, что до сихъ поръ не вполнѣ рѣшенъ вопросъ о томъ, вышло ли ниже слѣдующее мѣсто изъ подъ пера Чарнковскаго въ такой формѣ, въ какой оно напечатано въ исправленномъ изданіи 1872 г. Мѣсто это читается:

По изданію Зоммерсберга:	По изданію Шляхтовскаго:
...mortuo magnifico principe Kazimiro *) dicto Georgio totius regni Russiae duce, Troyd*em* du*x* Mazoviae, qui Kazimir*o* avunculo suo in ducatu Russiae successerat.	...mortuo magnifico principe Kazimiro dicto Georgio totius regni Russiae duce, *filio* Troyd*ini* du*cis* Mazoviae, qui Kazimir*us* avunculo suo *) in ducatu Russiae successerat.
*) Казимиръ († 1355) былъ одинъ изъ младшихъ сыновей кн. Тройдена.	*) Владимиру-Андрею владимирскому. См. ниже текстъ (№ 8) грамоты 1335 г.

Слово «filio» пропущено у Зоммерсберга не по нерядѣнію, потому что оно также отсутствуетъ въ спискахъ VII и VIII (Rękopism lubiński i Rękopism Sieniawski). Здѣсь возникаетъ вопросъ: самъ ли Янъ Чарнковскій, по недосмотру, два раза назвалъ Георгія Казимиромъ (cap. 3, pag. 619 и 620), или эта ошибка

принадлежитъ первому его переписчику? Если догадка Режабка (стр. 24) на счетъ того, что списки (II и III), въ которыхъ отсутствуетъ имя Болеслава (cap. 3, pag. 629), принадлежатъ къ самымъ «лучшимъ», справедлива, въ такомъ случаѣ прійдется лишить этой чести первый списокъ Шляхтовскаго. Изъ историковъ, пытавшихся объяснить мѣсто у Чарнковскаго о Юріѣ, уже Энгель (Geschichte von Halitsch und Wladimir. 2-ter Theil. Wien 1792, pag. 43) замѣтилъ что оно испорчено. Впервые оно было напечатано въ исправномъ видѣ на основаніи кенигсбергскаго списка Чарнковскаго во 2-мъ томѣ «Scriptores rerum prussicarum» (1863, pag. 716).

№ 24.

Длугошъ.

(См. ниже текстъ подъ № 24).

Извѣстно, что Длугошъ († 1480) имѣлъ подъ рукою немало не дошедшихъ до насъ источниковъ и что онъ весьма часто не довольствовался точною ихъ передачею, но болѣе или менѣе передѣлывалъ древніе тексты, прибавляя къ нимъ разныя небылицы. Касательно смерти Болеслава-Георгія ему также были извѣстны различныя сказанія. Надо ему отдать справедливость, что онъ, на этотъ разъ, не только не затемнилъ дѣйствительнаго положенія дѣла, но на оборотъ даже критически отнесся къ разнымъ слухамъ о причинахъ, вызвавшихъ отравленіе Болеслава-Георгія. Но все-таки и на этотъ разъ безъ искаженія текста не обошлось. Такъ напримѣръ по польскимъ анналамъ и лѣтописямъ Болеславъ - Георгій погибъ около (circa) Благовѣщенія 1340 г., а Длугошъ и за нимъ почти всѣ современные историки и издатели смѣло ставятъ 25 марта. Разобрать всю путаницу, произведенную Длугошемъ по части исторіи Галиціи и Волыни въ період времени съ 1321 по 1387 г., предоставляемъ тому, кто составитъ со временемъ необходимый переченъ источниковъ, какими пользовался Длугошъ при составленіи каждой главы своей [illegible]. Тексты, извлеченные нами изъ него, перепечатаны по

новому изданію. (Dlugossii Historiae polonicae Libri XII. Vol. III. Cracoviae 1876, pag. 196).

№ 25.

Лѣтопись Франциска пражскаго по двумъ редакціямъ.

(См. ниже текстъ подъ № 25).

Franciscus pragensis родился, какъ полагаютъ, около 1290 г. и, въ концѣ первой и началѣ второй половины XIV в., занималъ въ Прагѣ разныя духовныя должности. Его «Chronica» дошла до насъ въ двухъ редакціяхъ, которыя только недавно критически изданы въ «Fontes rerum bohemicarum. Tomus IV. K vydání upravil Josef Emler. V Praze 1884».

Первую редакцію своей хроники Францискъ началъ въ 1341 г. и окончилъ ее въ слѣдующихъ годахъ. Вторую редакцію онъ составилъ въ промежутокъ времени съ 1353 по 1355 г. Разсказъ Франциска о смерти Болеслава-Георгія помѣщенъ на стр. 430—431.

№ 26.

Лѣтопись пражскаго каноника Бенеша Крабицы изъ Вейтмиля.

(См. ниже текстъ подъ № 26).

Beneš Krabice z Weitmile въ первый разъ упоминается въ должности пражскаго каноника въ 1359 году. Онъ умеръ въ 1375 г. — О такъ назыв. Benessius minorita см. Emler'a (Fontes r. boh. IV, pag. XXIV) и O. Lorenz'a (Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter seit der Mitte des 13. Jahrhunderts. 3. Ausgabe. Berlin 1886, I, pag. 308, Note 3).

Бенешъ имѣлъ подъ рукою вторую редакцію хроники Франциска; но извѣстіе его о событіяхъ 1341 года (см. стр. 490), частью напоминаетъ фразеологію Франциска (accersiri... sacerdotes et christianos...), частью доказываетъ, что Бенешъ пользовался и другими источниками. Францискъ вовсе не упоминаетъ о Литовцахъ (Lytwanis). Вмѣсто «Dux Luthwanorum», можетъ быть, слѣдуетъ читать «Dux Ruthenorum».

№ 27.

Johannes Vitoduranus или Johann von Winterthur.

(См. ниже текстъ подъ № 27).

Іоганъ былъ уроженцемъ Швейцаріи (вѣроятно Винтертура) и жилъ въ разныхъ швейцарскихъ и южно-германскихъ монастыряхъ. Принадлежа къ ордену францисканцевъ, онъ имѣлъ возможность собрать много извѣстій для своей обширной хроники отъ миноритовъ и отъ странствующихъ военныхъ людей того времени.

Онъ составилъ свою хронику въ періодъ времени съ 1343 по 1347 г., начавъ свой разсказъ съ событій 1340 года. Послѣ 1347 г. прекращаются всѣ извѣстія о немъ. Новое изданіе его труда явилось въ Archiv für schweizerische Geschichte (II. Band. Zürich 1856); извлеченные оттуда оттиски озаглавлены: Johannis vitodurani Chronicon. Herausgegeben von G. v. Wyss. Zürich 1856. 8°.

№ 28.

Johannes victoriensis или Іоганъ изъ Виктринга.

(См. ниже текстъ подъ № 28).

Этотъ Іоганъ, проживавшій нерѣдко въ послѣдніе годы своей жизни въ Вѣнѣ, умеръ въ 1347 г. въ санѣ игумена виктринскаго монастыря въ Каринтіи, и потому онъ обыкновенно называется Johann von Victring. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ лѣтописцевъ XIV вѣка и трудъ его въ послѣднее время сдѣлался предметомъ многихъ розысканій и изслѣдованій, которыя, хотя конечно, не всѣ перечислены въ 3 изданіи сочиненія Оттона Лоренца «Deutschlands Geschichtsquellen § 19.

Сочиненіе Іоганна Виктринга дошло до насъ въ двухъ редакціяхъ и до сихъ поръ напечатано только по второй изъ нихъ Бёмеромъ, (Fontes rerum germanicarum I. Stuttgard 1843) и то не по правиламъ современной критики. Извѣстіе о смерти Болеслава-Георгія, находящееся на стр. 438, буквально повто-

ряется въ компиляціи, напечатанной Пецомъ (см. выше стр. 57) подъ произвольнымъ заглавіемъ: «Anonymus Leobiensis», но въ компиляціи этой пропущены послѣднія строки и слово metuentes, вмѣсто котораго Бёмеръ поставилъ въ текстъ metuentem.

Въ какомъ видѣ встрѣчается ниже перепечатанное извѣстіе въ первой редакціи анналовъ Іоганна — неизвѣстно. О письмахъ, отправленныхъ въ 1340 г. королемъ Казиміромъ В. въ Венгрію, Богемію и къ нѣмецкимъ князямъ, ничего до сихъ поръ неизвѣстно, кромѣ саркастическаго отзыва императора Людвика баварскаго.

№ 29.

Записки лектора Іоанна о походахъ венгерскаго короля Людовика противъ литовскихъ князей Кинстута и Любарта Гедиминовичей въ 1351 и въ 1352 годахъ.

(См. ниже текстъ подъ № 29).

Эти «записки» были напечатаны въ Вѣнѣ Эндлихеромъ еще въ 1826 г. (см. Jahrbücher der Literatur. Wien. Band 34. Anzeige-Blatt, pag. 13—18). Не смотря на то, что они занимаютъ весьма выдающееся мѣсто въ числѣ историческихъ памятниковъ этого рода, они, тѣмъ не менѣе, остались почти незамѣченными даже послѣ 1826 г. По крайней мѣрѣ мнѣ до сихъ поръ не удалось встрѣтить указанія на нихъ ни въ польской и русской ни въ нѣмецкой литературахъ; о существованіи ихъ я узналъ только изъ сборника, издаваемаго М. Флоріанусомъ, подъ заглавіемъ: Historiae Hungariae fontes domestici. Volumen III. Lipsiae 1884. Этотъ томъ, между прочимъ, заключаетъ въ себѣ такъ называемое Chronicon Dubnicense, въ составъ котораго, въ видѣ большой вставки, вошли и «Записки» Іоанна, современника короля Людовика. Разсказъ о походахъ венгерскаго племянника Казиміра В. на Русь въ 1351 и 1352 годахъ, занимаетъ въ изданіи Флоріануса стран. 160—166. Недавно «Записками» Іоанна, по изданію Эндлихера, пользовался знатокъ

исторіи XIV вѣка Alfons Huber въ брошюрѣ: Ludvig I von Ungarn und die ungarischen Vasallenländer. Wien 1884. (Aus dem Archiv für österreichische Geschichte, 66 Band separat abgedruckt).

Кто былъ авторомъ этихъ любопытныхъ Записокъ? Судя по многимъ мѣстамъ его труда, нельзя не прійдти къ заключенію, что авторъ «Записокъ» сопровождалъ короля Людовика во время его походовъ. Для удобства цитатъ я далъ разсказу объ этихъ походахъ названіе «Записокъ лектора Іоанна» и то не безъ нѣкотораго основанія. Какъ бы то ни было, «Записки» Іоанна составляютъ капитальный источникъ для исторіи борьбы Казимира съ литовско-русскими князьями за обладаніе Червонною Русью и Волынью. Только теперь сдѣлалось яснымъ, при какихъ условіяхъ состоялся перемирный договоръ 1352 года, договоръ, который до 1366 г. обусловлялъ (см. ниже текстъ подъ № 16[a]) политическое положеніе земель, составлявшихъ когда-то государство, управляемое державною волею Романовичей.

А.

СОБРАНІЕ ГРАМОТЪ.

№ 1.

Грамота русскихъ князей Владимира-Андрея и Льва II Юрьевичей къ вел. магистру Нѣм. Ордена въ Пруссіи, Карлу трирскому, 9 авг. 1316 г., изъ Владимира.

(См. выше стр. 113).

Magnifico domino dilectoque sibi in Christo fratri, Karolo de Treveri, Hospitalis sanctae Mariae Domus theutonice jerosolimitani magistro generali caeterisque fratribus ejusdem professionis in Prusсia Andreas et Leo, Dei gratia duces totius terrae Russiae, Galiciae et Lademiriae, salutem et post hujus vitae militiam in coelestibus triumphare. Quum inter honorabiles viros, vestros praedecessores . ., magistrum atque fratres Prusciae ex una parte, nostrosque serenissimos progenitores ex altera, dilectionis insignia ac mutuae promotionis beneficia viguerunt, delectat et nos, vobiscum eodem caritatis vinc(*u*)lo uniri ac sincera amicitia foederari, maxime quum honorabilis et religiosus vir, frater Sygehardus de Swarczburch, consanguineus noster dilectus, antiquam antiquorum amicitiam nobiscum duxerit innovandam, prout in instrumentis et pactionibus super hoc confectis plenius est expressum. Nos volentes utique exemplo progenitorum nostrorum vobis adesse sincera amicitia et favore, et de amicitiis, foederationibus et pace inter nos conceptis a diebus diutinis nihil omnino diminuere, sed potius, volente Domino, habundantius adaugere, caeterum terras vestras fideliter praemunire curabimus prae Tataris, dummodo nobis constiterit, et ab hostili quolibet invasore. Insuper vobis ac omni vestro populo ad omnem dilectionem et ad cuncta beneplacida promotionis et favoris existimus debitores. In cujus rei testimonium praesentes scribi jussimus nostrorum sigillorum munimine solidatas. Actum et datum in Lademiria, anno verbi incarnati M°. CCC°. XVI°., in vigilia s. Laurentii martyris.

№ 2.

Письмо папы Иннокентія XXII къ русскимъ князьямъ Владимиру-Андрею и Льву Юрьевичамъ, 3 февраля 1317 г., изъ Авиньона.

(См. выше стр. 114).

Nobilibus viris...., ducibus Ruthenorum illum super cuncta revereri, cui quum voluerit subest posse.

Regnans in coelis triumphans ecclesia, cui pastor est pater aeternus, sibi constituit in terris vicariam ecclesiam militantem unigenito filio Dei vivi, domino nostro Jesu Christo ineffabili commercio copulatam. In hac enim ipse Christus a patre progrediens per illustrationem Paracliti, qui ab utroque procedit, statuit fidei firmamentum, ut ab ea velut a primitivo fonte ad nationes singulares orthodoxas ejusdem fidei rivuli deriventur. Ad hujus quidem ecclesiae regimen voluit Christi clementia romanum pontificem vice sui deputari ministrum, cujus instructionem et doctrinam eloquio traditam evangelicae veritatis cuncti renati fonte baptismatis teneant et observent. Qui enim sub hac doctrina cursus vitae peregerint, salvationis gratiam merebuntur, qui vero ab ea deviaverint, dampnationis sententiae subjacebunt. Cupientes igitur ut vos salutis vitato dispendio electorum mereamini consortio feliciter aggregari, nobilitatem vestram rogamus, monemus et hortamur in Domino et per Dei misericordiam obsecramus, quatenus quae romana tenet, praedicat et servat ecclesia, derelictis scismaticorum erroribus, in quorum observatione a via lucis deviatur in tenebris amplecti una cum subjectis vobis populis devote conversionis actibus studeatis, ita quod plene divini nominis percipientes fragrantiam et per hoc efficatius ad amorem ejus allecti ad regni coelestis valeatis gloriam pervenire. Nos autem, si datum fuerit nobis desuper, ut mentibus vestris coelestis luminis illustratis splendoribus ad ejusdem ecclesiae gremium redeatis, personas vestras gerere proponimus in visceribus caritatis et eas, quantum cum Deo poterimus, favoribus apostolicis prosequamur. Datum Avinione III. nonas februarii. Anno primo.

№ 3.

Грамоты кн. Владимира-Андрея Юрьевича къ городамъ Кракову и Торну, изъ Владимира отъ 27 авг. 1320 г.

(См. выше стр. 114).

a. Грамота въ Краковъ.

Andreas, Dei gratia dux ladomiriensis et dominus terrae Russiae, discretis viris consulibus ac universis civibus seu negotiatoribus in civitate cracoviensi,

nec non in territorio praedicto commorantibus, favorem et in omnibus complacendi voluntatem. Noverit vestra discretio, quod nos attendentes gravationem negotiatorum terram nostram intrantium, ac etiam pro reformatione terrae nostrae, ut unusquisque eo gratantius cum rebus quibuscumque de caetero terram nostram ingrediatur, usi consilio baronum ac nobilium nostrorum, gratiam talem facimus, quod in civitate ladimiriensi, ubi prius tres grossi solvebantur de quolibet animali, nunc vero tantummodo unum grossum statuimus persolvendum. Caeterum omnia jura, quae tempore patris nostri felicis recordationis in terra Russiae viguerunt, volumus, omnes hospites seu negatiatores ut eo jure perfruantur. Item si alicui injuria, molestia vel violentia per aliquos nostros officiales, ministeriales vel theolonatores illata fuerit in terra nostra, pro uno denario sibi injuste ablato, quod ostendere poterit, duos refundemus. Et haec omnia sub verbo dominationis nostrae per nos et per omnes nostros firmiter promittimus observare. Datum in Laudimiria in die Ruffi martiris. Anno Domini millesimo trecentesimo vicesimo.

b. Грамота въ Торнъ (Торунь).

Andreas, Dei gratia dux Ladimiriae et dominus Russiae, discretis viris consulibus, scabinis ac universis civibus in Thoren, favorem et in omnibus affectuosam voluntatem. Novit vestra discretio, quod nos cupientes meliorationem terrae nostrae, ac etiam profectum omnium hospitum, terram nostram cum pannis mercimoniisque vel rebus quibuscunque ingredi volentium, vestro consilio maturo, baronum ac nobilium nostrorum, omnibus hospitibus jus tale per preces concedimus, quod nullus de caetero theloneatorum (?) vel ministraliorum (?) nostrorum ab eis pannos vel mercimonia exigere debeat, nec etiam omnino ista ademptare. Caeterum omnia jura, quae, tempore patris nostri felicis memoriae, in terra Russiae omnes negotiatores habuerunt, volumus, ut de caetero omnes hospites seu negotiatores simili jure perfruantur. Item, si alicui hospiti vel negotiatori, terram nostram ingredienti, aliqua injuria vel molestia aut violentia nata fuerit, per aliquos nostros, in terra nostra, quod ostendi potuerit, pro uno quocunque denario injuste ablato vel recepto duos reddere obligamus. Haec autem omnia in verbo dominationis nostrae, per nos et per omnes nostros, firmiter volumus observari. Datum in Ladimiria, in die Ruffi martyris, anno Domini MCCCXX.

№ 4.

Письмо короля Владислава Локетка къ папѣ Іоанну XXII, изъ Кракова, отъ 21 мая 1323 г.

(См. выше стр. 116).

Sanctissimo in Christo patri et [1]) domino, domino Johanni [2]), divina providentia sacrosanctae romanae [3]) ac universalis ecclesiae summo ponti-

[illegible] privilegia rex Poloniae, devo-
[illegible]
[illegible] christianitatis et praecipue
[illegible] gubernatorem luculentum,
[illegible] immo verius vestrarum [6]),
[illegible] adversa impedi-
[illegible] quae non sufficimus nosmet-
[illegible] Hinc est. quod
[illegible] reverentius intima-
[illegible] gente schismatica,
[illegible] gentem Tartaro-
[illegible] interitu nobis et
[illegible] credimus, terram
[illegible] percipere
[illegible] omnipotentis et
[illegible] vestrae, quae nullum
[illegible] devoti more
[illegible] pariter vestri et hono-
[illegible] vestras teneamini [13])
[illegible] praedicatione sanctae crucis
[illegible] opportuna, contra gentem
[illegible] terram Ruthenorum praedictam [14]) et
[illegible] succurrere dignemini oculo pietatis.
[illegible] differentibus, id quod minime [15]) facere
[illegible] sanctae ecclesiae gentisque catholicae, exacta
[illegible] Christi mediante: scientes, sanctissime [17])
[illegible] misericordiam breviter intenderitis, ecclesia [19])
[illegible] proficient [20]) incrementis: alias ad oppro-
[illegible] (ruent [21]) una cum terris nostris, de
[illegible] in signum subjectionis vestrae sanctitati,
[illegible] caetera lator [22]).
[illegible] sanctae trinitatis, XII. calendas junii [23]).

[illegible]

10) papae нѣтъ у М.

Объ этой вставкѣ см. выше стр. 116. Вотъ какъ читается это мѣсто у Райнальди:

«... quos decreto credimus terram Ruthenorum nostris metis contiguam (de qua annua tributa consueverunt papae percipere) occupare, perturbatio indicibilis (nisi Dei omnipotentis et vestra gratia affuerit) imminebit».

[illegible] форма въ [illegible]
[illegible] -Генриха

Скобки, конечно, вставлены кѣмъ-то съ намѣреніемъ.
11) supplicamus и memores нѣтъ у М.
12) Слова cum ex debito — — invadant у Райнальдо въ скопкахъ.
13) teneamur M.
14) praedictam нѣтъ у R.
15) minime нѣтъ у R.
16) dilatione M.
17) sancte M.
18) iis M.
19) ecclesiae R.
20) proficiet M.
21) ruent нѣтъ у М., но сравн. пр. 22.
22) (Proh — — — lator нѣтъ у R.; но сравн. прим. 21.
23) У R. (Johannis XXII annus 9. Christi 1324, cap. 53): «Dat. Cracoviae in vigilia S. Trinitatis, XII kal. Iulii».

№ 5.

Грамота кн. Болеслава-Георгія, изъ Владимира, къ великому магистру Нѣмецкаго Ордена, Вернеру, 1325 года.

(См. выше текстъ на стр. 4, № 1 и стр. 117).

№ 6.

Грамота кн. Болеслава-Георгія, изъ Владимира, къ великому магистру Нѣмецкаго Ордена Вернеру, отъ 9 марта 1327 г.

(См. выше текст стр. 4, № 2 и стр. 117. Тамъ же читай «9» вм. «10» марта).

№ 7.

Грамота кн. Болеслава-Георгія, изъ Львова, къ великому магистру Нѣмецкаго Ордена Людеру, отъ 11 февр. 1334 г.

(См. выше стр. 117).

Universis vexillum Christi fideliter venerantibus, quibus praesentes paginae fuerint recitatae seu ostensae, Georgius, ex dono Dei natus dux et dominus Rusiae, salutem et dilectionem in Christo amoenitatemque affectabilium pertingere voluptatum. Vestrae sinceritate (*i*?) universitatis volumus innotesci serie litterarum, quod propter multas tutas et legitimas causas bonumque, quod inreputabile et rei publicae congruebat et convenit, nos et piae memoraminis nostri praedecessores carissimi, scilicet Romanus, Daniel, Leo, Georgius et Andreas cum excellentissimis principibus dominis olim Prusiae generalibus magistris, a temporibus retro actis, domini... magistri generalis suorumque successorum inchoando usque ad incliti principis domini de Brunswik tempora nunc regerenti generalem magistratum terrae Prussiae, suorumque terris et hominibus aut incolis perpetuae omnimodaeque pacis et concordiae unionem facere consuevimus et firmavimus, secundum quod in eorumdem praedecessorum nostrorum et litteris nostris

alias super dictata concordia habenda, tenenda perfectis patet evidenter. Quam etiam unionem praenotatam et concordiam cum praehabito domino Ludero, illustri principe de Brunswik, magistro generali Prussiae et suis conpraeceptoribus, suis terris suisque tam nobilibus quam simplicibus hominibus et incolis, cum nostris baronibus necnon commilitaribus, videlicet Chodore, episcopo galicensi, Temetrio Detkone, Chotkone, judice nostrae curiae, Georgio Calwo, Mychahele Gelezarowicz, Allexandro Moldaowicz, Boriscone Cratula, nostrisque terris et hominibus volumus et, abjecto specie omnis doli, promittimus temporibus perpetuis inviolabiter conservare. Verum etiam nos, ut obululantium seu latrantium et minus juste detrahentium condictatui memoratae unionis, qui concurrimus, veritati referunt, ora concludamus et obstruamus praetacta tenore praesentium litterarum, dignum duximus renovare, ut vultum et intuitum assumendo novitatis exultent ac laetentur majori praefulcimine firmitatis. In testimonium horum omnium praesentes paginas nostri sigilli appensione nostrorumque baronum sive militum fecimus munimine roborari. Datum et actum in Lemburga, proxima sexta feria ante dominicam Invocavit me et caetera, anno incarnationis Domini millesimo tricentesimo tricesimo quarto.

№ 8.

Грамота кн. Болеслава-Георгія къ великому магистру Нѣмецкаго Ордена Дитриху, изъ Владимира, отъ 20 окт. 1335 г.

(См. выше стр. 118).

In nomine Domini amen. Quoniam omnium conditoris inconprehensibilis providentiae altitudo non solum ob id dominos praefici voluit, ut subditis dominando praeessent, sed etiam ut pacis et justitiae copiam eis ministrando prodessent: eapropter nos Georgius, Dei gratia natus dux totius Russiae Minoris, volentes litium dispendia aequitatis et unionis compendio coartare, ut per hoc zizaniae scrupulus evitari pacisque et concordiae tranquillitas possit eo ferventius augmentari amicitiae, pacis, concordiae et foedera amicabilis unionis. Quum olim cum reverendis ac serenissimis sacrae professionis viris ac dominis generalibus magistris Ordinis Hospitalis sanctae Mariae domus theutonicorum jerusal. terrae Prussiae, quibuscunque nominibus censeantur, usque ad tempora venusti reverendique domini Theodorici de Aldenburk, moderni summi et generalis magistri Ordinis Hospitalis sanctae Mariae dom. theut. jsalm., per nostros felicis recordationis praedecessores, reges et principes, videlicet Romanum, Danyelem, Leonem, Georgium et Andream, inita contracta atque habita ac inviolabili effectu prosequente servata, nos una cum dilectis et fidelibus nostris baronibus militibusque, scilicet Demetrio Detkone nostro, Mychalo Yelezarowicz, palatino belzensi, Wascone Kudynowicz, judice curiae nostrae,

Hryczkone Kossaczowicz, palatino premysslensi, Boriscone Cratula, palatino lemburgensi, Chodore Otek, palatino de Lutzel (*sic*), Chotkone filio Yeromiri, innovamus, approbamus, ratificamus et praesentis scripti amminiculo patrocinioque confirmamus, promittentes bona fide, semoto omni dolo, studio, ingenio et subtilitate aliquali malis penitus praetermissis, una cum praefatis nostris baronibus, militibus, nobilibus, terris nostrisque et hominibus, eandem favorabilem unionem et concordiam cum praelibato reverendo inire professionis dno Theodorico de Aldenburk, moderno magistro generali Ordinis Hospitalis supradicti, suisque cum conpraeceptoribus, commendatoribus fratribus, nobilibus terrisque ipsorum et hominibus perpetuis temporibus firmiter et irrefragabiliter observare, nec contra facere aliqualiter aut venire et, ut haec maneant inconvulsa et semper integra roburque obtineant perpetuae firmitatis ac novitatis vultum assumant, praesentes scribi fecimus et nostro ac praedictorum nostrorum baronum sigillis communiri. Datum et actum in Wlademiria, anno incarnationis Domini millesimo trecentesimo tricesimo quinto, tredecimo kalendas nowenbris, in vigilia undecim milium sanctarum virginum.

№ 9.

Жалованная грамота кн. Болеслава-Георгія, изъ Владимира, отъ 20 янв. 1339 г., Бартку изъ Сендомира.

(См. выше текстъ стр. 77 и сравн. стр. 119).

№ 10.

Булла папы Бенедикта XII. епископу краковскому Іоанну, изъ Авиньона 29 іюня 1341 г.

(См. выше стр. 120).

Benedictus episcopus etc. Venerabili fratri..... episcopo cracoviensi, salutem etc. Eximiae devotionis affectus, quem carissimus in Christo filius noster Kasimirus, rex Poloniae illustris, ad nos et apostolicam sedem habere dinoscitur, promeretur, ut ad ea praesertim nos sibi reperiat favorabiles et benignos, quae animae suae salutem concernere dinoscuntur. Ex oblatae siquidem nobis petitionis ejusdem regis serie nuper accepimus, quod, quum dudum gens scismatica Ruthenorum quondam Boleslaum ducem Russiae, ipsius regis consanguineum germanum de fidelibus procreatum parentibus, veneno impie ac nonnullos alios Christi fideles eidem duci, dum viveret, obsequentes immaniter occidissent, idem rex hujusmodi scelus abhorrens et zelo ulciscendae injuriae fidei christianae accensus, cum exercitu suo terram Russiae dictam gentem expugnaturus intravit: et per ipsum

eidem genti multis dampnis illatis,....[1]) capitaneus ipsius gentis ad Usbek Tartarorum imperatorem, cui gens ipsa tributaria dinoscitur, accedens, contra dictum regem multitudinem Tartarorum adduxit, et nihilominus ab eodem imperatore obtinuit, quod ad invadendum et destruendum regni Poloniae magnum nimis dictorum Tartarorum exercitum destinaret: et tandem dictus rex diligenter attendens, quod ad hujusmodi prosequendum negotium catholicorum principum vicinorum necessariam assistentiam, licet ipsam postulaverit, non habebat, praemissis omnibus et aliis, quae ex ipsis sequi poterant, attente pensatis, quodque capitaneus et gens praedicta se dicti regis mandatis et beneplacitis coaptabant, iidem rex et capitaneus atque gens certa conventiones et pacta cum certis servitiis et subjectionibus eidem regi exhibendis concorditer invicem inierunt. Inter quae quidem conventiones et pacta praefatus rex praestito juramento promisit, quod capitaneum et gentem praedictos in omnibus tueri debebat, ipsosque in eorum ritibus, juribus et consuetudinibus conservare. Verum quia dictus rex, sicut asserit, dubitabat, se in his praevaricasse Domini voluntatem, nobis humiliter supplicavit, ut providere sibi super his de salutari remedio misericorditer dignaremur. Nos igitur saluti animae dicti regis, quantum cum Deo possumus, in hac parte salubriter providere volentes, fraternitati tuae, de qua fiduciam in Domino gerimus specialem, per apostolica scripta committimus et mandamus, quatenus hujusmodi juramentum quantum ad hujusmodi pacta et conventiones illicita per regem praestitum supradictum auctoritate nostra relaxes, injungens ipsi regi pro dicto juramento temerario poenitentiam salutarem. Datum Avinione III. Kal. julii. Anno septimo.

№ 11.

Надпись на колоколѣ во Львовѣ. 1341 г.

(См. выше текстъ на стр. 79 и сравн. стр. 121).

№ 12.

Отрывокъ грамоты литовскихъ князей Кейстута и Любарта Гедиминовичей къ гражданамъ города Торна. Послѣ 1341 г.

(См. выше № 122).

Отъ князя, отъ Кейстута и отъ князя, отъ Любарта у Торунь, къ мѣ[illegible] [illegible]. Што iесте просили насъ, а [illegible] насъ [illegible] до Луцька [illegible]

---

[1]) Димитрий [illegible]

търговатъ черезъ Берестие... А кто поидеть съ сею грамотою черезъ Дорогъıчинъ, чересъ Мелникъ и чересъ Берестие до Лучьска торговатъ исъ Торуня, язъ князь Кестутеі не велю ихъ заимати.

№ 13.

Грамота старосты земли русской, Дмитрія Дядьки, къ гражданамъ города Торна, изъ Львова, около 1342 г.

(См. выше стр. 123).

Famosis viris ac fide dignis proconsulibus, consulibus, mercatoribus totique communitati in Thorun existentibus Demetrius Dedko, provisor seu capitaneus terrae Russiae salutem in Domino sempiternam. Viri (?) pacifici, quoniam ipsi possidebunt terram, hujus sacri eloquii grande mysterium attendentes, discordiam a diabolica suggestione seminatam inter dominum Kasimirum regem Poloniae et nos, ex inspiratione almi pneumatis postergantes temptatorem humanum, concordiae inivimus unionem. Eatenus scire volumus universos terram Russiae visitare cupientibus, quod secundum jura nostrorum praedecessorum cum mercimoniis neminem pertimescentes Lemburgam secure poterint subintrare. Qui vero ad conmansionem ibidem venire proposuerint, haereditatem liberam concedimus et donamus, prout pristini exactionem nobis annuatam necnon alia jura solum sint tribuentes. Dampna vero post obitum domini nostri felicis memoriae ducis Rusiae quicunque Lemburgenses intulerunt, duntaxat excipimus litteris in aliis et in istis. In signum autem hujus compromissionis et ut fides nobis poterit adhiberi, hanc paginam nostro munime jussimus roborari. Datum in Lemburg, anno in praesenti.

№ 14.

Грамота венгерскаго короля Людовика къ Дмитрію Дядькѣ, изъ Офена, (14—20 маія) 1344 г.

(См. выше текстъ на стр. 79 и сравн. стр. 101 и 123).

№ 15.

Грамота, данная торунскимъ купцамъ польскимъ королемъ и господаремъ русской земли Казимиромъ. Въ Сендомирѣ, 5 дек. 1349 г.

(См. выше текстъ на стр. 80 и сравн. стр. 123).

№ 16.

Письмо короля Казимира къ папѣ Иннокентію VI, до апрѣля 1354 г.

(См. выше стр. 124).

«Казимиръ Великій проситъ папу освободить его отъ соблюденія извѣстныхъ договоровъ, касающихся уступки нѣсколькихъ княжествъ и областей, хотя онъ и поклялся уступить ихъ вѣрующимъ и невѣрнымъ лицамъ, но въ ущербъ интересовъ польскаго королества. Папа, исполняя желаніе Казимира, приказываетъ по поводу этого дѣла составить буллу». (Копія.)

«Significat s. v. Kazimirus Dei gratia rex Poloniae, vester devotissimus, quod ipse nonnullas minus iustas ordinationes et concordias in praejudicium sui regni, immo etiam sedis apostolicae et sanctae romanae ecclesiae, cui cum suo eodem regno est immediate subjectus, super nonnullis principatibus, ducatibus, dominiis et terris ad jus, proprietatem, dominium seu jurisdictionem sui regni ab antiquo, cujus contrarii memoria non existit, pertinentibus, iniit et fecit, tam cum fidelibus quam cum infidelibus quibuscunque, cujuscunque dignitatis, praeeminentiae, status, aut conditionis existant, renuntians ipsis et firmans hoc litteris suis ac juramentis. Quare supplicat idem rex s. v., quatenus hujusmodi concordias, ordinationes, renuntiationes, immo alienationes, quum sint factae in praeiudicium sui regni et romanae ecclesiae, ut praefertur, et sine ratihabitione s. v. et vestrorum praedecessorum, irritantes, revocantes et retractantes, super dictis juramentis, quantumvis temerariis, cum ipso dignemini misericorditer dispensare, decernentes et declarantes, feuda seu homagia per principes, duces et quosvis dominos hujusmodi principatuum, ducatuum, dominiorum et terrarum de facto cuicunque vel quibuscunque facta, etiam si sunt juramentis vallata, nullius fuisse vel esse firmitatis, nec ipsos et ipsorum aliquem ad ea teneri quoquo modo vel obligari.

ut in forma. fiat commissio in forma B.
fiat B. Sine alia lectione.

Dat. Avinionii XII. Kal. Maji. Anno secundo.

Johannes Budessin habet literam suprascriptam et habet tres literas Muschelini, perfidi Judaei».

«Приведенныя слова зачеркнуты и другимъ почеркомъ сдѣлана слѣдующая приписка:

Nota: Praescripta litera est viceversa per Joh. Budessin ad praetorium restituta cum aliis tribus literis supranominatis.

Первымъ почеркомъ прибавлены слѣдующія слова:

Johanni clarae memoriae quondam regi Boemiae et demum Karolo suo primogenito et successori immediate in eodem regno:

De principibus, ducatibus, terris et dominiis wratislaviensi totius Silesiae, swidnicensi, jaworensi, legniczensi, bregensi et Glogoviae, sagan., olsneczensi et opoliensi, strelinensi, nemodlinensi, rathiboriensi, theschinensi ac aliis ducatibus et territoriis per multiplicationem principum ab ejusdem progressum habentibus in wratizlaviensi, necnon osswecimensi, bythomiensi et coslensi in cracoviensi dyecesibus consistentibus.

Item magistro, commendatoribus et caeteris fratribus Militiae Hospitalis sanctae Mariae hierosolimitanae de domo theuthonica:

De ducatibus, terris et dominiis Pomeraniae [1]), culmen. alias chelmen. et michalovien.

Item Christi infidelibus Olgerdo magno principi, Kerstuto [2]), Lubardo et caeteris principibus Lythwanorum de ducatu et terra wlodimiriensi, brestensi, chelm*ensi* (?) cum reliquis civitatibus, castris et territoriis ad eandem terram wlodymiriensem pertinentibus ab antiquo».

«Документъ этотъ, извлеченный изъ старой копіальной книги бреславскаго магистрата, хранящейся въ провинціальномъ силезскомъ архивѣ, содержитъ въ себѣ извѣстіе, неизвѣстное по другимъ источникамъ. Нашъ документъ написанъ почеркомъ XIV столѣтія и составленіе его, безъ всякаго сомнѣнія, слѣдуетъ отнести къ 1354 г. т. е. ко второму году папствованія Иннокентія VI, избраннаго въ папы 19 декабря 1352 г. Въ указанномъ 1354 г. Казимиръ В., извѣщая папу письмомъ и черезъ нарочно отправленное въ Авиньонъ посольство, объ опасности угрожающей Польшѣ со стороны Литвы и Татаръ, просилъ его провозгласить крестовый походъ. Извѣстно, что Казимиръ въ 1339 г. отказался отъ своихъ правъ на Силезію въ пользу чешскаго короля Іоганна и его потомковъ; въ томъ же году онъ отказался отъ Поморья и земель михаловской и кульмской въ пользу Тевтонскаго Ордена, а по договору, заключенному въ 1340 съ Гедиминомъ и съ его сыновьями [3]), онъ уступилъ Литвѣ земли: белзскую, брестскую, холмскую и владимирскую... Приведенный выше документъ я отношу къ 1354 г. по той причинѣ, что именно въ этомъ году Казимиръ отправилъ въ Авиньонъ посольство, которому, между прочимъ, могло быть поручено изложить папѣ просьбу польскаго короля, составляющую содержаніе нашего документа, изготовленнаго въ папской канцеляріи [4]) ..... Впрочемъ, слѣдуетъ ли отнести этотъ документъ къ 1354 или къ 1364 году — это вопросъ второстепенный [5]), такъ какъ рѣшить его съ полною достовѣрностью въ настоящее время представляется дѣломъ невозможнымъ; гораздо важнѣе то, что папа, исполняя желаніе польскаго короля, *велѣлъ* 20. апрѣля изготовить буллу, отмѣняющую дого-

воры, заключенные Казимиромъ въ ущербъ интересовъ Польши. Была ли соотвѣтственная булла составлена и вручена чешскому королю Карлу, магистру тевтонскаго ордена и сыновьямъ Гедимина — мнѣ неизвѣстно. Вѣрно только то, что папа *велѣлъ* издать буллу, заключающую въ себѣ исполненіе просьбы Казимира. Это вытекаетъ изъ формулы, приведенной въ концѣ нашего документа: «ut in forma fiat B» = bulla (приготовить буллу по формѣ, предписанной закономъ) и «fiat commissio in forma B. Sine alia lectione» (исполнить порученіе, издавъ буллу безъ дальнѣйшаго представленія)».

Замѣчанія на статью Мозбаха.

1) Подъ словомъ Pomerania здѣсь разумѣется восточная Померанія или точнѣе такъ назыв. Pomerellen. — Изъ прибавленнаго Мозбахомъ къ слову «chelmensi» вопросительнаго знака видно, что онъ затруднялся въ чтеніи этого слова. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что здѣсь рѣчь идетъ о городѣ «Холмъ» — по польск. Chełm — въ любл. губ.

Terra «culmen. alias chelmen.» — Kulm (по польск. Chełmno) въ нынѣшн. прусской провинціи Westpreussen.

2) Въ текстѣ Мозбахъ поставилъ вопросительный знакъ, но форма Kerstut вмѣсто Кенстутъ, Кинстутъ, Кинестутъ встрѣчается и въ другихъ документахъ.

3) Не съ Гедиминомъ, а съ вел. кн. Ольгердомъ и его братьями, и конечно не въ 1340, а въ 1352 г.

4) Просьба Казимира, выраженная въ выше напечатанномъ документѣ объ освобожденіи его отъ присяги, была отправлена къ папѣ до апрѣля м. 1354 г., а просьба о привлеченіи другихъ народовъ къ крестовому походу дошла до папскаго престола не весною, а лѣтомъ или осенью того же года. Доказательствомъ тому служатъ буллы отъ 10 ноября 1354 и 12 февр. 1355 г.

5) Точное опредѣленіе времени составленія нашего документа — дѣло *первостепенное*. Напрасно покойный Мозбахъ колебался опредѣлить годъ составленія открытаго имъ и въ высшей степени любопытнаго документа. Сомнѣнія его были обусловлены тѣмъ, что онъ, подобно другимъ историкамъ, не постарался надлежащимъ образомъ изучить *весь* ходъ перваго (1340—1341 г.) и втораго (1349—1352 г.) похода Казимира В. на Червонную Русь и на Владиміръ волынскій. Тотъ же Мозбахъ отнесъ договорную грамоту литовскихъ князей съ Казимиромъ (она напечатана подъ № 1 въ I томѣ Актовъ, отн. къ ист. Зап. Россіи) къ 1340, а не, какъ слѣдовало бы, къ 1352 г. Что перемирный договоръ дѣйствительно заключенъ въ этомъ послѣднемъ году, доказалъ уже проф. Каро II, [illegible]96 и это мнѣніе подтверждается вновь открытыми источниками. Мы [illegible]ся къ этому предмету въ концѣ этого сочиненія, гдѣ перемир[illegible] [illegible]352 г. будетъ перепечатанъ подъ № 16[a].

№ 17.

Грамота короля польскаго и господаря Руси къ патріарху Филоѳею. Не позднѣе 1370 г.[1])

(Извлеченіе изъ грамоты. См. выше стр. 125).

Πιττάκιον τοῦ κράλη τῆς Λαχίας, τοῦ Καζημήρου, πρὸς τὸν παναγιώτατον ἡμῶν δεσπότην, τὸν οἰκουμενικὸν πατριάρχην, δι' ὅπερ καὶ ὁ ἐκεῖθεν ἐπίσκοπος ἐλθὼν κῦρ Ἀντώνιος εἰς μητροπολίτην Γαλίτζης ψήφῳ τῆς ἱερᾶς καὶ θείας συνόδου προεβιβάσθη. †

Питтакій ляшскаго короля Казимира къ всесвятѣйшему владыкѣ нашему, вселенскому патріарху, вслѣдствіе котораго (питтакія) пришедшій оттуда епископъ киръ Антоній, по избранію священнаго и божественнаго собора, произведенъ въ галицкаго митрополита.

† Πρὸς τὸν πρωτόθρονον πανιερώτατον πατριάρχην Κωνσταντινουπόλεως οἰκουμενικῆς συνόδου προσκύνημα καὶ πολὺς δαρμὸς τοῦ προσώπου ἀπὸ τὸν υἱόν σου, τὸν κράλην Καζήμηρον τῆς γῆς τῆς Λαχίας καὶ τῆς Μικρᾶς Ῥωσίας καὶ ἀπὸ τοὺς ῥηγάδας[2]) τῆς Ῥωσίας, οἵτινες εἰς τὴν τῶν χριστιανῶν πίστιν πιστεύουν, καὶ ἀπὸ τοὺς ἄρχοντας τῶν Ῥώσων πολὺς δαρμὸς τῶν μετώπων. Ζητοῦμεν παρά σου τοῦ ἡμετέρου ἀρχιερέως· πᾶσα γῆ φθείρεται νῦν ἄνευ νόμου, ὅτι ὁ νόμος χαώνεται. Ἐξ αἰῶνος αἰώνων μητρόπολις ἠκούετο ἡ Γάλιτζα εἰς πάντα τὰ

Первопрестольному всесвятѣйшему константинопольскому патріарху вселенскаго собора поклонъ и великое челобитье отъ сына твоего Казимира, короля земли ляшской и Малой Руси, отъ (*малыхъ*?) князей русскихъ[2]), вѣрующихъ въ христіанскую вѣру, и отъ бояръ русскихъ великое челобитье. Ищемъ у тебя — архіерея себѣ. Вся земля гибнетъ нынѣ безъ закона, ибо законъ исчезаетъ. Отъ вѣка вѣковъ Галичъ слылъ митрополію во всѣхъ странахъ и былъ престоломъ митрополіи отъ вѣка вѣковъ. Первый митрополитъ вашего благословенія

---

1) См. объ этомъ замѣчаніе А. С. Павлова (Приложенія, стр. 126). Мыслъ о новомъ устройствѣ церковныхъ дѣлъ въ бывшемъ галичско-владимирскомъ княжествѣ особенно занимала Казимира послѣ заключенія договора 1366 г.

2) Подъ этими регадами (=reguli), вѣроятно, разумѣются литовско-русскіе князья — Любартъ, князь луцкій, и его племянники, состоявшіе, по силѣ договора 1366 г., въ нѣкоторой зависимости отъ Казимира. См. еще ниже прим. къ разсказу Длугоша о событіяхъ 1349 г.

μέρη, καὶ θρόνος ἦν μητροπόλεως ἐξ αἰῶνος αἰώνων· πρῶτον ἦν μητροπολίτης τῆς ὑμῶν εὐλογίας ὁ Νίφων, δεύτερος μητροπολίτης ὁ Πέτρος,[1]) τρίτος μητροπολίτης ὁ Γαβριὴλ, τετάρτος μητροπολίτης ὁ Θεόδωρος[2]), οὗτοι πάντες ἦσαν εἰς αὐτὸν τὸν θρόνον τῆς Γαλίτζης. Ἦσαν συγγενεῖς ῥηγάδες τῆς Ῥωσίας ἡμέτεροι, καὶ οὗτοι οἱ ῥῆγες ἀπέβησαν[3]) τῆς Ῥωσίας, καὶ ἡ γῆ χήρα ἦν, καὶ μετὰ ταῦτα ἐκέρδησα ἐγώ, ὁ κράλης τῆς Λαχίας, τὴν γῆν τῆς Ῥωσίας....

былъ Нифонтъ, второй митрополитъ Петръ[1]), третій митрополитъ Гавріилъ, четвертій митрополитъ Θеодоръ[2]). Всѣ они были на престолѣ Галича. (*Таможніе*) русскіе князья были наши сродники, но князья эти отошли (*въ вѣчность*) изъ Россіи[3]), и земля осиротѣла. И послѣ того, я король ляшскій пріобрѣлъ (*эту*) русскую землю .... (Приложенія къ Памятникамъ. Часть I, столб. 126).

№ 18.

Жалованная грамота венгерской и галичской королевы Маріи Іоганну де Палудья, въ Офенѣ, (30 сент. — 6 октября) 1385 г.

(Извлеченіе изъ грамоты. См. выше стр. 131).

Nos Maria, Dei gratia regina Hungariae, Dalmatiae, Croatiae etc.... significamus, quod serenissimo ... principe olim domino Ludovico ... rege Hungariae, Poloniae, Dalmatiae etc. ... genitore nostro benignissimo, ... absque prole masculina de medio sublato, nobisque jure successorio[4]) et

---

1) См. выше стр. 130.

2) Нѣтъ никакого повода предполагать, что въ подлинной грамотѣ Казимира вмѣсто Θεόδωρος стояло Θεόφιλος, такъ какъ «епископъ» Θеодоръ упоминается подъ 1331 (въ I новгор. лѣтоп.) и 1334 г. См. выше стр. 126. По преданію, записанному въ 1539 г. (см. выше стр. 130) перерывъ въ ряду галичскихъ владыкъ, произошелъ въ концѣ 30-хъ годовъ 14-го вѣка, стало быть приблизительно въ концѣ княженія послѣдняго самостоятельнаго князя галичско-владимирской Руси, — Болеслава-Георгія. Еслибъ это преданіе было достовѣрно, то галичскій епископъ, неправильно произведенный, около 1344 г., въ митрополиты (Червоной Руси, Волыни и Подлѣсія), при патріархѣ Іоаннѣ и призванный въ 1347 г. на судъ въ Константинополь при патріархѣ Исидорѣ, не можетъ быть однимъ лицемъ съ епископомъ Θеодоромъ, упомянутымъ въ послѣдній разъ въ 1334 году. Но мы, конечно, можемъ болѣе довѣрять русскимъ докладчикамъ Казимира, знавшимъ или лично послѣдняго епископа (и мнимаго митрополита) Галича или слышавшимъ о немъ отъ людей, бывшихъ его современниками. Отъ 1347 до 1370 г. прошло не болѣе 23 года.

3) См. выше стр. 129.

4) successoris, въ спискѣ Нарушевича; successorio, въ изданіи Фейèра. Львовскіе издатели вставили въ текстъ чтеніе successionis. Но слова succes- successorie встрѣчаются въ средневѣковой латинѣ.

ordine geniturae coronam et solium dicti regni Hungariae ac sceptra regiminis ipsius genitoris nostri feliciter adeptis, Johannes, filius Andreae de Pallugya, ad nostram ac serenissimae principis dominae Elisabeth ... reginae Hungariae, genitricis nostrae benignissimae veniendo praesentiam, suas fidelitates et obsequiorum merita, quibus primum eidem domino regi Ludovico ac tandem nobis posterius studuit complacere, proponens ac in memoriam nostrae revocans majestatis, portionem possessionariam in possessione Demetrouich vocata, habitam, quae quondam Dessk, ac portiones possessionarias in possessionibus Iesmanich, Pleseuich et Popouich vocatis, habitas et existentes, quae quondam consortis Ivan, hominum, ut fertur, absque haeredibus utriusque sexus defunctorum, praefuisse asseruntur, in regno nostro Russiae in districtu premisliensi existentes, rationeque praevia ad manus nostras regias devolutas, sibi et Ladislao et Michaeli uterinis, nec non Andreae, filio Philippi, patrueli, fratribus suis a nobis perpetuo conferri postulavit. Nos ... praedictas portiones possessionarias in dictis possessionibus Demetrouich, Iesmanich, Pleseuich et Popouich vocatis habitas, annotatos quondam Dessk et dominam quondam consortem Ivan de jure contingentes, prout eaedem de jure nostrae regiae pertinere discernuntur collationi, cum omnibus earum utilitatibus et pertinentiis universis sub eisdem metis et terminis ac conditionibus, quibus per praefatos quondam Dessk et dominam consortem Ivan habitae fuerunt et possessae, de consensu ejusdem dominae genitricis nostrae praelatorumque, et baronum nostrorum consilio praematuro, eidem Johanni ac ... fratribus suis eorumque haeredibus et posteritatibus universis damus, donamus et conferimus jure perpetuo et irrevocabiliter tenendas et habendas, testimonio praesentium mediante, salvo duntaxat jure alieno. Datum Budae in octavis festi beati Michaëlis archangeli, anno Domini MCCCLXXXV.

Въ дополненіе къ курьезной исторіи этой грамоты мы прибавимъ, что 30 ноября 1386 г. «Ladislaus, divina providentia praepositus monasterii beatae Virginis de Thorocz et conventus loci ejusdem» выдали членамъ Полудьянской фамиліи, по ихъ просьбѣ, засвидѣтельствованную копію съ акта королевы Маріи. См. сборникъ Фejera, (Tomi X, vol. 1, № 173, pag. 321), гдѣ замѣчено: «Originales in archivo Ill. familiae Palugyai de eadem; productae in Diaeta Anni 1807. Act. Sess. XLIII, p. 350».

В.

ВЫПИСКИ ИЗЪ ЛѢТОПИСЕЙ.

№ 19.

Извѣстія литовскихъ лѣтописей о смерти русскихъ князей Владимира-Андрея и Льва Юрьевичей въ 1321 и 1322 гг.

(См. выше стр. 135 и ниже Дополн. замѣтки).

№ 19а. По своду Стрыковскаго, изданному въ 1582 г.

О занятіи и покореніи владимирскаго, луцкаго и кіевскаго княжествъ, и о пораженіи, нанесенномъ русскимъ князьямъ побѣдителемъ Гедиминомъ въ 1319 году.

Глава (Rozdział) 3. (XI. книги).

Когда такимъ образомъ Гедимину а вмѣстѣ съ нимъ и Литвѣ со Жмудью начало благопріятствовать счастіе послѣ испытанныхъ въ началѣ отъ Нѣмцевъ неудачъ, и когда измѣнчивая фортуна вконецъ отвернула свое лице отъ прусскихъ и лифляндскихъ крестоносцевъ (od krzyżaków), такъ что Гедиминъ всю жмудскую землю у нихъ отнялъ, старостъ ихъ разгромилъ и разсѣялъ, большія рати Крижаковъ надъ Зеймилою и Окменою храбростью Литовцевъ и Жмудиновъ на голову разбилъ, великаго ихъ предводителя и главнѣйшаго воеводу прусскихъ земель Генриха фонъ Плоцке, опустошавшаго Жмудь съ другимъ огромнымъ войскомъ, въ лѣсу подъ Медниками — какъ пишетъ Длугошъ и Мѣховита

№ 19б. По списку Руссова.

Волынь Литва опановала.

Року ,аҭ҃ка Гедиминъ зъ Литвою и Жомойтью, Русью и Татарами Нѣмцовъ на голову поразивши, бо ихъ збилъ на той часъ ,р҃к мистра и гетмановъ позабивавши, князство жомойтское знову яко свое отчизное опановавши. Тогожъ року землю добринскую збурилъ, вторгнувши

№ 19ª. По своду Стрыковскаго.

мина, бѣжалъ въ Брянскъ сѣверскій къ своему зятю, брянскому князю Роману. Какъ только Гедиминъ осадилъ луцкій замокъ, сейчасъ бояре и чернь, видя, что ихъ князь бѣжалъ, оставивъ ихъ на произволъ судьбы, рѣшили не сопротивляться великому князю Гедимину и всѣ единодушно признали надъ собою и надъ всѣмъ луцкимъ княжествомъ и его пригородами власть и господство Гедимина и принесли ему присягу въ вѣрности на всѣ грядущія времена. Гедиминъ, удостоивъ ихъ своей милости, ради вящаго утвержденія и закрѣпленія своей побѣды, занялъ и укрѣпилъ луцкій замокъ и другіе пригороды литовскимъ рыцарствомъ и старостами.

Потомъ пошелъ съ войскомъ въ Берестье, занимая по дорогѣ остальные пригороды луцкаго князя; въ Берестьѣ, наградивъ хорошо потрудившихся вельможъ и рыцарство, распустилъ на время по домамъ свои литовскіе и жмудьскіе полки для отдыха послѣ трудовъ крижацкой и только что оконченной русской войны. Самъ же въ теченіи зимы отдыхалъ въ Берестьѣ, занимаясь обиходными и земскими дѣлами и заготовляя оружіе и военное снаряженіе для новой войны, которую тайно замышлялъ противъ кіевскаго князя Станислава.

Потомъ, въ 1320 году, созвавъ своихъ бояръ: жмудскихъ, литовскихъ, полоцкихъ и новогродскихъ, собралъ великое войско и послѣ Пасхи — время самое удобное для войны, когда молодая трава лошадямъ кормъ и цвѣтущая весна безодежному воинству прекрасныя удобства готовитъ —, пошелъ изъ Берестья противъ кіевскаго князя Станислава, который изъ всѣхъ своихъ предковъ первый сталъ титуловаться государемъ или самодержцемъ Руси, подобно нынѣшнимъ московскимъ царямъ. И пройдя мирно подвластныя ему волынскую и луцкую земли

№ 19б. По списку Руссова.

Володимеръ, князь володимерскій, забытый есть отъ Литвы, стрвожился, а не ждучи Гедимина утеклъ ажъ до Бранска сѣверского князя Романа, зятя своего. А Гедиминъ пришедши облеглъ замокъ луцкій. Шляхта и чернь, видячи, ижъ князь ихъ утеклъ а ихъ выдалъ, не спротивляючися Гедимину: всѣ заразъ зо всѣмъ князствомъ луцкимъ поддалися и присягу потомную послушенства учинили, котрыхъ Гедиминъ ласкаве принялъ; и замокъ луцкій и иные пригородки старостами своими осадилъ и обваровалъ; а на зиму до Берестя ѣхалъ и зимовалъ въ немъ; войско все свое на становиска роспустилъ.

Року ,а҃ткв Гедиминъ великій князь литовскій, скоро минулъ великъ день, зобравши все войско свое литовское, жомойтское и руское, на другой недѣли по велице дни тягнулъ зъ Берестя противъ князю Станиславови, княжати кіевскому, котрый съ продковъ самъ одинъ монархою або единовладцею былъ рускимъ. А прошедши спокойне луцкую и

№ 19а. По своду Стрыковскаго.

пришелъ сначала подъ Овручъ, къ замку князя Станислава, и завладѣвъ имъ силою, занялъ его литовскимъ гарнизономъ; потомъ осадилъ Житомиръ, въ которомъ заперлось много кіевской шляхты и принудилъ его къ сдачѣ, измучивъ и утомивъ защищавшихъ его Русскихъ безпрестанными штурмами. Устранивъ старосту и русскій гарнизонъ, онъ оставилъ для защиты въ городѣ и въ замкѣ своихъ Литовцовъ. Затѣмъ онъ направился въ кіевскую область все по пути разрушая и сожигая. Видя это Станиславъ, князь кіевскій, рѣшился отразить силу силою и не дожидаясь Гедимина въ Кіевѣ, съ оружіемъ въ рукахъ выступилъ противъ Литвы, состоявшей прежде въ рабствѣ у его предковъ. Также и другіе русскіе и сѣверскіе князья, видя что уже горитъ домъ сосѣда, соединили свои силы противъ Литвы. И такъ, переяславскій князь Олегъ, князь Левъ луцкій, изгнанный Литвою, Романъ брянскій съ рыцарствомъ и войскомъ, какое могли въ данную минуту собрать, поспѣшили на выручку кіевскому князю Станиславу, который стоялъ лагеремъ на рѣкѣ Ирпнѣ, въ шести миляхъ отъ Кіева и, соединивъ свои силы въ одно большое войско и получивъ помощь отъ Татаръ, расположились въ боевомъ порядкѣ — узнавъ, что Гедиминъ съ Литвою смѣло и поспѣшно идетъ на нихъ отъ Житомира.

Гедиминъ же, получивъ извѣстіе отъ лазутчиковъ о силѣ и расположеніи русскаго войска, нимало не усомнился въ счастіи и храбрости

№ 19б. По списку Руссова.

волынскую землю, притягнулъ найпервѣй подъ Овручовъ, замокъ князя Станислава, которую добывши осадилъ Литвою; потымъ пошолъ до Житомира, въ которомъ было много шляхты кіевской, а такъ добывалъ его много штурмуючи, лечь Русь въ немъ боронячися змордовалася, а такъ поддалися на остатокъ, и тамъ старосту своего и рицерство литовское въ замку и мѣстѣ осадилъ.

О поражцѣ литовской надъ Русью.

Потомъ тягнулъ Гедиминъ въ кіевскія волости, беручи и палячи всюда, гдѣ шолъ. Видячи то Станиславъ князь кіевскій умыслилъ Литвѣ отбиватися, а не ждучи ихъ въ Кіевѣ, нимъ пріидутъ, мыслилъ о собѣ; княжата тежъ иншіе сѣверскіе видячи, же бѣда литовская наступуетъ, збиралися до купы противко Литвѣ. И такъ князь переяславскій Олегъ, а луцкій князь Левъ отъ Литвы выгнаный, Романъ бранскій зъ рицерствомъ и войсками, якое могли на той часъ згромадити, стягнулися на ратунокъ до Станислава, князя кіевского, который обо..мъ лежалъ надъ Рпенемъ рѣкою, три мили отъ Кіева. А злучивши ..ка свои въ едно великое войско, маючи и отъ Татаровъ помочь, ... правѣ поготову, чуючи, ижъ Гедеминъ отъ Житомира зъ Лит-

№ 19а. По своду Стрыковскаго.

своего воинства. Напомнивъ, въ краткихъ словахъ, литовскимъ и жмудскимъ полкамъ, о сопровождавшемъ ихъ счастіи и о недавнихъ надъ Крижаками, владимирскимъ княземъ и Львомъ луцкимъ побѣдахъ, разставлялъ ихъ въ боевомъ порядкѣ, пѣхоту съ копьями, съ луками и съ пращами, перемѣшивая съ конницей для разорванія непріятельскаго строя и для подкрѣпленія, и, занятый этимъ дѣломъ, пришелъ къ огромному русскому войску, расположенному на ровномъ мѣстѣ у рѣки Перны. Тогда, прежде всего, кіевскій князь Станиславъ съ своимъ войскомъ и съ татарскою помощью бросился на Литовцевъ; за нимъ медленно слѣдовалъ, съ подкрѣпленіями, Романъ брянскій вмѣстѣ со Львомъ княземъ луцкимъ и съ Олегомъ переяславскимъ. Литва и Жмудь смѣло и храбро выдержала первый стремительный натискъ Кіевлянъ, сначала стрѣляя изъ луковъ и пращъ, потомъ, дѣйствуя копьями, саблями и дрекольемъ; въ страшной давкѣ сразился мужъ съ мужемъ, лошадь съ лошадью — со всѣхъ сторонъ поднялся страшный крикъ, шумъ, трескъ сомнительная надежда на побѣду долго съ одинаковымъ правомъ питалась обѣими сражающимися сторонами, пока наконецъ Гедиминъ, отдѣлившись отъ главнаго войска съ упавшимъ духомъ отрядомъ, не ударилъ вмѣстѣ съ нимъ со страшною силою во флангъ Русскихъ, такъ что разорвалъ и смѣшалъ ихъ стѣсненные ряды, ибо имъ пришлось повернуться лицомъ отъ фронта къ боковой битвѣ. Между тѣмъ Литва и Жмудь, стоящая въ хорошемъ порядкѣ и въ центрѣ и на крылахъ, тѣмъ сильнѣе стала тѣснить пришедшихъ въ замѣшательство русскихъ. Князь Станиславъ кіевскій, не будучи въ силахъ выдерживать ихъ стремительнаго напора, подался назадъ, Литва же тѣснила его по пятамъ. Также Олегъ, князь переяславскій и князья Романъ брянскій и Левъ луцкій, видя что Кіевляне съ своимъ княземъ отступаютъ — не долго, послѣ этого, остались на полѣ битвы. Однако луцкій князь Левъ, думая о луцкомъ княжествѣ,

№ 19б. По списку Руссова.

вою спѣшно противъ имъ тягнулъ. А Литва и Жомойдь, скоро притягнули, заразъ поткалися зъ собою обои войска, въ которомъ бою вонтпливая надѣя была сихъ и тыхъ звитязства, ажъ на остатокъ Гедиминъ стрвожоный отлучившися отъ вального войска своего, въ бокъ Руси огромнымъ пудомъ ударилъ и шики перервалъ и помѣшалъ, же ся мусѣли зъ чола до бокового бою обернутися. Литва засъ и Жомойдь въ одной справѣ на чолѣ и по бокахъ стоячи, на змѣшаную Русь тымъ смѣле натирали. Не моглъ ихъ гвалтовного пуду Станиславъ князь кіевскій вытрвати, почалъ назадъ уступовати, а Литва на нихъ притирала сродзе: Олегъ князь переяславскій, Романъ бранскій, Левъ луцкій князеве недолго на пляцу стояли, видячи Кіянъ, же съ княземъ своимъ почали утекать; лечь князь луцкій, которому шло о луцкое князство,

№ 19ª. По своду Стрыковскаго.

пришелъ сначала подъ Овручъ, къ замку князя Станислава, и завладѣвъ имъ силою, занялъ его литовскимъ гарнизономъ; потомъ осадилъ Житомиръ, въ которомъ заперлось много кіевской шляхты и принудилъ его къ сдачѣ, измучивъ и утомивъ защищавшихъ его Русскихъ безпрестанными штурмами. Устранивъ старосту и русскій гарнизонъ, онъ оставилъ для защиты въ городѣ и въ замкѣ своихъ Литовцовъ. Затѣмъ онъ направился въ кіевскую область все по пути разрушая и сожигая. Видя это Станиславъ, князь кіевскій, рѣшился отразить силу силою и не дожидаясь Гедимина въ Кіевѣ, съ оружіемъ въ рукахъ выступилъ противъ Литвы, состоявшей прежде въ рабствѣ у его предковъ. Также и другіе русскіе и сѣверскіе князья, видя что уже горитъ домъ сосѣда, соединили свои силы противъ Литвы. И такъ, переяславскій князь Олегъ, князь Левъ луцкій, изгнанный Литвою, Романъ брянскій съ рыцарствомъ и войскомъ, какое могли въ данную минуту собрать, поспѣшили на выручку кіевскому князю Станиславу, который стоялъ лагеремъ на рѣкѣ Ирпѣ, въ шести миляхъ отъ Кіева и, соединивъ свои силы въ одно большое войско и получивъ помощь отъ Татаръ, расположились въ боевомъ порядкѣ — узнавъ, что Гедиминъ съ Литвою смѣло и поспѣшно идетъ на нихъ отъ Житомира.

Гедиминъ же, получивъ извѣстіе отъ лазутчиковъ о силѣ и расположеніи русскаго войска, нимало не усомнился въ счастіи и храбрости

№ 19б. По списку Руссова.

волынскую землю, притягнулъ найпервѣй подъ Овручовъ, замокъ князя Станислава, которую добывши осадилъ Литвою; потымъ пошолъ до Житомира, въ которомъ было много шляхты кіевской, а такъ добывалъ его много штурмуючи, лечь Русь въ немъ боронячися змордовалася, а такъ поддалися на остатокъ, и тамъ старосту своего и рицерство литовское въ замку и мѣстѣ осадилъ.

О поражцѣ литовской надъ Русью.

Потомъ тягнулъ Гедиминъ въ кіевскія волости, беручи и палячи всюда, гдѣ пшолъ. Видячи то Станиславъ князь кіевскій умыслилъ Литвѣ отбиватися, а не ждучи ихъ въ Кіевѣ, нимъ пріидутъ, мыслилъ о собѣ; княжата тежъ иншіе сѣверскіе видячи, же бѣда литовская наступуетъ, збиралися до купы противко Литвѣ. И такъ князь переяславскій Олегъ, а луцкій князь Левъ отъ Литвы выгнаный, Романъ бранскій въ рицерствомъ и войсками, якое могли на той часъ згромадити, [illegible]улися на ратунокъ до Станислава, князя кіевского, который обо[illegible] лежалъ надъ Ирпенемъ рѣкою, три мили отъ Кіева. А злучивши ся войска свои въ едно великое войско, маючи и отъ Татаровъ помочъ, стояли въ справѣ поготову, чуючи, ижъ Гедеминъ отъ Житомира зъ Лит-

№ 19а. По своду Стрыковскаго.

владыки, архимандриты, протопопы и все духовенство съ крестами и хоругвями вышло на встрѣчу Гедимину; за ними слѣдовали вельможи-бояре и весь кіевскій народъ. Ударивъ челомъ великому литовскому князю Гедимину, они сдались ему на милость и признали его власть. Тотчасъ же всѣ, сперва митрополитъ, принесли присягу Гедимину, который, послѣ этого въѣхалъ по улицамъ города въ кіевскій кремль. Безъ сопротивленія онъ овладѣлъ кіевскими пригородами: Бѣлогородкомъ, Слѣповротомъ, Каневымъ и Черкассами; сверхъ того онъ покорилъ Брянскъ сѣверскій и Переяславль, стольные города русскихъ князей, и такимъ образомъ за однимъ ударомъ покорилъ и присоединилъ къ своему литовскому государству кіевское, переяславское и сѣверское княжества вплоть до Путивля, лежащаго въ шестидесяти миляхъ за Кіевомъ.

Въ Кіевъ и въ другіе пригороды Гедиминъ назначилъ своимъ намѣстникомъ гольшанскаго князя Миндову, сына своего родственника Гольши, который крестился въ русскую вѣру и владѣлъ Кіевомъ до Владимира Ольгердовича, предка слуцкихъ князей, ведущихъ свой родъ отъ великихъ литовскихъ князей — отъ Гольши, Витена, Гедимина и Ольгерда и т. д.

А Станиславъ, ведущій свой родъ отъ древнихъ русскихъ князей, государей кіевскихъ, и отъ Рюрика, Трувора и Сенеуса, князей варяжскихъ, а также отъ Игоря и Олега, отъ которыхъ между прочимъ происходитъ и родъ князей Острожскихъ, будучи разбитъ, изгнанъ и

№ 19б. По списку Руссова.

а такъ замокъ и мѣсто Кіевъ поддали великому князю Гедимину. И такъ противъ Гедимина вышли папродъ митрополитъ, епископы, архимандриты зо всѣмъ духовенствомъ, зъ крестами, корогвами, а за ними панове бояре и все посполъство кіевское вышло клаияючися и подаючися въ ласку и въ державу Гедиминови, также ему присягу выполнили. Потымъ уѣхалъ Гедиминъ презъ мѣсто въ замокъ кіевскій, побралъ тежъ и иншія мѣста: Бѣлгородъ, Слѣповронъ, Каневъ, Черкасы; добылъ тежъ и Бранска сѣверского и Переяславля замку столечного княжатъ рускихъ. И такъ за еднымъ звитязствомъ монархію кіевскую, волынскія и сѣверскія князства ажъ до Путивля за Кіевомъ на ӣ милъ и далѣи опановалъ и до литовского панства прилучилъ. На Кіевѣ и па иншихъ мѣстахъ преложилъ старшимъ намѣстникомъ своимъ Мендогова, князя гольшанскаго, Алигимонтовича, кревного своего, который потымъ окрестился въ вѣру рускую и пановалъ на Кіевѣ ажъ до Володимера Ольгердовича, князей слуцкихъ продка, зъ великихъ князей литовскихъ порадною линіею идучихъ отъ Гольши, Витеня, Гедимина и Ольгерда. Станиславъ великій князь кіевскій отъ Рурика, Трувора и Сенеуса, княжатъ варазскихъ, также отъ Игора и Ольга родъ велъ, зъ которыхъ тежъ есть

№ 19а. По своду Стрыковскаго.

лишенъ кіевскаго княженія Гедиминомъ, искалъ помощи у князя рязанскаго, который далъ ему сейчасъ въ замужство дочку свою Ольгу; а такъ какъ у него не было мужескаго потомства, только эта единственная дочка, то онъ, будучи самъ преклонныхъ лѣтъ, вмѣстѣ съ дочерью далъ ему въ управленіе и все рязанское княжество.

А рязанское княжество было издавна могущественнымъ между русскими княжествами, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ само положеніе вещей, кому оно извѣстно, и русскія хроники а также Sigismundus ab Herberstein in Commentariis ac Chorographia regionum Moschoviae Duci subiectarum, fol 65,66 etc.

Великое рязанское княжество лежитъ между Окою и Дономъ или Танаисомъ, знаменитыми и великими рѣками, изъ которыхъ одна Танаисъ или по московски рѣченная Донъ, дѣлитъ Европу и Азію и впадаетъ у турецкаго города Азова въ Мертвое море или Черное озеро, которое космографы называютъ Pallus Meotis. Отсюда потомъ купцы изъ Москвы и Рязани, плавая по Дону, приходятъ въ Кафу, Перекопъ, Константинополь и во всѣ страны Греціи, Италіи, въ Іерусалимъ, Сирію и въ Африку по Средиземному морю черезъ Понтъ Евксинскій и Геллеспонтъ, какъ я въ этомъ убѣдился, попробовавъ отчасти собственнымъ опытомъ этого путешествія, во время моего въ тѣхъ странахъ въ 1574 г. пребыванія.

Рязанское княжество превосходитъ всѣ московскія области обиліемъ съѣстныхъ припасовъ, урожаями хлѣба, меда, звѣрей, рогатаго скота и рыбы рѣчной и озерной и бодростью населенія, облагороженнаго врожденною военною смѣлостью. Ибо оно сопредѣльно съ Перекопскими и Казанскими Татарами, съ которыми должно безпрерывно воевать. Пре-

№ 19б. По списку Руссова.

родъ княжатъ острозскихъ, а будучи поражоный и выгнаный съ кіевского князства отъ Гедимина, утеклъ до князя резанского, который ему заразъ далъ въ малженство дочку свою Ольгу единачку свою; далъ тежъ ему и все князство резанское и пановане на немъ, будучи самъ въ лѣтехъ старыхъ барзо. А резанское князство было здавна можнейшее надъ иншія всѣ князства рускія, котрое князство лежитъ межи Окою и Дономъ рѣками великими и славными, зъ котрыхъ одна Танаисъ або Донъ рѣчонная, Азію и Европію дѣлитъ, а впадаетъ въ Мертвое море або Чорное, отколя купцы Дономъ зъ Москвы и Резани жеглюючи ажъ до Кафы, Перекопу, Константинополя и до всей Греціи и до Африки моремъ приходятъ всѣ иншія краины московскія. Резанское панство гойне живностю, урожаемъ збожа, медовъ, звѣру, быдла и рибъ перевышало и людей гирствостю и смѣлостю прирожоною военною ушляхтило, бо Татарамъ перекопскимъ и казанскимъ прилеглый, зъ которыми тавичне мусятъ воевати. Резань засъ замокъ (*и*) мѣсто столечное,

№ 19ª. По своду Стрыковскаго.

стольный замокъ и городъ Рязань, недоступный по своему положенію, построенъ изъ дерева на небольшомъ разстояніи отъ великой рѣки Оки, въ 36 миляхъ отъ Москвы. Князь рязанскій всегда титуловался великимъ княземъ подобно тому какъ теперь московскій....

Гедиминъ, великій князь литовскій, назначивъ своимъ намѣстникомъ въ Кіевѣ гольшанскаго князя Миндову и посадивъ своихъ старость въ другихъ городахъ, вернулся съ великою побѣдою въ Литву и, въ Керновѣ, который былъ въ то время столицею великаго княжества литовскаго, былъ встрѣченъ народомъ съ великою радостью, рукоплесканіями, пѣніемъ: «Ладо, Ладо» и звуками длинныхъ трубъ. Наградивъ отличившееся во время русской войны рыцарство, распустилъ по домамъ войско для отдыха отъ продолжительныхъ трудовъ этой войны. Съ того времени, т. е. 1321 года[1]), когда Гедиминъ овладѣлъ Кіевомъ, прекратила свое существованіе кіевская монархія или единовластіе......

Объ основаніи старыхъ Трокъ и Вильны Гедиминомъ 1321 года.

Глава четвертая.

Великій князь литовскій Гедиминъ Витенесовичъ отдыхалъ (zbywając =освобождаясь) въ Керновѣ различною охотою (łowami) отъ бывшихъ трудовъ и военныхъ лишеній...

№ 19б. По списку Руссова.

далеко отъ Оки рѣки великія, а отъ Москвы мѣста миль л҃ѕ лежитъ, — прирожоное мѣстце до обороны.

Гедиминъ великій князь литовскій, преложивши на Кіевѣ намѣстникомъ Мендогова, а иншіе замки также старостами своими осадивши, вернулся до Литвы зъ великимъ звитязствомъ и былъ отъ всѣхъ зъ великою радостю и зъ великими поклоны «Лада, Лада» спѣванемъ и трубъ долгихъ гученемъ принятый. Тамже въ Керновѣ, мѣстѣ столечномъ князства великого литовского, рицерство свое на оныхъ войнахъ рускихъ добре заслужоное ударовавши, все войско для вытхненя до домовъ роспустилъ.

Року а҃т҃к҃г кіевская монархія або единовладство, гды Гедиминъ опановалъ, устала. Тогожъ року Гедиминъ великій князь литовскій забавлялся въ Керновѣ розмаитыми ловы...

---

1) Стрыйковскій издалъ свой лѣтописный сводъ въ 1582 г., но въ стихотворномъ сочиненіи, напечатанномъ имъ же въ 1574 г. подъ заглавіемъ «Goniec cnothy»: онъ еще держался вполнѣ ложныхъ годовыхъ данныхъ (1300 г. — начало княженія Гедимина; 1304 г. — взятіе Кіева и пр.). См. ниже стр. 182.

№ 19ᵉ. По патріаршему списку.

(50).

О великомъ князи Кгидиминѣ и о битвѣ со княземъ Володимеромъ володимерскимъ.

И успоконвшы землю жомойцкую отъ Нѣмцовъ, пошолъ на князи руские. Прійдеть напервѣй ко городу Володимеру. Князь Володимеръ володимерскій, собравшися съ людми своими, и сотворить бой великій со княземъ великимъ Кгидиминомъ; и поможеть Богъ князю Кгидимину, ижъ князя Володимера володимерьскаго самого убилъ и рать его всю побилъ, и городъ Володымеръ возметь. Потомъ пойдеть на князя Льва луцкого. Князь Левъ, услышавшы, што князя Володимера Литва убила и городъ Володимеръ узяли, онъ не смѣлъ стати противу ему и побѣжить до князя Романа, зятя своего, ко Брянску. Князи и бояре волынскіе били чоломъ великому князю Кгидимину, абы у нихъ пановалъ и господаремъ у нихъ былъ, а землей ихъ не пустошылъ. Князь великій Кгидиминъ, укрѣпивши ихъ присягою и оставившы намѣстниковъ своихъ, и такъ начнеть княжевати. Потомъ на зиму пошолъ до Берестя, у Берестя усп войска свои роспустилъ, а самъ у Берестю зимовалъ. И скоро великдень минулъ, онъ собралъ усп войска и силы литовьскіе и жомойцкіе и рускіе, на другой недѣли по великодни пойдеть на князя Станислава кіевского и пришодьши, возметь городъ Вручей и городъ Житомирь.

№ 19ᶠ. По списку гр. Рачинскаго.

О великомъ князе Кгидимине и о битве съ княземъ Володымеремъ володымерскомъ.

И впокоившы земли отъ Нѣмцовъ жомойтскую и пошолъ на князи рускіе и прыиде напервей къ городу Володымеру. И князь Володымеръ володымерскій, собравшыся зъ людми своими, и вчинить бой великій съ княземъ великимъ Кгидиминомъ; и поможеть Богъ князю великому Кгидимину, ижъ князя Володымера володымерскаго самого убилъ, а войско его все побилъ и городъ Володымеръ озметь.

И потомъ пойдеть на князя Льва луцкого и князь Левъ, услышалъ, што князя Володымера Литва убила и городъ Володымеръ узяли, и онъ не смѣлъ противъ его стати и побѣжыть до князя Романа, до зятя своего, ко Бранску. А князи и бояре волынскіе били чоломъ великому князю Кгидимину, жебы въ нихъ пановалъ и господаремъ въ нихъ былъ, а земли ихъ не казилъ. И князь великій Кгидиминъ, укрѣпившы ихъ прысягою и оставившы намѣстниковъ своихъ въ нихъ, и тамъ почнеть княжыти. А потомъ на зиму пошолъ до Берестя и зъ Берестя веи войска свои роспустилъ, а самъ у Берестя зимовалъ. И скоро великъ день минулъ и онъ собравъ... свои силы литовскіе, жомойтскіе и рускіе. И на другой недѣли ... пойдеть на князя Станиславля кіевского и прышодшы,

№ 19д. По списку Евреинова.

О великомъ князѣ Кгидиминѣ и о битвѣ со княземъ Владимеромъ владимерскимъ и о взятіи града Кіева.

И умиривши князь великій Кгидиминъ землю жемойтцкую отъ Нѣмецъ, пошолъ на князи русскіе и пріиде прежъ къ городу къ Володимерю. И князь великій Володимеръ, собравшися съ полки своими, и учинили бой со княземъ великимъ Кгидиминомъ; и поможе Богъ великому князю Кгидимину, и князя Володимера володимерскаго самаго убилъ и рать его всѣе на голову поразилъ и городъ Володимеръ взялъ. И пойде на князя Льва лутцкаго, и князь Левъ, услышавъ, что князя Владимера Литва убила и городъ Володимеръ взяли, и онъ не смѣлъ противу его стати и побѣжалъ ко князю Роману, зятю своему, ко Брянску. А князи и бояре волынскіе били челомъ великому князю Кгидимину, дабы у нихъ государемъ былъ и землю ихъ не испортилъ. И князь великій Кгидиминъ, и укрѣпивши ихъ присягою и оставши у нихъ намѣстниковъ своихъ, и тамъ нача княжити. И потомъ на зиму пошолъ къ Берести и изъ Берести войско свое разпустилъ, а самъ въ Берести зимовалъ. И скоро великъ день минулъ, и онъ, собравши всѣ силы свое и литовскіе и жемойтцкіе и рускіе, по велицѣ дни на другой недѣли пойде на князя Станислава

№ 19е. По списку Быховца.

И впокоивши землю жомойцкую отъ Нѣмцовъ, и пошолъ на князи рускіе, и приде наперед къ городу Володимиру; и князь Володимиръ володимерскій, собравшися съ людьми своими, и вчини бой лютъ зъ княземъ великимъ Гидиминомъ; и поможе Богъ великому князю Гидимину, ижъ князя Володимера володимерского самого вбилъ и рать его всю побилъ, и городъ Володимиръ возметь.

И потомъ пойде на князя Льва луцкого, и князь Левъ услышалъ, што князя Володимира Литва вбила и городъ Володимиръ взяли, и онъ не смѣлъ противу стати ему, и побѣжить до князя Романа, до зята своего, ку Брянску. А князи (*и*) бояре волынскіе били чоломъ великому князю Гидимину, аби въ нихъ пановалъ и господаремъ былъ, а земли ихъ не казилъ. И князь великій Гидиминъ, укрѣпивши ихъ присягою и оставивши намѣстниковъ своихъ въ нихъ, и тамъ начнеть княжити. А потомъ на зиму шолъ до Берестя, вси войска свои розпустилъ, а самъ въ Берести зимовалъ. И скоро великдень минулъ, и онъ, собравши вси свои силы литовскіе, жомойтскіе и рускіе, и на другой недѣли по велицѣ дни пойде на князя Станиславля кіевского; и пришолъ возметь городъ Вручей и городъ Житомиръ. И князь Станиславль кіевскій, обославшися зъ княземъ Ольгомъ переславльскимъ и зъ княземъ Романомъ брянскимъ и зъ княземъ Львомъ волынскимъ, которого князь великій Гидиминъ выгналъ зъ Луцка, и собралися вси у великомъ множестви людей своихъ рускихъ, и

№ 19в. По патріаршему списку.

Князь Станиславъ кіевскій, обославшыся со княземъ Ольгомъ переяcловскимъ и князем Романомъ брянскимъ и съ князем волынскимъ, которого князь великій Кгидиминъ выгналъ зъ Луцка, и собравшися вси у великомъ множествѣ людей своихъ рускихъ, и поткалися вси со князем Кгидиминомъ на рѣцѣ на Рпены подъ Бѣлымъ-городомъ, у шести миляхъ отъ Кіева, учинили бой и сѣчу великую. И поможеть Богъ великому князю Кгидимину: побъеть усихъ князей рускихъ на голову и вси войска ихъ, на мѣстцу ихъ мало зостало; и князя Лва луцкого и князя Ольга переясловского убилъ; тылько у малой дружинѣ князь Станиславъ кіевскій зъ Романомъ брянскимъ утекъ до Брянска. А князь великій Кгидимонтъ оступилъ былъ городъ, и горожане видячы, ижъ господарь ихъ зъ войсками побѣгъ, а войска вси споражено, и они, не хотячы противитися войску такъ великому литовскому, передалися зъ людьми и зъ городомъ князю Кгидимину, и присягу вчинившы служити къ великому княжеству литовскому.

Затымъ князь великій Кгидиминъ пошолъ со всими силами своими до Кіева, и обляжеть городъ Кіевъ. Кіяне почали ся ему боронити, и лежалъ великій князь Кгидиминъ подъ Кіевомъ мѣсяцъ; затымъ урадили межи собою горожане кіевскіе, ижъ моци великого князя Кгидимина не могли терпѣти больше того безъ господаря своего, великого князя Станислава

№ 19г. По списку гр. Рачинскаго.

возметь городъ Обручый и городъ Жытомиръ. И князь Станиславль кіевскій, обославшыся съ князем Ольгомъ переяславскимъ и съ князем Романомъ бранскимъ и съ князем волынскимъ, которого князь великій Кгидиминъ выгналъ зъ Луцъка, и собралися вси у великомъ множествѣ людей и споткалися вси съ князем великимъ Кгидиминомъ па рѣцѣ на Рпени подъ Бѣлымъ городомъ, въ шести миляхъ отъ Кіева, и вчынили бой и сѣчу великую. И поможеть Богъ великому князю Кгидимину: побъеть всихъ князей рускихъ на голову и войско ихъ все побито на пляцу зостало и князя Льва луцъкого и князя Ольга переяславского убили; и въ малой дружынѣ Станиславль кіевскій и зъ Романомъ бранскимъ утекуть до Бранска. А князь великій Кгедиминъ оступить Бѣлъгородъ, и горожане видечы, ижъ господарь ихъ зъ войск а побѣгъ прочъ а войско все на голову побито и они не хотечы противитися войску такъ великому литовскому и передалися зъ городомъ князю Кгидимину и прысягу вчынили служыти къ великому князству литовскому. И затымъ князь великій Кгидиминъ пошолъ со всими силами своими до Кіева и облажеть городъ Кіевъ. И Кіяне почалися ему боронити и лежалъ князь великій Кгидиминъ подъ Кіевомъ мѣсецъ. А за тымъ здумали [illegible]ы собою горожане кіевскіе, ижъ моцы великого князя не могли тер[illegible]льшъ того безъ господаря своего великого князя Станиславля

№ 19д. По списку Евреинова.

кіевскаго и пришедъ взялъ городъ Вручей и Житомиръ.

И князь Станиславъль кіевскій съ Романомъ брянскимъ оба убѣжали въ Брянескъ. (467) И князь великій Кгидиминъ оступилъ Бѣлъградъ, и гражане видячи, аже государь ихъ съ войскомъ побѣгъ, и войско на голову поражено, и не хотя противитися войску великому литовскому, и предалися зъ городомъ князю Кгидимину, и присягу учинили служити князю литовскому.

И потомъ князь великій Кгидиминъ со всѣми силами своими пошолъ х Кіеву, и обляже его. И Кіяне учалися боронити, и лежалъ князь великій Кгидиминъ мѣсяцъ. И потомъ здумали межи собою гражане кіевскіе, иже силы великого князя болши терпѣти не могли безъ государя своего (обор.) великого князя Станиславля кіевскаго. И услышали то,

№ 19е. По списку Быховца.

сподкалися съ княземъ великимъ Гидиминомъ на реце на Рпени подъ Белымъ городомъ, въ шести миляхъ отъ Кіева, и вчинили бой и сечу великую. И поможе Богъ великому князю Гидимину: побіетъ всихъ князей Руских на голову и войско ихъ все побитое на мейсцу зостало, и князя Льва луцкого и князя Ольга переяславского вбилъ; и въ мале дружинѣ Станиславль кіевски, и зъ Романомъ браньскимъ втекутъ до Браньска. А князь велики Гидиминъ оступилъ городъ Белгородъ, и горожане видячи, ижъ господаръ ихъ зъ войска побегъ, а войско все на голову поражено, и оныи, нехотячи противитися войску такъ великому литовскому, и передалися зъ городомъ князю Гидимину, и присягу учинили служити къ великому князству Литовскому.

И затымъ князь Гидиминъ пошолъ со всими силами своими до Кіева, обляже городъ Кіевъ. И Кіяне почалися ему боронити, и лежалъ князь велики Гидиминъ подъ Кіевомъ месяцъ. А затимъ здумали зъ собою горожане кіевскіе, ижъ моцы великого князя больштъ терпити не могли безъ господара своего великого князя Станиславля кіевского. И услы-

№ 19в. По патріаршему списку.

кіевского. И заслышали то, ижъ господарь ихъ князь Станиславъ утекъ отъ Кгидимина и войско господаря ихъ побито, а въ нихъ заставы никоторое князь ихъ не зоставилъ, и они, змовившися одномыслие, поддалися великому князю Кгидимину, вышедшы зъ города со кресты, игумены, попы и діяконы, ворота городовые отворили и великому князю Кгидимину съ честью ударили ему челомъ, поддалися ему служити, и присягу свою великому князю Кгидимину на томъ дали, и просили его, абы ихъ при всемъ своемъ зоставилъ и отчизнъ ихъ отъ нихъ не отнимовалъ. И князь Кгидиминъ при всемъ ихъ зоставилъ, а самъ зъ великою честію у городъ Кіевъ уехалъ.

Послышавшы то пригородки Кіевскіе: Вышъгородъ, Черкасы, Каневъ, Путивль, Слеповъгородъ, што жъ Кіяне предалися зъ городомъ, а господаря своего слышали, ижъ утекъ до Брянска, а силу его всю побили, вси пришли до великого князя Кгидимина, и съ тыми вышей речеными пригородки кіевскими поддалися служити, и присягу на томъ дали великому князю Кгидимину. Переяславляне тожъ слышали, ижъ Кіевъ и съ пригородками его поддалися великому князю Кгидимину, а господарь ихъ князь Олгъ отъ великого князя Кгидимина убитъ, и они пріехавши поддалися зъ людми и зъ городомъ служити великому князю Кгидимину, и присягу свою на томъ дали. Князь великій Кгидиминъ, взявши Кіевъ и Переяславль и вся вышей реченые пригородки, и посадивъ надъ ними князя Миндовгова сына Олкгимонта, великого князя

№ 19г. По списку гр. Гачинскаго.

кіевского. И вслышали тое, ижъ господаръ ихъ Станиславлъ втеклъ отъ Кгидимина и войско господара ихъ побито, а въ нихъ заставы князь ихъ никоторое не зоставилъ, и они, змовившыся одное мысліей, подалися великому князю Кгидимину, и пошодшы зъ города со кресты, игумены, попы и діаконы и ворота городовые отворили, и стрѣтили великого князя честно, и вдарили ему чолом, и поддали ся служыти ему, и прысягу свою великому князю Кгидимину на томъ дали, и били чоломъ великому князю Кгидимину, штобы отъ нихъ отчизны ихъ не отнималъ. И князь Кгидиминъ прытомъ ихъ зоставилъ, и самъ честно въ городъ Кіевъ въехалъ.

И вслышали тое прыгородки кіевскіе: Вышегородъ, Черкасы, Каневъ, Путывль, Слеповродъ, што Кіяне передалися зъ городомъ, а господара своего слышали, ижъ втекъ до Бранска, а войско его все побито, и вси прышли до великого князя Кгидимина, и съ тыми вышей речеными прыгородки кіевскими подали ся служити, и прысягу па томъ дали великому князю Кгидимину. И переяславлене слышали, ижъ Кіевъ и прыгородки кіевскіе подали ся великому князю Кгидими(ну), а господарь ихъ князь Олгъ отъ великого князя Кгидимина вбитъ, и они прыехавши и подали ся зъ городомъ служити великому князю Кгидимину, и прысягу свою на томъ дали. И князь великій Кгидиминъ, взявшы Кіевъ и Переяславль и вси кіевскіе прыгородки, и посадилъ на нихъ князя Миндовтова сына

№ 19д. По списку Еренова.

яже государь ихъ Станиславъ побѣгъ отъ Гидимина и войско государя ихъ побито, а у нихъ войска князя ихъ ни котораго не было, и они, смолвившися единомысленно податися великому князю Кгидимину, и пошли изъ города съ попы и сыгумены, и съ чернцы, и взявши съ собою кресты и ворота городовые отворили, и встрѣтили великого князя Кгидимина честно, и ударили ему чоломъ служити ему, и присягу свою ему дали, и били чоломъ, чтобъ вотчинъ ихъ не отъималь. И князь великій Кгидиминъ въ томъ ихъ пожаловалъ, и въ городъ честно въѣхалъ.

И слышавъ (468) то пригородки кіевскіе: Вышегородъ, Черкасы и Каневъ, Путивль, Слепобродъ, что Кіяне предалися зъ городомъ, а государя своего слышали, что побѣжалъ въ Брянескъ, а сила его вся побита, и всѣ пришли къ великому князю литовскому Кгидимину. И Переславляне слышачи, аже Кіевъ и пригородки кіевскіе далися великому князю Кгидимину, а государь ихъ князь Олегъ убитъ отъ Гидимина, и они пріѣхавши подалися зъ городомъ служити великому князю Кгидимину, и присягу свою на томъ дали. И князь великій Кгидиминъ, побравши всѣ городы кіевскіе и самый Кіевъ и Переславль, и посадилъ на Кіевѣ (обор.) и на всѣхъ городѣхъ, что задалися за него, князя Юлкгимонта голшанского сына

№ 19е. По списку Быховца.

шали то, ижъ господаръ ихъ князь Станиславль утекъ отъ Гидимина и войско ихъ все господара побито, и въ нихъ зоставы никоторое князь ихъ не зоставилъ, и они, змовившися одномысльне, поддалися великому князю Гидимину, и шедши зъ города со кресты, игумены, попы и дьяконы и ворота городовыя отворили, и стретили великого князя Гидимина честно, и вдарили ему чоломъ, и поддалися служити ему, и присягу свою великому князю на томъ дали, и били чоломъ, штобы отъ нихъ отчинъ ихъ не отнималъ. И князь Гидиминъ притомъ ихъ зоставилъ, и самъ честно въ городъ Кіевъ въѣхалъ.

И услыша то пригородки Кіевскіе: Вышегородъ, Черкасы, Каневъ, Путивли, Слѣповродъ, што Кіяне передалися зъ городомъ, а господара своего слышали, ижъ утекъ до Бряньска, а силу его всю побито, и вси пришли до великого князя Гидимина, и зъ тыми вышеречеными пригородки кіевскими и подалися служити, и присягу на томъ дали великому князю Гидимину. И Переяславляне слышали, ижъ Кіевъ и пригородки кіевскіе поддалися великому князю Гидимину, а господаръ ихъ князь Ольгъ отъ великого князя Гидимина вбитъ, а они пріѣхавши и поддалися зъ городомъ служити великому князю Гидимину, и присягу свою на томъ дали. И князь велики Гидиминъ, взявши Кіевъ и Переславль и вси тые вышереченные пригородки, и посадилъ на нихъ князя Миндогова

№ 19ᵃ. По патріаршему списку.

голшанского, а самъ зъ великимъ веселіемъ и радостію въ Литву вернулся.

О князи Станиславе Кіевскомъ, которого выгналъ князь Кгидиминъ съ Кіева.

Въ тотъ часъ будучы князю Станиславу Кіевскому у Брянску выгнаному отъ великого князя Кгидимина, и прислалъ къ нему князь Резанскій Иванъ, будучи во старости (Л. 93) своей, просилъ его, абы до него ехалъ и дочку въ него понялъ, именемъ Олгу, бо сына не мелъ только одну дочку, а по смерти его, абы былъ великимъ княземъ резанскимъ. И князь Станиславъ до него поехавъ, и дочку въ него понялъ, и по смерти его былъ великимъ княземъ резанскимъ. А князь великій Кгидиминъ, прогнавши князей рускихъ и землю свою успокоивши, и пановалъ много летъ во упокою.

О великомъ князю Кгидимине, якъ Троки заробилъ и Вилню, глава п҃в:

Нѣкоторого часу поехалъ великій князь Кгидиминъ со столца своего Кернова въ ловы за пять миль, за реку Велю и найдетъ въ пущы гору велми красну дубровами, ровнинами облеглую; и сподобалося ему велми, онъ тамъ поселился и назоветъ именемъ Троки, где теперь старые Троки суть; и съ Кернова перенесетъ столецъ свой на Троки. И въ малыхъ часехъ после того поехалъ великій князь Кгидиминъ въ ловы отъ Троковъ четыре

№ 19ᵇ. По списку гр. Рачинскаго.

Олькимонта, великого князя гольшанского, а самъ зъ великимъ веселемъ до Литвы прыехалъ.

19. О князи Станиславли кіевскомъ, которого выгналъ князь Кгидиминъ съ Кіева.

Въ той часъ будучы князю Станиславлю кіевскому въ Бранску выгнаному отъ великого князя Кгидимина, и прыслалъ къ нему князь резанскій Иванъ, будучы въ старости своей просечы егожъ, бы до него ехалъ и дочку въ него понялъ, именемъ Ольгу, бо сына не мѣлъ дочку толко одну, и по смерти егожъ, бы былъ великимъ княземъ резанскимъ. И князь Станиславлъ до него ехалъ и дочъку въ него понялъ, и по смерти его былъ великимъ княземъ резанскимъ. А князь великій Кгидиминъ, прогнавшы князей рускихъ и отъ немецъ землю свою опокоившы, и пановалъ много лѣтъ во въ покои.

20. О великомъ князи Кгидимине, якъ Троки зарубилъ и Вилно.

Некоторого часу поехалъ князь великій Кгидиминъ зъ столца своего съ Кернова въ ловы за пять миль, за реку Велью и найдетъ во пущы гору красную дубровами и ровнинами обсяглую; и сподобало ся ему вельми, ижъ тамъ поселился и заложилъ городъ, и назоветь имя ему Троки, ...старые Троки; и съ Кернова перенесеть столецъ свой на Троки. ...часехъ поехалъ после того князь великій Кгидиминъ въ ловы

№ 19д. По списку Евреинова.

Голшина, великого князя голшанского, а самъ съ великимъ веселіемъ въ Литву возвратился.

О князи Станиславле кіевскомъ, которого выгналъ князь Кгидиминъ исъ Кіева.

Въ то время пребываючи князю Станиславлю выгнанному исъ Кіева въ Брянескъ, и прислалъ къ нему князь Иванъ рязянскій, будучи въ старости своей и моля его, дабы ѣхалъ къ нему и дочь у него понялъ, имянемъ Олгу, ибо сына не имѣлъ толко дочь одну, и по смерти его, дабы княземъ былъ резанскимъ. И князь Станиславль пріѣхалъ къ нему, и по смерти его былъ великимъ княземъ рязанскимъ. А князь великій Кгидиминъ, пригнавши князей руских и отъ немецъ землю свою умирилъ, и государствовалъ лѣта въ миру.

Нѣкое время поѣхалъ князь великій Кгидиминъ изъ стола своего Кернова въ ловы за пять миль, за рѣку Велю и наѣхалъ въ лѣсу гору красну и дубровами и ровнипами облеглую; и полюбилося ему, и онъ тамъ поселился, и заложилъ городъ, и назвалъ имя ему Трокъ, гдѣ нынѣ старые Троки суть; и исъ Кернова принесе столецъ свой на Троки. И въ малѣ времени и въ малыхъ лѣтехъ послѣ того поѣхалъ великій князь Кгидиминъ въ ловы отъ Трокъ четыре мили, и найде гору высоку надъ

№ 19е. По списку Быховца.

сына Ольгимонта, великого князя Гольшанского, а самъ зъ великимъ веселіемъ въ Литву возвратися.

И въ тотъ часъ будучи князю Станиславлю Кіевскому у Браньску выгнаному отъ великого князя Гидимина, и присла къ нему князь Иванъ резански, будучи у старости своей, просячи его, абы до него пріѣхалъ и дочку у него понялъ, именемъ Ольгу, бо сына немелъ только одну тую дочку, и по смерти его, абы былъ великимъ княземъ Резанскимъ. И князь Станиславль до него ѣхалъ, и дочку въ него понялъ, по смерти его былъ великимъ княземъ резанскимъ. А князь велики Гидиминъ, прогнавши князей рускихъ и отъ немецъ землю впокоивши, и пановалъ много лѣтъ въ покою.

И некоторого часу поѣхалъ князь велики Гидиминъ со стольца своего Кернова въ ловы за пять миль, за реку Веллю и найде гору въ пущи красну, дубровами и ровнинами облеглую; и сподобалося ему вельми, и онъ тамъ поселился, и заложи городъ, и назове имя ему Троки, где были старые Троки; и зъ Кернова перенесъ столецъ свой до Трокъ. Помалыхъ часехъ поѣхалъ после того князь велики Гидиминъ въ ловы отъ Трокъ чотыры мили и найде гору красну надъ рекою Вильнею, на кото-

№ 19в. По патріаршему списку.

мили, и найдетъ гору красну надъ рекою Вилнею. На той горѣ знайдетъ зверя великого тура и убіетъ его на той горе, где и нынѣ зовутъ Туръ гора. И было вельми позно до Троковъ ехати, станеть на луце на Швинторозе, где первыхъ великихъ князей жигали, обночовалъ. И спячи ему тамъ, сонъ виделъ на горе, которую звали Кривая, а теперь Лысая. Сонъ: стоитъ волкъ железный великъ, а въ немъ ревутъ яко бы сто волковъ было. И очутился ото сна своего, и поведалъ ворожбиту своему, именемъ Лиздейку, который былъ знайденъ у въ орловѣ гнезде. И былъ тамъ Лиздейко у князя Кгидимина ворожбитомъ, и навышшимъ попомъ поганскимъ. Видѣлъ дей есми сонъ дивный, и поведалъ ему все, што ся ему во сне деяло. И тотъ Лиздейко рекъ господарю: княже великій Кгидимине, волкъ железный знаменуется городъ столечный тутъ будетъ, а што въ немъ внутри ревутъ, то слава его будетъ слыти на въ весь светъ. И князь великій Кгидиминъ на завтрее не откладаючи послалъ по люди, и заложилъ городъ одинъ на Швинъторозѣ нижній, а другій на Кривой горе, которую нынѣ зовутъ Лысою, и наречетъ имя тымъ городомъ Вилия. И будовавшы городы, перенесетъ столецъ свой съ Троковъ на Вильню, и вчинитъ первымъ воеводою у Вильни гетмана своего Кгатшолта съ Колюмновъ, который ся народилъ съ Кумпя, который былъ пойманъ отъ Немцевъ на Кунасове. И княжилъ великій князь Кгидиминъ много летъ на княжествѣ литовскомъ, русскомъ и жомоицкомъ и былъ справедливый и много валекъ мевалъ, а завжды зыскивалъ и пановалъ фортунливе, ажъ до великое старости своее.

№ 19г. По списку гр. Рачинскаго.

отъ Трокъ за чотыри мили, и пайдеть гору красную надъ рекою Вилнею, на которой знайдетъ звера великого тура и вбъеть его на той горе, гдѣ теперъ зовутъ Туря гора. И велми было позно до Троковъ ехати, и станет на луцѣ на Швинторозе, гдѣ першыхъ великихъ князей жыгали и обночавал тутъ. И спечы ему тамъ, сонъ виделъ, штож на горе, которую звали Крывою а теперъ Лысою, стоитъ волькъ желѣзный великій, а въ немъ ревутъ якбы сто вильковъ. И очутилъся отъ сна своего, и мовить ворожбиту своему именемъ Лиздрейко, который былъ найденъ въ въорлове гнезде. И былъ той Лиздрейко (sic!) въ князя Кгидимина ворожбитомъ найвышъшымъ, а потомъ попомъ поганскимъ. Видел дей есми сонъ дивный, и споведалъ ему въсе, што ся ему въ во сне видело. И тотъ Лиздрейко мовить господарю: княже, волкъ великій желѣзный знаменуетъ городъ столечный тутъ будеть, а што въ немъ внутры ревутъ, то слава его будетъ слынути на весь свѣтъ. И князь великій Кгидиминъ на завтрее не ожидаючы и послалъ по люди, и заложылъ городъ одинъ на Швинъторозе нижній, а другій на Крывой горе, которую тепер зовут Лысою, и наречетъ имя тымъ городомъ Вилия. И збудовавшы городы, перенесеть столецъ свой съ Троковъ на Вилню, и вчынить першымъ воеводою въ Вилни гетмана своего Кгаштолта [.....], который былъ пойманъ отъ нѣмцовъ на Куносове. И кнежы князь великій Кгидиминъ много лѣтъ на князствѣ литовскомъ, рускомъ и жомойтскомъ, и былъ справедливый и много валькъ мевалъ, а завжды зыскивалъ, и ...лъ фортунливе, отжилъ до великое старости своее.

№ 19д. По списку Евреинова.

рекою Виліею, на которой найде великого звѣря тура и убилъ его. И велми было поздно до Трокъ доѣхати, и стали на лугѣ надъ рѣкою Веліею и на устіи рѣки Вепы, которую зовутъ луку Швинтороги, гдѣ первыхъ великихъ князей жигали, и онъ на той рѣце сталъ и обпочевалъ. И видѣлъ сонъ, что на горѣ, которую звали Кривая, а нынѣ Лыса, стоитъ волкъ желѣзный великъ, а въ немъ реветъ какъ бы сто волковъ взвывало. И очистился (sic!) отъ сна своего и рече ворожбиту своему, имянемъ Лиздѣйку, которой былъ найденъ въ орлове гнѣзде. И былъ тотъ Лиздѣйко у князя Кгидимина ворожбитомъ и на вышшихъ (sic!) попомъ поганскимъ. И рѣче ему князь Кгидиминъ: видѣхъ сонъ дивный и исповѣда ему всѣ, что ся ему видѣло во снѣ. И Лиздѣйко, ворожъбитъ, рече государю: княже великій, волкъ железный знаменуетъ городъ столной тутъ будетъ, а сто въ немъ внутри реветъ, то слава его будетъ слыти на весь свѣтъ. И князь великій Кгидиминъ на утріе же не отъѣзжаючи послалъ по люди, и заложилъ городъ одинъ на Швинторогѣ, а другой на Кривой горѣ, которую нынѣ зовутъ Лысою, и нарѣче имя тѣмъ городомъ Вилна. И здѣлавъ городы, перенесе столъ свой исъ Трокъ на Вилну, и учи(ни)лъ первымъ воеводою въ Вилнѣ гетмана своего Кгаштолта съ Колюмновъ, который родился съ Кумия, которой былъ пойманъ отъ немѣцъ на Кунсовѣ. И княжилъ князь великій Кгидиминтъ много лѣтъ на княжествѣ литовскомъ и рускомъ и жемонтцкомъ (sic!), былъ князь правдивый и много валкъ имовалъ, а всѣгда изыскивалъ, и государствовалъ ѳаиртунливе даже и до великой старости своей.

№ 19е. По списку Быховца.

рой знайде звера великого тура и вбіетъ его на той горп, где и нынн зовутъ Туря гора. И велми было позно до Трокъ ѣхати, и станетъ на лугѣ на Швинторози, где первыхь великихъ князей зжигали и обпочова. И спячы ему тамъ, вйди сонъ, што на горе, которую звали Кривая, а теперь Лысая, стоитъ волкъ желизны великъ, а въ немъ реветъ калибы сто волковъ выло. И очутився отъ сна своего, иречетъ ворожбиту своему, именемъ Лездейку, которы былъ знайденъ въ орлови гнезде. И былъ тотъ Лездейко у князя Гидимина ворожбитомъ и найвыжшимъ попомъ поганьскимъ. Видихъ дей сонъ дивны и сповида ему все, штося ему во сни видило. И тотъ Лездейко ворожбитъ рече господару, княже велики, волкъ железны знаменуетъ городъ столечны тутъ будетъ, а што въ него внутру реветъ, то слава его будетъ слынуты на весь свѣтъ. И князь велики Гидиминъ назавтріѣжъ неотъѣжджаючы послалъ по люди, и заложилъ городъ одинъ на Швинторози, нижни, а други на Кривой горе, которую нынп зовутъ Лысою, и наречетъ имя тымъ городомъ Вильня. И збудовавши городы, перенесъ столецъ свой зъ Троковъ на Вильну, и вчинилъ першимъ воеводою у Вильни гетмана своего Гаштольта (зъ Колумновъ), которися народилъ съ Крумия, кторы былъ пойманъ отъ Немцовъ на Куносови. И княжилъ князь велики Гидиминъ много лѣтъ на княстве литовскомъ, рускомъ и жомойтскомъ, и былъ князь справедливы и много валки мѣвалъ, а завжды зыскивалъ и пановалъ фортунливе ажъ до великое старости своей.

№ 19ж. По списку Археологическаго Общества.

О великомъ князи Кгиндимине и о битве съ княземъ Владимеромъ володимерскимъ.

И вноконивши землю жомонтскую отъ Немцовъ и пошолъ на князи русскіи, и приде наперве́й къ городу Володимеру. И князь Владимеръ володимерскій, собравшис съ людьми своими, и вчинит бой лютъ съ княземъ великимъ Кгиндиминомъ; и поможе Богъ великому князю Кгиндимину, ижъ князя Володимера володимерскаго убилъ и рат его всю побилъ, и городъ Володимеръ возмет.

И потомъ пойде на князя Лва луцкого, и князь Левъ услышалъ, што князя Володимера Литва убила и городъ Володимеръ узяла, и онъ не смелъ противу его стати, и побежитъ до князя рвоегана (sic!), до || зятя своего, къ Брянску. А князи и бояре волынскіи били челомъ великому князю Кгиндимину, абы въ нихъ пановалъ и г҃дремъ у нихъ былъ, а земли ихъ не казилъ. И князь великій Кгиндиминъ, укрѣпивши ихъ присягою и оставивши наместниковъ своихъ у нихъ, тамъ и начне княжити. А потомъ на зиму шолъ до Берестья, изъ Берестья вси войска свои роспустилъ, а самъ у Берестьи зимовалъ. И скоро великъ день минулъ и онъ собравши вси силы литовскіи и жомонтскіи, и рускіи, и пойде на другой недели по велице дни на князя Станислава кіевского, и пришедъ возмет городъ Уручей и городъ Житомиръ. И князь Станиславъ кіевскій, обославшис съ княземъ Олгомъ переяславскимъ, и съ княземъ Романомъ брянскимъ, и съ княземъ волынскимъ, которого князь великій Кгиндиминъ выгналъ зъ Луцка, и собралис вси у великомъ множестве людей своихъ рускихъ, и поткалис вси съ княземъ великимъ | Кгиндиминомъ на рецѣ на Рпени, подъ Белымъ городомъ, у шести миляхъ отъ Кіева, и вчинили бой и сѣчу велику. И поможе Богъ великому князю Кгиндимину, и побьетъ усихъ князей рускихъ на голову, и войско ихъ все побитое на месцу зостало, и князя Лва луцкого, князя Олга переяславского убилъ; и въ мале дружине Станиславъ кіевскій зъ Романомъ брянскимъ утекут до Брянска. А князь великій Скиндиминъ (sic!) оступит Белгородъ, и горожане видечи, ижъ г҃сдрь ихъ зъ войска побегъ, а войско все на голову поражоно, и они не хотечи противитис войску такъ великому литовскому. И затымъ князь великій Кгиндиминъ, пошолъ со всими силами своими до Кіева и обляже городъ Кіевъ. И Кіяне почалис ему боронити, и лежалъ князь великій Кгиндиминъ подъ Кіевомъ м҃сцъ. А за тымъ здумали межи собою горожане кіевскіи, ижъ моцы великого князя немогли терпети болши того безъ г҃дря своего великого князя Станислава кіевского. И вслышали то, ижъ Станиславъ утекъ отъ Кгиндимина и войско г҃дря ихъ побито, а въ нихъ петъ зоставы никоторое, а князь ихъ ни зоставилъ, и они, змовившис одномысленнѣ, поддалис великому князю Кгиндимину, и шедши зъ города со к҃рты, игумены, и попы, и дьяконы, и ворота городовы и отворили и стретили великого князя Кгиндимина честно, и вдарили ему челомъ, и поддалися слу-

жити ему, и присягу свою великому князю Кгиндимину на томъ дали, и били чоломъ великому князю Кгиндимину, што бы отъ нихъ отчизны ихъ не отнималъ. И князь Кгиндиминъ при томъ зоставилъ и самъ честно у городъ Кіевъ уехалъ.

И слышали то пригородки кіевскіи: Вышегородъ, Черкасы, Каневъ, Путимль, Слеповродъ, што Кіяне передалис зъ городомъ, а Гсдря своего слышали, ижъ втекъ до Брянска, и силу его всю побиту, и вси пришли до великого князя Кгиндимина, и съ тыми вышереченными пригородки кіевскими подалис служити, и присягу на томъ дали великому князю Кгиндимину. И переяславляне слышали, ижъ Кіевъ и пригородки кіевскія подалися великому князю Кгиндимину, а Гсдрь ихъ князь Олгъ отъ великого князя Кгиндимина убитъ, и они пріѣхавши и подалис городомъ служити великому князю Кгиндимину, и присягу свою на томъ дали. И князь великій Кгиндиминъ узявшы Кіевъ и Переяславль, и вси тыи вышей реченныи пригородки, и посадилъ на нихъ князя Миновгова сына Олкгимонта, великого князя олшанского, а самъ зъ великимъ веселіемъ у Литву возвратися.

О князи Станиславе Кіевскомъ, || которого выгналъ князь Кгиндиминъ съ Кіева.

Въ тотъ часъ будучи князю Станиславу кіевскому у Брянску выгнанному отъ великого князя Кгиндимина, и прислалъ ему князь резанскій Иванъ, будучи у старости своей и просячи его, абы до него ехалъ и дочку у него понялъ, именемъ Олгу, бо сына не мелъ толко одну дочку, и посмерти его, абы былъ великимъ княземъ резанскимъ. И князь Станиславъ до него ехалъ и дочку у него понялъ, и по смерти его былъ великимъ княземъ резанскимъ. А князь великій Кгиндиминъ, прогнавши князей рускихъ и отъ немецъ землю свою упокоивши, и пановалъ много лѣтъ въ покои.

О великомъ князи Кгиндимине, какъ Троки зарубилъ и Вильню.

И некоторого часу поехалъ князь великій Кгиндиминъ со столца своего Кернова въ ловы за пять миль, за реку Велю, и найде въ пущи гору красну дубровами и равнинами обляглую; и сподобалос ему велми, и онъ тамъ поселился и заложилъ городъ, и назове имя ему Троки, где н(ы)не Старыи Троки сут; и съ Кернова перенесъ столецъ свой на Троки. И въ малыхъ часехъ поехалъ после того князь великій Кгиндиминъ въ ловы отъ Троковъ за четыре мили, и найде гору красну надъ рекою Виліею, на которой найде зверя великого тура и убьетъ его на той горѣ, гдѣ нн҃ѣ зовутъ Туръ гора. И велми было позно до Троковъ ехать, и станет на лугѣ на Швинторозе, где першихъ великихъ князей жигали, и обночовалъ. И спящему ему тамъ, сонъ виде, што ижъ на горе, которую звали Кривая, теперь Лысая, стоитъ волкъ железный великъ, а въ

немъ реветъ какъ бы сто волковъ выло. И очутився отъ спа своего, и рече ворожбиту своему, именемъ Лиздейку, которой былъ найденъ у въ орлове гнезде. И былъ тотъ Лиздейко у князя Кгиндимина ворожбитомъ навышшимъ, потомъ попомъ поганскимъ. Видехъ дей сонъ дивный, и сповѣда || ему все, што се ему у во сне видело. И тотъ Лиздейко рече Г҃сдрю: княже великій, волкъ железный знаменуетъ городъ столечный тутъ будетъ, и што въ немъ унутри реветъ, то слава его будет слынути на вес свѣтъ. И князь великій Кгиндиминъ на завтрее жъ неотеждаючи послалъ по люди, и заложилъ городъ одинъ на Швинторозе нижній, а другій на Кривой горѣ, которую нынѣ зовутъ Лысою, и наречет имя тымъ городомъ Вилня. И збудовавши городы, перенесет столецъ свой съ Тро(ко)въ на Вилню, и учинит перпшимъ воеводою у Вилни гетмана своего Кгаштолта с Колюмновъ, которой ся народилъ съ Кумпя, которой былъ поиманъ отъ немцовъ на Куносове. И княжилъ великій князь Кгиндиминъ много лѣтъ на княжестве литовскомъ, и рускомъ, и жомоитскомъ, и былъ справедливый и много валкъ мевалъ, а завжы зыскивалъ, и пановалъ фортунливе, ажъ до старости великые своей.

№ 20.

Рочники малопольскіе.

Редакція А. (Mon. Pol. III, 199).

1340. Contra cruciferos devastant Thartari terram Lublinensem usque Sandomiriensem.

1342. Tartbari devastabant (terram) Lublinensem usque Sandomiriam.

Item Boleslaus filius Trohide ducis Mazovie princeps Ruthenorum a suis inpocionatus circa festum annuncciacionis beate Marie ex hac vita decessit. Hic dicitur suis multum fuisse violentus, ipsos capiens et pecunias ab ipsis extorquens, filias eorum et uxores rapiens et easdem dehonestans, nec non gentes, sicut Bohemos et Almanos super ipsos inducens, unde videtur, et alias quod compulsi tot iniuriis talem sibi mortem procuraverunt. Audiens rex Polonie eximius Kazimirus, quod ita vita decessisset, Russiam circa festum pasche in parvo numero intrans, christianos et mercatores, qui se in castrum Lywow vel Lamberg receperant, castro cremato cum uxoribus eorum et pueris et rebus eorum usque in regnum suum deduxit, ubi spolia multa in argento et auro et gemmis, thesaurum ducum antiquorum tollens, intra que erant aliquot cruces auree, precipue una, in qua magna quantitas de ligno crucis Domini fuit reperta, et duo preciosissima dyademata et una tunica valde preciosa, nec non et sella auro et gemmis adornata. Hiis omnibus ablatis ad propria est reversus. Eodem anno circa festum sancti Iohannis baptiste idem rex Kazimirus congregans exercitum validum prope viginti millium iterum Russiam intravit, ubi castra et municiones aliquot ipsorum destruens ipsos sibi in perpetuum subiecit. Et quamvis Thartarorum prope 40 millia et Ruthenorum totidem vel plures fuissent tamen quodam metu et terrore et per audacissimos licet sim-

plices Mazovienses sunt multi interempti et mactati, et forte divino auxilio magis percussi fugam iverunt seu inierunt. Et sic rex cum magna victoria et gloria ad propria est reversus, sine omni lesione seu perdicione suorum nobilium etc.

Редакція В. (Mon. Pol. II, 860).

Anno Domini 1340 Bolezlaus filius Troydeni ducis Mazovie, princeps Ruthenorum a suis inpocionatus circa festum annunciacionis beate Marie, ex hac vita migravit. Hic dicitur suis multum fuisse violentus, ipsos capiens et pecunias ab ipsis extorquens, filias eorum et uxores rapiens et easdem dehonestans, nec non alias gentes, sicut Bohemos et Almannos super ipsos inducens. Unde videtur quod compulsi tot iniuriis talem sibi mortem procuraverunt. Audiens Kazimirus rex Polonie, quod ita vita decessisset, Russiam circa festum pasche in parvo numero intrans, christianos et mercatores, qui se in castro Liwow receperant, castro cremato cum uxoribus, pueris et rebus eorum usque in regnum suum deduxit. Ubi spolia multa in argento, auro et gemmis, thesaurum ducum antiquorum tollens, inter quod erant aliquot cruces auree, precipue unam, in qua magna quantitas de ligno crucis Domini fuit reperta, et duo preciosissiona dyademata, et una tunica valde preciosa, nec non et sella auro et gemmis adornata. Hiis omnibus sublatis ad propria est reversus. Eodem anno circa festum Iohannis baptiste idem rex Kazimirus congregans exercitum validum prope 20 milium, iterum Russiam intravit, ubi castella et municiones aliquot ipsorum destruens ipsos sibi in profectum subiecit. Et quamvis Tartharorum prope 40 milium et Ruthenorum totidem vel plures fuissent congregati, tamen quodam metu et terrore et per audactissimos licetque simplices Mazovienses sunt multi interempti et mactati, et forte divino auxilio magis percussi fugam inierunt, et sic rex cum victoria et magna gloria ad propria fuit reversus sine omni lesione seu perdicione suorum nobilium. Thraska eciam fuit ibidem.

№ 21.

Плоцкій помянникъ.

Item anno domini 13(4)1 obiit dux inclitus Russie, nomine Boleslaus filius ducis Troydeni.

№ 22.

Родоводъ польскихъ князей.

(Troydenus) habuit tres filios: Bolkonem, qui receptus per Ruthenos, in Wlodzymyrz veneno interiit; Kazimirum, qui decessit sine prole anno 1355 et Semovitum.

№ 23.

Янъ Чарнковскій.

2. De coronatione Kazimiri regis Poloniae.

Anno domini MCCCXXXIII, octavo Kalendas Maii per venerabiles in Christo patres dominos Jaroslaum Gneznensem archiepiscopum, Johannem Cracoviensem, Johannem Poznaniensem, Michaelem Cujaviensem, Stephanum Lubuscensem episcopos in ecclesia Cracoviensi, multis principibus, ducibus, baronis et nobilibus Poloniae praesentibus in regem Poloniae honorifice coronatur Kazimirus. Hic post coronationem suam in omnibus fuit felicissimus, praecipue quoad augendum et dilatationem regni Poloniae. Nam terram Cujaviae, quam barbati nigram crucem in albo pallio deferentes, hospitalarii s. Mariae Jerosolimitanae pro domo Theutonica, tempore incliti principis Wladislai, olim regis Poloniae patris sui occupaverant, sine bello et gladio ab eisdem recuperavit, et post non multo tempore mortuo magnifico principe Kazimiro dicto Georgio totius regni Russiae duce, filio Troydini ducis Mazoviae, qui Kazimirus avunculo suo in ducatu Russiae successerat, veneno per Ruthenos intoxicatus interierat, Kazimirus rex Poloniae praelibatus cum magna potentia gentis suae regnum Russiae potenter ingressus, de nece consanguinei sui vindictam sumere volens. Cujus potentiae Ruthenorum principes, barones, comites ac caeteri nobiles resistere non valentes, ultronea voluntate domino Kazimiro se et sua commiserunt, ipsum in suum dominum fideliter suscipientes, sibique fidelitatis homagia juramentis firmantes....

3. Quomodo regebat regnum et populum.

....Post hoc praefata domina Anna regina anno domini MCCCXXXIX defuncta et sequenti anno Boleslao filio Troyden ducis Mazoviae, quem Rutheni unanimiter sibi in ducem et dominum susceperunt, per toxicum interempto, qui legem et fidem ipsorum immutare nitebatur, Lubardus filius Gedimini ducis Litwanorum eundem ducatum Russiae possidebat, quem rex Kazimirus anno domini MCCCXLIX cum exercitu forti ingrediens, obtinuit ex integro cum omnibus civitatibus et castris, Lubardo solummodo civitatem Luczsko cum territorio suo ad placitum bonae voluntatis suae concedendo....

№ 24.

Длугошъ.

Annus domini 1340.

Boleslao Russiae gubernatore veneno extincto, Kazimirus Rex Poloniae civitates Leopoliensem et Wladimiriensem vi capit, castrisque demolitis, illas praesidio firmat.

Leopoliensem terram, caeterasque Russiae provincias Regno Poloniae vicinas Boleslao filio Troydeni (ex Lithuana et Ruthena matre Ducissa Maria, filia Gedemini, suscepto) Masoviae Ducis, gubernante (mortuo enim Duce Russiae, videlicet Leopoliensi et Wladimiriensi, Lumbardo, filio Ducis Lithuaniae Gedimini, avunculo suo germano, principatum et regimen, baronum, nobiliumque Russiae consensu et iure sanguinis, propinquitatisque nactus adeptusque fuerat), primorum contra illum Russiae procerum livor, indignatioque grandis, et tandem in necem machinatio et vehemens fervidaque conspiratio consurgit. Et licet in dies glisceret, viresque assumeret: multi tamen respectus in apertam rebellionem prodire et principi suo patulam moliri mortem vetabant. Dolis itaque utendum decernunt, et veneno in potu propinato, in die Annuntiationis Sanctae Mariae, alias Nono Calendas Aprilis, illum extinguunt. Odii autem et necis causas varias plerique astruunt: quod videlicet ritus eorum schismaticos abrogare et fidei catholicae puritatem, ritumque et obedientiam Romanae ecclesiae introducere firmareque illic plurimo studio quaesiverit; sive quod tributis, datiisque crebro illos exactionaverit, gravaveritque: sive quod coniuges, filiasque eorum sua incontinentia foedaverit; sive quod praefectos suos et officiales, curiensesque ex Polonis, Bohemis et Almanis collectos, probris et iniuriis eos afficere non prohibuerit. Quaecumque tamen harum causarum Ruthenos in extinctionem Principis moverit, pro satis comperto nequit affirmari; ea tamen mihi praecipua visa est: fidei ritusque disparitas, quae sub pietatis religionisque specie animas Ruthenorum, his, quas expressi, et aliis causis suapte violentatas et incensas, in Principis extinctionem, quasi quoddam sacrificium gratum Deo praestituros, ne in Latinum transire ex Graeco ritum congerentur, perstrinxit. Eius morte Kazimirus Rex Poloniae in sui notitiam deducta, ex curiensibus suis et baronibus aliquibus copiis contractis, Russiam concito cursu post Octavas Paschae ingressus, civitatem Leopoliensem obsidione cingit. Quae cum aliquanto tempore obsidionem tolerasset, pressa tandem et afflicta nimia fame, una cum proceribus Russiae, qui utrumque castrum, altum et bassum, civitatemque defendebant, caduceatores ad Regem mittit, deditionem non abnuens, dummodo rex ritum fidei eorum non se violaturum aut mutaturum repromittat. Quo in hanc conditionem consentiente (sciebat enim, si conditionem repelleret, Ruthenos obstinatis animis obsidionem toleraturos et extrema quaeque passuros), apertis portis, regem cum exercitu in civitatem suscipiunt, eique utroque castro tradito, fidelitatis praestant homagium et debitae subiectionis iuramentum. Rex castris et civitate Leopoliensi potitus, plura antiquorum Russiae Principum magni valoris in auro, argento, gemmis, lapidibusque clenodia et deposita illic reperiens, inter quae duas cruces aureas, notabili portione ligni Dominici insignes, duoque diademata lapides et graves censu uniones habentia, tunica et sella auro et gemmis superba, monstrabantur, in suam redigit aerarium. Accessit deinde Wladimiriam, et tam arcem quam oppidum et totam terram Wolhinensem in suam redegit ditionem. Castris quoque Leopoliensi et Wladimiriensi, quae tunc ex lignorum materia fabrefacta erant, et quae ad sui tutelam custodiamque, magnum numerum gentium et armorum requirebant, ne ad rebellionem eo discedente spectarent, crematis, constituto ex militibus suis

terrae et civitati Leopoliensi capitaneo, et aliquibus gentibus suis, ut saltem metu noviter dediti in fide continerentur, relictis, in Poloniam incolumis et victor, atque spoliis, largitionibusque et donis Ruthenorum magnificatus, remeabat, ocyus illic, thesauro spoliisque Cracoviae depositis, cum maiori potentia reversurus.

№ 25.

Лѣтопись Франциска пражскаго по двумъ редакціямъ.

Редакція А.

Capitulum VI. De adventu Tartharorum Poloniam et de morte domine Margarethe, filie regis Boemie.

Anno Domini M°CCC°XLI° Tartari Poloniam intraverunt et maximam partem terre devastaverunt, vindictam sumentes in christianis propter terram Rutenorum, quam pridem debellaverat dux Polonie propter ducem terre prefate, qui exstitit ei in linea consanguinitatis astrictus, quem intoxitatum morti tradiderunt. Qui quidem dux zelo ductus fidei orthodoxe accersiri iussit fidei catholice sacerdotes et de diversis terris viros in theologia eruditos, volens germen vere fidei seminare et exstirpare scismaticum errorem Ruthenorum. Qui dolentes relinquere sectam eorum ducem veneno necantes, multos christianos ferro et modis variis exstinxerunt. Hanc causam rex Poloniae sumpserat de hiis ulcionem. Tartari vero advenientes reddiderunt talionem. Unde rex Poloniae Casimir in adventu eorum magna cura et pavore perplexus instantissime a regibus Ungarie et Boemie, ab aliisque vicinis principibus auxilium postulavit, asserens se fortitudini et multitudini eorum resistere non posse, nec per regnum suum ipsis transitum prohibere ad alias terras christianorum. Huius rei gracia multi christiani armis muniti contra eos pugnaturi turmatim Poloniam processerunt. Nam ex mandato domini apostolici in regno Boemie et in aliis regnis predicabatur cum magna solempnitate, qui crucem assumeret contra paganos vel pro se alium cum suis sumptibus mitteret ad pugnandum, maximam indulgentiam consequeretur et eternam retribucionem. Unde cum reges et principes se aptarent, cum suis ipsos invadere volentes, non defuit divina clemencia in se sperantes, non deserens suos fideles. Nam frigus grande, nivesque magne ipsos opprimentes gravaverunt, quod metaciones castrorum et cuncta domicilia eorum operierunt, quod vix iumenta et equi eorum sursum capitibus erectis respirare poterant, et fames maxima fuit subsecuta. Et principaliter timore et terrore percussi divino ad proprias sunt reversi mansiones. Unde fideles gracias Deo agentes, ad terras suas remeantes in pace permanserunt; ipsi vero Thartari multa milia christianorum secum deduxerunt....

Редакція В.

Capitulum XIV. De adventu Tartarorum contra christianos, et de obitu domine Margarete filie regis Boemie.

1341. A. D. MCCCXLI Tarthari in maxima multitudine et fortitudine Poloniam intraverunt ipsamque nimium devastaverunt. Fertur quoque hec causa eorum adventus fuisse, quia rex eorum cum alio rege condixerat ad invadendum christianos, qui precedenti anno extiterat devictus. Alia causa est propter terram Rutenorum, quam pridem debellaverat et devastaverat rex Polonie propter ducem terre (quem) morti tradiderunt. Qui quidem dux zelo ductus fidei orthodoxe accersiri iussit fidei katholice sacerdotes et de diversis terris in sacra scriptura viros eruditos, volens germen vere fidei et vineam domini Sabaoth plantare et exstirpare scismaticum errorem Ruthenorum, qui nolentes relinquere sectam eorum ducem veneno necantes extinxerunt. Porro rex Polonie in adventu eorum magna cura et ingenti pavore perplexus instantissime a regibus et principibus vicinis auxilium postulavit, asserens, se fortitudini et multitudini eorum resistere non posse, nec per regnum suum ipsis transitum prohibere ad alias terras christianorum. Huius rei gracia multi fideles armis muniti contra eos pugnaturi Poloniam turmatim processerunt. Nam ex mandato domini apostolici in universis regnis predicabatur christianorum, qui crucem assumeret contra paganos vel pro se alium cum suis promitteret sumptibus, peccatorum maximam indulgenciam consequerentur et in futuro eternam retribucionem. Porro cum reges et principes [se aptarent] cum suis invadere cupientes ipsos paganos, non deficit divina clemencia, suos fideles non deserens in se sperantes. Nam frigus grande, nives magne ipsos opprimentes et suffocantes, nimium gravaverunt, quod metaciones castrorum et cuncta domicilia eorum operuerunt, quod vix equi et jumenta eorum sursum capitibus erectis respirare potuerunt, famesque maxima fuit secuta. Et principaliter timore et terrore concussi divino, ad proprias sunt reversi mansiones. Porro christiani gracias Deo agentes ad terras proprias remeantes in pace permanserunt, verumtamen Tharthari multa milia christianorum secum deduxerunt....

№ 26.

Лѣтопись пражскаго каноника Бенеша Крабицы изъ Вейтмиля.

1341. Anno Domini MCCCXLI Kazymirus, rex Poloniae, habuit gwerram cum Ruthenis et Lytwanis infidelibus, qui venerant ad occupandum regnum et terras Poloniae et Deo propicio recesserunt post tempus breve.

Eodem anno dux Lythwanorum accersiri facerat ad se X sacerdotes et christianos plurimos, cupiens tandem christiana fide imbui. Sui hoc considerantes ipsum ducem veneno intoxicarunt.

№ 27.

Johannes Vitoduranus или Johann von Winterthur.

Anno dominice incarnacionis MCCCXLI in quadragesima tanta multitudo Tartarorum et aliorum paganorum, famis inedia conpulsa, terram regis Gragowie et Ungarie ingressa est, quod quantum ad longitudinem in XX miliaribus et quantum ad latitudinem in V vel IX ut fertur terre spacium occupavit. De hiis paganis talis oppinio volavit, quod alimonia et victus neccessaria in regionibus suis ipsis defecerant et fames crudelissima illic prevaluerat propter locustarum voracitatem quarum supra mencionem habui. Nam queque viridia et terre nascencia consumpserunt. Quidam enim famant eas ortum habuisse ibidem. De hiis etiam gentibus recitabatur, quod cum suis uxoribus et liberis ac peccoribus de finibus suis ad Christianorum terminos exierunt et deficientibus victualibus se mutuo devorabant. Per eos ergo terra fidelium in multis locis grassata est et graviter desolata. Dum ergo rex Kraggowie et rex Ungarie inpetum ac feritatem cohibere ac restringere ipsorum minime sperarent et eorum multitudinem inmensam et ferocem quasi desperati pertimuissent, non putantes a facie ipsorum posse subsistere, legacionem miserunt per epistolam supplicissimam inperatori Ludwigo et pluribus aliis principibus Katholicis hec continentem: videlicet quod intuitu eterne retribucionis et fraterne karitatis ac fidei ortodoxe, quam simul profiterentur, mittere dignarentur eis adiutorium in tempore tribulacionis eorum; alias infideles fidelibus prevalere contingeret, ut verisimiliter timerem, et per consequens nomen Christi ab eis blasphemari in scandalum fidei Christiane probatissime. Procul enim dubio dicturi essent: «Ubi est Deus eorum, in quo habent fiduciam? surgat et opituletur eis et in neccessitate hac eos protegat». Cum autem inperator epistolam hanc perspexisset, subridens ait: «Cum sint reges potentes et fortes, seipsos defendant ab infidelium incursu!» et sic nullum eis prestitit auxilium, sed penitus denegavit. Presertim regi Ungarie adiutorium ferre contradixit dicens: libentius velle se lingwam ejus (164) devorasse, quam ei anminiculum quantumcunque parvum prestare; nam usque ad illam diem in omnibus promocionibus suis et negociis eum sibi adversarium sensisset. . . . .

(165.) Causam adventus horum paganorum aliqui aliter assignant, dicentes quod inperator Tartarorum duos paganos breviter ante ista tempora reges satis ydoneos Ruthenis prefecerat, quibus successive ab eis per venenum extinctis procuravit eis Christianum Latinum, si illi parcere vellent ut videret. Qui dum regni gubernacula per plura annorum curricula strennue gessisset, tandem cum numerum et ritum Latinorum illic multiplicasset et hoc Ruthenis displicuisset, ipsum intoxicabant per venenum tam forte, quod dissiliit in plures partes. Quod audiens rex Kragowie cujus consors soror uxoris regis Ruthenorum iam intoxicati fuerat, illuc cum exercitu properavit et inmensam peccuniam ab eo relictam rapiens reversus est. Propter quod inperator Tartarorum, hec intelligens, nimio furore agitatus

paganos memoratos ad devastandam regionem regis Kragowie et alis finitimas regiones principum fidelium emisit. Qui inter cetera facta sua civitatem unam regalem pertinentem regi Kraggowie obsederunt. Quod videns rex sepedictus exercitum congregavit et in eos irruens in obsidione constitutos occidit. Reges paganos plures et alios maiores natu qui se peccunia redimere poterant illesos abire permisit. In illo conflictu duces Polonie fortiter egerunt. De predictis paganis maxima multitudo repentino incursu et insperato Brusciam ingreditur et eam degrassantur, sed Christiani quam cito poterant se congregantes bellum eis inferunt et in eo prevalentes ipsos fugarunt, non tamen absque cede et sangwinis effusione multorum Christicolarum.

Iohannis Vitodurani Chronicon. Die Chronik des Minoriten Johannes von Winterthur. Nach der Urschrift herausgegeben durch Georg von Wyss. Zürich. S.-Höh. 1856. 8°. XXV. 265 (Arch. f. Schweiz. Gesch. 11 Bd. Zürich. 1856).

№ 28.

Johannes Victoriensis или Іоаннъ изъ Виктринга.

Hoc anno (1340) rex Ruthenorum moritur, et rex Kracovie ratione consortis, que filia regis Livonie fuerat, terram apprehendere festinavit. Et abductis inde spoliis pluribus, quibusdam civitatibus depredatis, ad propria est reversus. Rex Tartarorum hoc audiens, regnum asserit esse suum, tanquam sibi et suis progenitoribus censuale, cum infinita multitudine Tartarorum ad metas Kracovie venit. Et depopulatis atque vastatis finibus illis, compulit regem Kracovie metuentem auxilium Ungarorum et Teutonicorum, ut abigerentur ne ulterius diffunderentur, nuntiis et litteris implorare. Novissime tamen angariati per prohibitionem obsistentium fluviorum interpositorum ac armatorum occurrentium, ad propria redierunt....

№ 29.

Chronicon Dubnicense.

Записка лектора Іоанна о походахъ венгерскаго короля Людовика противъ литовскихъ князей Кинстута и Любарта Гедиминовичей въ 1351 и въ 1352 годахъ.

169. Anno domini millesimo trecentesimo quinquagesimo primo in in festo Geruasi et Prothasi martirum egressus est rex de Buda versus Lithwanos et venit in Cassam in festo Natiuitatis beati Johannis Baptiste, et inde egressus intrauit Cracouiam, et ibi octo diebus repausauit. Tandem venit in Zondomeriam in festo beate Margarethe; deinde venit in Liblen ciuitatem in confinibus Lithwanorum, cum omnibus hungaris et polonis, ibique rex Polonie dominus Kazmerius infirmatus fuit usque ad mortem. Et venerunt omnes duces et barones et nobiles iuramentum super sancta dei ewangelia facientes, quod regem Hungarie ex nunc et semper in domi-

num haberent naturalem et in regem, sic tamen, quod dux Stephanus frater eiusdem regis Hungarie nichil haberet cum eis agere, nec teutonici specialiter Wolphardus et Corrardus, clamantes ad regem: Quacunque hora diei aliquem teutonicum super nos castellanum statueris, scias nos a dominio recessisse. Item nullus nostrum tenetur ad exercitum ire, nisi cum tanto stipendio, quod sufficiat sibi in eundo et redeundo, et familie domi remanenti. Ad quod rex se obligauit faciendum. Relicto ibidem rege Polonie et assumto utroque exercitu polonico et hungarico, quindecim diebus transeundo per siluas venit ad Lithwanos et ibi in confinibus eiusdem regni consistens misit Moroczok et Koniam filium Tome vayuode et Ladislaum filium Rikalphy, qui venientes ad principes Lithwanorum remanserunt pro obside, et dominum Kestutum principem Lithwanorum miserunt ad regem, qui veniens regi se per omnia humiliter submisit, et pacis federa conscripserunt. Primo: quod dictus Kestutus cum suis fratribus et populis uniuersis vellet baptizari, si a papa coronam regiam rex Hungarie posset obtinere. Secundo: quod semper vellet ire ad exercitum regis Hungarie cum proprys laboribus et expensis, sic tamen quod reges Hungarie et Polonie terram Lithwanorum per cruciferos occupatam eis redderent, et contra eosdem cruciferos et tartaros semper defenderent. Tercio: quod in terra Lithwanorum archiepiscopatus et episcopatus et claustra religiosorum ordinarent. Quarto: quod Kestutus cum rege Hungarie usque ad Budam veniret, et ibi se baptizari permitteret ab eodem. Quinto quod regna Lithwanorum Hungarie et polonorum in omni pacis tranquillitate iugiter permanerent, et hungari abs omni tributo ad regnum Lithwanorum venirent, quantum vellent permanerent, et sine omni molestia ad Hungariam redirent. Et in festo Assumpcionis beate Virginis venit Kestutus ad tentorium regis Hungarie videntibus cunctis, fedus superius exaratum iuramento lithwanico isto modo confirmauit, quod fecit adducere unum bouem rubei coloris, et ligari super duas stipites, et arripiens cultrum lithwanicum proiecit in bouem, et tetigit ipsum in vena mediana, et statim sanguis emanauit largissime, de quo sanguine ipse et omnes Lithwani manus et facies perunxerunt clamantes lithwanice: Rogachina roznenachy gospanany: quod interpretatur: Deus ad nos et animas, cornutum respice, iuramentum per nos promissum hodie persolutum. Et his dictis caput bouis amputauit, et in tantum a collo separauit, quod ipse Kestutus et aly lithwani ibidem existentes per illam diuisionem colli et capitis ipsius bouis tribus vicibus transierunt. Quo facto ad regem venit Kestutus cum Nicolao Konth filio Laurency Thoth, ex cuius consilio cuncta peragebat; qui ipse, Nicolaus Konth tantam habebat industriam, et sapienciam sibi diuinitus inspiratam, quod ubicunque veniebat rex Hungarie, qui ipsum super omnes hungaros extulerat, semper pacem ordinabat, sicut patet sub Auersa ciuitate ubi rex cum decem millibus armatorum expugnare poterat dictam ciuitatem, non tamen sine lesione multorum. Ipse autem Nicolaus fecit treugas, et ciuitas se ultro tradidit Auersana. Ita eciam factum fuerat cum dominis lithwanorum; ducens eciam dictum Kestutum ad regem cui rex iurauit quod quamdiu viueret omnem fraternitatis fidelitatem obseruaret. Et sic rex Leobar-[illegible]rem Kestuti eodem die de com(80a)pedibus absolutum libere [illegible]t, quem rex Polonie per multorum stragem hominum capti-

uauerat in quodam castro valde forti. Facta prelibatione de dicto loco redierunt versus Hungariam: cumque equitasset rex tribus diebus habens secum Kestutum, putans quod poloni custodiam adhibuissent Kestuto, ecce in media nocte Kestutus cum suis silencialiter se subtraxit, et ad terram suam redyt ac Koniam Moroczok et Ladislaum libere post regem Hungarie abire permisit. Quod rex Hnngarie cernens, se et regem Polonie ita fuisse delusos, maxime contristati sunt, sed emendare non potuerunt. Veniens autem rex Hungarie in Cracouiam, inuenit ibi dominum Jaskonem de Cornis inimicum suum, qui depredatus fuerat thesauros regis in primo transitu contra lithwanos; in quem familiares regis irruentes et specialiter Petrus Czudar, Nicolaus filius Jacobi, quos tempore depredacionis mutilauerat, et Nicolaus filius Stephani Laczfy ipsum Jaskonem et hospitem suum crudeliter occiderunt, quia idem hospes contra eos Jaskonem nitebatur defendere. Iste autem Jasko sic crudeliter dimembratus, pro tanto creditur fuisse interfectus, quia die dominica precedenti, scilicet in festo Exaltacionis sancte crucis, cum in Cracouia in suo descensu letabunde cum multis teutonicis pranderet, venerunt duo Fratres minores, qui cum ab eo elemosinam peterent, voce furibunda respondit: Quis ille Franciscus, qui dedit vobis occasionem diuagandi? Et statim spoliatis eorum cappis iussit eos corizare indecenter per plateas ciuitatis, induendo eorum habitibus siue cappis fistulares, comminando et fratres pena mortis si non corizarent. Sic denudati fratres vero magno eiulatu dixerunt: Jasko, inimice beati Francisci, ecce predicimus tibi, quia propter hanc iniuriam beato Francisco illatam infra breue tempus morte turpissima morieris. Quod et factum est die tercia post hoc factum. Ideo fratres in eorum ecclesia ipsum nullo modo sepeliri permiserunt. Inde igitur rex venit Budam in octauis Natiuitatis beate Virginis.

170. Anno domini millesimo trecentesimo quinquagesimo secundo rex Lodouicus in festo Kathedre beati Petri recessit de (80 a) Buda versus Rutheniam et venit in Zanak in festo beati Gregory pape, et inde transiens per multa pericula aquarum venit in Belz castrum in confinibus tartarorum, in festo beati Benedicti abbatis, et ibi inuenit regem Polonie cum exercitu valde grandi. Expectatisque ibi sex diebus, et interim nuncys treugageris frequentatis inter reges Hungarie ac Drozge castellanum de Belz, repetentes ab eo castrum prenotatum. Ipse vero semper treugas faciebat, et sic videntibus cunctis castrum muniuit fortissime, et tandem in octaua indixit bellum. Quod audientes dicti reges sabbato ante Ramis palmarum, non curantes ingenia, neque munimenta eiusdem castri formidantes, irruerunt ad castrum, aquam in fossa castri, usque ad guttur in armis militaribus transeuntes, et cum appropinquarent vallum, ecce desuper sagittatores balistrary ipsos crudeliter impetebant, et ligna grandia et lapides in tanta copia proicientes, quod eciam Lodouicum regem in capite ictu letali cum cum malleo ligneo vel calumptita i. e. *Swlyok* concusserunt, et ipsum in terram deiecerunt. Quem Nicolaus de Peren a terra eleuauit, et super dorsum suum ultra aquam transportauit. In eodem conflictu dux Ladislaus nepos eiusdem regis, cum turrim pre alys ascendisset, galeam eius de capite abstulerunt, et ipsum ad terram deiciendo usque ad mortem percusserunt. Leustasium eciam filium Lorandi de genere Ratholth tunc Senasca-

lum regis et comitem Simigiensem, cum uno lapide in pectore percusserunt et ad terram deiecerunt, cuius percussionis vestigium in suo torace usque ad mortem extitit luculentum. Symonem filium Mauricy de sub castro semiuiuum deduxerunt; Nicolaum de Zech, Blasium ac Stephanum Bebek regis vexillarium fortissime pugnantes horribiliter wlnerarunt. Nam idem Stephanus intantum stetit sub vexillo, et pugnancium ictus sustinendo, quod tria vexilla regia in eius manibus fuerint confracta successiue. Et cum quartum penitus fuisset conquassatum, et omnes aly de parte regis de sub castro recessissent, ipse tandem neque habens vexillum quintum, nec aliquem sibi adstantem ad suum descensum declinauit non timore inimicorum (81 a) neque mortis formidine, sed carencia sibi assistencium sociorum. Sic igitur sub dicto castro usque ad meridiem pugnauerunt, sed nichil profecerunt. In castro per sagittas hungarorum trecenti fuerunt interfecti, ex parte autem hungarorum et polonorum tot erant wlnerati, quod numerus non extitit. Die vero sequenti scilicet in dominica Ramis palmarum, videns rex se nichil posse proficere, disposuit ad Hungariam remeare. Tamen sibi fuit consultum per dominum Nicolaum Konth semper pacis amatorem et treugarum dispositorem, virum magni consily, pre cunctis regi fideliorem, ut cum Drozge predicti castri castellano componeret et sic ad Hungariam transiret, quod et factum est. Exiuit enim dictus Drozge et regi fecit omagium; insignia Lithwanorum de cacumine turrium, scilicet capita humana cum nigris pilys deposuit, vexillum regis Hungarie loco eorum cunctis videntibus apposuit. Quod videntes hungari clamauerunt: Beeke beeke! i. e. pax, pax! Sic igitur treuga facta rex cum quadraginta personis versus Hungariam, ut predictum est egreditur, et per aliam viam cunctos wlneratos, et currus suos uniuersos abire precepit et redire. Ipse autem cum Moroczok, Nicolao et Paulo filys Laczk, Dionysio et Nicolao filys Stephani fily Laczk transiuit ponens se ad fortunium, et die sequenti Lodomeriam appropinquauit, ubi nullum victum necessarium inuenire potuit, quia per tartaros et lithwanos cuncta fuerant deuastata. Et inde transiens venit in Londniam ciuitatem, ubi honorifice fuit susceptus, et facto prandio inde recessit, quia periculum erat per tartaros ibidem congregatos, et venit in villam que dicitur Pridiproch, ubi erant due piscine, in quibus multitudinem piscium exhauserunt. Et inde transiens feria quarta maioris hebdomade venit ad magnum fluuium tartarorum nomine Olth cuius latitudo extenditur ad unam leucam gallicanam, cuius impetuositas cunctos exterruit intuentes, exclamantes autem ad regem: Quid opus superest? At rex eis respondit: Quod me videtis facere, hoc idem omnes faciatis; et hoc dicto in suo equo dictam aquam natare cepit, et fratri Johanni unum equum quem habuit meliorem concessit, et ipsum natare secum coegit. Quod videntes (81 b) hungari uniuersi adinstar anetarum aquam transnatauerunt. Tamen quatuor equi et tres homines ibidem perierunt. Die autem sequenti sero venerunt ad fluuium Ethel, circa cuius ripam olim Atila natus fuisse perhibetur, cum cetus hungarorum de Scitia in Pannoniam transmigrauit. Cuius fluuy periculositatem et eius transitus impetuositatem vix posset quis enarrare, nam equem rapuit et ascensorem. Quod videns rex quid faciendum eligeret omnino ignorabat, quia nulla via inueniendi aperiebatur. Cum igitur ibi pausam faceret tristiorem;

ecce duo rutheni rumigeruli aduenerunt dicentes, quod septem millia tartarorum et duo millia ruthenorum regem insequerentur hungarorum, et iam distabant ad decem rastas tartaricales. Quod audiens rex in nullo timuit, sed exhilarascens suos dictos tartaros expectare ortabatur: «Ecce quod optabamus habemus, quicunque enim est verus miles, locum habet certaminis et ostendendi suas vires». Et cum rex ibidem repausaret venerunt rutheni plus quam viginti dicentes, quod exercitus tartarorum regem hungarorum recessisse audiuisset, et contra Kathayam diuertisset. Quo audito rex aquam transnatauit usque ad crepusculum et ad unam curiam Dobrauihwzca vocatam ampne circumdatam deuenit, ubi penitus de alimentis nichil inuenit. Media autem nocte unus ruthenus curiam incendit, et cum difficultate rex et omnes sui mortis periculum euaserunt, quia strictissimus erat exitus per unum paruum pontem de curia prenotata. De mane autem rex consurgens intrauit alpes ruthenorum fortissimas, per montes petrosos, et niues usque ad subsellium equorum in multis locis cum periculo transeundo, et fluuium Zereth septuaginta quatuor vicibus transnatando. Super quatuor diebus, quibus in alpibus equitauerunt, plus quam quadringenti equi remanserunt; quia nichil aliud quam ramos arborum equis poterant inuenire, neque homines per totam hebdomadam preter fabas ad usum gustauerunt. Frater Johannes autem Lector, cum socio suo ad tantam deuenerant famis inediam, quod per se ipsum neque equos suos ascendere poterant, nec de eisdem descendere motu proprio. Tandem in die Parasceue, cum multis miserys et erumpnis inexplicabilibus, exiuit alpes, et venit ad Bereg in castrum Mwnkach (82 a) ubi rex aliquantum refocillatus, et inde veniens Waradinum pro visitando limina beati regis Ladislay, circa cuius tumbam humiliter se ad terram prostrauit; deo et beato Ladislao gracias egit, qui ipsum de faucibus mortis eripiendo licet laboriose, tamen reduxerat cum sospitate. Ibidemque mansit tribus diebus, et ecclesie beati regis Ladislay munificencia plura contulit.

Дополненія къ стр. 77, 136, 137 и 140.

Къ изданію А. А. Куника мы считаемъ необходимымъ сдѣлать нѣсколько дополненій и поправокъ, которыя вызваны замѣчаніями, высказанными покойнымъ ученымъ на стр. 77, 136, 137 и 140 нашего сборника.

Къ стр. 77. Оригиналъ этой грамоты нынѣ хранится въ Несвижскомъ Архивѣ князя Антона Радзивилла.

Къ стр. 136. Къ группѣ пространной редакціи литовскихъ лѣтописей А. А. Куникъ относитъ «списокъ, сохранившійся въ сборникѣ Руссова» «Литовской и жомойтской хроники» и полагаетъ, что ея «составитель, равно какъ и извѣстный ему Стрыйковскій, имѣли подъ рукою по экземпляру потерянной литовской лѣтописи». Рукопись эта находится въ настоящее время въ Императорской Публичной Библіотекѣ (F. IV. 342); оказывается, что она ничто иное, какъ сокращенный южнорусскій переводъ Стрыковскаго. Такой же переводъ, немного только полнѣе, имѣется въ другой рукописи Публичной Библіотеки (F. IV. 688), содержащей хронографъ, сокращенный южно-русскій переводъ хроники Свѣта Бѣльскаго и хроники Стрыковскаго. Въ этой рукописи на л. ҂фгі мы читаемъ:

«Выводъ и початок ѡ великом князствѣ литовском жомойтском ѿ кульсія взмогли з Маттея Стрыковскаго».

Рукопись, названная А. А. Куникомъ сп. Руссова, составляла часть большой рукописи: первый листъ ея помѣченъ цифрою 484; начало ея таково: «Выводъ и початокъ ѡ великомъ ѡ князствѣ литовскомъ и жмойтскомъ ѿ коль взмоглися и пошли». Это ничто иное, какъ сокращенная копія второй рукописи и притомъ это одинъ и тотъ же переводъ немного измѣненный. Для сравненія обоихъ списковъ приводимъ одинъ отры-

вокъ по списку F. IV. 688 и параллельно польскій текстъ Стрыковскаго. Въ русскомъ текстѣ ставимъ въ большія скобки тѣ мѣста, которыхъ нѣтъ въ спискѣ Руссова. Изъ польскаго текста приводимъ только тѣ мѣста, которыя находятся въ русскомъ переводѣ, опуская изъ него то, чего нѣтъ въ переводѣ. Пропуски обозначены пунктиромъ.

Рукопись Публичн. Библіотеки. F. IV. 688.

Л. ҂ѧд.

Волынь Литва опановали.

Року ҂атк Кгедиминъ зъ литвою и жомойтью нѣмцовъ на голову поразивши, тогожъ року землю добринскую, безъ вѣсти притягнувши, збурилъ. Потомъ тогожъ року, нескладаючи з себе зброи, [зъ тимъ же войскомъ литовскимъ, жомойтскимъ, и новгородскимъ, также и съ полоцкою русью] притягнулъ противъ волынскимъ княжатомъ, напервей обернулся напротивъ Володимера, князя володимерского; але Рус [*рсвною* смѣлостью] боронилася розмаитою стрелбою и потисками литвѣ ся *зъ обламковъ* отбиваючи.

А потомъ самъ князь Володимеръ володимерскій зъ людомъ своимъ и съ помочью татарскою на отсѣч(ь) [противъ Кгидиминови] притягнулъ; а коли обѣдвѣ стороны [зъ битвы незволочали,] поткалися тутъ же подъ замкомъ охотою запалчивою, ровною стрелбою, шаблями, волочнями врѣч стерлися, татарове зъ луковъ танцомъ звыклымъ зъезжаючи безъ перестанку Литву перепираючи; ажъ потомъ Кгедиминъ, зшиковавши колко сот Жомойти пѣшихъ зъ волочнями и потисками, такъ же зъ *опороками* межи ездныхъ Литвою и Руси Татарамъ шики переразилъ, почали тылъ подавати, Литва по нихъ біючи гонила секучи и имаючи, [*и зъ обламковъ* замковыхъ и мѣстскихъ].

Kronika Macieja Stryjkowskiego. Warszawa, 1846. T. I.

(Str. 362) . . . . Tegoż roku Litwa ziemię Dobrzyńską bez wieści przyciągnąwszy zburzyli.

. . . . (363) zaraz tegoż roku 1320, nieskładając z siebie zbroje, z tymże wojskiem Litewskim, Żmodzkim i Nowogrodzkim, także Połocką Rusią, ciągnął przeciw wołyńskim książętom . . . .

. . . . Naprzód się tedy obrócił przeciw Włodimirzowi książęciu Włodimirskiemu, ... ale też Russacy *równą* śmiałością bronili, rozmaitą strzelbą i pociskami Litwę *od blanków* odbijając.

A w tym Kniaź Włodimirz Włodimirski z ludem swoim i z pomocą Tatarską na odsiec przeciw Gediminowi przyciągnął, ...
a gdy obiedwie strony bitwy niezwłaczały podkali się tuż pod zamkiem chęcią zapalczywą, równą bronią, szablami, włoczniami wręcz się starli, Tatarowie zaś z łuków tańcem zwykłym, zajeżdżając bez przestanku Litwę przerywali, aż potym Gedimin zszykowawszy kilkoset Żmodzi pieszych z włoczniami i z pociskami, także *z procami*, między jezdną Litwe i Ruskie i Tatarskie szyki, [którzy pieszych niemieli], przeraził, poczęli tył podawać, Litwa po nich bijąc goniła, siekąc, imając; *z blanków* zaś zamkowych i mieyskich, [Russacy na swych krzyczeli] . . . .

А коли самъ Володимеръ упорне пробивался презъ гуфи литовскіе, [гетмана доброго и рицера мужного, урядъ выполнячи] забитый зосталъ на пляцу. То обачивши иншіе волынцы, нжъ имъ князя и вожа не стало, заразъ зъ великимъ и жалоснымъ нареканемъ розно, где хто могль утекали. Облеженцы тежъ видячи пана своего забитого, а звитязство непріятелское, заразъ зъ замкомъ володимерскимъ и зъ мѣстомъ Кгедиминови [князю великому] поддалися и присягу послушенства учинили, также и все волынское князство, затымъ звитязствомъ и по доброволнымъ поданемъ обывателей. Коли обачили, нж ся отперть было трудно, Кгидимину поддалися.

....Lecz gdy.... Włodimirz.., sam upornie przebijał przez ufy Litewskie, hetmana dobrego i rycerza mężnego urząd wypełniając, zabity został na placu. Co obaczywszy inszy Wołyńcy, iż im kniazia i wodza niestało wnet z wielkim a żałostnym narzekaniem, różno gdzie kto mógł, uciekali.... obleżeńcy też widząc pana swojego zabitego, a zwycięstwo nieprzyjacielskie, zaraz się z zamkiem Włodimirskim i z miastem Gedimiunowi [zwycięzcy], Wielkiemu Księdzu Litewskiemu, [w łaskę] podali i przysięgę posłuszeństwa uczynili. Także wszystko Wołyńskie księstwo za tym zwycięstwem i dobrowolnym podawaniem obywatelów, gdy obaczyli, iż się było trudno, Gedimin opanował.

Къ стр. 137. Изъ разнородныхъ краткихъ редакцій литовской лѣтописи А. А. Куникъ сообщилъ выписки по 5 спискамъ. Списки эти слѣдующіе:

1) «*Патріаршій*». Это рукопись московской патріаршей (нынѣ синодальной) библіотеки № 790 (см. Указатель для обозрѣнія московской патріаршей (нынѣ синодальной) библіотеки составленъ Арх. Саввою. Изд. II, М. 1858, стр. 203).

2) «*Списокъ гр. Рачинскаго*». Рукопись городской библіотеки гр. Рачинскаго въ Познани, описанная О. М. Бодянскимъ (Чт. об. и. и др. 1846.I), а впослѣдствіи А. Н. Веселовскимъ (Изъ исторіи Романа, вып. II. СПБ. 1888, стр. 126 и сл.). Снимокъ съ этой рукописи имѣется въ библіотекѣ Оссолинскихъ во Львовѣ № 2070. Лѣтопись доведена до 1548.

3) «*Списокъ Евреинова*» хранится нынѣ въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ. Лѣтопись доведена до 1548 г., составляетъ незначительную стилистическую передѣлку предыдущаго списка.

4) «*Списокъ Быховца*» извѣстенъ только по изданію Нарбута (Pomniki do Dziejów Litowskich. Wilno 1846), сдѣланному латинскими буквами и польскимъ правописаніемъ.

5) «*СписокъРуссова*», нынѣ Публичной Библіотеки — F. IV 342, сокращенный южно-русскій переводъ Стрыйковскаго.

6) А. А. Кунику не былъ еще извѣстенъ *списокъ* той же редакціи, сохранившійся въ отрывкѣ въ рукописи *Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества* № 46. По этой рукописи печатаемъ подъ **№ 19ª отрывокъ, взятый А. А. Куникомъ изъ другихъ списковъ.**

Къ стр. 140. «Списокъ Хоминскаго» находится нынѣ у г. А. Хоминскаго въ имѣніи Ольшевъ Виленской губ. Свенцянскаго уѣзда. Это—польскій переводъ западно-русской лѣтописи одной группы со спискомъ гр. Рачинскаго, но оканчивается, какъ рукопись гр. Красинскаго и патріаршій списокъ, разсказомъ о Московскомъ побоищѣ въ 1475 г. Рукопись половины XVI вѣка. Изъ этой рукописи мы имѣемъ возможность привести отрывокъ, напечатанный выше по другимъ спискамъ.

O wielkim xiążąciu Jedimoncie i o bithwie z xiądzem Volodimÿrem volodimÿrskim.

J upokoiwssi ziemią zmodską i niemczow szedl na xiążąta ruskie i przidze napierveÿ ku zamku Wlodimiru. J xiądz Volodimir volodimirski, zebrawszi się z ludzmi swoiemi, i uczini bitwą vielką z xiądzem vielkim Jedimonthem; a pomoże Bog wielkiemu xiądzu Jediminu, isz xiądza Volodimira volodimirskiego samego ubil i rotą iego wszitką pobil, i zamek Vlodimir wziąl.

A potim szedl na xiędza Lwa luczkiego, i xiądz Lew uslissal, isz xiędza Volodimira Litwa ubili i zamck wniąli Volodimir, i on niesmial przeciwko iemu stać, i poslie do xiędza Romana do zięcia swego. A xiądz i boiare volinskie bili czolem xiądzu Jedimontu, abi u nich panoval i panem bil u nich, a ziemie ich niekazil. A xiądz vielki Jedimonth, ukrociwssi ich przisiągą i ostaviwssi namiestnikow swoich u nich, i tam pocznie panovacz. J potim szedl do Brzescia, a z Brzescia wszitki voÿska swoie rospuscil, i sam w Brzesciu zimoval. Skoro vielka noc minąla i on sebrawssi wszitki sili litewskie, żmodskie i ruskie, na drugieÿ niedzieli po vielkim dniu szedl na xiędza Stanislava kijewskiego, i prziszedl i wziąl zamek Vręczei i zamek Zitomir. J ksiądz Stanislaw kijewski, obeslawszi się s xiądzem Olhem pereiaslowskim, i z xiądzem Romanem branskim, i z xiądzem volinskim, ktorego xiądz vielki Jedimont vignal z Luczka, i zebrawssi się wszitci vielkim mnostwem ludu swego ruskiego i powstali wszitci naprzeciwko xiędzu vielkiemu Jedimontu na rzece na Rpieni pot Bialem zamkiem, w szesci milach od Kijeva, uczinili boi i sieczenie vielkie. J pomoże Bog vielkiemu xiędzu Jedimontu pobić wszitkich xiąząth ruskich na glovą, i voÿsko wszitko ich pobito namiesczo zostalo; xiędza Lwa luczkiego, xiędza Olha pereiaslowskiego ubil; w maleÿ drużinie Stanislaw kÿewski z Romanem branskim ucieką do Branska. A xiądz vielki Jedimont ostąpi zamek Biali, i vidząc ludzie zamku tego, isz pan ich z voiska uciekl, i voÿsko wszitko na glovę porażono, onii niechcząc przecivić się voÿsku tak vielkiemu litewskiemu, i przedali się z zamkiem xiądzu Jedimontu, przisiągą uczinili sluszić xiąstwu litewskiemu. A zatim xiądz vielki Jedimont szedl ze wssitkiemi silami swemi do Kijewa i oblegl zamek Kijow. J kijowianie poczali się iemu bronić, i leżal xiądz vielki Jedimin pot Kijevem miesiąc. A zatim zdumali się miedzi sobą kijowianie zóhrodu, isz moczi vielkiego xiędza niemoglÿ szczierzpieć tego vięceÿ bes pana swego vielkiego xiędza Stanislava kijewskiego. Usliszeli to, isz pan ich Stanislaw

uciekl od Jedimina, i voÿsko ich pana pobÿtho, a u nich zostavy xiądz ich niktorei niezostavil, i onÿ zmoviwssi się iednego mislenia podali się vielkiemu xiądzu Jedimontu, z zamku s krzižami, humieni, popi, dÿakovie, wrota zamkowe othworzili i potkali vielkiego xiędza Jedimina s poczlivoscza, i uderzili iemu czolem, i pot przisiągą swą vielką dali krzesti xiędzu Jediminu, i bili czolem vielkiemu xiądzu Jediminu, žebi od nich oÿczizni ich vlasneÿ nieodeimoval. J xiądz Jedimin przitem ich zostavil, i sam pocztivie w zamek Kijew wiechal.

J usliszeli to przihorožanie kÿewstzi i z zamki: Czerkasi, Kaniew, Putewle, Slepovrod, isz kÿanie przedali się z zamkiem, a pana swegoslisseli, isz uciekl do Branska, a zastęp iego wszitek pobito, i prziszli wszitci do vielkiego xiędza Jedimina, i s temÿ viseÿmienionemi, ktorzi przi zamku miąszkali kÿewskim, podali się služić i przisiągą na tim dali vielkiemu xiędzu Jedimontu. A przÿaslowlanie szlisząć, isz Kijew i przihorodki kijewskie podali się vielkiemu xiędzu Jedimontu, a pan ich xiądz Olha od vielkiego xiędza Jedimina ubith, i oni przÿechawssi podali się z zamku služić vielkiemu xiędzu Jediminu i przisiągli na tim. J xiądz vielki Jedimin, wziąwssi Kijow, i wziąl wszitki vissei vzeczone zamki i posadzil na nich xiędza Mindolhova sina Olkimo(n)ta vielkiego xiędza olszanskiego, i sam z vielkim veselim w Litwą wrocil się.

O xiędzu Stanislavie kijewskim, ktorego vignal s Kÿeva xiądz Jedimonth.

Wten czas będąci xiędzu Stanislauu kÿewskiemu w Bransku vignanemu od xiędza vielkiego Jedimina, i przislal k niemu xiądz rzezanski Juan w starosci swoieÿ, prosząc go, abi do niego iechal i doczką, u niego poÿąl, po smierci iego bil vielkim xiądzem rzezanskim. Xiądz Stanislaw do niego iechal i doczką u niego poiąl i po smierci iego bil vielkim xiądzem rzezanskim. A xiądz vielki Jedimin požegnawssi kniazieÿ ruskich i od niemiec ziemią swą upokoiwssi i miąszkal niemalo lath w pokoiu.

O vielkim xiąžąciu litewskim Jediminie, iako zarąbil Troki i Vilno.

J niektorego czassu iechal xiądz vielki Jedimonts stolcza swego s Kiernova w lovi za piącz mil za rzeka Velÿą, i nalazl w pusczi gorą krasną dąbrovami i rowninami obleglą; i spodobalo się iemu barzo, i on tam posiedlil sią, i zalozil zamek, i nazovie go Troki, gdzie teras Starsze Troki są; a s Kiernova przeniesie stolec swoÿ do Trok. J w malich czasiech iechal potim xiądz vielki Jedimin w lovi od Trokow za czteri mile, i naÿdzie gorą krasną nad rzeką Vilną, nat ktorą nalazl zwierzą tura i ubil go na teÿ gorze, gdzie teras zovią Turova gora. J barzo bilo pozno [illegible] kow iechać, i stanąl na łące na Swintorozie, gdzie pierwszich vielžegali, i obnoczoval. J spiącz iemu tamo, asz jakobi na gorze,

ktorą zową Turova, a teras Lisą. Snilo mu sią tak. Stoi vilk żelazni vielki, a w nim riczi iakobi sto wilkow vilo. J oczknął się od snu swego, i rzekl wrozbitu swemu, imieniem Lizdzieiku, ktorÿ bil naÿdzion v orlovim gniazdzie. J bil ten Lizdzieÿko u xiędza Jedimina wrożbitem navissem, potim (sic!) poganskim. Vÿdzialec, povieda, sen dzivni, i poviedzial iemu, czo się iemu przes sen vidzialo wszitko. A ten Lizdzieÿko rzecze spodaru: xiąże vielki, vilk żelazni znamionuie się zamek, ÿ stolec tu będzie, a czo w nim wnątrz riczi, to slava iego będzie slinąla na wszitek swiat. A xiądz vielki Jedimin nieodieżdżaiąc i poslal po ludzi, i żalożil zamek ieden na Swintorozie niżni, a drugi na krzivei gorze, ktorą teras zową Lisą, i nazovie temu zamku Vilno. J zbudovawssi zamek, przeniosl stolec swoÿ s Trokow do Vilna, i uczini napierveÿ voievodą vilenskiego hetmana swego Gastolta s Kolumnow, ktori się narodzil s Kumpia, ktori bil poÿmąn od niemczow na Kunasovie. J panoval xiądz vielki Jedimin na xiąstwie vielkim litew., zmods. i ruskim; i bil spraviedlivem, i viele valk czinil, i zawszdi ziskival, i fortunie panoval asz do vielkieÿ staroscÿ.

Къ стр. 140. Уневскій помянникъ извѣстенъ былъ А. А. Кунику только изъ сообщенія о. Петрушевича и цитаты Стадницкаго. Помянникъ этотъ до сихъ поръ критически неизданъ и хранится въ настоящее время въ рукописи въ библіотекѣ Греко-Уніатскаго собора во Львовѣ. Это рукопись XVIII в., составляющая несомнѣнно списокъ съ болѣе древней. На первомъ листѣ читаемъ:

«Помяни Господи оусопшихъ рабовъ Твоихъ Благовѣрныхъ Князей пановъ Благодѣтелей стыя Обители сея. Владислава. — При этомъ приписано: Jagiełło, ten dał przywilej na dobra Uniowowi 1401.

Θеодора. — Xżę Lubartowicz, pierwszy fundator tego monasteru Uniowskiego A° 1400. Zygmunt August potwierdził prawa 1554.

Stefan 1564 (?).

Władysław IV, 1634» и т. д. На л. 2 находимъ:

1400. Родъ князя Θеωдора Любарта.

Θеωдора	Димитрія	Агриппинꙋ	Анастасію
Симеωна	Геωргія	Василія	Михаила
Софію	Андрея	Іякова	Іωана
Космꙋ	Павла	Θеωдора	Евфимію
Θеωдора	Θомꙋ	Исидора	Іωанна
Тита	Глѣба	Іωанна	Θомꙋ
Василія	Марію	Григорія	Θеωдора
Антонія	Бориса	Василія	Марію
Антонія	Доместіяна Ерм.	Леωнтія	Геωргія

королемь польскымь и кніаземь Димитриемь». Въ Akta gr. III, 59 напечатана грамота Димитрія великаго князя Владимірскаго и Луцкаго Львову на складъ товаровъ; (см. Suppl. ad. hist. Russ. Monum. 128. cf. Wolf, Ród Gedymina, 73). Къ вопросу о колоколѣ можно еще прибавить предположеніе, что колоколъ этотъ былъ пожертвованъ Димитріемъ-Любартомъ церкви св. Юрія. Соображенія о титулѣ Казиміра dominus Russiae см. въ нашей статьѣ Критич. обзоръ нов. лит. по ист. Гал. Руси, Ж. М. Н. Пр. 1891. № 5, р. 168.

Къ № 18 (стр. 131). На тождество Детка съ Dessk'омъ грамотъ Маріи Венгерской было впервые, кажется, указано нами въ статьѣ Критич. обз. нов. лѣт. по Ист. Гал. Руси, Ж. М. Н. П. 1891, № 5, р. 161. Тамъ же собраны и всѣ извѣстія, относящіяся къ Детку.

Къ № 29 (стр. 147). Отрывокъ этотъ переведенъ нами въ статьѣ Крит. обз. нов. лит. по ист. Гал. Руси. Ж. М. Н. П. 1891. № 6. О клятвѣ Кейстута см. статью A. Mierzyński, Przysięga Kiejstuta (Rocznik Tow. Przyj. Nauk XX, Poznań 1894 и отдѣльно). Проф. Мѣржинскій находитъ въ словахъ клятвы бѣлорусскій языкъ (госпананы=господь на ны); проф. Брюкнеръ въ краткой рецензіи на статью г. Мѣржинскаго (Kwart. Hist. 1897, р. 97) замѣчаетъ, едва ли основательно: «czy przytoczone słowa nie są jednak polskiem tłómaczeniem, lub choćby obleczeniem w polskie dzwięki ruskich wyrazów, oznaczających litewskie słowa Kiejstuta? Po rusku nie oczekiwalibyśmy *g* w rogaty i gospodzin, lecz *h*— rohatyi, hospod» Г. Брюкнеръ предъявляетъ слишкомъ большія требованія къ хронисту XIV в.

И. Линниченко.

Къ стр. 120—121.

Въ виду того, что послѣ изданія грамотъ, касающихся исторіи Галиціи 1316—1385 гг., Ватиканскій архивъ сталъ гораздо болѣе доступнымъ ученымъ изслѣдователямъ, да и составъ его за послѣднія 10—15 лѣтъ обогатился новыми приращеніями, мнѣ казалось не лишнимъ обратиться къ г. ученому корреспонденту въ Римѣ при Историко-Филологическомъ Отдѣленіи Императорской Академіи Наукъ Е. Ф. Шмурло съ просьбою навести дополнительныя справки о томъ, не сохранилось ли какой-либо грамоты, посланной Казиміромъ Великимъ папѣ Бенедикту XII (ср. выше стр. 155). Въ отвѣтъ на мой запросъ ученый корреспондентъ въ Римѣ, Е. Ф. Шмурло сообщилъ нижеслѣдующія свѣдѣнія: «Вообще Ватиканскій архивъ если и богатъ матеріаломъ за XIV вѣкъ, то преимущественно по бумагамъ исходящимъ, а не входящимъ. Такъ, напримѣръ, кромѣ упомянутой выше буллы можно было бы указать еще на двѣ другихъ того же папы Бенедикта XII: къ королю Казиміру Великому и къ епископу Гнѣзненскому, отъ 1-го августа 1340 года, имѣющихъ отношеніе къ борьбѣ Польши съ татарами (см. Theiner, Mon. Hist. Hungariae, vol. I, №№ 958, 959), но все это именно матеріалъ, вышедшій изъ Рима, а не направленный туда».... «Въ своихъ поискахъ въ Ватиканскомъ архивѣ посланій польскаго короля Казиміра Великаго къ папѣ [Бенед]икту XII, стоящихъ въ связи съ буллою этого папы на имя кра-

ковскаго епископа Іоанна, отъ 29 іюня 1341 года я для бо́льшей увѣренности, обезпечилъ себѣ содѣйствіе г. Э. Рануцци, — среди административнаго персонала Ватиканскаго архива одного изъ наиболѣе освѣдомленныхъ съ наличнымъ составомъ рукописнаго матеріала, хранящагося въ этомъ архивѣ. Нами были пересмотрѣны инвентари и скедаріи обоихъ отдѣловъ (Armadi, fasci) фонда Archivio di Castello, гдѣ преимущественно сосредоточены, въ оригиналахъ и копіяхъ, грамоты, письма, разнаго рода донесенія государей и другихъ лицъ, — вообще документы, адресованные въ Римъ папскому правительству; просмотрѣны также скедаріи, алфавитный и хронологическій, Гарампи; равно и каталоги отдѣловъ Instrumenta Miscellanea, Regesti Avignionensi, Regesti Vaticani фонда Archivio Segreto. Въ виду того, что въ примѣненіи къ послѣднему отдѣлу (Regesti Vaticani) каталоги не обезпечивали полноты въ опредѣленіи его содержанія, произведенъ былъ непосредственный пересмотръ самаго этого отдѣла за соотвѣтственный періодъ времени. Всѣ эти поиски не дали, однако, никакихъ положительныхъ результатовъ. Просмотръ отдѣла суппликъ могъ бы дать послѣднюю, хотя и мало вѣроятную (по характеру содержанія этого отдѣла) надежду на успѣхъ; но онъ становился излишнимъ уже по одному тому, что супликъ за время Бенедикта XII въ Архивѣ вовсе не имѣется: онѣ начинаются тамъ лишь съ Климента VI, непосредственнаго преемника Бенедикта. Въ конечномъ результатѣ нашихъ поисковъ въ Ватиканскомъ архивѣ тамъ не оказалось ни посланій Казиміра Великаго, гдѣ бы шла рѣчь о его походѣ въ Червонную Русь, о татарскихъ набѣгахъ и пр., ни какихъ либо свѣдѣній о такихъ посланіяхъ».

Къ стр. 143—144.

Въ настоящее время, кромѣ изданій, упомянутыхъ на стр. 143—144, можно указать еще на переводъ хроники Яна изъ Чарнкова подъ заглавіемъ: «Kronika Jana z Czarnkowa archidyakona Gnieźnieńskiego, podkanclerzego królestwa Polskiego (1370—1384), przełożył z łacinskiego wstępem i przypisami uzupełnil J. Żerbiłło, Warszawa, 1905». Касательно времени, когда Янъ изъ Чарнкова былъ подканцлеромъ, переводчикъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ (str. IV и VI): «Jan z Czarnkowa występuje w dokumentach jako podkanclerzy już na początku roku 1363 (K. d. Wp., III, № 1493), ale jeszcze bez godności archidyakona gnieźnieńskiego.... Jako archidyakon gnieźnieński występuje on, o ile wiadomo, po raz pierwszy w drugiej połowie 1367 r. (Mon. med. aevi, t. III: K. d. Mp. I, № 293; cp. K. d. Wp., III, № 1572). Далѣе, высказывая свои соображенія о томъ, когда Янъ изъ Чарнкова долженъ былъ уступить мѣсто подканцлера своему врагу Завишѣ, переводчикъ приходитъ къ заключенію, что «musiało to się stać najpóźnej w połowie 1371 r.», такъ какъ одинъ документъ отъ 8 октября того же года былъ уже выданъ Завишей въ качествѣ подканцлера королевскаго, а въ другомъ документѣ отъ 24-го Декабря 1371 г. Янъ изъ Чарнкова упоминается въ числѣ свидѣтелей только съ титуломъ архидіакона Гнѣзненскаго (Mon med. aevi, t. X: K. d. Mp., III, № 844; K. d. Wp., III, № 1655).

ПЕЧАТИ

ПОСЛѢДНИХЪ

ГАЛИЧСКО-ВЛАДИМІРСКИХЪ КНЯЗЕЙ

И

ИХЪ СОВѢТНИКОВЪ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

А. Лаппо-Данилевскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1906.

Доложено въ засѣданіи Историко-филологическаго Отдѣленія
Императорской Академіи Наукъ 10 мая 1906 года.

Въ дополненіе къ изслѣдованіямъ о грамотахъ послѣднихъ галичско-владимірскихъ князей, которыя были помѣщены выше (стр. 113—135), мнѣ казалось желательнымъ нѣсколько остановиться на описаніи привѣшенныхъ къ нимъ печатей[1]): послѣднія еще слишкомъ мало обращали на себя вниманіе русскихъ историковъ. При описаніи этихъ печатей мнѣ пришлось сравнивать помѣщенныя на нихъ изображенія съ соотвѣтствующими данными западно-европейской сфрагистики. Благодаря такому пріему оказалось возможнымъ выяснить нѣкоторыя особенности галичсковладимірскихъ печатей и сдѣлать нѣсколько заключеній о происхожденіи и значеніи ихъ для дипломатики и бытовой исторіи галичско-владимірскаго княжества въ XIV-мъ вѣкѣ.

Въ надеждѣ, что собранныя мною свѣдѣнія и замѣтки могутъ пригодиться будущимъ изслѣдователямъ галичско-владимірской старины, я рѣшаюсь напечатать ихъ здѣсь въ качествѣ комментарія къ таблицамъ, приложеннымъ въ концѣ книги.

---

1) Во время двукратнаго пребыванія моего въ Кёнигсбергѣ лѣтомъ 1902 и 1903 гг. благодаря любезности главноуправляющаго прусскими архивами г. Козера и содѣйствію д-ра Іоахима, а также д-ра Эренберга, я имѣлъ возможность пользоваться архивными документами безъ соблюденія какихъ бы то ни было формальностей, что, разумѣется, значительно облегчило мою работу.

I. Нѣсколько предварительныхъ свѣдѣній о грамотахъ, къ которымъ привѣшены печати галичско-владимірскихъ князей и ихъ совѣтниковъ.

Къ древнѣйшимъ малорусскимъ грамотамъ, писаннымъ по латыни, можно-бы причислить извѣстныя грамоты князя Льва, если бы подлинность ихъ не вызывала значительныхъ сомнѣній [1]); но въ подлинности грамотъ 1316—1341 гг. никто не сомнѣвается.

---

1) Изъ новѣйшихъ изслѣдователей проф. И. А. Линниченко готовъ признать грамоты Льва Тутеню и Монтсѣку, Лизду и Кунату «неподложными» (И. Линниченко, Крит. Обзоръ нов. литературы по исторіи Галицкой Руси въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1891 г. іюнь, стр. 486—488; іюль, стр. 146—148 и Черты изъ исторіи сословій въ Галицкой Руси, М., 1894 г., стр. 53—56); но грамоты Тутеню и Монтсѣку (Akta Ziemskie i Grodzkie, t. I, № 4), а также Лизду писаны еще на южно-русскомъ языкѣ и только грамота Кунату—извѣстна въ латинскомъ текстѣ, можетъ быть въ переводѣ (ср. терминъ: militi meo). Ср. еще Н. Тихомировъ, Галицкая митрополія въ жур. «Благовѣстъ» 1895 г., іюнь, стр. 33—37. Авторъ новѣйшей работы по тому же предмету проф. М. С. Грушевскій приходитъ къ категорическому заключенію, что «грамоти з іменем кн. Льва, які досї маємо, всї підроблені» (М. Грушевський, Чи маєми автентичні грамоти кн. Льва въ Зап. Наук. т-ва імени Шевченка, 1902 г., т. XLV, стр. 1—22 и отдѣльно въ сборникѣ; «Розвідки й матеріали до історії України—Руси, Львовъ, 1905 г.). Возраженія проф. И. А. Линниченки, вызванныя статьей проф. М. Грушевскаго, появились въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности», т. IX (1904 г.), стр. 80—102; авторъ приходитъ къ заключенію, что «Казиміру на утвержденіе были, вѣроятно, предоставлены подлинныя грамоты старыхъ русскихъ князей» и что «если нельзя безусловно утверждать подлинности дошедшихъ до насъ грамотъ, выданныхъ отъ имени князя Льва, то можно съ большой вѣроятностью утверждать, что часть изъ такихъ дошедшихъ до насъ грамотъ скопирована... со старыхъ русскихъ грамотъ княжескаго періода». Наконецъ, проф. М. С. Грушевскій, по поводу статьи проф. И. А. Линниченко, напечаталъ въ тѣхъ же «Извѣстіяхъ», т. IX (1904 г.), стр. 268—283 замѣчанія …ъ заглавіемъ: «Еще о грамотахъ кн. Льва Галицкаго», въ которыхъ авторъ … почему онъ остается при прежнемъ своемъ мнѣніи относительно …ывода.

Большинство этихъ документовъ хранится въ кёнигсбергскомъ государственномъ архивѣ[1]). Только грамоты Владимира—Андрея Юрьевича городу Торуни 1320 г. (стр. 151) и князя Болеслава—Юрія II Бартку изъ Сандомира на войтовство въ г. Санокѣ 1339 года (стр. 77—79) оказались въ русскихъ древнехранилищахъ: подлинную грамоту 1320 года, которая считалась утраченной (см. выше стр. 115), мнѣ удалось разыскать въ одномъ сборникѣ, принадлежащемъ Обществу древней письменности, а мѣсто храненія акта 1339 года въ несвижскомъ архивѣ кн. А. Радзивилла было указано С. Л. Пташицкимъ уже во время печатанія настоящаго сборника[2]) (см. выше, стр. 198).

Итакъ, за исключеніемъ грамоты кн. Владиміра-Андрея Юрьевича городу Кракову, 1320 года (стр. 150—151), ко-

---

1) Изъ грамотъ, описанныхъ выше на стр. 113—123, №№ 1, 5, 6, 7, 8 хранятся въ кёнигсбергскомъ архивѣ: Königsberg, Staatsarchiv, Schbl. 81, №№ 1, 2, 3, 4, 5; № 13; грамота Дмитрія Дядька хранилась тамъ-же (Schbl. 81, № 13), но теперь она передана на храненіе въ вновь устроенный государственный архивъ г. Данцига.

2) Въ концѣ 1850-хъ годовъ въ нѣмецкой печати стали раздаваться жалобы на продажу цѣнныхъ документовъ изъ городскихъ архивовъ въ частныя руки и даже за границу (A. Warschauer, Die Städtischen Archive in der Provinz Posen въ Mittheil. der K. Preus. Archivverwaltung, Heft 5, Lpz., 1901, s. IX.). Та же участь постигла и грамоту 1320 г. изъ торуньскаго архива (см. выше стр. 115). Возможно, что князь П. П. Вяземскій пріобрѣлъ ее вмѣстѣ съ нѣмецкимъ переводомъ ея, позднѣйшаго времени, отъ I. А. Старгардта; теперь она находится въ сборникѣ № 2, принадлежащемъ Обществу Древней Письменности. Сборникъ весьма разнообразнаго состава: въ немъ есть документы XIV—XIX вв.; наша грамота (лл. 2—3) помѣщена между «копіей съ сенатскаго приговора 1798 года по дѣлу о дарованіи свободы Анисиму Бѣлоусову, крѣпостному человѣку генерала Арбенева» (л. 1) и болгарской квитанціей, выданной «князю Петру Вѣжемскому» въ 1849 г. (л. 4); ср. Х. Лопаревъ, Описаніе рукописей Общества Древней Писменности, т. I, Спб., № 2. На обложкѣ сборника Общества Древней Письменности стоитъ надпись: «отъ И. А. Шляпкина». Профессоръ И. А. Шляпкинъ, къ которому я обратился съ просьбой выяснить мнѣ происхожденіе помянутаго сборника, сообщилъ, что происхожденіе первыхъ грамотъ (съ 1 л. по 17) ему неизвѣстно; ихъ, вѣроятно, собралъ кн. П. П. Вяземскій; лишь документы съ 18 листа дѣйствительно подарены Обществу И. А. Шляпкинымъ. Въ «Описаніи рукописей кн. П. П. Вяземскаго» Спб., 1902 г. указаній на грамоту кн. Андрея Юрьевича я не встрѣтилъ: въ указателѣ нѣтъ ни его имени, ни названія г. Торна или Торуни.

торая сохранилась только въ позднѣйшемъ спискѣ въ сборникѣ копій М. В. Бегема, нынѣ принадлежащемъ Ягеллонской библіотекѣ г. Кракова [1]), всѣ остальныя извѣстныя намъ малорусскія грамоты 1316—1341 гг. можно признать подлинниками. Всѣ онѣ писаны стариннымъ почеркомъ на пергаминѣ и многія снабжены вислыми печатями, или обломками отъ нихъ, напримѣръ, при грамотѣ кн. Болеслава-Юрія II отъ 20 января 1325 года (табл. III); остатки снурка, на которомъ висѣла печать, замѣтны и при одной изъ грамотъ того же князя, теперь находящейся въ несвижскомъ архивѣ (табл. X), но самой печати уже не сохранилось. Такимъ образомъ, согласно общераспространенному обычаю, и галичско-владимирскіе князья удостовѣряли свои грамоты приложеніемъ къ нимъ своихъ печатей; начиная съ XIII-го столѣтія нѣмецкая практика, напримѣръ, уже обыкновенно признавала право доказывать подлинность документа тѣмъ, что къ нему приложена печать, заслуживающая довѣрія: не даромъ знатоки дѣлопроизводства того времени утверждали, что «scriptum autenticum est quod est per famosi domini sigillum autentice roboratum» и что «tota credulitas litere dependet in sigillo autentico, bene cognito et famoso» [2]); въ польскихъ грамотахъ того же періода легко встрѣтить формулы въ родѣ слѣдующихъ: «in robur et memoriam supradictorum praesentem literam nostro sigillo duximus communiendam» или «et ut haec firma et inconcussa permaneant, praesens instrumentum nostri sigilli munimine duximus roborandum» и т. п. [3]); аналогичныя выраженія встрѣчаются и въ грамотахъ послѣднихъ галичско-владимірскихъ князей [4]). Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ,

1) Monumenta medii aevi hist. t. V, continet: codicis diplomatici civitatis Craсoviensis partem primam, Crac., 1876, pp. VI, XI—XII; за утратой подлинниковъ редакторъ изданія пользовался многими копіями: «ex celebri illo multis picturis ornato codice Balthasari Behemi a. 1505»...; этотъ сборникъ хранится въ Ягеллонской библіотекѣ подъ № 16-мъ.

2) H. Bresslau, Urkundenlehre, I, 539—540, 543.

3) T. Żebrawski, O pieczęciach dawnej Polski i Litwy, Kraków (1865), str. 8.

4) См. выше стр. 4–6, 78, 149, 154, 155, 157. Вообще можно думать, что обычай прикладывать печать къ грамотамъ держался въ западно-русской дип-

что въ грамотахъ кн. Владиміра-Андрея Юрьевича городамъ Кракову и Торуни такихъ формулъ нѣтъ; правда, на послѣдней легко замѣтить круглообразные слѣды какой-то печати; но нельзя сказать принадлежала ли она грамотѣ, данной кн. Владиміромъ-Андреемъ Юрьевичемъ г. Торуни 27 августа 1320 года и въ настоящее время лишенной какой-бы то ни было печати [1]).

Хотя въ то время печати уже поддѣлывались, но нѣтъ достаточныхъ основаній заподозрить подлинность печатей галичско-владимірскихъ [2]). Въ данномъ случаѣ грамота кн. Болеслава-Юрія II-го Бартку изъ Сандомира, подлинность которой подтверждается ссылками на нее въ саноцкихъ судебныхъ книгахъ XV-го вѣка, могла бы имѣть существенное значеніе и для установленія подлинности привѣшенной къ ней печати [3]); къ сожалѣнію, од-

---

ломатикѣ и въ позднѣйшее время, приблизительно до середины XVI вѣка: съ начала того же столѣтія обычай подписываться все больше распространяется. См. К. Харламповичъ, Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка, Казань (1898 г.), стр. 196—197.

1) См. выше стр. 115, 151 № 3b и табл. II.

2) Въ нѣсколько позднѣйшее время, въ одномъ спорномъ дѣлѣ короля Владислава съ Тевтонскимъ орденомъ «procurator regius» выступилъ съ слѣдующимъ обвиненіемъ противъ Ордена (a. d. 1421): «In primis dictus procurator nomine quo supra excipit contra quedam pretensa priuilegia siue munimenta per partem adversam super terris et aliis de quibus agitur in presenti causa coram vobis ut dicitur exhibita et producta.... Quod posito quod de eis appareret fuerunt et sunt inania inefficacia inualida non per verba dispositiua, sed narratiua concepta non originalia sed exempla parte non vocata transsumpta manu publica non scripta nec signis aut sigillis autenticis signata seu sigillata generalia vaga et incerta necnon falsa et symulata ac contra omnimodam veritatem concepta sibi invicem contraria ac talia quibus nulla fides est adhibenda» (Lites et Res gestae inter Polonos Ordinemque Cruciferorum, Posnaniae, t. III, 1856, p. 1; cf. pp. 66, 73–76 и др.). По словамъ издателя «Scriptores rerum polonicarum, in primis vero Murinius, asserunt Conradi etiam ducis Mazoviae donationem nunquam secundum genuinum tenorem, sed falso interposito privilegio, in medium prolatam fuisse. Anno vero 1442 testimonium dicentes ante tribunal Antonii Zeno delegati papae Martini V aperte criminantur fraude Cruciferorum corrupta privilegia donationesque ducum et regum Poloniae».

3) Akta Grodzkie, XI, p. 161; см. И. Линниченко, Критическій обзоръ новѣйшей литературы по исторіи Галицкой Руси въ Жур. Мин. Нар. Просв. 1891 г., май, стр. 169; ср. выше стр. 205: дополненіе къ стр. 119.

нако, печати при ней не сохранилось, о чемъ мнѣ уже приходилось упоминать выше.

На большинствѣ изъ перечисленныхъ мною документовъ, кромѣ того, не трудно усмотрѣть помѣты, которыя, можетъ быть, свидѣтельствуютъ, что они были давно зарегистрированы въ архивѣ Тевтонскаго ордена. Эти помѣты сдѣланы на оборотной сторонѣ грамотъ, хранимыхъ въ кёнигсбергскомъ архивѣ; онѣ снабжены заголовками и особой нумераціей. Заголовки — стариннаго письма; они писаны частью по латыни (№№ 8 и 9 старинной регистратуры), частью по нѣмецки; послѣдніе встрѣчаются на остальныхъ грамотахъ, помѣченныхъ болѣе высокими нумерами, (№№ 11, 14, 15 старинной регистратуры). Особая нумерація писана также стариннымъ, крупнымъ и жирнымъ почеркомъ. Между старинной регистраціей, можетъ быть, установленной еще въ архивѣ Ордена, и тѣми нумерами, подъ которыми грамоты напечатаны въ нашемъ сборникѣ, оказывается слѣдующее соотношеніе:

№№ старинной регистраціи.	№№ настоящаго сборника (стр. 113 и сл.).
8	1
9	6
11	5
14	7
15	8

Значеніе вышеприведенной нумераціи до сихъ поръ остается невыясненнымъ. Въ числѣ просмотрѣнныхъ мною грамотъ кёнигсбергскаго архива такія же помѣты и притомъ, повидимому, сдѣланныя тою же рукой, попались мнѣ на оборотахъ грамотъ мазовецкихъ князей. Такъ напримѣръ, одна грамота Семовита 1257 года помѣчена нумеромъ: 3; другая, 1258 года нумеромъ: 5; третья, писанная отъ именъ Семовита и Тройдена въ 1329 г., нумеромъ 13 [1]). Итакъ, нѣкоторыя изъ гра-

———

[1]) ...sb. Staatsarchiv, Sch. 57, №№ 13, 14 и 23.

мотъ мазовецкихъ и галичско-владимірскихъ, расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ, были зарегистрированы, можетъ быть, еще въ архивѣ самого Ордена подъ одною общей нумераціей: въ самомъ дѣлѣ грамота 1316 г. (см. № 1 въ нашемъ сборникѣ) естественно слѣдуетъ за грамотой Семовита 1258 года, а грамота 1327 года (см. № 6 въ нашемъ сборникѣ) съ такой точки зрѣнія, конечно, должна была бы предшествовать грамотѣ Семовита и Тройдена 1329 года; и дѣйствительно, перечисленныя грамоты давно уже были занумерованы нумерами: 5, 8, 9, 13. Нельзя, однако, не замѣтить, что грамота № 11 (1325 г., см. № 5 въ нашемъ сборникѣ), озаглавленная уже по нѣмецки, какъ и №№ 14 и 15 той же старинной регистратуры, снабжена нумеромъ, нарушающимъ вышеуказанную серію; притомъ и на нѣкоторыхъ изъ мазовецкихъ документовъ, напр. на грамотахъ Семовита 1260-го, далѣе Семовита и Тройдена 1329 и 1334 гг., а также на № 13 настоящаго сборника грамотъ такой старинной нумераціи не встрѣчается[1]). Значеніе ея все еще остается темнымъ; впрочемъ, выясненіе его, хотя и важное для исторіи архива тевтонскаго ордена, едва ли можетъ дать что-либо существенно новое для галичско-владимірской сфрагистики, почему я и не считаю нужнымъ подвергнуть указанный выше процессъ регистраціи дальнѣйшему изслѣдованію[2]): на малорусскихъ грамотахъ, найденныхъ въ другихъ архивахъ (№№ 3 и 9), подобной нумераціи, конечно, не оказалось[3]).

Изученіе прилагаемыхъ снимковъ съ галичско-владимірскихъ грамотъ 1316—1341 г. въ палеографическомъ отношеніи не входитъ въ задачу настоящаго изслѣдованія. Здѣсь я замѣчу только,

---

1) Königsb. Staatsarchiv. Sch. 57, №№ 15, 24, 25.

2) Администрація кёнигсбергскаго архива не могла сообщить мнѣ никакихъ свѣдѣній о значеніи и происхожденіи интересовавшей меня нумераціи.

3) Кромѣ изданій, указанныхъ выше на стр. 113—123, грамоты 1316—1341 гг. были перепечатаны еще въ нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ, перечисленныхъ гг. Грушевскимъ и Линниченкомъ, см. М. Грушевський, Іст. Укр.-Руси, III, 562—563 и выше, стр. 205.

*

Печать 1316 года, какъ уже принято было въ то время, — вислая[1]); она прикрѣплена къ пергамину на пучкѣ тонкихъ шнурковъ; каждый изъ нихъ скрученъ изъ шелковыхъ нитей; на обломавшихся частяхъ печати, видно, какъ эти шнурки лежатъ рядомъ; выцвѣтшій шелкъ теперь кирпично-краснаго цвѣта. Форма печати—круглая, едва ли, впрочемъ, вполнѣ правильная, а размѣры ея были довольно значительны (ок. 7 сант. въ діаметрѣ); она сдѣлана изъ воска, лишеннаго искусственной окраски. Въ настоящее время печать 1316 года сохранилась только отчасти: мелкіе обломки ея не помѣщены на прилагаемыхъ таблицахъ. Опредѣлить, какая изъ сторонъ печати 1316 года лицевая, какая оборотная—можно только предположительно: сторона съ изображеніемъ человѣческой фигуры, вѣроятно,—лицевая, а сторона съ изображеніемъ животнаго—оборотная.

На лицевой сторонѣ печати (табл. I) въ рельефѣ изображена фигура воина въ стоячемъ положеніи. Воинъ обращенъ лицемъ къ зрителю. Трудно сказать, покрыта ли голова его шлемомъ: кольчужная сѣтка, прикрѣпленная къ вѣнцу, судя по извѣстнымъ мнѣ изображеніямъ, обыкновенно плотно облегала голову рыцаря, чего не замѣтно на прилагаемомъ рисункѣ [2]); напротивъ, на немъ явственно видны продольныя волнообразныя борозды, которыя какъ будто указываютъ на то, что лицо воина скорѣе обрамлено волнистыми прядями волосъ, спускающимися на плечи его, чѣмъ кольчужною сѣткою. Какъ бы то ни было, воинъ опирается правой рукою на продолговатый, нынѣ обломанный предметъ съ продольною выпуклостью, похожій на щитъ; судя по старинному описанію владѣлецъ его держалъ еще въ лѣвой рукѣ копье; теперь его почти не видно [3]). Насколько можно судить по довольно истершемуся изображенію, воинъ, облеченъ въ

1) J. Ficker, Beiträge zur Urkundenlehre, Innsbruck (1878), B. II, s. 199 ff. см. тамъ же о различіи между «impressio» и «appensio» печати.

2) См. ниже табл. I и стр. 232.

3) Н. Карамзинъ, И. Г. Р., IV, пр. 246; въ то время печать 1316 г., вѣла въ лучшемъ видѣ; о копьѣ Карамзинъ упоминаетъ со словъ

1. Печати послѣднихъ галичско-владимірскихъ князей.

На прилагаемыхъ снимкахъ легко различить два рода печатей малорусскихъ князей, извѣстныхъ намъ по оттискамъ ихъ на воскѣ: 1) печати, привѣшенныя къ грамотѣ 1316 года; 2) печати кн. Болеслава-Юрія II-го, прикрѣпленныя къ нѣсколькимъ грамотамъ 1325—1335 гг. Обратимся къ изученію печатей каждаго рода отдѣльно.

1. Печати, привѣшенныя къ грамотѣ 1316 года.

Одна изъ печатей, удостовѣряющихъ подлинность той грамоты, которая была написана отъ имени князей Андрея и Льва Юрьевичей магистру нѣмецкаго ордена Карлу Трирскому (грамота № 1, табл. I и II) и помѣчена 1316-мъ годомъ, могла принадлежать или обоимъ князьямъ вмѣстѣ, или одному изъ нихъ: такъ какъ до сихъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, не найдено ни монетъ, ни другихъ печатей этихъ князей[1]), а на описываемой печати нѣтъ никакихъ легендъ, то и нельзя сказать съ полною достовѣрностью, кому именно она принадлежала, если, впрочемъ, не придавать особаго символическаго значенія изображенію льва, представленнаго на оборотной сторонѣ ея[2]). Другая печать, привѣшенная къ той же грамотѣ (табл. I, слѣва) едвали относится ко времени составленія ея[3]).

---

1) Пока извѣстны только монеты, чеканенныя польскими королями для Галиціи, начиная съ Казиміра Великаго; см. J. Stupnicki, O monetach halicko-ruskich въ Bibl. Ossol., Lw., t. VII (1865), str. 64—174. В. Уляницкій, Монеты, чеканенныя польскими королями для Галицкой Руси въ XIV и XV вв. въ Тр. Моск. Нумизм. Общества, М., 1898 г., т. I, стр. 119—121, 123, 129.

2) См. ниже стр. 239.

3) И. Фойгтъ полагалъ, что печати принадлежали князьямъ Андрею и Льву: «Original, писалъ онъ про грамату 1316 г., mit den beiden, schon sehr beschädigten Siegeln der in der Urkunde genannten Herzoge» (Codex diplomaticus prussicus, herausgegeben von J. Voigt, B. II, ss. 92—93);

излома, а также лицевому значенію печати и вслѣдъ затѣмъ взглянуть на оборотную сторону ея, то интересующій насъ обломокъ окажется въ верхней части послѣдней; отсюда естественно заключить, что левъ былъ представленъ на печати съ хвостомъ, изогнутымъ кверху, т. е. согласно типу, довольно распространенному на западѣ. Сдѣланное мною заключеніе можетъ вызвать сомнѣніе у того, кто внимательно вглядится въ прилагаемый снимокъ. Здѣсь наблюдатель, пожалуй, увидитъ у лѣваго края изображенія слѣды хвоста, по восточному образцу продернутаго подъ заднюю ногу животнаго, и даже замѣтитъ кистеобразную оконечность надъ его спиною (табл. II). Такое заключеніе будетъ основано, однако, лишь на оптическомъ обманѣ, порождаемымъ плохимъ воспроизведеніемъ оригинала; при изученіи послѣдняго я не нашелъ на немъ какихъ бы то ни было слѣдовъ подобнаго рода изображенія: надъ правымъ бедромъ задней ноги животнаго видна только скважина, дальше на поверхности его тѣла никакихъ признаковъ хвоста не замѣтно, а кистеобразная оконечность послѣдняго, будто бы представляющаяся зрителю на верхнемъ краѣ главной части печати (табл. II), ничто иное, какъ причудливый изломъ воска. Если вспомнить кромѣ того, что оконечность хвоста цѣликомъ представлена на другомъ обломкѣ, и что расположить его такъ, чтобы послѣдняя приходилась прямо назадъ или внизъ отъ львинаго туловища, кажется, нельзя, ибо въ такомъ случаѣ на лицевой сторонѣ обломка должны были бы оказаться слѣды изображенія частей щита или ногъ воина, на самомъ дѣлѣ совершенно отсутствующіе, то и остается признать вѣроятность выше сдѣланнаго предположенія. Итакъ, нисколько не отрицая нѣкотораго распространенія на памятникахъ средневѣковаго искусства типа льва съ хвостомъ, продернутымъ подъ одну изъ его заднихъ ногъ[1]), можно думать, однако, что изоб-

---

1) Пріемъ подобнаго рода встрѣчается на восточныхъ изображеніяхъ вса- ловъ; его можно наблюдать и на одной изъ каменныхъ фигуръ ора въ Юрьевѣ (Н. Кондаковъ и гр. И. Толстой, Русскія . Спб., 1899 г., стр. 45, 50, 51). Примѣры аналогичныхъ изоб-

раженіе льва на печати 1316 года было иного характера; рѣзчикъ могъ придать его хвосту форму, подобную той которая въ нѣсколько утрированной схемѣ видна, напримѣръ, на старинной печати (рис. 1) одного изъ князей бабенбергскаго дома: Генриха фонъ-Мёдлинга Младшаго (1233 г.)[1].

Рис. 1-й.

Если предлагаемое заключеніе правильно, то и эта особенность получитъ довольно существенное значеніе для выясненія родства нашего льва съ западными типами.

Кругомъ той же оборотной стороны печати 1316-го года — гранулированный ободокъ какъ бы въ видѣ зеренъ, нанизанныхъ на нитку.

Окружность обѣихъ сторонъ печати не носитъ никакихъ слѣдовъ легендъ, на основаніи которыхъ можно было бы судить о

раженій на предметахъ западно-европейскаго искусства см., напр., въ изданіяхъ: W. Boeheim, Waffenkunde, Lpz., 1890, s. 172 (норманскій щитъ XII вѣка); B. E. Hildebrand, Svenska sigiler från Medeltiden, Stockholm, 1862 och 1867, 3 ser., p. 1; Pl. I, № 6 (Sigillum domini Kanuti etc. 1222—1230); V. Bellini, De monetis Italiae medii aevi, Ferariae, 1755—1767, v. III, p. 89, № 3 (монета Sabaudiae; ср. однако, ib. v. IV, p. 83, №№ 7 и 8); G. Demay, Inventaire des sceaux de la Flaudre, Par., 1873, №№ 118, 124 et 214 (Печати Charles de Croy, Adolphe de Clèves и Jacques de Bavière XV ст.). Ср. еще Mittheilungen der K. K. Central—Kommission, Wien, IX Jahrgang (1864), s. 276; A. Małecki, Studya heraldyczne t. I (1890), str. 333 (изображеніе герба «Lewart»). K. W. Stężynski—Bandtkie, Numismatyka krajowa, t. I, W., 1839, tab. I; Sprawozd. Komisyi Sztuki w Polsce, 1887, t. III, żez. IV, str. 151 ssq. и др.

1) K. v. Sava, Die Siegel der Oesterreichischen Regenten въ Mittheilungen der K.K. Central-Kommission, IX, 252 (авторъ называетъ животныхъ, изображенныхъ на оборотной сторонѣ этой печати, «леопардами»; ихъ два; они однороднаго типа и помѣщены одинъ надъ другимъ). Слѣдуетъ замѣтить, что въ европейской сфрагистикѣ встрѣчаются изображенія и такихъ львовъ, хвосты которыхъ довольно короткіе и, хотя загнуты къ верху, но безъ изгиба, о которомъ говорится въ текстѣ; см., напримѣръ, M. Heineccius, De veteribus Germanorum aliarumque nationum sigillis, p. 136; tab. XII, № 3 (печать Mechtildis, principis Anhaltinae XIII ст.; ср. tab. XVI, № 5. B. E. Hildebrand, Op. cit., p. 1; pl. II, № 7.

принадлежности печати 1316 года одному изъ галичско-владимірскихъ князей.

Описанная мною печать была уже издана нѣсколько разъ; но въ одномъ изъ изданій она представлена въ иномъ видѣ [1]), а въ другомъ безъ оговорокъ и едва ли правильно воспроизведена одна только оборотная сторона ея [2]).

На основаніи вышесдѣланнаго описанія восковой печати 1316 года нельзя еще прійти къ какимъ либо точнымъ заключеніямъ о матеріалѣ, изъ котораго матрицы (typaria) ея были приготовлены: судя по тому, что печати (матрицы) государей и значительныхъ лицъ часто фабриковались изъ золота или серебра [3]), можно, пожалуй, высказать аналогичное предположеніе и относительно матрицъ 1316 года; но для такихъ же цѣлей употребляли и мѣдь, и другіе металлы, въ виду чего положительно сказать, какой именно металлъ послужилъ матеріаломъ для изготовленія матрицъ печатей 1316 года, разумѣется, трудно: приходится судить о нихъ лишь по оттискамъ ихъ на воскѣ.

---

1) A. Lewicki, Ruthenische Theilfürstenthümer bis zur Vereinigung mit Polen въ сборникѣ: Die Oesterreichisch—Ungarische Monarchie in Wort und Bild, Wien, 1898, ss. 172, 173.

2) F. Piekosiński, Op. cit., ib. str. 293—294.

3) H. Havard, Dictionnaire de l'ameublement et de la décoration, т. IV, p. 902. Лавр. Сп. 6453 г. (изд. 1872 г., стр. 47). Въ договорной грамотѣ Игоря съ Греками 945 г. написано, что русскіе послы «ношаху печати златы, а гостье сребрены»; ср. ib. 6479 г. (стр. 72). Впрочемъ, подъ «печатью» часто разумѣли и оттискъ ея, привѣшиваемый или прилагаемый къ грамотѣ вмѣсто подписи; ср. И. Срезневскій, Матеріалы и проч., II, 925 и 926. Въ нижеслѣдующихъ замѣткахъ я не останавливаюсь на вопросѣ о томъ, откуда былъ добытъ металлъ, послужившій для выработки матрицъ галичско-владимірскихъ князей, такъ какъ точныхъ свѣдѣній о родѣ его нѣтъ; во всякомъ случаѣ слѣдуетъ имѣть въ виду, что драгоцѣнные металлы (золото и серебро) могли проникать въ Червонную Русь не только изъ Византіи и съ востока, но и съ запада: по словамъ Святослава, въ Переяславцѣ на Дунаѣ золото приводилось «отъ Грекъ», а серебро «изъ Чехъ и изъ Угоръ» (Лавр. сп., 6477 г.); въ ганзейскихъ рецессахъ позднѣйшаго времени можно встрѣтить упоминанія о провозѣ разнаго рода металловъ въ Торунь, а также серебра еще далѣе на востокъ (kegen Lyfflande); см. Hanse-Recesse, I Abth., B. I, №№ 7 (a. 1401), 119 (a. 1402); ср. еще G. Sartorius, Ge- [illegible]s hanseatischen Bundes, I (1802), ss. 319 u. 397. М. Хмыровъ, Ме- [illegible] аллическія издѣлія и минералы въ древней Россіи, Спб. (1875 г.) [illegible] 62, 58.

Тѣмъ не менѣе сравненіе однихъ только оттисковъ съ однородными данными средневѣковой сфрагистики нѣсколько выяснитъ значеніе печатей 1316-го года[1]). Съ такой точки зрѣнія я обращу вниманіе прежде всего на цвѣтъ снурка, размѣры и матеріалъ печати 1316 года, а затѣмъ уже перейду къ изученію тѣхъ сюжетовъ, которые представлены на каждой изъ сторонъ ея.

Цвѣтъ снурка, на которомъ виситъ печать 1316 года едва ли можно признать типичнымъ безъ дальнѣйшихъ разысканій. Правда, что снурки, на которыхъ привѣшены печати 1334-го года (грамата № 7), однороднаго цвѣта; но, судя по тому, что даже у западно-европейскихъ государей того времени цвѣтъ снурковъ, на которыхъ вислыя печати прикрѣплялись къ грамотамъ, далеко еще не вполнѣ установился, и что аналогичное явленіе легко замѣтить, конечно, и въ польской дипломатикѣ, едва-ли можно утверждать, что галичско-владимірскіе князья въ такихъ случаяхъ придерживались окончательно сложившихся правилъ[2]).

Трудно сказать, существовали ли въ то время опредѣленныя нормы касательно соотвѣтствія между значеніемъ даннаго лица и величиною его печати: отъ начала XV вѣка сохранилось извѣстіе о томъ, что городъ Ліонъ велѣлъ сдѣлать для себя новую печать, побольше прежней на томъ основаніи, что послѣдняя «была слишкомъ мала и не соотвѣтствовала благородству (noblesse) города»[3]). И напротивъ, печати, которыя служили въ качествѣ

---

1) Современныя печатямъ 1316—1341 гг. монеты галичско-владимірскаго княжества имѣли бы важное значеніе для пониманія ихъ; но до сихъ поръ, однако, мнѣ не попадалось никакихъ извѣстій о томъ, что такія монеты были найдены; см. выше стр. 221, прим. 1 и ниже стр. 229.

2) H. Bresslau, Op. cit. I, 958; грамоты силезскихъ герцоговъ XIV вѣка представляютъ, напримѣръ, въ этомъ отношеніи большое разнообразіе, повидимому, не стоящее въ связи съ значеніемъ самого документа; см. A. Bauch, Ueber die Farben der Siegelfäden an Urkunden schlesischer Herzöge des XIV Jahrhunderts въ Zeitschrift des Vereins für Geschichte und Alterthum Schlesiens, B. XV, Br., 1880, ss. 545—546. T. Żebrawski, Op. cit., ib.. str. 7. Ср. ниже § 2.

3) H. Havard, Dictionnaire de l'amenblement et de la décoration. 1894, Par., v. IV, p. 902.

contrasigilla или secreta и которымъ, слѣдовательно, приписывали сравнительно менѣе важное значеніе, часто бывали меньше главной печати; таково, напримѣръ, соотношеніе между масштабами изображеній на двойной печати Пшемысла II князя великопольскаго [1]). Во всякомъ случаѣ величина нашей печати 1316 года, судя по ея оттискамъ, довольно обычная для даннаго типа: въ числѣ польскихъ княжескихъ печатей, впрочемъ нѣсколько болѣе ранняго времени, можно найти экземпляры одинаковыхъ съ нею размѣровъ.

Въ западно-европейскихъ, да и польскихъ канцеляріяхъ того времени для печатанія грамотъ обыкновенно употребляли воскъ [2]). Окраска его такъ же, какъ и окраска снурка еще не установилась; печати изъ краснаго воска, напримѣръ, уже были въ употребленіи, но ими могли пользоваться еще разныя лица, безъ ограниченій [3]).

Точное значеніе лицевого изображенія на печати 1316 года остается темнымъ. Трудно сказать, представляетъ ли оно вообще какого-нибудь рыцаря или должно быть признано портретомъ одного изъ галичско-владимірскихъ князей; но и въ послѣднемъ случаѣ нельзя безусловно утверждать, что на нашей печати изображенъ Андрей или Левъ Юрьевичи: на византійскихъ печатяхъ изображенія ихъ владѣльца встрѣчаются очень рѣдко, а въ Германіи еще въ XIV вѣкѣ печати, которыми пользовались государи для удостовѣренія грамотъ, иногда переходили по наслѣдству, отъ

---

1) Fr. Piekosiński, Studya, Rozprawy i Materialy, t. III (1899), str. 134—135 (печать 1290 г.). и др.

2) Впрочемъ, изъ такого правила дѣлали и исключенія; примѣры см. въ соч. L. A. Muratori, De sigillis medii aevi въ сб. Argelati, III, 104, 113—114, 115, 118, 119, 131, 134—135.

3) G. Seyler, Abriss der Sphragistik, Wien, 1884, ss. 4—5 G. Pray, Syntagma historicum de sigillis regum et reginarum Hungariae, Budae 1805, pp. 26—28. Ср. выраженія: «de cera, quasi alba» или «de cera communi» въ старинныхъ описаніяхъ польскихъ королевскихъ печатей того времени, напр. въ «Lites et Res gestae inter Polonos Ordinemque Cruciferorum», t. I, (pars 1), p. 5; t. II, pp. 60, 63 и сл., 86 и др.

отца къ сыну[1]), что бывало и въ Польшѣ[2]); то-же могло имѣть мѣсто и въ Малой Руси. Лишь приписавъ изображенію льва на оборотной сторонѣ нашей печати символическое значеніе, что часто практиковалось въ средневѣковой геральдикѣ и сфрагистикѣ, можно было бы говорить о принадлежности ея Льву Юрьевичу, если только не связывать изображеніе льва съ червонорусскимъ гербомъ или съ названіемъ города Львова[3]).

Сюжетъ, изображенный на лицевой сторонѣ печати 1316 года, очень часто встрѣчается какъ въ византійской, такъ и въ западно-европейской сфрагистикѣ того времени. На византійскихъ печатяхъ, которыя притомъ очень рѣдко выдѣлывались изъ воска, изображенія подобнаго рода обыкновенно представ-

---

1) G. Schlumberger, Sigillographie de l'empire byzantin, Par., 1894, pp. 15, 29. H. Bresslau, Handbuch der Urkundenlehre, I, 929. P. Pfotenhauer, Die Schlesischen Siegel von 1250 bis 1300, Breslau, 1879, ss. 3, 14; taf. I, № 8; VIII, №№ 51, 52. G. Pray, Syntagma historicum de sigillis regum et reginarum Hungariae etc., Budae, 1805, p. 9.

2) T. Żebrawski, Op. cit., ib. str. 6.

3) Много примѣровъ гербовъ, которые можно назвать идеографическими изображеніями названій данныхъ фамилій, см. хотя бы въ сборникѣ L. Tettoni e F. Saladini, Teatro araldico, Lodi, 1841—1846, vv. I—V. О примѣненіи того же принципа нагляднаго изображенія даннаго имени соотвѣтствующимъ образомъ въ польской сфрагистикѣ см. A. Małecki, Studya heraldyczne, Lw., II (1890), 141 и сл. На лицевой сторонѣ «львовскихъ» полугрошей (съ надписью «Moneta Lemburgensis») находится также изображеніе льва; оно иногда нѣсколько подходитъ къ изучаемому типу; см. F. Piekosiński, O monecie i stopie menniczéj w Polsce w XIV i XV wieku въ Rozpr. i Sprawozd. krak. Akad. Um. Wydz. Histor.—filoz., t. IX (1878), tabl. V, №№ 67 и 69; въ послѣднемъ случаѣ, однако, кистеобразная оконечность львинаго хвоста, кажется раздвоена. Польскіе нумизматы не считаютъ возможнымъ признать монеты этого типа собственно городскими; см. F. Piekosiński, O monecie и проч., ib., str. 146 и В. Уляницкій, Монеты, чеканенные польскими королями для Галицкой Руси въ Тр. Моск. нумиз. Общ., т. I, М., 1898 г., стр. 152. Во всякомъ случаѣ изображеніе льва на гербѣ г. Львова (см. E. Hutten—Czapski, Catalogue, 1871, t. I, Pl. III), повидимому, отличается отъ изображенія червоно-русскаго герба (armes de la Russie Rouge ib., Pl. II) и не совсѣмъ подходитъ къ изображенію на печати 1316 г.: хвостъ львовскаго льва также загнутъ кверху, но заканчивается лилеобразнымъ украшеніемъ, а не обыкновенною кистью. Описаніе галичскихъ монетъ, чеканенныхъ при Казимірѣ Великомъ и его преемникахъ, см. еще въ брошюрѣ К. Болсуновскаго: Автономныя монеты Галицкой Руси XIV и XV ст. (съ 1 табл. рис.). Кіевъ. 1905 г.

ляютъ святыхъ (большею частью свв. Ѳедора, Василія или Георгія, рѣже свв. Дмитрія, Михаила, Николая...) и имѣютъ очень мало общаго съ нашей фигурой[1]). По фактурѣ она ближе стоитъ къ европейскимъ образцамъ, чѣмъ къ византійскимъ. Хотя обычай изображать иногда государей въ стоячемъ положеніи сталъ практиковаться въ западно-европейской сфрагистикѣ съ довольно поздняго времени, однако, такіе сюжеты уже встрѣчаются, напримѣръ, на нѣкоторыхъ печатяхъ маркграфовъ бранденбургскихъ XII—XIV вв., и чешскихъ князей; на одной изъ послѣднихъ, принадлежавшихъ герцогу Генриху Чешскому, представлена фигура рыцаря во весь ростъ, съ знаменемъ въ правой рукѣ и съ продолговатымъ щитомъ, на который онъ, повидимому, опирается лѣвой рукой[2]). Въ общихъ чертахъ наша печать довольно близко напоминаетъ вышеописанную; но еще болѣе подходящія аналогіи можно подыскать въ польской сфрагистикѣ. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря о древнѣйшихъ сюжетахъ подобнаго рода, на монетахъ и печатяхъ польскихъ князей XIII—XIV вв. легко встрѣтить изображеніе рыцаря, который обыкновенно держитъ копье въ правой рукѣ и опирается на щитъ лѣвой. Таковы печати Конрада Мазовецкаго (1228 г.), Болеслава Краковскаго и Сандомирскаго (1252 г.), Пшемысла I (1252 г.) и Пшемысла II (1290 г.) великопольскихъ, Мѣшка I и Владислава Опольскихъ, а также Зѣмомысла Куявскаго[3]). Впрочемъ изрѣдка князья сосѣднихъ съ Червонною Русью

---

1) J. M. Heineccius, Op. cit., p. 43; tab. I, № 2. G. Schlumberger, Op. cit.; здѣсь множество примѣровъ; святой обыкновенно изображенъ стоя; въ правой или лѣвой рукѣ онъ держитъ копье, лѣвой или правой опирается на щитъ; ср. также G. Schlumberger, Mélanges d'archéologie byzantine, 1-re sér., Par., 1895.

2) Собраніе печатей въ Гербовомъ Отд. при Департ. Герольдіи, Шкафъ № 15, печать № 97а (снимокъ); легенда: «Heinricus D [e] i Gra[tia] Boemorum Dux.»; на оборотѣ снимка новѣйшимъ почеркомъ: «Herzog Heinrich von Böhmen, 1012»; голова рыцаря, кажется, также непокрыта, да и одежда, пожалуй, сходна съ нашимъ типомъ. Этимъ собраніемъ печатей я имѣлъ возможность пользоваться благодаря любезному содѣйствію А. П. Барсукова.

3) Die Siegel der Mark Brandenburg, 1-te Lief., Berl., 1868, taf. A, №№ 1, 2 (печати Альбрехта Медвѣдя 1155—1162, Оттона I 1164 и 1170 гг.); 2-te Lief. Berl. 1887, Taf. A, 3 (печати Оттона II, 1196 и 1197) и др. Такой же сюжетъ встрѣчается уже на монетахъ Болеслава III Кривоустаго (1102—1139 гг.) и

польскихъ земель представлены на печатяхъ и въ другихъ позахъ; такъ, напримѣръ, на печати Пшемысла Зѣмомысловича, князя Куявскаго (1307 г.) помѣщено изображеніе рыцаря, опирающагося правой рукой на щитъ и въ лѣвой держащаго мечъ[1]). Ближе остальныхъ, однако, къ нашему типу подходитъ печать мазовецкаго князя Вацлава Болеславовича 1326 года и въ значительной степени сходная съ нею печать князя Семовита Мазовецкаго 1343 года; такъ какъ послѣдняя отличается лучшей сохранностью и изображеніе ея можетъ служить для объясненія нѣкоторыхъ деталей въ уборѣ воина, представленнаго на изучаемой печати, то я и привожу его здѣсь [2]).

Рис. 2-й.

Болеслава IV Кудряваго (1148—1170) см. K. Stronczyński, Dawne monety polskie, II, Piotr., 1884, str. 71, 99; ср. str. 203. На указанныхъ типахъ рыцарь, повидимому, представленъ опирающимся на щитъ; на другихъ—онъ держитъ его; см., напримѣръ, ibid., str. 66, 101, 126. Tabl. VI, t. 36 и t. 38, 38*; tabl. XI, t. 57 и др. A. Schultz, Die schlesischen Siegel bis 1250, Breslau, 1871, s. 8, taf. III, №№ 17, 18. P. Pfotenhauer, Die schlesischen Siegel von 1250 bis 1300; Breslau, 1879, ss. 10, 11, 13; taf. V, № 34; VI, № 37; VII, № 46.

1) F. Vossberg, Siegel des Mittelalters, Berlin, 1854, T. III, IV, V. G. Seyler, Geschichte der Siegel, Lpz., 1894, ss. 81, 254. F. Piekosiński, Op. cit., str. 70, 187, 197, 198, 289, 299 (№№ 59, 137, 203, 204, 207, 275); ср. str. 321.

2) F. Vossberg, Op. cit., T. XVII. «Lites et Res gestae» etc., t. I, pars 2, p. 103. F. Piekosiński, Op. cit., str. 307 (№ 397); о другихъ изданіяхъ ея см.

Между типомъ мазовецкой и галичско-владимірской печатей, какъ видно есть нѣкоторое сходство: стоячее положеніе воина, обращеннаго безбородымъ лицомъ къ зрителю, отсутствіе кольчужной сѣтки на головѣ (см. впрочемъ выше), кольчуга, копье и щитъ съ продольною выпуклостью—все это общее и тамъ, и здѣсь; правда рыцарь на печати мазовецкой—съ покрытой головой, а рыцарь на галичско-владимірской, пожалуй, изображенъ съ непокрытой головой; кромѣ того въ прическѣ рыцарей, да въ положеніяхъ копья и щита, а также его формѣ замѣтны различія[1]): рыцарь на печати Семовита держитъ копье въ правой рукѣ и мечъ съ щитомъ—въ лѣвой; тогда какъ у рыцаря на нашей печати щитъ въ правой рукѣ, а копье въ лѣвой; притомъ подъ щитомъ воина, изображеннаго на ней, меча какъ будто не замѣтно. Впрочемъ, можно указать печати, на которыхъ рыцари изображены съ непокрытыми головами, что, однако, встрѣчается рѣдко, по крайней мѣрѣ въ польской сфрагистикѣ[2]); на западно-европейскихъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и на польскихъ печатяхъ того же періода рѣзчики продолжали иногда представлять государей съ очень длинными волосами[3]); кромѣ того рыцарь, представленный на печати Вацлава Болеславовича Мазовецкаго и Полоцкаго (1326 г.), опирается на такой же щитъ, но безъ меча, какъ и въ данномъ случаѣ. Слѣдовательно, вышеуказанныя отличія между печатями Вацлава,

---

тамъ же str. 308. На печати Вацлава рыцарь представленъ съ знаменемъ, на печати Семовита—съ копьемъ; на печати Вацлава подъ щитомъ меча не замѣтно; на печати Семовита можно различить его. По поводу хронологіи печати Семовита проф. Пѣкосинскій замѣчаетъ: «Czyby ta pieczęć wspomnianą byla u dokumentu z r. 1317 w Kod. dypl. mazowieckim N. V a, rostrzygnąć nie umiemy».

1) Въ виду излома на печати 1316 г. можно только предположительно сказать, что, судя по формѣ верхней части, щитъ воина, изображеннаго на ней, имѣлъ скорѣе овальную, чѣмъ усѣченную форму, какъ на печатяхъ Вацлава и Семовита; послѣднее обстоятельство, впрочемъ, можетъ быть, объясняется лишь недостаткомъ свободнаго мѣста на полѣ печатей и, слѣдовательно, скорѣе указываетъ на особый пріемъ изображенія, котораго, конечно, могъ придерживаться и рѣзчикъ печати 1316 года.

2) F. Piekosiński, Studya, Rozprawy i Materialy, t. III (1899), str. 106, fig. 111; str. 170, fig. 191.

3) Lecoix de La Marche, Les sceaux, pp. 115, 116, 121, 155.

Болеславовича, Семовита и нашей печатью 1316 года не даютъ еще основанія отрицать замѣтное родство между ними.

Аттрибуты воина, представленнаго на печати 1316 года, заслуживаютъ нѣкотораго вниманія.

Въ средневѣковой сфрагистикѣ изображеніе копья служило символомъ власти; по крайней мѣрѣ оно считалось обыкновенно самымъ благороднымъ оружіемъ рыцаря[1]). Возможно, что и въ данномъ случаѣ копью слѣдуетъ придавать одно изъ указанныхъ значеній.

Столь же распространеннымъ рыцарскимъ оружіемъ былъ и щитъ, отличавшійся, впрочемъ, большимъ разнообразіемъ формъ. Щитъ рыцаря, изображеннаго на печати галичско-владимірскихъ князей, очевидно, довольно значительныхъ размѣровъ и, повидимому, снабженъ продольной выпуклостью, которая обыкновенно встрѣчается на такъ называемыхъ «pavois» или «setz-schilde»[2]) и на «ручныхъ щитахъ», сходныхъ съ ними въ этомъ отношеніи. Не смотря на сравнительно позднее появленіе указаннаго типа въ Европѣ, лица, изображенныя на мазовецкихъ печатяхъ XIII в., уже держатъ такіе щиты[3]). Экземпляръ нѣсколько сходный по формѣ съ нашимъ щитомъ, виденъ, напримѣръ, на прилагаемомъ изображеніи печати Конрада-Мазовецкаго 1228 г., по которому можно кстати судить и объ одномъ изъ способовъ его ношенія[4]).

---

1) M. G. Demay, Le costume de guerre d'après les sceaux du moyen âge, Par., 1875, p. 39. G. Seyler, Op. cit., s. 56; о копьѣ ср. еще ниже.

2) Viollet, Dictionnaire raisonné du mobilier français, P. 1872. VI, 215—221; W. Boeheim, Waffenkunde, Lpz.. 1890, ss. 179—180.

3) Большой щитъ съ продольной выпуклостью былъ въ употребленіи у пѣшихъ стрѣлковъ. Образцы XV-го вѣка см. въ изд. подъ ред. A. M. Hildebrandt, Heraldische Meisterwerke, Taf. II u. XLVI.

4) F. Vossberg, Op. cit., Taf. XVI u. XVII; продолговатые и остроконечные щиты, изображенные на бранденбургскихъ печатяхъ Оттона I и II (см. выше стр. 230, прим. 3, также повидимому отличались продольнымъ сгибомъ; но на нихъ не замѣтно выпуклости, подобной той, которая видна на табл. II-ой. F. Piekosiński, Op. cit., str. 183, 190, 195, 299, 307, 308 (№№ 117, 153, 187, 330, 397 и 398).

Нельзя, впрочемъ, безъ оговорокъ утверждать, что мазовецкій щитъ [1]) послужилъ образцомъ для галичско-владимірскаго; типъ подобнаго рода пользовался въ то время нѣкоторою извѣстностью даже въ предѣлахъ Россіи [2]).

Рис. 3-й.

Свободное поле печатей XIII и XIV в. часто заполнялось разнаго рода орнаментами. Не приводя здѣсь болѣе отдаленныхъ аналогій [3]), я замѣчу только, что на печатяхъ императора Оттона IV (1198–1218 г.) и его жены представлены: справа — солнце, слѣва — луна; звѣздное поле также встрѣчается на нѣмецкихъ печатяхъ [4]). Аналогичные пріемы можно наблюдать и на печатяхъ

---

1) F. Piekosiński, Op. cit., str. 70 (№ 59).

2) Аналогичные щиты съ выпуклостями можно видѣть и на новгородскихъ печатяхъ 1317 года и позднѣйшаго времени (Соб. Госуд. Грам. и Дог., ч. I, стр. 17. А. Соболевскій и С. Пташицкій, Палеографическіе снимки съ русскихъ грамотъ преимущественно XIV вѣка, Спб., 1903 г., табл. 41; ср. табл. 43), и на рисункахъ, украшающихъ текстъ Кёнигсбергской лѣтописи; см. Радзивиловская или Кёнигсберская лѣт., изд. Общ. Древ. Писм., Спб., 1902 г., лл. 212, 214 об. 229, 231 об.; ср. еще статью В. Сизова: Миніатюры Кёнигсбергской лѣтописи въ Изв. Отд. рус. языка и словесности, т. X (1905 г.), стр. 38 и таб. III, №№ 21; 22, 25.

3) Trésor de numismatique et de glyptique: Sceaux des rois et des reines d'Angleterre, Par. 1835 (см. напр., sigillum majestatis Ричарда I); Sceaux des grands feudataires de la couronne de France, Par., 1836, passim; ср. еще въ собр. Гербов. Отд., при Департ. Герольдіи ящ. № 13. Sceau du comte de Comminges; печать сходна съ печатью Bernard C—te de Comminges, привѣшенной къ грамотѣ 1225; у головы рыцаря справа (отъ зрителя)—солнце, слѣва—серпъ луны. J. Th. de Raadt, Sceaux armoriés des Pays Bas et des pays avoisinants, Bruxelles (1897), I, p. 134; II, 149 и 508; III, 64; IV, 200 и др.

4) F. K. Fürst zu Hohenlohe—Waldenberg, Sphragistische Aphorismen, Heilbronn, 1882, taf. XIX, № 215 (печать 1306 или 1308 гг. графини Jutta von Sternberg). A. Schultz, Die schlesischen Siegel bis 1250, Bresl. 1871, s. 8, taf. III, ...ная фигура Мѣшка, князя Опольскаго, 1245 г.). P. Pfotenhauer, Die

королей венгерскихъ[1]): Андрея II и его преемниковъ; справа отъ фигуры, изображенной на лицевой сторонѣ хрисовула Андрея II представлено, напримѣръ, солнце, а съ лѣвой — серпъ луны, обращенный рогами кверху, съ звѣздой между ними[2]). На польскихъ монетахъ XII—XIII вв. украшенія подобнаго рода также встрѣчаются; на одной изъ нихъ, напримѣръ, (если только признавать ее дѣйствительно польской) представлено, повидимому, солнце и серпъ луны съ звѣздой, какъ и на печати Андрея II-го; но на извѣстныхъ мнѣ печатяхъ польскихъ князей, современныхъ галичско-владимірской, изображеній подобнаго рода почти вовсе не видно[3]). Значитъ, естественно предположить, что

Schlesischen Siegel von 1250 bis 1300, Bresl. 1879, s. 5, taf. II, № 12 (печати герцога Генриха V, 1287—1290). Die Siegel der Mark Brandenburg, 1-te Lief. Berl. 1868, taf. I («Siegel, darstellend einen wendischen Krieger» XIII стол.). Ср. G. Schlumberger, Numismatique de l'orient latin, Par., 1878, pp. 102—103, pl. III, №№ 4, ss.

1) I. M. Heineccius, Op. cit., p. 103; t. VIII, № 5. C. Heffner, Die deutschen Kaiser und Königssiegel, Würzburg (1875) Taf. V, № 41; Taf. VIII, № 42, cf. Taf. VII № 65.

2) G. Pray, Syntagma historicum de sigillis regum etc. Hungariae, Budae, 1805, p. 34; tab. II, № 2; III, № 2; VI, № 4, VII, № 1; IX, № 1; X, № 1. Die historische Denkmäler Ungarns, redig. v. Fr. Béla Czobor, B. I s. 21. Die Oesterreichische Monarchie in Wort und Bild, Ungarn, B. I, Wien, 1888, s. 81.

3) На нѣкоторыхъ монетахъ Владислава II (1139—1148), съ погруднымъ изображеніемъ «рыцаря» съ мечомъ въ правой рукѣ и щитомъ въ лѣвой, на полѣ, кажется, можно различить изображенія, похожія на серпъ луны и на звѣзды; см., напримѣръ, K. Stronczyński, Dawne monety polskie, cz. II (1884), str. 79 и tabl. VII, t. 42, особенно подъ литерами l, af, ar, bh; а, можетъ быть, и солнца—см. ib., bk, bl, bm и др. Ср. еще tabl. IX, t. 45 и t. 46.; tabl. IX, t. 49. Изображеніе луны (?) и звѣздъ встрѣчается и на монетахъ Владислава IV Кудряваго; см. ib., tabl. XI, t. 58 и t. 59. и др.; и на монетахъ Болеслава V Стыдливаго съ изображеніемъ стоящаго рыцаря съ хоругвью въ правой рукѣ (1228—1279); см. ib., tabl. XIX, t. 185; ср. t. 190 и t. 191 и др. Монета съ астральными украшеніями, подобными тѣмъ, что видны на печати Андрея II, см. ib., tabl. XXI, № 25: на ней погрудное изображеніе рыцаря (?) съ мечомъ въ лѣвой рукѣ, и какимъ то предметомъ въ правой; str. 214; объ этомъ «нѣмомъ» брактеатѣ вмѣстѣ съ № 24 сообщено только: «oba z Pełczysk przedawnione». Въ числѣ печатей, снимки съ которыхъ собраны въ извѣстномъ трудѣ проф. Ф. Пѣкосинскаго, если я не ошибаюсь, только на печати Пшемысла I, князя Великопольскаго 1247 года, за спиною коннаго рыцаря есть изображеніе солнца или звѣздъ. (F. Piekosiński, Op. cit., str. 185, № 129); поле печати Болеслава 1252 г., «ducis Polonie» также украшено нѣсколькими звѣздами; см. Cod. dipl. Wielkop, t. IV,

и пріемы западно-европейской сфрагистической техники (въ частности венгерской) могли въ данномъ случаѣ оказать вліяніе на малорусскую. Впрочемъ, на галичско-владимірской печати изображенія солнца не замѣтно, да и изображенія луны съ звѣздами расположены здѣсь иначе; они могли имѣть или символическое, или орнаментальное значеніе.

Изображеніе льва довольно часто встрѣчается на средневѣковыхъ монетахъ и печатяхъ. Впрочемъ, я не могу сказать, чтобы между извѣстными мнѣ аналогичными сюжетами византійскихъ, а также кіевскихъ печатей и разсматриваемымъ типомъ существовало большое сходство [1]). Итакъ, аналогіи приходится разыскивать въ западно-европейской нумизматикѣ и сфрагистикѣ, изобиловавшихъ сюжетами подобнаго рода. На старинныхъ итальянскихъ монетахъ, гербахъ и печатяхъ, напримѣръ, легко встрѣтить изображеніе льва съ хвостомъ, загнутымъ кверху такъ же, какъ и на галичско-владимірскомъ экземплярѣ [2]); та-

---

№ XVII. Остальныя печати подобнаго рода конца XIII и начала XIV в. принадлежали или духовенству, или городамъ; см. F. Piekosiński, Op. cit., str. 200, 288, 293, 303 (№№ 213, 271, 309, 365). Поле княжескихъ печатей того же времени иногда заполнялось розетками, но не звѣздами. (ib. str. 289, 291, 295, 304; №№ 277, 286, 320 и 377).

1) Кромѣ собственно византійскихъ печатей, аналогичные сюжеты можно встрѣтить и на монетахъ королей кипрскихъ Генриха II, Петра I, Петра II и Ивана II или прямо на оборотной сторонѣ ихъ, или на щитахъ; на нѣкоторыхъ изъ изображеній подобнаго рода хвостъ льва изогнутъ кверху (G. Schlumberger, Numismatique de l'orient latin, Par., 1878, pp. 195—197, Pl. VI, № 27; pl. VII, № 2, 4, 10, 16 et 17) или пригнутъ книзу (G. Schlumberger, Op. cit., Supplément, Par., 1882, p. 12; pl. XX, №№ 12, 14—17). О русскихъ печатяхъ см. Н. Кондаковъ, Русскіе клады, Спб., 1896 г., стр. 115 и 127.

2) V. Bellini, De monetis Italiae medii aevi, Ferariae, 1755—1767; v. I, pp. 24—26, 72, 85, 90, 108—110, v. II, pp. 9, 10, 76, 114, 115, 135; v. III, pp. 11, 17, 27, 55; v. IV, pp. 45, 50, 79. Argelati, De monetis Italiae, 1750—1759, v. I, tab. VI, XLIII—XLIV. G. A. Zanetti, Nuova rraccolta delle monete d'Italia, 1775—1783, v. II, p. 3 и tav. I. Catalogo della collezione Rossi di Roma, Roma, 1880, tav. II, № 374 и др.— L. Tettoni e F. Saladini, Teatro araldico, Lodi, 1841—1846, v. I, tav. 11 и passim. Periodico di numismatica e sfragistica per la storia d'Italia, t. I, Fir. 1868, pp. 283—284; t. II, pp. 235, 244; t. III, tav. VII, № 2 (il leone di Campidoglio). Bulletino di Numismatica e sfragistika, an. 1 (1883), pp. 92—95; tav. II, № 4; tav. VIII, № 2. Rivista Italiana di Numismatica, t. I, Mil. 1888; t. XIV, 1901, p. 426 и др. Въ бо-

ковъ, напримѣръ, «кампидолійскій» левъ и многіе другіе образцы; въ частности можно видѣть изображеніе льва съ такимъ же загнутымъ кверху хвостомъ на нѣкоторыхъ венеціанскихъ монетахъ того времени; впрочемъ, кисть хвоста прикрѣплена здѣсь нѣсколько иначе, чѣмъ на нашемъ изображеніи [1]). Кромѣ итальянскихъ типовъ нашъ левъ стоитъ довольно близко къ одному изъ типовъ львиныхъ изображеній, который встрѣчается на печатяхъ графовъ Фландріи, находившейся въ сношеніяхъ съ итальянскими и сѣверно-нѣмецкими городами: таково, напримѣръ, геральдическое изображеніе льва на печати Вильгельма Фландрскаго 1234 года; за исключеніемъ развѣ его положенія, онъ довольно, сходенъ съ малорусскимъ [2]). На соотвѣтствующихъ памятникахъ старины, происходящихъ изъ сосѣднихъ съ галичско-владимірскимъ княже-

---

гатомъ собраніи печатей, выставленныхъ въ Museo Nazionale въ Флоренціи можно встрѣтить много экземпляровъ съ изображеніемъ льва, хвостъ котораго загнутъ кверху; многіе изъ такихъ изображеній въ только что указанномъ отношеніи (положеніе хвоста) сходны съ галичско-владимірскимъ. О торговыхъ маркахъ или тессерахъ съ изображеніемъ льва XIV, XV, XVI вв. разныхъ итальянскихъ городовъ см. R. Sellari, Lettera sopra le marche o sieno tessere mercantili del secolo XIV, XV e XVI въ сб. G. Zanetti, Op. cit., II, pp. 497—504 и G. Verci, Una lettera sopra le marche osia tessere carraresi—ib., III, pp. 423—435; кромѣ того ср. еще D. M. Manni, Osservazioni istoriche sopra i sigilli antichi de'secoli bassi, Fir. (1739—1786), v. III, pp. 1, 17, 97; v. V, pp. 57, 71, 79, 133; v. VI, p. 127 и т. п.

1) N. Papadopoli, Le monete di Venezia, Venezia. 1893, tav. IX, № 14; tav. X, №№ 5 и 10; tav. XI, № 7; остальные типы представляютъ въ указанномъ отношеніи еще менѣе сходства съ галичско-владимирскимъ, чѣмъ только что приведенные; вообще левъ на этихъ монетахъ представленъ съ извѣстными аттрибутами, но безъ крыльевъ. На печати пизанскихъ консуловъ, тоже изображенъ левъ, довольно сходный съ галичскимъ, но съ хвостомъ, опущеннымъ внизъ; печать хранится въ Muz. Naz. (во Флоренціи), vitr. XI, № 507.

2) O. Vredius, Sigilla comitum Flandriae, Brugis Flandrorum, 1639, p. 37; ср. pp. 38, 39, 51; авторъ называетъ печать, изображенную на стр. 37 «sigillum simplex Flandriae, symbolo ornatum»; на слѣдующихъ двухъ печатяхъ Гвидона 1234 г. и Вильгельма представлены «Dampetrae insigniae» (2 льва одинъ надъ другимъ); послѣдняя—«secretum Roberti comitis Nivernensis», относящееся къ концу XIII вѣка. Впрочемъ, на фландрскихъ печатяхъ XIII—XIV вв., преобладающее значеніе, кажется получило изображеніе льва нѣсколько отличное отъ вышеуказаннаго (см. ib., pp. 19, 21, 29, 30, 32, 36, 50, 53—58 и др., а также p. 312) и, значитъ, въ меньшей мѣрѣ сходное съ галичско-владимірскимъ.

ствомъ странъ, мнѣ, однако, не удалось найти типы, которые вполнѣ подходили бы къ малорусскому[1]). Изображенія льва встрѣчаются на печатяхъ германскихъ государей, но въ большинствѣ случаевъ имѣютъ мало общаго съ изображеніемъ на печати 1316 года[2]). Чешскій левъ съ его стилизованной формой и раздвоеннымъ хвостомъ также довольно далекъ отъ него[3]). Нѣсколько ближе къ нашему изображенію стоятъ типы, попадающіеся на силезскихъ бракеатахъ[4]). Наконецъ, на печати Пшемысла I, князя великопольскаго (1252 г.) на полѣ щита, который князь держитъ

---

1) Дефектность изучаемаго экземпляра, конечно, затрудняетъ сравненіе его съ аналогичными образцами. Въ Muz. Naz. (Флоренція), въ витринѣ XI за № 528 хранится печать нѣкоего «Georgii judicis Peregrini» съ изображеніемъ льва, типъ котораго сходенъ съ нашимъ.

2) Въ виду отсутствія достаточнаго сходства между многими европейскими образцами и нашимъ изображеніемъ, а также маловѣроятности заимствованій было бы излишнимъ обременять текстъ множествомъ относящихся сюда фактовъ; я замѣчу лишь мимоходомъ, что изображеніе льва и притомъ на щитѣ очень часто встрѣчается на печатяхъ шведскихъ королей 1210—1346 гг. (B. E. Hildebrand, Op. cit., passim.); о печатяхъ нѣмецкихъ князей см. ниже; объ изображеніи льва, судя по инсигніямъ другихъ государей, см. O. Vredius, Sigilla comitum Flandriae, Brugis Flandrorum, 1639, p. 312; о монетахъ съ изображеніемъ льва, извѣстныхъ подъ названіемъ «deniers d'or fin au lion» и получившихъ широкое распространеніе въ Франціи, Фландріи и Италіи см. G. Carli, Delle monete e dell' instituzione delle zecche d'Italia, II (1757), Pisa, p. 108.

3) A. Voigt, Beschreibung der bisher bekannten böhmischen Münzen, Prag, B. II (1772), ss. 57, 61. E. Fiala, České Denáry, Praha, 1897, str. 415 и др. Ср. еще Die historischen Denkmäler Ungarns, redig. v. B. Czobor, B. I, s. 37: здѣсь на печати Стефана Младшаго и притомъ на щитѣ его легко замѣтить изображеніе, похожее на грифона или льва «ein sich bäumender Greif oder Löwe, als Wappenbild»; тоже и на знамени всадника; ср. D. Szendrei Ianos, Magyar Hadtörténelmi emlékek и проч. Budapest, 1897, p. 47.

4) F. Friedensburg, Schlesiens Münzgeschichte des Mittelalters, Breslau, 1887—88 (Cod. dipl. Sil., XII—XIII), I, taf. II, №№ 102, 104, 105, 106 (особенно 105); ср. taf. IX, №№ 457, 458; II, 117; ср. 142—143. На печатяхъ обоихъ Генриховъ изъ дома Бабенберговъ († 1223 и † 1236) на геральдическихъ щитахъ представлены «леопарды» попарно; позднѣйшая форма въ большей мѣрѣ отличается отъ галичско-владимірской, чѣмъ древнѣйшая (Monumenta Domus Augustae Austriacae, t. I, 1750, pp. 6—7; tab. III, № 1; генеалогическую таблицу Бабенбергскаго дома см. тамъ же, t. II, pars 1). Ср. еще K. v. Sava Die Siegel der Österreichischen Regenten въ Mit. der Kaiserlichen Königlichen Central—Commision zu Wien, B. IX, 1864, ss. 251—252.

въ лѣвой рукѣ, также представленъ левъ (?) съ длиннымъ хвостомъ, вздернутымъ кверху и вытянутымъ вдоль спины его; остальные извѣстные мнѣ типы польской сфрагистики мало подходятъ къ галичско-владимірскому изображенію [1]).

Каково бы ни было происхожденіе типа льва, представленнаго на печати 1316-го года, можно думать, что сюжетъ подобнаго рода пользовался популярностью въ Червонной Руси: «русскій левъ», былъ представленъ на квартникахъ, вычеканенныхъ при Казимірѣ Великомъ; подобно другимъ средневѣковымъ городамъ, аналогичный сюжетъ встрѣчается и на гербѣ г. Львова [2]).

Гербы даже въ западно-европейской сфрагистикѣ появились довольно поздно; во всякомъ случаѣ изображенію льва на галичско-владимірской печати едва ли можно придавать геральдическое значеніе; это изображеніе могло, конечно, имѣть смыслъ аналогичный съ тѣмъ, который ему приписывали напримѣръ въ XIII—XIV вв.: оно служило символомъ власти, силы, мужества, велико-

---

1) F. Piekosiński, Op. cit., str. 187, 189 №№ 139 и 150; ср. str. 186 и 190 (№№ 136 и 153). Львиное изображеніе на печати Зброцлова, каштеляна Опольскаго нѣсколько сходствуетъ съ изучаемымъ; аналогичное по сюжету изображеніе на щитѣ Пшемысла II великопольскаго 1276 г. (str. 192, № 172) мало подходитъ къ нашему. A. Schultz, Die schlesischen Siegel bis 1250, Breslau, 1876, s. 14; taf. VIII, №№ 63, 64. P. Pfotenhauer, Die schlesischen Siegel von 1250 bis 1300, Breslau, 1879, s. 25 Abth. B., I, 4; cf. s. 23, taf. XIV, № 106.

2) Trésor de numismatique et de glyptique: Sceaux des Communes, Communautés, évêques, abbés et barons, Par. 1837, pl. X, № 12 (печать г. Руана, 1262 г.). E. Hutten Czapski, Catalogue de sa collection des monnaies et médailles, t. I (1871), p. 15 (№ 153); pl. II et III; оба изображенія, однако, отличаются отъ изображенія на нашей печати 1316 года; тоже можно сказать и про типъ, изображеніе котораго приложено къ вышеупомянутому труду проф. Ф. Пѣкосинскаго (стр. 229, пр. 3); на нихъ левъ, подобно изображенію на большинствѣ извѣстныхъ экземпляровъ квартниковъ, обращенъ влѣво; лишь на нѣсколькихъ квартникахъ временъ Ягеллы положеніе его—обратное; см. В. Уляницкій, Op. cit. ib., стр. 126. Между типомъ, встрѣчающимся на монетахъ Владислава Ягеллы (№№ 67 и 69), и современнымъ ему типомъ на монетахъ г. Лёвенберга нельзя не замѣтить значительное сходство; см. B. Koehne, Beiträge zur Münzgeschichte Schlesiens ins besondere der Stadt Löwenberg въ Zeit. für Münz-Siegel- und Wappenkunde, B. I, (1841), s. 75 u. taf. V, № 1.

остались только жалкіе обломки. Тѣмъ не менѣе старое мнѣніе о принадлежности ея Юрію Львовичу, остается въ прежней силѣ и нѣкоторые изъ новѣйшихъ изслѣдователей пользовались ею для того, чтобы выяснить, какимъ титуломъ (rex Rusie) Юрій Львовичъ будто бы титуловалъ себя [1]). Между тѣмъ принадлежность ему печати, привѣшенной слѣва къ грамотѣ 1316 года, подлежитъ доказательству. Въ самомъ дѣлѣ ни одной подлинной печати Юрія Львовича до сихъ поръ не было извѣстно. Можно думать, что, послѣдній умеръ до 26 Іюня 1315 года, а въ грамотѣ 1316 года о немъ нѣтъ никакихъ упоминаній; при такихъ условіяхъ предположеніе о томъ, что князья Андрей или Левъ укрѣпили свой договоръ отцовскою печатью нельзя признать свободнымъ отъ сомнѣній. Легенда на печати свидѣтельствуетъ о томъ, что печать принадлежала какому то Георгію; между тѣмъ въ самомъ текстѣ грамоты князья заявляютъ, что они удостовѣрили свою грамату «своими печатями». Слѣдуетъ замѣтить далѣе, что типъ печати «Георгія» совершенно отличенъ отъ вышеописанныхъ изображеній печати князей Андрея или Льва, значительно уступающихъ ему въ художественномъ отношеніи, что въ то время этотъ типъ только что сложился въ западно-европейской сфрагистикѣ и что титулъ короля на печати Георгія (Rex Rusie) не повторяется на вышеописанной печати князей Андрея или Льва; даже титула ихъ «duces Russiae», упоминаемаго въ текстѣ грамоты, нѣтъ на печати одного изъ нихъ: она лишена всякой легенды. Предположеніе о томъ, что печать «domini Georgii» дѣйствительно принадлежала Юрію Львовичу, какъ видно, вызываетъ нѣкоторыя недоумѣнія; они возрастаютъ еще болѣе если сравнить ее съ позднѣйшими печатями Болеслава-Юрія II-го. Типы на лицевой и оборотной сторонахъ обѣихъ печатей и отрывки легенды на

1) И. Ржежабекъ, Юрій II и проч. въ наст. сборникѣ, стр. 26—27. М. Грушевський, Історыя Украïни—Руси, т. III, стр. 191, 192, 559—560, 561, 563. Ср. П. Ивановъ, Историческія судьбы Волынской земли, Од., 1895 г., стр. 189—190. Н. Тихоміровъ, Галицкая митрополія въ жур. «Благовѣстъ» 1895 г., май, стр. 11.

печати «domini Georgii», привѣшенной къ грамотѣ 1316 года, и на печатяхъ Болеслава-Юрія II обнаруживаютъ, кажется, полное сходство: типъ маестата на лицевой сторонѣ печатей однороденъ, а на оборотѣ печати «domini Georgii», о которой идетъ рѣчь, князь изображенъ чуть ли не въ томъ же видѣ, какъ и на печати Болеслава-Юрія II-го; и тамъ, и здѣсь конь представленъ съ тѣмъ же характернымъ изгибомъ шеи и такимъ же распущеннымъ хвостомъ. Явное сходство, а, можетъ быть, и тождество типовъ и легендъ на обломкѣ печати 1316 года, принадлежавшей «Юрію» и печатями Болеслава-Юрія II-го можно объяснить однимъ изъ слѣдующихъ предположеній: или печать Юрія Львовича перешла къ Болеславу-Юрію II, или печать послѣдняго какими то судьбами оказалась привѣшенной и къ грамотѣ 1316-го года. Высказать предположеніе о томъ, что печать Юрія Львовича вслѣдъ за тѣмъ употреблялась и Болеславомъ-Юріемъ II, довольно затруднительно: согласно обычаямъ того времени, да и самому назначенію печатей, новый государь часто обзаводился новою, собственною своею печатью[1]), а между тѣмъ въ данномъ случаѣ пришлось бы предполагать, что печать Юрія Львовича не только перешла къ одному изъ ближайшихъ его наслѣдниковъ (что, въ виду характера печати, уже само по себѣ представляется нѣсколько сомнительнымъ), но и къ ихъ преемнику, принадлежавшему къ совсѣмъ иной линіи князей. Нельзя скрывать отъ себя, однако, и того, что предположеніе о принадлежности вышеупомянутаго обломка печати при грамотѣ 1316-го года Болеславу-Юрію II-му также требовало-бы удовлетворительнаго объясненія самого появленія ея при грамотѣ 1316-го года. Впрочемъ, основываясь на аналогичныхъ примѣрахъ, извѣстныхъ въ западно-европейской средневѣковой сфрагистикѣ[2]), и

1) Ср., впрочемъ, выше стр. 228; по мнѣнію Жебравскаго sigillum privatum или sigillum annulli «spadał niby rodzinna pieczęć na dzieci królewskie...,» а «przy pogrzebrie króla, kanclerza kruszyli pieczęcie z gipsu zrobione, to jest naśladowane, a ne prawdziwe tłoki» (T. Żebrawski, Op. cit., str. 6). См. еще ниже гл. II.

2) J. Ficker, Beiträge zur Urkundenlehre, Innsbruck (1878), B. II, s. 202.

въ данномъ случаѣ, кажется, можно было бы сдѣлать нѣсколько догадокъ. Предположеніе о томъ, что княжеская канцелярія не успѣла прикрѣпить къ грамотѣ 1316 года печать одного изъ князей до его смерти и что на мѣсто ея была привѣшена печать его преемника, мало вѣроятно: послѣ 1316 года оба князя прожили еще нѣсколько лѣтъ [1]). Легко предположить, однако, что замѣна одной печати другою произошла не отъ проволочки, происшедшей въ княжеской канцеляріи, а просто отъ того, что, хотя печати обоихъ Юрьевичей были своевременно привѣшены къ грамотѣ, но по какой либо случайности, печать одного изъ князей утратилась и тогда была замѣнена, уже въ позднѣйшее время, печатью Болеслава-Юрія II Тройденовича. Замѣна подобнаго рода могла имѣть значеніе подтвержденія грамоты 1316 года Болеславомъ-Юріемъ II-мъ. Въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ галичско-владимірскій Болеславъ-Юрій II-й возобновилъ дружескія отношенія княжества къ Тевтонскому ордену; возможно, что князь галичско-владимірскій еще до 1327 года подтвердилъ договоръ 1316 г., почти дословно повторенный въ грамотѣ 1327 года. Въ виду вышеприведенныхъ соображеній предположеніе о томъ, что печать «domini Georgii» принадлежала Юрію Львовичу, и, значитъ, послужила образцомъ для печатей Болеслава-Юрія Тройденовича кажется мнѣ едва ли болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ предположеніе о принадлежности ея послѣднему.

Какъ бы то ни было, кромѣ обломковъ при грамотѣ 1316 года (табл. I) печать того же типа въ обломкахъ имѣется при грамотѣ самаго Болеслава-Юрія II отъ 1325 г. (табл. III), а въ цѣломъ видѣ при грамотахъ 1327, 1334 и 1335 годовъ; (табл. IV—VII и IX). Въ дальнѣйшемъ изложеніи я буду называть эту печать — печатью Болеслава-Юрія II-го.

---

1) Примѣръ прикрѣпленія печати, послѣдовавшаго по истеченіи значительнаго промежутка времени послѣ составленія самого акта, см., не говоря о другихъ случаяхъ, у G. Pray, Op. cit., pp. 50—51.

Печать этого типа тоже вислая; къ одной изъ грамотъ (1334 г. февр. 11, см. табл. IV) она прикрѣплена на пучкѣ шелковыхъ нитей краснаго цвѣта; на остальныхъ она виситъ на пергаминныхъ полоскахъ; судя по сохранившимся образцамъ, ея форма — круглая, а размѣры довольно значительны: діаметръ ея достигаетъ почти 9 с. Восковая печать Болеслава-Юрія II-го лишена искусственной окраски и съ обѣихъ сторонъ украшена изображеніями; они представлены согласно средневѣковому обычаю въ довольно замѣтномъ рельефѣ.

Давно уже высказано было мнѣніе, что сторона съ изображеніемъ князя, возсѣдающаго на тронѣ, — лицевая; а сторона съ изображеніемъ коннаго рыцаря — оборотная[1]). Въ пользу такого мнѣнія можно привести аналогіи изъ западно-европейской сфрагистики; лицевая сторона печати Вацлава II (1292 г.), напримѣръ, занята изображеніемъ князя, сидящаго на тронѣ, а на оборотной представленъ всадникъ[2]). Судя по способу прикрѣпленія княжеской печати къ грамотамъ 1325 и 1327 гг. слѣдуетъ прийти къ такому же заключенію относительно расположенія изображенныхъ на ней фигуръ[3]). Тѣмъ не менѣе размѣщеніе ихъ на печати Болеслава-Юрія II-го 1335 года, повидимому обратное: положеніе пергаминной ленты, на которой она виситъ, таково, что лицевой стороной оказывается sigillum equestre, а оборотной — sigillum majestatis. Этотъ фактъ можно объяснить или какими нибудь особыми причинами, или просто ошибкой княжеской канцеляріи. Вѣдь на многихъ чешскихъ и польскихъ печатяхъ на лицевой сторонѣ имѣется мотивъ, аналогичный съ только что указаннымъ (sigillum equestre). Таковы, напримѣръ,

---

1) Н. Карамзинъ, И. Г. Р., IV, пр. 204, 268 и 276. Пр. Ф. Пѣкосинскій придерживается того-же мнѣнія; F. Piekosiński, Op. cit. str. 306 (№№ 386, 387).

2) K. Stronczyński, Pobieżny przegląd pieczęci Piastów polskich, W., 1881, str. 10; ср. еще ниже.

3) Довольно плотныя пергаминныя ленты, продѣтыя въ грамоты и въ печати, сохраняютъ за ними то положеніе, какое имъ было придано при удостовѣреніи грамотъ, чего нельзя сказать про шелковые снурки, особенно если они не скручены.

тѣ печати, которыя сохранились при нѣкоторыхъ изъ грамотъ, составленныхъ отъ имени Іоанна, короля чешскаго и польскаго (1329 и 1337 гг.), а также Карла (1337 г.) или многія изъ польскихъ печатей, преимущественно XIII столѣтія; изъ позднѣйшихъ не мѣшаетъ обратить вниманіе на печать кн. Тройдена Мазовецкаго (1313—1341), отца кн. Болеслава-Юрія II-го, лицевая сторона которой оказывается sigillum equestre[1]). Вышеприведенныя аналогіи нельзя, однако, признать вполнѣ убѣдительными: извѣстны случаи иного рода; притомъ на большинствѣ польскихъ печатей того времени оборотныя изображенія играли второстепенную роль, такъ какъ были, согласно старинной терминологіи, не «sigilla adversa», а просто contrasigilla или же secreta[2]). Дальнѣйшее подтвержденіе разбираемаго предположенія можно было бы искать еще и въ желаніи Болеслава-Юрія II-го отдать первенство тому символу, который указывалъ на старшій столъ княжества: родъ Мстислава Изяславича утвердился первоначально въ землѣ волынской, а затѣмъ уже въ галичской; между тѣмъ печать съ изображеніемъ всадника, а не маестата, какъ видно изъ ея легенды, и была владимірской. Какъ бы то ни было вышеуказанныя соображенія лишь довольно искусственнымъ образомъ могли бы объяснить способъ расположенія печати Болеслава-Юрія II-го при грамотѣ 1335 года (табл. IX). Пожалуй, болѣе простымъ объясненіемъ вышеуказаннаго размѣщенія сторонъ печати было бы то, что оно случайно произошло по ошибкѣ княжеской канцеляріи.

---

1) Königsb. Staatsarchiv, Sch. 60, № 4 (Schuldschein des Königs Iohann von Böhmen und Polen an dem Hochmeister Werner v. Orstla und Hermann v. Esse, Bürger zu Thorn, 1329); Sch. 28, № 35 (König Iohann v. Böhmen verspricht im Namen einiger polnischen Prälaten, dass diese wegen der Ihnen im Kriege zwischen dem Orden und dem Könige Kasimir von Polen zugefügten Schäden und Beeinträchtigugen nie irgend eine Genugthuung fordern noch suchen werden, 1337); ср. Sch. 28, № 38 (грамота Карла 1337 г. марта 22). F. Piekosiński, Op. cit., str. 308, (№ 398).

2) F. Piekosiński, Op. cit., str. 199, №№ 211, 212. Мабильонъ называлъ sigillum adversum оборотное изображеніе печати, по размѣрамъ своимъ равное лицевому.

Штемпели на обѣихъ сторонахъ вислой печати Болеслава-Юрія II, разнятся по своему содержанію и легенды ихъ между собою не связаны: каждая изъ нихъ сама по себѣ составляетъ особое цѣлое. Самъ князь Болеславъ-Юрій II въ грамотѣ 1325 года назвалъ свою печать «sigillum majus»; трудно сказать, разумѣлъ ли онъ въ данномъ случаѣ подъ «sigillum majus» только «sigillum majestatis», что было бы довольно естественно [1]), или комбинацію послѣдняго съ «sigillum equestre». Во всякамъ случаѣ такой комбинаціи обоихъ изображеній можно придавать значеніе двойной печати (sigillum duplex); согласно содержанію легендъ на каждой изъ сторонъ ея, можно назвать типъ на лицевой сторонѣ ее (т. е. sigillum majestatis) — галичскимъ; а типъ на оборотной (т. е. sigillum equestre) — владимірскимъ.

Въ только что указанной послѣдовательности я и опишу каждый изъ нихъ въ отдѣльности.

На лицевой сторонѣ печатей князя Болеслава-Юрія II-го, т. е. на сторонѣ съ галичскимъ типомъ представленъ князь, возсѣдающій на тронѣ. Голова его покрыта короной, на которой не трудно разглядѣть три зубца; изъ подъ нея выбиваются пряди волосъ; они надаютъ на плечи князя и смѣшиваются съ его длинной и волнистою бородою. Мантія князя держится на плечахъ, по всей вѣроятности при помощи цѣпочки, прикрѣпленной къ ней двумя аграфами; изъ подъ мантіи, распахнувшейся на груди, видна просторная одежда князя, живописными складками спускающаяся почти до самаго низу его кресла. Въ правой рукѣ князь держитъ скипетръ съ лилеобразной оконечностью; а указательный палецъ лѣвой руки онъ заложилъ за свою шейную цѣпочку и оттягиваетъ ее внизъ. Ноги его обуты въ остроконечные башмаки. — Тронъ, на которомъ возсѣдаетъ описанная фигура, повидимому, состоитъ изъ нѣсколькихъ частей. Прежде

---

1) Въ данномъ случаѣ и ниже я употребляю терминъ: «sigillum majestatis», понимая его въ широкомъ смыслѣ; о болѣе точномъ словоупотребленіи см. ниже.

всего въ глаза бросаются дугообразныя ручки, заканчивающіяся какими то украшеніями, можетъ быть, въ видѣ звѣриныхъ головъ; далѣе плоское сидѣніе, снабженное подушкой, на которой и возсѣдаетъ князь; наконецъ, подножіе трона, орнаментированное арочками и колонками въ готическомъ вкусѣ. Фонъ лицевой стороны описываемой печати усѣянъ розетками или какимъ-нибудь другимъ орнаментомъ.

На оборотной сторонѣ печатей князя Болеслава-Юрія II-го, т. е. на сторонѣ съ владимірскимъ типомъ, изображенъ всадникъ верхомъ на конѣ, обращенный влѣво отъ зрителя. Всадникъ въ полномъ рыцарскомъ уборѣ. Голова его покрыта остроконечнымъ шлемомъ, похожимъ на шишакъ, но съ довольно низкимъ навершьемъ и безъ яблока. Въ правой рукѣ рыцарь держитъ копье, поближе къ верхушкѣ, оконечности которой, кажется, не видно изъ за ободка печати; верхняя часть древка снабжена трехконечнымъ знаменемъ. Въ лѣвой рукѣ у рыцаря треугольный щитъ съ изображеніемъ выступающаго льва на полѣ; передними ногами левъ уперся въ верхній лѣвый уголъ щита (табл. VII). Конь въ сбруѣ; онъ идетъ шагомъ по скалистому грунту, украшенному стилизованными растеніями, оконечности которыхъ имѣютъ видъ трефовыхъ листьевъ. Свободное поле оборотной стороны печати усѣяно звѣздами[1]).

Легенды на описанныхъ печатяхъ расположены въ одну строку, которая начинается нѣсколько вправо отъ зрителя такъ, чтобы оставить свободное мѣсто для короны или шлема княжескихъ. Начало каждой легенды отдѣлено отъ конца ея четырехконечнымъ крестомъ. Обѣ легенды писаны закругленными буквами съ обычнымъ въ то время сокращеніемъ s' вмѣсто sigillum. Содержаніе ихъ различно.

Легенда на лицевой сторонѣ читается такъ:

---

1) Обломокъ, висящій при грамотѣ № 5, также sigillum duplex; но на таблицѣ III изображено только sigillum majestatis; части sigillum equestre, отпеныя на томъ же обломкѣ и подобныя фигурѣ на табл. V справа, не изоб- печати, представленной на таблицѣ VII, звѣздъ не замѣтно.

† S'·DOMINI·GЄORGI·RЄGIS·RUSIЄ

Легенда на оборотной сторонѣ читается такъ:

† S'·DOMINI·GЄORGI·DUCIS·LADIMЄRIЄ

Еще въ 1881 году знатокъ польской нумизматики и сфрагистики заявилъ, что онъ не знаетъ ни одной печати «Болеслава, князя мазовецкаго и русскаго»[1]); но уже нѣсколько лѣтъ спустя снимки съ печатей, его едва ли впрочемъ вполнѣ удовлетворительные, были изданы нѣсколько разъ[2]).

Послѣ описанія способа прикрѣпленія и обоихъ типовъ двойной печати Болеслава-Юрія II-го я перейду къ краткимъ замѣчаніямъ касательно способа ея прикрѣпленія и къ анализу основныхъ элементовъ каждаго изъ ея типовъ, или, если угодно, каждой печати, изъ которыхъ въ общей совокупности образовалось его sigillum duplex; такой анализъ вмѣстѣ съ тѣмъ подготовитъ матеріалъ, на основаніи котораго можно будетъ въ связи съ другими данными построить нѣсколько предположеній о происхожденіи изучаемыхъ типовъ.

Печати Болеслава-Юрія II привѣшены къ грамотѣ № 7 на снуркахъ изъ краснаго шелку; какъ указано было выше, цвѣту ихъ, однако, нельзя приписывать большое значеніе, такъ какъ едва ли можно считать его вполнѣ установившимся въ княжеской канцеляріи; притомъ печати при грамотѣ № 8 (и нѣкоторыхъ другихъ)—на пергаминныхъ лентахъ обычнаго типа (ср. такъ называемую «double queue»). Сказанное выше относительно мате-

---

1) K. Stronczyński, Op. cit., str. 86.

2) F. Piekosiński, Op. cit., str. 306 (№№ 386, 387). Вслѣдъ затѣмъ авторъ каталога перепечаталъ снимокъ съ той же печати въ статьѣ: «O źródlach heraldyki russkiej» въ Rozprawy Krak. akad. Umiejętności, Wyd. hist.—fil., Ser. II, t. XIII, 1899, str. 200, а также въ «Studya, Rozprawy i Materiały» и проч., t. III (1899) ex. 2, str. 222 и 223. Кромѣ того она воспроизведена въ соч. A. Lewicki, Ruthenische Theilfürstenthümer etc. въ сборникѣ: Oesterreichische Monarchie in Wort und Bild, Galizien, Wien, 1898. Наконецъ, изображенія той же печати (л. и об. сторонъ) были изданы еще разъ, едва ли впрочемъ удачно, въ соч. A. Sokołowski, Dzieje Polski ilustrowane, War., 1899, I, 211.

*

ріала матрицъ (typaria), а также относительно размѣровъ и цвѣта воска печати 1316-го можно примѣнить и къ печатямъ Болеслава-Юрія II-го[1]).

При изученіи важнѣйшихъ особенностей вышеназванныхъ типовъ: галичскаго и владимірскаго, нельзя не замѣтить, что галичскій сложнѣе владимірскаго, можетъ быть, болѣе поздняго происхожденія, да и ярче послѣдняго обнаруживаетъ на себѣ иноземное, преимущественно нѣмецкое вліяніе; тѣмъ не менѣе, въ виду вышеуказанныхъ соображеній я прежде всего остановлюсь на анализѣ галичскаго типа, которому самъ князь, вѣроятно, придавалъ главное значеніе, а затѣмъ уже сдѣлаю нѣсколько замѣчаній объ особенностяхъ владимірскаго типа.

Хотя въ Германіи типъ величества уже встрѣчается на печатяхъ Оттона III, съ конца X-го вѣка, а затѣмъ появляется на печатяхъ чешскихъ и венгерскихъ[2]), однако, насколько я могу судить по извѣстнымъ мнѣ снимкамъ, онъ устанавливается въ Польшѣ довольно поздно, напримѣръ, на монетахъ, Болеслава IV-го Кудряваго и затѣмъ уже на печатяхъ Пшемысла, коронованнаго въ 1295 г. и короля чешскаго Вацлава II, князя Краковскаго и Сандомирскаго[3]). Впрочемъ, я не могу пока привести ни одного

1) См. выше 227 и сл.

2) Коллекція снимковъ съ печатей германскихъ императоровъ въ Германскомъ музеѣ (въ Нюренбергѣ) и въ гербовомъ отдѣленіи при департаментѣ Герольдіи, шк. № 15. См. о печатяхъ чешскихъ ниже. Sigillum majestatis Андрея II, короля венгерскаго и проч., снимокъ съ котораго можно видѣть въ собраніи печатей, принадлежащемъ гербовому отдѣленію при департаментѣ Герольдіи (ящикъ № 14), имѣетъ мало сходнаго съ аналогичною по сюжету печатью Болеслава—Юрія II-го; типъ величества на монетахъ Белы II и его преемниковъ см. въ Catalogus nummorum Hungariae ac Transylvaniae Instituti Nationalis Széchényani, Pest, 1807, atl., tab. II.

3) H. Bresslau, Op. cit., I, 947, 966. Авторъ задается даже вопросомъ, не имперская ли канцелярія изобрѣла этотъ типъ? но уже печать Арнуля гр. Фландрскаго 942 года украшена изображеніемъ государя въ сидячемъ положеніи съ мечемъ въ правой рукѣ (снимокъ Vredius'а относится къ 1639 году; см. A. Giry, Manuel de diplomatique, Par., 1894, p. 637), а печать Оттона III, о которой идетъ рѣчь,—998 года. Образчикъ сложившагося типа на печати Генриха II см. у O. Heffner, Die deutschen Kaiser- und Königssiegel, Taf. II, № 20 и мн. др. Ср. еще T. Żebrawski, Op. cit., str. 10 и tabl. VI, № 19, а также ниже.

изъ польскихъ образцовъ, который вполнѣ подходилъ бы къ печати Болеслава-Юрія II. Современныя ей печати королей польскихъ: Владислава Локетка (1320 г.) и Казиміра Великаго (1334 г.), сходныя съ нею по основному сюжету, представляютъ, однако, нѣсколько отличій въ деталяхъ [1]).

Подобно нѣмецкимъ князьямъ, старавшимся съ разными измѣненіями воспроизводить типъ «величества» на своихъ печатяхъ [2]), послѣдній князь «Малой Руси», очевидно, также желалъ придать своей печати нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ особенностей того же типа.

На печатяхъ съ маестатомъ фигура государя, обыкновенно, изображалась въ сидячемъ положеніи, на престолѣ и съ атрибутами, характеризующими его царскій санъ. Въ посадкѣ, орнатѣ и инсигніяхъ нашей фигуры есть нѣсколько чертъ, заслуживающихъ вниманіе [3]).

---

1) F. Piekosiński, Op. cit., str. 199 (№ 211), 200 (№ 218), 295 (№ 320) и 304 (№ 377); ср. F. Piekosiński, O monecie и проч., ib., tab. I, №№ 1—6, 9—11 и выше стр. 245 и сл.

2) G. Seyler, Abriss der Sphragistik, ss. 1718. Типъ «величества» можно встрѣтить и на монетахъ Роберта «Dei gratia Ier[usalem] Siciliae regis» и его преемниковъ, «principum ac regum Neapolis atque Siciliae»; см., напримѣръ, V. Bellini, Op. cit., v. II, pp. 104—105. Argelati, Op. cit., v. I, tab. XXVIII, №№ 1—5; tab. XXIX, №№ 1—2. Muratori, Antiquitates, II, 627 ss., 637. I. Lelewel, Numismatique du moyen âge, Par., 1835, p. 37. Atlas, tab. XV, № 30 et XXIII, № 30; но между только что указанными типами и галичскимъ мало сходства. Судя по тѣмъ экземплярамъ, которые воспроизведены въ сочиненіи Н. Паподопули между печатями «величества» и печатями венеціанскихъ дожей также мало общаго. На печатяхъ графовъ Фландрскихъ тотъ же типъ мнѣ попался, судя по сборнику Вредіуса, только одинъ разъ, а именно на печати Балдуина «Dei gratia imperatoris Romanie», да и это изображеніе нѣсколько отличается отъ общепринятаго.

3) Въ дальнѣйшемъ изложеніи я иногда называю эту фигуру «малорусскимъ или галичско-владимірскимъ княземъ» лишь въ виду краткости, для избѣжанія болѣе длинныхъ описательныхъ выраженій, но въ дѣйствительности фигура представленная на галичской печати могла и не изображать такого князя, а тѣмъ болѣе самого Болеслава-Юрія II-го; см. ниже. W. de Gray Birch, Catalogue of seals in the department of manuscripts in the British Museum, ld. 1887 и сл., v. IV, №№ 21130, 21151, 21139, 21158, 21176, 21182 и др. На монетахъ Болеслава III Кривоустаго и на болѣе раннихъ монетахъ Болеслава IV Кудрявого (л. с.) представленъ государь на тронѣ съ мечемъ на колѣняхъ или въ правой

Отчасти подобно нѣкоторымъ нѣмецкимъ и венгерскимъ образцамъ князь представленъ на галичской печати въ довольно свободной позѣ, чѣмъ изображеніе его выгодно отличается отъ польскихъ типовъ: здѣсь польскіе государи изображены большею частью въ менѣе естественномъ положеніи, напримѣръ, симметрично разставивъ ноги одну подлѣ другой. На нашемъ изображеніи, напротивъ, князь сидитъ довольно свободно, благодаря чему и одежда его падаетъ болѣе разнообразными складками: подъ ними чувствуется тѣло, да и самый способъ налагать драпировки не лишенъ изящества[1]).

Подобно европейскимъ типамъ, напримѣръ, нѣкоторымъ германскимъ и чешскимъ образцамъ, и у малорусскаго князя — длинные волнистые волосы и такая же борода[2]).

Поврежденное состояніе печати мѣшаетъ судить о всѣхъ подробностяхъ княжескаго орната. Государь, очевидно, изображенъ въ царской мантіи, что практиковалась издавна. Въ способѣ ношенія ея замѣтны, однако, отступленія отъ общепринятаго обычая: на германскихъ и польскихъ sigilla majestatis мантія обыкновенно представлена застегнутой на груди аграфомъ и распахнутой съ правой стороны: королевы чаще королей носятъ ее

рукѣ (ср. печать Арнуля гр. Фландрскаго); см. K. Stronczyński, Dawne monety polskie etc., cz. II (1884), str. 66 92, 93; ср. str. 146, 193. Tabl. VI, t. 37. Tabl. IX, t. 43; tabl. X, tt. 51—52; tabl. XV, t. 98; tabl. XVIII, t. 178. Типъ маестата на монетахъ Болеслава IV Кудрявого (король на тронѣ, въ коронѣ съ скипетромъ и державою) см. у K. Stronczyński, Op. cit., cz. II, str., 95, 96, 98; ср. str. 142; tabl. XI, t. 55, 55*, 55**. Ср. еще A. Małecki, Studya heraldyczne, Lw., 1890, I 241; II, 130.

1) C. Heffner, Op. cit., Taf. IV, №№ 37, 38, 40, 45 (печати Генриха IV, Генриха VI, Филиппа и Фридриха II); см. еще печать Фридриха III—въ снимкѣ въ Собр. Гербов. Отд., ящ. № 14. G. Pray, Op. cit., tab. II, № 2; tab. IX, № 1 (печати Андрея II, 1216 г. и Андрея III, 1291 г.). На нѣмецкихъ печатяхъ, а также на венгерской печати Андрея II ассиметрія въ положеніи ногъ обратная сравнительно съ тою, какая замѣтна на галичскомъ типѣ.

2) Douet-d'Arcq, Collection de sceaux, Par. 1863 г. t. I, p. XXXIX. Таковы же печати: Конрада II, Генриха III и Фридриха I. См. C. Heffner, Op. cit., Taf. I, № 21; Taf. II №№ 20 и 22; Taf. V, №№ 34, 35, Taf. IX, №№ 82, 83, 85, 86, 88. Снимокъ съ печати Фридриха III, Венцеслава и Карла IV см. въ собраніи Герб. Отд., ящ. № 14.

такъ, какъ князь, изображенный на галичской печати, и такимъ же образомъ лѣвою рукой придерживаютъ ее за «шейную цѣпочку». (Halskette)[1]). Впрочемъ, аналогичныя мантіи съ такими же цѣпочками и т. п. можно видѣть и на печатяхъ владѣтельныхъ особъ мужескаго пола, между прочимъ на печати «romanorum regis» Фридриха III-го, короля чешскаго Оттокара (1262—1276) и на печатяхъ королей венгерскихъ Андрея II и Стефана V того же столѣтія, далѣе кажется на печати Пшемысла, короля Польскаго (1295) и на печати Владислава Локотка, но въ качествѣ князя Краковскаго[2]). Подъ распахнувшейся на груди мантіей князя можно замѣтить его нижнюю одежду; но трудно сказать, однако, о ней что либо опредѣленное: надо полагать, что, подобно современнымъ ему государямъ, онъ былъ облеченъ въ длиннополую королевскую тунику. Изъ подъ нея выглядываютъ его широкіе башмаки съ заостренными концами, что также роднитъ изучаемый типъ съ западно-европейскими: въ самомъ дѣлѣ, послѣ того какъ византійскія и вообще восточныя традиціи на западѣ ослабѣли, вмѣсто узкой обуви начали употреблять широкую; судя по польскимъ печатямъ съ маестатомъ государи

---

1) C. Heffner, Op. cit., Taf. VIII, № 53, Taf. IX №№ 67 и 79. G. Seyler, Op. cit., ss. 256, 257. Ср. также J. H. Heffner—Alteneck, Trachten des christlichen Mittelalters, 2-te Auflage, 1874, B. II, Taf. 129 и 135. F. K. Fürst zu Hohenlohe—Waldenburg, Op. cit., taf. XXII, № 255 (Herzogin Agnes von Oesterreich, 1248 г.).

2) A. Racinet, Le costume historique, t. III (France XII—XIII sc.), t. IV, pl. «le feston» и др. Снимки съ печатей Фридриха III-го и Карла IV-го см. въ сбор. Гербов. отд. при департ. Герольдіи, ящ. № 14. G. Pray, Op. cit., tab. V, № 1; tab. VIII, № 4. Monumenta Augustae Domus Austriacae, W., 1750, t. I, tab. IV, №№ 2, 3, 5. K. v. Sava, Op. cit., s. 261; F. Piekosiński, Op. cit., str. 200, № 228. K. Stronczyński, Op. cit., str. 25; ср. стр. 27; здѣсь Вацлавъ II (1305) изображенъ въ мантіи. Такія же Halsketten встрѣчаются и на монументальныхъ памятникахъ, напримѣръ на надгробномъ камнѣ Дитера IV, графа Каценельбогенскаго (Katzenelbogen); см. J. H. Heffner—Alteneck, Trachten etc., 2-te Auflage, B. III, Taf. 157. На монетахъ кіевскихъ князь иногда изображенъ въ застегнутой мантіи, причемъ пальцы лѣвой руки его вытянуты по направленію къ застежкѣ; но жестъ малорусскаго князя ближе подходитъ къ европейскимъ образцамъ (Гр. И. Толстой, Древнерусскія монеты великаго княжества кіевскаго. Спб., стр. 222—225).

того времени носитъ еще узкіе башмаки; между тѣмъ на галичскихъ печатяхъ, кажется, изображены башмаки, сшитые по послѣдней европейской модѣ и въ этомъ отношеніи сходные, напримѣръ, съ тѣми, которые представлены на современной печати Фридриха III-го [1]).

То же западное вліяніе замѣтно и въ особенностяхъ княжескихъ регалій.

Вмѣсто византійскаго царскаго вѣнца, князь малорусскій украшенъ короной готическаго стиля. Хотя польскіе хронисты въ своемъ разсказѣ о драгоцѣнностяхъ, якобы принадлежавшихъ русскимъ князьямъ, упоминаютъ и о двухъ діадемахъ [2]), однако, головной уборъ, представленный на галичской печати, собственно говоря, нельзя назвать діадемой. Судя по нѣкоторымъ образцамъ императорская корона дѣлалась съ замкнутымъ верхомъ; королевская корона, вообще принимавшая довольно разнообразныя формы, иногда также снабжалась сквознымъ верхомъ [3]); напримѣръ: двѣ дужки подъ угломъ были укрѣплены надъ короною, приписываемою Владиславу Локетку, а на дужкахъ красовалось яблоко съ крестомъ, символизировавшее міръ (ср.

---

1) E. Viollet, Dictionnaire du mobilier français, III, 161—164. Собр. Гербъ. отд. при Департ. Герольдіи, шк. № 14: снимокъ съ печати «Friderici Dei gratia Romanorum regis semper Augusti».

2) См. выше стр. 186 и 188; ср. J. C. Beckmanni, Syntagma dignitatum etc., Frankf. et Lips. 1696, Dis. V, c. 3, § 5: «Orientales vero... imo vix diademata in usum solemnem aliquem ostentandae regiae dignitatis retinuere».

3) J. C. Beckmanni, Syntagma dignitatum etc. Frankf. et Lps., 1696, Dis. V, cap. 3, § 7: «Coronae imperiali olim peculiare erat ut clausa esset...» L. Tettoni e F. Saladini, Teatro araldico, Lodi, 1842—1848, v. I, tav. B, C, D, E; cf. v. V, Titoli e predicati d'onore, c. VIII. A. Racinet, Op. cit., t. III, pl. 68 и сл., t. IV, pl. CX. Fr. Bock, Kleinodien des Römischen Reiches Deutscher Nation, Wien, 1864, ss. 8 ff., 24—25. E. Molinier, Op. cit., IV, 132. Die historische Denkmäler Ungarns... red. v. F. B. Czobor, B. I, taf. II и III. На печатяхъ Карла IV (sigilla majestatis) онъ представленъ въ коронѣ съ остроконечнымъ верхомъ, надъ послѣднимъ дужки, а на дужкахъ яблоко съ крестомъ; см. напр. факсимиле печати привѣшенной къ золотой буллѣ въ Арх. Гербоваго отд. Прав. Сената, шкапъ № 15, подъ № 37 и шкапъ 14; ср. перечень Lecoy de la Marche, Op. cit., p. 188.

державу[1]). Корона, изображеніе которой на галичской печати впрочемъ уже значительно стерлось, лишена, однако, такихъ приспособленій; съ только что указанной точки зрѣнія её можно было бы отнести и къ типу княжескихъ вѣнцовъ (princeps, dux). На галичской коронѣ легко различить лилеобразныя развѣтвленія, часто украшавшія верхній край предметовъ подобнаго рода; такія же украшенія, напримѣръ, были представлены на коронѣ, приписываемой Владиславу Локотку; согласно той же манерѣ, установившейся съ конца XIII-го вѣка, форма ихъ и на галичскомъ головномъ уборѣ продолговата, а боковые листья сильно выгнуты; наконецъ, подобно коронѣ Владислава Локотка, и вѣнецъ малорусскаго князя, по свидѣтельству лѣтописца, былъ украшенъ драгоцѣнными камнями: «diademata lapides et graves censu uniones habentia»[2]); но можно ли отнести это описаніе и къ коронѣ, представленной на печати, сказать трудно.

Согласно общеизвѣстному типу «величества», князь держитъ въ правой рукѣ скипетръ. Въ виду того, что оконечность его значительно стерлась, нельзя съ полной достовѣрностью судить о ея формѣ, можетъ быть, обычной: лилеобразной, иногда осложненной разными украшеніями; съ XIII столѣтія она обыкновенно встрѣчается на польскихъ королевскихъ печатяхъ (ср. ниже рис. 4-й) и, вѣроятно, была изображена также на печатяхъ галичскаго типа.

Держава служила столь же обыкновеннымъ символомъ верховной власти; между прочимъ и на польскихъ sigilla majestatis, по словамъ одного изъ знатоковъ польской сфрагистики, дер-

---

1) Впрочемъ, короны, представленныя на печатяхъ польскихъ королей, напримѣръ Пшемысла I (1295 г.), Вацлава II-го (1293 г.), Казиміра Великаго, сходны съ галичской (ср. T. Żebrawski, Op. cit., tab. 2); корона Владислава Локотка, въ которой онъ представленъ на надгробномъ памятникѣ,—съ крытымъ верхомъ; см. F. Piekosiński, Insygnia Królewskie въ Herold Polski, R. 1905, tab. VII.

2) F. Kopera, Dzieje skarbca koronnego czyli insigniów i klejnotów koronnych Polski, Krak. 1904, str. 22—28 (описаніе короны, сдѣланной по мнѣнію автора для Владислава Локотка); ср. предшест. прим.

жава вообще встрѣчается, но только въ рукѣ королевской; по крайней мѣрѣ ни на одной печати княжеской ему не удалось найти этого символа власти [1]); то же замѣчаніе можно, кажется, сдѣлать и относительно цѣлаго ряда монетъ кіевскихъ князей [2]). Итакъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что и въ рукѣ малорусскаго князя державы не видно; вмѣсто того, онъ придерживаетъ свою шейную цѣпочку указательнымъ пальцемъ лѣвой руки. Впрочемъ, при оцѣнкѣ этого факта слѣдуетъ имѣть въ виду, что и на печатяхъ другихъ «королей» держава не всегда представлена [3]). Если, тѣмъ не менѣе, предположить, что ея изображеніе опущено на изучаемой печати не по какой либо случайности, то, пожалуй, можно предположить и то, что такое опущеніе намекаетъ на отсутствіе полноты суверенной власти у послѣдняго князя Малой Руси.

---

1) T. Żebrawski, Op. cit., ib., str. 12.

2) J. C. Beckmanus, Op. cit., Dis. V, cap. 4, § 1: «globus imperatoribus olim datus in signum universalis imperii». Преемники Константина Великаго стали употреблять державу съ крестомъ (globe crucigère) въ качествѣ главной эмблемы императорской власти; см. J. Sabatier, Description générale des monnaies byzantines, Par., 1862, p. 34. Такія же эмблемы можно видѣть и на печатяхъ съ крестомъ нѣмецкихъ, венгерскихъ и польскихъ государей. Примѣры обратнаго рода: на печати Генриха I князь изображенъ безъ скипетра и державы (F. Piekosiński, Op. cit., str. 198, № 277); но какъ указываетъ самый титулъ, печать принадлежала лицу, лишь претендовавшему на польскую корону; ср. K. Stronczyński, Op. cit., str. 26; на одной печати Вацлава II, «regis Boemorum»... etc. 1288 г. государь также представленъ безъ скипетра и державы (оригин. въ Centr. Arch. des Deutsch-Ordens zu Wien; регесты грамоты см. у E. v. Pettenegg, I, 172), не въ связи ли съ тѣмъ, что Вацлавъ II былъ коронованъ лишь въ 1297 г.? Впрочемъ, на французскихъ королевскихъ печатяхъ держава появляется лишь въ позднѣйшее время; говоря объ употребленіи «globi, cruce insigniti», Бекманъ замѣчаетъ: «Galliae et Angliae regnis exceptis» (J. C. Beckmanus, Op. cit., Dis. V, cap. 5, § 3). Ср. выше стр. 253.

3) Въ разсказѣ о принятіи Даніиломъ Романовичемъ королевскаго вѣнца лѣтописецъ свидѣтельствуетъ: «присла папа послы честны, носяще вѣнецъ и скипетръ и коруну, еже нарѣчеться королевьскый санъ...» (Лѣт. по Ипат. сп., 6763 г.; изд. 1871, стр. 548); здѣсь также нѣтъ рѣчи о державѣ. Ср. описаніе печати Гедимина, привѣшенной къ одной изъ его грамотъ 1323 года: «sigillum vero his litteris appensum erat rotundum, cereum, continens circulum duodecim angelorum et in medio circuli imaginem viri capillati, in cathedra residentis, in manu dextra coronam continentis et sceptrum in sinistra»..., и проч.; см. Hans. Urkundenbuch, B. II (1880) № 190, p. 307.

Къ числу вышеуказанныхъ особенностей галичскаго sigilli majestatis присоединяется еще одна, едва-ли не самая характерная: я разумѣю престолъ княжескій: «sella, по словамъ польской хроники, auro et gemmis superba». Прототипъ ея разыскать довольно трудно, если принять во вниманіе совокупность ея важнѣйшихъ чертъ. На разныхъ предметахъ византійской старины, изображенія Спасителя или Богоматери, возсѣдающихъ на особаго рода креслахъ (σελλίον), попадаются довольно часто; на монетахъ Льва VI и Константина Багрянороднаго, Константина Мономаха и Константина Дуки можно также видѣть Іисуса Христа на аналогичномъ престолѣ [1]); въ нѣкоторыхъ случаяхъ и византійскіе императоры сидѣли на однородныхъ сѣдалищахъ: они представлены, повидимому, и на монетахъ Владимира Святого, «третьяго типа» [3]). Тѣмъ не менѣе между вышеуказаннымъ типомъ и галичскимъ трономъ мало сходства [4]): на престолѣ позднѣйшаго византійскаго типа не замѣтно ни тѣхъ приспособленій (повидимому ручекъ), которыя придаютъ галичскому сѣдалищу его характерную форму, ни арочекъ въ готическомъ вкусѣ. Если обратиться къ западно-европейскимъ печатямъ, то на нихъ прежде всего легко встрѣтить изображенія сѣдалищъ

---

1) J. Sabatier, Iconographie, etc., St.-Pétersbourg, 1847; tt. XVI, №№ 12, 28; XVII, № 3; XIX, №№ 1, 6. Ср. Н. Кондаковъ, Лицевой иконописный подлинникъ, фот. № 5.

2) J. Labarte, Histoire des arts industriels, t. II, p. 332 et pl. XLIX., LVIII, G. Schlumberger, Op. cit., p. 421; объ употребленіи его при византійскомъ дворѣ см. Д. Бѣляевъ, Byzantina. Спб. I (1891), 14; II (1893), таб. VI. Хорошій образчикъ того же σελλίον см. на одномъ триптихѣ X—XI вв., изображенномъ въ соч. G. Schlumberger, L'épopée Byzantine à la fin du dixième sciècle, Par; 1896, p. 37; ср. гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ, Рус. Древн., IV, 155.

3) Гр. И. Толстой, Древнерусскія монеты великаго княжества Кіевскаго, Спб. (1882), 31, 39; табл. I, № 14 и мн. др. Аналогичный типъ сѣдалища можно видѣть и на другихъ монетахъ; см. N. Papadopuli, Le monete di Venezia, Ven., 1893, t. V, № 6 (grosso di Enrico Dandolo, doge 1192—1205), t. XVI, № 7 (grosso o grossetto di Cristoforo Moro 1462—1471) и мн. др.; ср. еще типы на печатяхъ дожей ib. pp. 156, 188, 292 и др.

4) Въ сборникѣ матеріаловъ о «византійскомъ жилищѣ» г. Бейлье я также не нашелъ типа, который въ достаточной мѣрѣ подходилъ бы къ галичскому; см. L. de Beylié, L'habitation Byzantine, Par. 1902, pp. 184—187 (sièges, trônes).

(«chayère») въ видѣ X съ львиными головами у конечностей; но они все же слишкомъ мало подходятъ къ галичскому [1]); даже царскіе троны, изображенные на извѣстныхъ мнѣ печатяхъ чешскихъ и польскихъ X—XIV вв., не представляютъ всѣхъ характерныхъ особенностей галичскаго; только нижнія части троновъ чешскихъ и польскихъ королей, напримѣръ Вацлава, Владислава Локотка и Казимира Великаго, судя по сфрагистическимъ даннымъ, внизу орнаментированы арочками въ готическомъ вкусѣ, подобными тѣмъ, которыя украшаютъ галичское сѣдалище [2]); возможно, что оно, по обычаю того времени, было еще снабжено ступенькой или подножкой.

Сочетаніе вышеуказанныхъ особенностей т. е. сѣдалища, повидимому, съ загнутыми кверху «ручками» и съ арочками въ готическомъ вкусѣ, но безъ слѣдовъ спинки, впрочемъ, я могу сопоставить съ изображеніями, пока извѣстными мнѣ только по печатямъ датскимъ и любекскимъ [3]).

---

1) Запасъ свѣдѣній о западно-европейской средневѣковой меблировкѣ вообще до половины XIV вѣка довольно ничтоженъ, такъ какъ подлинныхъ предметовъ сохранилось очень мало, а техника миніатюръ того времени еще мало благопріятствовала изображенію обстановки; см. J. Labarte, Histoire des arts industriels, Op. cit., 2 éd., t. III (1875), p. 435; cp. E. Molinier, Histoire des arts industriels, t. II, pp. 31, 32, 43, 59. Сѣдалища, подобныя указываемымъ въ текстѣ, въ сущности назывались въ то время cathedra, chayère, chaise; между прочимъ королей представляли возсѣдающими (иногда подъ балдахиномъ) «en la chayère»=«chaise de justice»; см. H. Havard, Dictionnaire de l'amenblement et de la décoration, Par., 1894, t. I, p. p. 627, 629. Cp. «Lites et res gestae inter Polonos Ordinemque Cruciferorum», t. I, a pars I, p. 5 (описаніе печати Казиміра Великаго при его грамотѣ 1339 г.): «ymago regia... sedensque in una kathedra».

2) C. Heffner, Op. cit., Taf. VIII, № 70; Taf. IX, №№ 67 и 79; Taf. X, №№ 68; Taf. XI, № 80 (между прочимъ печати Генриха VII, Людовика Баварскаго и Гюнтера); печать Вацлава 1305 при грамотахъ его въ Königsb. Staatsarchiv, Sch. 28, №№ 4 и 6; польскія печати см. у F. Piekosiński, Op. cit., str. 295 и 304, №№ 320 и 377; см. еще F. Piekosiński, Insygnia królewskie въ Herold. Polski, Rok 1905, tab. I, VI и VIII. Любопытно, что арочки, украшающія старѣйшія изъ такихъ aediculae, сдѣланы еще въ романскомъ стилѣ (см. напримѣръ печать Генриха I (1035 г.) у Lecoy de la Marche, Op. cit., p. 118 и Пшемысла I, 1295 г.) и лишь позднѣе стали готическими. На печатяхъ Людовика I, короля венгерскаго, тоже можно видѣть тронъ подобнаго рода, но печать его, изображенная въ сборникѣ Прэя, относится къ 1345 году (G. Pray, Op. cit., Tab. I, № 7).

На итальянскихъ монетахъ можно встрѣтить изображенія «каѳедръ»

На лицевой сторонѣ печати короля Эриха Менведа, судя, напримѣръ, по оттискамъ 1297—1310 гг. и 1316 г., изображенъ тронъ, въ существенныхъ своихъ частяхъ довольно близкій къ галичскому, почему я и помѣщаю здѣсь снимокъ со всей печати[1]).

(ср. выше стр. 257) или съ ручками въ видѣ столбиковъ, вѣроятно соединенныхъ со спинкою какими-нибудь цѣпочками, лентами и т. п., или съ ручками выгнутыми наружу, иногда, съ украшеніями; см., напримѣръ, V. Bellini, Op. cit., v. I, pp. 95, 96; v. II, p. 87. C. Brambilla, Monete di Pavia raccolte ed ordinatamente dichiarate, Pav., 1883, tav. VIII, №№ 14—15; tav. IX, №№ 1—5; другой типъ см. у A. Racinet, Op. cit., t. III, pl. S. № 14. Въ богатомъ собраніи снимковъ императорскихъ печатей, хранимыхъ въ Германскомъ музеѣ и осмотрѣнныхъ мною осенью 1903 года, я не нашелъ ни одного типа съ изображеніемъ престола, верхняя часть котораго подходила бы къ галичскому. Впрочемъ, на нѣмецкихъ печатяхъ изрѣдка попадаются изображенія сѣдалищъ съ ручками, но выгнутыми наружу въ видѣ спиралевидныхъ отростковъ, а не загнутыми внутрь, какъ галичскія; такія формы можно видѣть, напримѣръ, на печати Елисаветы, жены Альбрехта I, 1307 года. Оригиналъ, судя по рукописному каталогу коллекціи Германскаго музея—въ Вѣнѣ; но на оборотной сторонѣ репродукціи, хранимой тамъ же, мѣстонахожденіе его указано въ Мюнхенѣ; изображеніе — см. въ сборникѣ Геффнера. Съ сѣдалищемъ Елисаветы сходно (но съ новыми прикрасами) кресло Елисаветы, герцогини Саксенъ-Лауенбургской, 1318 года (Siegel des Mittelalters aus den Archiven der Stadt Lübeck, Lübeck, 1871, Taf. VII. № 40). Наконецъ, на креслѣ съ спинкою, изображенномъ на одной изъ мекленбургскихъ печатей, видны ручки; онѣ выгнуты наружу, а верхнія конечности ихъ пригнуты книзу (G. Seyler, Op. cit., s. 292). Въ венгерской и чешской сфрагистикѣ я пока не нашелъ даже и такихъ отдаленныхъ аналогій; благодаря любезному посредничеству проф. пражскаго университета Я. А. Бидло я получилъ отъ проф. Фридриха, занятаго теперь изданіемъ чешскаго «Diplomatarium», свѣдѣнія, что на печатяхъ королей чешскихъ того времени изображенія трона, подобнаго галичскому, не встрѣчается. Въ польской сфрагистикѣ можно указать на троны, представленные на печатяхъ Пшемысла I-го и Владислава Локотка, 1295-го и 1320-го гг.: они снабжены особаго рода растительнымъ орнаментомъ; но орнаментальные отростки находятся у верхнихъ угловъ самого сѣдалища, изъ подъ котораго они и выгибаются наружу; см. F. Piekosiński, Op. cit. въ Herold Polski 1905 г.,

1) K. v. Toll, Siegel und Münzen der weltlichen und geistlichen Gebieter über Liv-Est- und Curland bis zum Jahre 1561, Rev., 1887, ss. 5—6; Taf. II; эта печать имѣется при шести грамотахъ, хранимыхъ частью въ ревельскомъ городскомъ, частью въ эстляндскомъ дворянскомъ архивахъ. Печать Эриха, совершенно сходная (л. и об.) съ тою, которая напечатана въ ревельскомъ изданіи, находится и при грамотѣ Эриха къ гражданамъ г. Ростока отъ 1316 года, озаглавленной: «litterae regis Daniae Erici ad consules civitatis Rozstochiensis de

Оборотная сторона печати, на которой красуется геральдическій щитъ съ тремя леопардизированными львами, въ данномъ случаѣ не имѣетъ значенія.

Простое сопоставленіе прилагаемаго снимка съ изображеніемъ галичскаго трона даетъ возможность всякому убѣдиться

Рис. 4-й.

въ томъ, что датскій тронъ и галичскій принадлежатъ къ однородному типу; только волютообразныя приспособленія датскаго трона нѣсколько ниже и болѣе изящнаго фасона, чѣмъ галичскія

praestito sibi subsidio»; см. [Nettelblatt], Historisch-diplomatische Abhandlung von dem Ursprunge der Stradt Rostock Gerechtsame.... Rostock, 1757, s. 90. Codex probationum etc. pp. XXI et XL.

«ручки», повидимому лишенныя растительнаго орнамента; тѣмъ не менѣе въ общихъ и существенныхъ элементахъ обоихъ сѣдалищъ можно признать довольно значительное сходство.

Вышеуказанный типъ встрѣчается и на печати города Любека, жители котораго въ періодъ господства готическаго стиля были извѣстны своими издѣліями изъ металла (золота и мѣди), литейными и граверными работами, чеканили монету и могли сдѣлать печать подобнаго рода[1]). Въ самомъ дѣлѣ, если довѣрять записи, занесенной въ одну изъ городскихъ книгъ, такая печать была вырѣзана мѣстнымъ мастеромъ въ 1280 году[2]). Къ договорной грамотѣ гражданъ Любека съ гражданами Ростока, Висмара, Штральзунда и Грейфсвальда о союзѣ, писанной въ 1310 году, привѣшена, напримѣръ, печать («sigillum, pro testimonio omnium premissorum...... appensum»[3]) съ изображеніемъ корабля и въ немъ двухъ пловцовъ на лицевой сторонѣ, а на оборотной — прилагаемаго типа маестата (рис. 5). Если припомнить

---

1) O. Fock, Rügensch-Pommersche Geschichten, Lpz., B. II (1862), ss. 166 ff.; B. III, ss. 1—4. W. Stein, Beiträge zur Geschichte der deutschen Hansa bis um die Mitte des XV Jahrhunderts, Giessen, (1900) s. 11.

2) J. v. Falke, Geschichte des deutschen Kunstgewerbes, Berlin (1888), s. 90 характеризуя «эпоху готическаго стиля» (1250—1500 гг.) авторъ замѣчаетъ, что, кромѣ разцвѣта художественно-промышленнаго металлическаго производства въ Аугсбургѣ и Нюренбергѣ, «gab es doch auch in Norddeutschland wenn nicht eine Schule, so doch eine ausgebreitete Metallgiesserei eigener Art, welche ihren Mittelpunkt in Lubeck gehabt zu haben scheint»; между прочимъ «von ihr aus ging viele Grabplatten von Messing, welche mit ihren eingravierten, mit schwarzer Harzmasse gefüllten Darstellungen.... den Zeichnenden Künsten sich zugesellen»; около 1360 г. въ Любекѣ золотыхъ дѣлъ мастера имѣли свои лавки; нѣсколько позднѣе можно встрѣтить упоминанія о цехахъ («Ämter») золотыхъ и мѣдныхъ дѣлъ мастеровъ: Goldschmiede, 1371 и Messingschläger, 1330; см. M. Hoffmann, Geschichte der freien und Hansestadt Lübeck, B. I. (1889), ss. 89, 135; о чеканкѣ монеты тамъ-же со второй половины XII-го вѣка см. ib., ss. 19, 43, 64, 102, а также въ сочиненіи M. J. von Melle, Gründliche Nachricht von... Lübeck, Lübeck (1787), ss. 450—455; списокъ любекскихъ монетныхъ мастеровъ, составленный авторомъ, начинается съ 1341 г., ib., s. 526.

3) [Nettelblatt], Historisch-diplomatische Abhandlung von dem Ursprunge der Stadt Rostock Gerechtsame... Rostock, 1757, s. 91; Codex probationum etc., pp. XXV—XXVI.

тѣ отношенія, въ которыхъ датскіе короли находились къ городамъ Балтійскаго поморья въ XIII вѣкѣ и въ частности извѣстную политику Эриха Менведа, подъ покровительство котораго Любекъ поставилъ себя въ началѣ слѣдующаго столѣтія, то и появленіе типа королевской датской печати въ качествѣ secretum на любекской городской печати не можетъ вызвать большого удивленія [1]). Между датскимъ типомъ, встрѣчающимся на sigilla majestatis Эриха Менведа, и любекскимъ secretum, изображеніе котораго прилагается (рис. 5), есть очевидное и большое сходство; слѣдовательно, о значеніи послѣдняго для пониманія галичскаго типа можно повторить сказанное выше [2]).

Рис. 5-а.

Любекскій типъ, какъ видно, нѣсколько грубѣе того, который сохранился на печатяхъ Эриха Менведа и отличается отъ него въ нѣкоторыхъ деталяхъ; но и въ изображеніи представленнаго здѣсь царскаго трона можно усмотрѣть существенныя особенности, сходныя съ галичскими; только при выдѣлкѣ галичской печати мастеръ, можетъ быть, варьируя датскій, любекскій или подобный имъ типъ,

1) Codex diplomaticus Lubecensis, I, 762: im obern Stadtbuche ist verzeichnet: «Anno domini MCCLXXX in annunciatione domini nostri, in quadragesima, civitas Lubicensis incepit uti sigillo, quod pre manibus habet, quod sculpserat magister Alexander, incisor imaginum atque pictor»; ср. Tab. II, № 2 b; снимокъ приложенный къ стр. 262 (рис. 5), сдѣланъ съ этого рисунка.

2) Siegel des Mittelalters aus den Archiven der Stadt Lübeck, herausgeg. von dem Vereine für Lübeckische Geschichte und Alterthumskunde, Lübeck, 1879, s. 9: Taf. IV, № 16. «Zulezt, пишутъ издатели, ist es bemerkt 1545 an einem ...wischen Hamburg und Lübeck.... Das Kaiserbild des Secretsiegels (IV, ... die neuern Zeiten beibehalten»....

повидимому, замѣнилъ растительный орнаментъ «ручекъ» звѣринымъ, что врядъ ли, однако, придало ему бо̀льшую художественность формы.

Впрочемъ легко, конечно, замѣтить и отличія между типами только что приведенныхъ печатей и галичскимъ типомъ маестата; къ числу его особенностей, большею частью уже указанныхъ выше, можно присоединить еще и изображеніе на послѣднемъ, повидимому, какой то драпировки, заполняющей фонъ. Согласно обычаю того времени, извѣстному, напримѣръ, и по польскимъ образцамъ (см. выше), свободное поле галичской печати украшено розетками или сходнымъ съ ними орнаментомъ; но здѣсь эти украшенія довольно значительныхъ размѣровъ. Возможно, что такая орнаментика употреблена для обозначенія какой-нибудь драпировки; въ то время она стала моднымъ украшеніемъ на европейскихъ издѣліяхъ подобнаго рода[1]); ее легко различить, напримѣръ, на печатяхъ Казиміра: онъ представленъ, сидящимъ на тронѣ, на фонѣ такой драпировки.

Благодаря анализу основныхъ элементовъ галичскаго типа, сдѣланному выше, можно высказать нѣсколько предположеній и о происхожденіи его или даже самой матрицы.

Готическій стиль вышеописаннаго типа галичской печати величества слишкомъ выдержанъ для того, чтобы можно было съ достаточною степенью вѣроятности признать её русскимъ издѣліемъ: хотя и сохранилось нѣсколько извѣстій XIII-го вѣка о русскихъ кузнецахъ и серебренникахъ, между прочимъ и о русскомъ кузнецѣ (Ruthenus), сдѣлавшемъ престолъ и печать для татарскаго хана[2]), но работа печатей княжескихъ совѣтниковъ

---

1) Douët D'Arcq, Op. cit., t. I, p. XLI. «Draperie fleurdalisée» уже появляется на печати Philippe le Long 1317 г.; съ теченіемъ времени эта драпировка превратилась въ такъ называемый «pavillon» («Sceau de majésté au pavillon»).

2) J. de Plano Carpino, Relacio etc.; рус. пер. въ Собр. пут. къ татарамъ Д. Языкова, стр. 54 (a. 1246):.... «sigillum, quod etiam fabricauerat ipse»; ср. Ипат. сп., 6767 г. (стр. 558), а также извѣстіе о Лазарѣ Богъшѣ, сдѣлавшемъ крестъ Евфросиніи Полоцкой, и о русскихъ мастерахъ въ Московской Руси XIV в. у М. Хмырова, Op. cit., стр. 60, 76.

1334—1341 гг., напримѣръ легенды ихъ, вѣроятно рѣзанныя мѣстными русскими мастерами (см. ниже), явно обнаруживаетъ слабость ихъ техники. Притомъ уже князь Даніилъ Галичскій послѣ татарскаго погрома, охотно призывалъ иностранцевъ; извѣстно, что они бывали въ Червонной Руси и позднѣе, во время княженія Болеслава-Юрія II, одного изъ потомковъ Семовита Мазовецкаго. Въ виду вышеуказанныхъ особенностей типа величества, изображеннаго на галичской печати, едва ли можно приписывать ему мѣстное происхожденіе: предположеніе о томъ, что матрица была сдѣлана или за границей, или, можетъ быть, какимъ-нибудь мастеромъ, попавшимъ въ Червонную Русь, кажется мнѣ болѣе вѣроятнымъ[1]).

Если задаваться вопросомъ о томъ, гдѣ могла быть сдѣлана матрица княжеской печати съ типомъ величества, то, конечно, въ отвѣтъ на него проще всего было бы указать на Польшу. Несмотря на то, что въ пользу такого предположенія легко было бы привести нѣсколько соображеній (см. выше стр. 240 и ниже стр. 284), однако, нельзя принять его безъ нѣкоторыхъ сомнѣній. Въ то время сама Польша уже находилась подъ замѣтнымъ вліяніемъ иноземныхъ теченій. Нѣмецкая культура, съ XII вѣка уже пользовавшаяся извѣстностью и по части художественныхъ издѣлій изъ драгоцѣнныхъ металловъ[2]), давно стала проникать въ Польшу. Между прочимъ и «клейноты» польскихъ королей носили на себѣ слѣды такого вліянія. Не говоря объ инсигніяхъ Болеслава Храбраго, мечъ Владислава Локотка, напримѣръ, признается однимъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей нѣмецкимъ издѣліемъ[3]). Тѣмъ же вліяніемъ, вѣроятно, отчасти объяс-

1) См. ниже стр. 265—279.

2) E. Molinier, Histoire des arts industriels, t. IV, pp. 140, 148, 158 ss., 244 ss., 272, 274 ss. Памятники нѣмецкаго золотыхъ дѣлъ мастерства XIII в. еще сравнительно рѣдки; но отъ XIV-го вѣка ихъ сохранилось значительное количество.

3) Fr. Kopera, Dzieje Skarbca Koronnego czyli insigniów i klejnotów koronnych Polski, Kraków (1904), str. 8, 9, 10, 31. Подъ 1326 годомъ Стрыйковскій разсказываетъ о томъ какъ Владиславъ Локотокъ, послѣ удачной войны

няется и то обстоятельство, что въ польскихъ земляхъ, ближе всего лежавшихъ къ нѣмецкимъ (а именно въ Силезіи), геральдическіе знаки на печатяхъ польскихъ князей установились раньше, чѣмъ въ мѣстностяхъ болѣе отдаленныхъ отъ западной границы, особенно въ Мазовіи [1]). Кромѣ того печати польскихъ королей съ типомъ маестата въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отличаются отъ галичскаго типа, что уже обнаружилось изъ выше произведеннаго анализа основныхъ его элементовъ, а печать Тройдена Болеславовича совсѣмъ иного типа, и гораздо менѣе художественной работы, чѣмъ sigillum majestatis Болеслава-Юрія II-го.

Возможно, что то культурное вліяніе, которое обнаружилось на польскихъ инсигніяхъ XIV-го вѣка, имѣло значеніе и въ возникновеніи галичскаго типа: опираясь на выдержанность его моднаго готическаго стиля и на сходство его съ аналогичными среднеевропейскими типами, а также на извѣстія о существованіи сношеній между странами съ германской культурой и Червонной Русью, можно думать, что галичскій типъ величества сложился подъ вліяніемъ той же культуры; города Балтійскаго поморья и въ частности Любекъ могли сыграть извѣстную роль въ распространеніи ея на верховьяхъ Вислы.

Въ то время однимъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ центровъ Балтійскаго поморья былъ, конечно, Любекъ. Постепенно ставши во главѣ ганзейскаго союза, Любекъ находился въ торговыхъ сношеніяхъ и съ Фландріей, и съ Новгородскою областью [2]). Выше мнѣ уже приходилось указывать па сходство между нѣко-

---

съ маркграфомъ Бранденбургскимъ вывелъ въ неволю будто бы «болѣе шести тысячъ душъ нѣмецкихъ» «godnych do roboty i poslug» (M. Stryjkowski, Kronika, XI, 6; Warszawa, 1846, t. I. str. 379).

1) A. Małecki, Studya heraldyczne, Lw. i Warsz. t. I (1890), str. 241; ср. t. II, str. 199.

2) Helmold, I, § 85: «Et transmisit dux (Генрихъ Левъ) nuncios ad civitates et regna aquilonis Daniam, Suediam, Norwegiam, Ruciam, offerens eis pacem, ut haberent liberum commeatum adeundi civitatem suam Lubike...»; о сношеніяхъ Любека съ Фландріей см. напр. W. Stein, Beiträge zur Geschichte der deutschen Hanse, Giessen, (1900) ss. 11 ff.

торыми характерными особенностями въ изображеніи трона на печати датской королевской и городской печати (secretum) Любека. Если сходство этихъ печатей съ галичской не случайнаго происхожденія, то оно, пожалуй, намекаетъ и на то направленіе, въ какомъ придется разыскивать культурное родство между европейскими и галичской печатями съ изображеніемъ «величества». При разысканіи его слѣдуетъ имѣть въ виду тѣ культурныя сношенія, которыя въ то время уже существовали между сѣверной Германіей и пограничными съ Червонной Русью областями. Эти сношенія состояли, главнымъ образомъ, въ торговлѣ.

Въ 1292—1294 гг., напримѣръ, магистръ Тевтонскаго ордена вмѣстѣ съ гражданами г. Торуни и другихъ мѣстъ извѣстилъ гражданъ нѣкоторыхъ изъ городовъ Балтійскаго поморья, что онъ обратился къ королю датскому Эриху Менведу съ просьбою о соблюденіи привилегій, данныхъ его предшественниками (pater et progenitores) купцамъ, посѣщающимъ его землю[1]). Такія сношенія едва ли могли происходить помимо Любека: извѣстно, что дорога, по которой въ особенности возили фландрскія издѣлія, шла изъ Любека или вдоль балтійскаго побережья на Данцигъ и Торунь, или сухимъ путемъ[2]).

Дѣйствительно, между Любекомъ и Торунью, существовали кое-какія торговыя связи[3]), вѣроятно, окрѣпшія въ концѣ

1) Codex dipl. Lubecensis, B. II, № 89.

2) Codex dipl. Lubecensis, t. I, №№ 130, 297, 304, 333, 683, 684, 704 и др. (торговыя сношенія Любека съ Данцигомъ); Hans. Urkundenbuch, B. I, №№ 263, 264, 272 (1234 и 1235—1240 гг.); о предоставленіи любчанамъ части земли въ Жмуди и Варміи (1242 г.) см. ib., B. I, № 327. F. Bruns, Lübeck's Handelstrassen am Ende des Mittelalters въ Hansische Geschichtsblätter 1896, ss. 80—87. См. еще о значеніи Любека въ качествѣ посредника въ торговлѣ между Фландріей и Востокомъ Европы C. Mollwo, Das Handlungsbuch von H. und J. Wittenborg, Lpz., 1901, ss. LXVII—LXIX, LXXII и др.; а о значеніи Данцига и Торуни въ качествѣ центральныхъ пунктовъ прусской торговли въ соч. W. Stein, Op. cit., ss. 55—58.

3) Codex dipl. Lubecensis, B. I, №№ 653, 684 (жалованная грамота, выданная любекскимъ купцамъ Владиславомъ въ 1298 г.; въ грамотѣ упоминается о дорогѣ черезъ Гданскъ по Вислѣ). Въ грамотѣ ib. № 404 Торуняне, выражая свое согласіе съ постановленіемъ гражданъ г. Любека относительно «плаванія

XIII-го или въ началѣ XIV-го столѣтія, когда любчане получили нѣкоторыя привилегіи отъ польскаго правительства [1]). Между тѣмъ торунскіе купцы бывали и на Руси: объ этомъ можно заключить уже изъ обѣщанія, даннаго имъ Владиславомъ Локоткомъ въ 1286 году, а также изъ грамотъ князя Владиміра-Андрея Юрьевича отъ 1320-го и Дмитрія Дядьки (приблизительно) отъ 1341-го годовъ [2]); въ литературѣ было высказано предположеніе, что они могли проѣзжать въ такихъ случаяхъ и черезъ Черскъ, гдѣ Болеславъ-Юрій II-й провелъ свою юность, а оттуда пробирались въ Владиміръ-Волынскій [3]). Не даромъ Казиміръ Великій старался удалить отсюда прусскихъ купцовъ для того, чтобы предоставить побольше выгодъ купцамъ польскимъ [4]). Та же дорога, можетъ быть, доходила и до Львова; около 1341 года извѣстный Дмитрій Дьядько приглашалъ сюда

въ Фландрію», писали: «omni juri et statuto astare volumus cum nostra velificatione de nostris bonis et nostris ciuibus illas partes frequententes». О торговыхъ сношеніяхъ городовъ Балтійскаго поморья съ Торунью, см., напримѣръ, Codex dipl. Lubecensis, B. II, № 487 и др.

1) Hans. Urkundenbuch, B. I, № 1202 (1295 г.). Codex dipl. Lubecensis, B. I, № 655; и др. St. Kutrzeba, Handel Krakowa w wiekach srednich въ Rozpraw. Krak. Akad. Um. Wydz. hist.—fil., ser. II, t. XIX (1903) str. 22. B. Janowski, Polska i Hanza do r. 1411 въ Przegląd Polski t. 143 (1902), str. 408.

2) Cod. Dipl. Prus. von J. Voigt, B. II, № 12. Владиславъ Куявскій разрѣшаетъ этой грамотой «civibus de Thorun et de Culmine mercatoribus videlicet qui sunt in terra Russie per terram nostram cum suis mercibus navigio sine impedimento transire». См. выше стр. 151 и 157. Въ спискѣ товаровъ, находившихъ сбытъ на ганзейскихъ рынкахъ упоминается между прочимъ особый видъ мѣховъ: «russches Werk, opus ruthenicale», 1353 г.; см. Schadenverzeichniss der Thorner Kaufleute (Hans. Urk. B. III, № 260; ср. W. Stieda, Op. cit., s. CXXIX); если имѣть въ виду вышеприведенныя извѣстія о торговыхъ путяхъ, связывавшихъ Торунь съ «Русью», то подъ «opus ruthenicale» можно разумѣть и товаръ изъ Червонной Руси.

3) B. Janowski, Op. cit. въ Przegląd Polski t. 144 (1902), str. 49. 52. St. Kutrzeba, Handel Polski ze wschodem ib., t. 148 (1903), str. 197—198; авторъ полагаетъ, что и договоры галичско-владимірскихъ князей съ Орденомъ 1316, 1325, 1327, 1334 и 1335 гг. имѣли значеніе политическихъ гарантій для обезпеченія его торговыхъ сношеній съ Червонною Русью; ср. еще ib., str. 211—213.

4) Для нѣсколько позднѣйшаго времени см. Mon. Pol., t. V, № 42 (*a*. 1372); ср. еще B. Janowski, Op. cit., ib., t. 144, str. 53—54, 56, 57, 61.

прусскихъ купцовъ [1]). Возможно, что было и встрѣчное движеніе купцовъ, проживавшихъ въ галичско-владимірскомъ княжествѣ, на сѣверъ, къ Балтійскому поморью: въ 1324 году два купца изъ Владиміра потерпѣли убытки въ предѣлахъ Ругіи: здѣсь разбился корабль съ сукнами, купленными (compravit) однимъ изъ нихъ въ Фландріи; по поводу этого случая «consules ac universitas Ladimiriensis», въ письмѣ своемъ штральзундской городской общинѣ, называла одного изъ нихъ «русскимъ» (Ruthenus) и, увѣряя её, что они оба — ихъ «братья и сограждане», просила выдать купцамъ принадлежащій имъ товаръ [2]). Пред-

1) Codex dipl. Lubecensis, I, № 98. Hans. Urkundenbuch, B. II, № 690 и выше стр. 157, № 13. J. Falke, Die Geschichte des deutschen Zollwesens, Lpz., 1869, s. 68, 95—96. B. Janowski, Op. cit., ib., t. 143, str. 415. St. Kutrzeba, Op. cit., въ Rozpraw. etc., str. 30, 74 и сл., 112. Деньги Ордена, вѣроятно, имѣли обращеніе и въ Мазовіи (F. Piekosiński, O monecie и проч. въ Rozpr., t. IX, 1878, str. 153 M. Kirmis, Op. cit., s. 21). См. еще о дорогахъ, связывавшихъ Пруссію съ Львовомъ: St. Kutrzeba, Op. cit. въ Przegl. Polski 1903, t. 148, str. 203—204. Въ 1253-мъ году король Миндовгъ разрѣшилъ рижскимъ и всѣмъ нѣмецкимъ (theutonicis) купцамъ безпошлинную торговлю въ своихъ владѣніяхъ; см. Liv—Esth—und Curländisches Urkundenbuch, B. I, № 243; ср. еще условія мира, заключеннаго между Гедиминомъ и послами лифляндскихъ и другихъ «landesheren» тамъ же B. II, № 694.

2) Hans. Urkundenbuch, B. II, № 420. Въ своей рецензіи на статью г. St. Kutrzeba въ Przegl. Polski 1903 г. проф. A. Prochaska сомнѣвается, однако, въ томъ, были ли эти купцы русскими; см. Kwart. Histor. 1904, №№ 3–4, str. 556 Задаваясь вопросомъ о томъ «чи були се консули й громада всього міста Володимира, чи мова тут про організацію частинну, напр. німецьку громаду м. Володимира ?» проф. М. С. Грушевскій приводитъ соображенія, въ силу которыхъ онъ полагаетъ» можливим і те, і друге», причемъ замѣчаетъ, что «Бертрам, судячи з імени, очевидно, не бувъ Русинъ з роду, а носивъ прозвище Русина з иньших причин» (М. Грушевський, Листъ Володимирської громади 1324 р. въ Зап. тов. ім. Шевченка, т. 72, 1906 г., стр. 7). Ср. ниже стр. 275, прим. 2. Здѣсь не мѣшаетъ отмѣтить еще одно извѣстіе: въ числѣ свидѣтелей, присутствовавшихъ «in domo ville Brugensis» при совершеніи въ 1330-мъ году одной сдѣлки упоминается нѣкто «Paulus Ruthenus» («...presentibus ...Paulo Rutheno...» etc.) вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами, повидимому, причисленными къ «civibus Wratislaviensibus»; см. Breslauer Urkundenbuch bearb. v. G. Korn, B. I (1870) № 139.—Дорога, связывавшая Пруссію черезъ Торунь съ Краковомъ, также могла имѣть нѣкоторое значеніе для Малой Руси, такъ какъ Краковъ поддерживалъ торговыя сношенія съ Владиміромъ, а потомъ и съ Львовомъ; см. St. Kutrzeba, Op. cit., въ Rozpraw., str. 21, 24. 48. Въ то время [illegible]ежду Пруссіей и Польшей велись обыкновенно черезъ Торунь, а не

положеніе о существованіи такого встрѣчнаго движенія подтверждается и другими данными, напримѣръ, извѣстіемъ о томъ, что нѣкоторые восточные купцы пріѣзжали въ Львовъ, а оттуда продолжали свой путь черезъ Балтійское море по направленію къ Фландріи [1]).

Впрочемъ, изъ Любека могли ѣздить не только вдоль Балтійскаго побережья, но и сухимъ путемъ: черезъ Шверинъ и Нейштадтъ на Бранденбургъ [2]).

Какъ бы то ни было, уже въ концѣ XIII столѣтія герцогъ Силезскій и опекунъ земли Бреславльской (tutor terre Wratislavie) Болко разрѣшилъ гражданамъ г. Любека безпрепятственно посѣщать его земли («conductum liberum et securum» [3]). Въ то-же время, кромѣ торговыхъ связей между Бреславлемъ и Торунью [4]),

---

черезъ Данцигъ, на что уже было указано Гиршемъ (Th. Hirsch, Handels- und Gewerbegeschichte Danzigs, Lpz., 1858, s. 172). Въ одной рукописи бреславльскаго государственнаго архива подъ 1355 годомъ сохранилось извѣстіе о томъ, «quomodo per mercatores inter dominos terre Prussie et Lythwanos tractatum sit de quadam strata propinque ducente de Prussia per Lythwaniam versus Russiam, ubi metas regni Polonie attingi non opportet, nulla tamen solucione thelonii mediante»; см. Bresl. Urkundenbuch, bearb. v. G. Korn, B. I, № 189 (s. 182). Объ участіи Литвы въ торговлѣ воскомъ и мѣхами съ ганзейскими городами см. W. Stieda, Revaler Zollbücher und Quittungen des XIV Jhd. въ Hans. Geschichtsblätter, B. V (1887), SS. CXIII, CXXIX.

1) W. Heyd, Histoire du commerce du Levant, Lpz., v. II (1886), p. 730. Ср. еще Mon. Pol., V, № 72 (a. 1390): «Boguslaus dux Stetinensis etc. mercatoribus ex Cracovia, Polonia, Hungaria, Lettovia nec non Russja («vth rutzenlande») faciendi mercaturam in terris ipsius cocedit potestatem, designatque portorium ab iisdem mercatoribus solvendum».

2) См. выше стр. 266 прим. 3; ср. M. Hoffmann, Op. cit., B. I, s. 77. Само собою разумѣется, что торговыя связи существовали и между Любекомъ и Штральзундомъ, а послѣдній находился въ сношеніяхъ съ Владиміромъ (о чемъ см. выше стр. 268).

3) Codex dipl. Lubecensis, B. I, № 737; ср. B. IV, № 689; извѣстіе 1330-го года о приравненіи 600 гривенъ вѣса вроцлавскаго 492 гривнамъ вѣсу. «Trogani ponderis de signo Brugensi» см. у F. Piekosiński, O monecie и проч. въ Rozpr., t. IX (1879), str. 180.

4) Cod. dipl. Wielkop., IV, Poznań (1881); см. карту: здѣсь указаны двѣ дороги, связывавшія Бреславль съ Торунью: черезъ Староградъ и черезъ Калишъ; о торунскихъ денарахъ въ Куявіи и Мазовіи см. F. Piekosiński, O monecie и проч. въ Rozpr., t. IX (1878), str. 178, 182 и сл.

такія же оживленныя сношенія существовали между Бреславлемъ и Краковомъ [1]). Такъ какъ дорога на Краковъ шла далѣе главнымъ образомъ на Владимiръ Волынскій, что̀ видно и изъ грамоты князя Владиміра-Андрея Юрьевича отъ 1320-го года, то естественно было силезскимъ, а въ частности и бреславльскимъ купцамъ вступить въ торговыя сношенія съ владимірскими. Дѣйствительно, бреславльскіе купцы не только ѣздили въ Владиміръ-Волынскій и въ Львовъ, который нѣсколько позднѣе сталъ конкуррировать съ нимъ, но посѣщали даже кіевскій рынокъ [2]). Въ то же время Краковъ старался монополизировать торговлю съ Владиміромъ и Львовомъ; послѣдній съ теченіемъ времени пріобрѣлъ такое значеніе въ транзитной торговлѣ съ востока на западъ, что даже вступилъ въ конкурренцію съ Краковомъ [3]).

На основаніи приведенныхъ свидѣтельствъ можно сказать, что предположеніе о проникновеніи сѣверо-нѣмецкихъ, въ частности любскихъ издѣлій далеко на юго-востокъ само по себѣ не представляетъ ничего невѣроятнаго; впрочемъ, нельзя не замѣтить, что въ распространеніи типовъ подобнаго рода и ближайшіе къ нему центры могли играть извѣстную роль: бре-

---

1) St. Kutrzeba, Op. cit., str. 72. Объ отношеніяхъ Кракова къ Ганзейскому союзу см. G. Sartorius, Geschichte des Hanseatischen Bundes, B. I (1802), s. 102. Въ документѣ 1407 года, гдѣ мы находимъ списокъ членовъ Ганзейскаго союза, въ числѣ не присутствовавшихъ (nicht gegenwärtige) представителей упомянуты и представители отъ городовъ: Бреславля и Кракова; см. M. Hoffmann, Op. cit., B. I, S. 104.

2) W. Heyd, Op. cit., II, 730. St. Kutrzeba, Op. cit., str. 73 и сл., 106, 107. Казиміръ Великій старался удалить изъ Владиміра Волынскаго не только русскихъ, но и силезскихъ купцовъ; ср. выше стр. 267. См. еще Breslauer Urkundenbuch, bearb. von G. Korn, B. I (1870), №№ 189 (pp. 169, 170, 162) и 208, а также A. Prochaska, Uzywki z dziejów XIV w. въ Kwart. Hist., R. XVIII (1904), str. 211. Дорога изъ Кракова на Владиміръ могла пролегать черезъ Сандоміръ, о чемъ см. выше, стр. 190, № 3. Въ виду того, что въ грамотѣ упоминаются «jura, quae tempore patris nostri felicis recordationis in terra Russiae viguerunt»..., можно думать, что торговыя связи между Краковомъ и Львовомъ воз[illegible] въ XIV вѣкѣ.

3) [illegible]trzeba, Op. cit., str. 108, 110.

славльскіе мастера, напримѣръ, давно уже занимались выработкою разнаго рода издѣлій изъ золота и серебра, которыя могли попадать и въ русскіе города[1]). Такимъ образомъ, матрицу галичской печати величества можно было заказать въ одномъ изъ вышеуказанныхъ центровъ нѣмецкой культуры по образцу датско-любекскаго или близкаго къ нему типа и привезти её по одному изъ путей, связывавшихъ Балтійское поморье съ «Малою Русью».

Впрочемъ, не мѣшаетъ имѣть въ виду, что нѣмецкая культура могла проникать сюда и изъ иныхъ центровъ. Извѣстно, напримѣръ, что Нюренбергъ, славившійся своими мелкими издѣліями изъ металла, въ 1326 году заключилъ договоръ съ королемъ Іоанномъ о свободномъ пропускѣ нюренбергскихъ купцовъ въ Чехію, а между Прагою и Львовомъ въ то время также, вѣроятно, существовали культурныя связи. Извѣстно и то, что нѣсколько позднѣе Нюренбергъ торговалъ съ Таною черезъ Львовъ. Въ XII вѣкѣ нѣмецкіе купцы уже ѣздили и изъ Регенсбурга, черезъ Эннсъ и Австрію, а также, вѣроятно, черезъ Червонную Русь до самого Кіева[2]). Нѣкоторыя извѣстія даютъ основаніе

---

1) E. Hintze, Die Breslauer Goldschmiede, Lpz., 1906; выводы автора мнѣ извѣстны, къ сожалѣнію, лишь по статьѣ M. Semrau въ Deutsche Literaturzeitung 1906 г., № 30; съ 1288 г. можно указать на цѣлый рядъ такихъ мастеровъ, работавшихъ въ Бреславлѣ: извѣстный намъ списокъ цеховыхъ мастеровъ по тѣмъ же отраслямъ производства начинается съ первой половины XIV столѣтія.

2) J. Falke, Op. cit., ss. 104—105. W. Heyd, Op. cit., II, 730—736. В. Васильевскій, Древняя торговля Кіева съ Регенсбургомъ въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1888 г., Іюнь, стр. 134 и сл., 142 и сл. См. еще выше стр. 186, 187 и 189, а также ниже стр. 273. О торговомъ пути между Любекомъ и Нюренбергомъ см. F. Bruns, Op. cit. въ Hans. Geschichtsblätter 1896, s. 62 ff. О торговыхъ сношеніяхъ между Нюренбергомъ и Бреславлемъ въ нѣсколько позднѣйшее время см. St. Kutrzeba, Op. cit., str. 87 и сл., 91.: привилей Казиміра Великаго нюренбергскимъ купцамъ относится къ 1365 году. Во времена Ульманна Штромера торговля Нюренберга доходила до Кракова и Чернаго моря (A. Schulte, Op. cit., 659). О торговыхъ сношеніяхъ Нюренберга съ сѣверно-итальянскими городами уже въ XIV в. см. A. Schulte, Op. cit., I, 352, 353, 356, 389, 570, 572, 573, 657, 696.

предполагать существованіе и встрѣчнаго движенія русскихъ купцовъ на западъ, въ Моравію, а можетъ быть, и къ берегамъ Дуная [1]).

Наконецъ, такія же сношенія могли происходить и черезъ посредство чеховъ или венгровъ.

Въ то время Любекъ, Нюренбергъ и другіе города уже находились въ торговыхъ сношеніяхъ съ Прагой [2]). Между гербами цѣлаго ряда чешскихъ и польскихъ дворянскихъ фамилій много общаго, а если вѣрить свидѣтельству одного изъ хронистовъ позднѣйшаго времени, чехи, вѣроятно, оказали вліяніе и на развитіе монетнаго дѣла въ Польшѣ [3]). Чехи могли проникать и въ Червонную Русь: мнѣ уже выше приходилось упоминать о торговыхъ связяхъ между Прагой и Львовомъ; не говоря о нѣсколькихъ фактахъ, свидѣтельствующихъ въ пользу существованія кое-какихъ сношеній между Чехіей и Кіевскою Русью уже въ XII-мъ вѣкѣ [4]), достаточно припомнить здѣсь извѣстія, прямо касающіеся Червонной Руси: «въ письмѣ королевы Кунгуты, супруги Оттокара II-го упоминается о дѣлѣ какого-то опавскаго купца, который около 1270 г. подвергся ограбленію въ Галичѣ»; далѣе въ 1350 году чешскіе купцы жаловались императору на купавскихъ мѣщанъ, вопреки древнему обычаю чинив-

---

1) См. стр. 271 прим. 2. Въ послѣднемъ изданіи раффелштеттенскаго мытнаго устава 903—906 гг. редакторъ также толкуетъ слова: «Sclavi vero, qui de Rugis....» въ смыслѣ: «Sclavi vero, qui de Ruscia....»; см. Codex diplomaticus et epistolaris Bohemiae ed. G. Friedrich, Pragae, 1904, t. I, № 31.

2) M. J. von Melle, Op. cit., s. 457: «чешскіе пфенниги» тогда, напримѣръ обращались на любекскомъ рынкѣ; см. еще стр. 271, прим. 2.

3) M. Strykowski, Kronika, X, 4; Warszawa (1846), t. I, str. 344—345; см. еще F. Piekosiński, O monecie и проч. въ Rozpr. t. IX (1878), str. 23—44, 178—179; монетчики краковскіе упоминаются съ конца XIII вѣка; см. ib., str. 125—126, 178 и сл. A. Małecki, Studya heraldyczne, t. II (1890), str. 292 и. см., 298 и сл., 315—316. Пражскіе гроши становятся любимой монетой на польскихъ рынкахъ съ начала XIV в.; см. F. Piekosiński, Moneta polska w dobie piastowskiej въ Rozpr. Um. Krak. Akad. Wydz. hist.-filoz., t. XXXV (1898), str. 14; о дукатахъ великопольскихъ см. ib , str. 20—21.

4) В. Татищевъ, Ист. Рос., кн. II, стр. 241. В. Васильевскій, Древняя торговля Кіева съ Регенсбургомъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1888 г., Іюль, 134 и сл., 148.

шихъ имъ затрудненія въ торговлѣ съ Русью [1]); чешскіе купцы уже до 1372 года могли бывать и въ Львовѣ [2]).

Кромѣ того нѣмецкія издѣлія могли, конечно, проникать въ Червонную Русь и черезъ посредство венгерцевъ. Помимо дороги изъ Венгріи на Сандоміръ и далѣе на востокъ, существовали, вѣроятно, и другія: въ 1339 году Болеславъ-Юрій II-й разрѣшилъ своему слугѣ Бартку изъ Сандоміра призывать венгерцевъ въ Санокъ. Нѣсколько лѣтъ спустя венгерскіе купцы, особенно жители Кассы (Кашавы), «cum rebus scilicet mercimonialibus ad Rutheniam procedere consveti», жаловались на то, что на Руси съ нихъ берутъ больше пошлинъ, чѣмъ съ польскихъ и другихъ купцовъ. Купцы, пріѣзжавшіе изъ Россіи (mercator de Ruscia veniens), въ свою очередь бывали въ Пештѣ, Остригомѣ и другихъ мѣстахъ [3]).

---

1) А. Ясинскій, Чешское свидѣтельство о русскомъ металлическомъ производствѣ въ Сборн. Учено-Литер. О-ва при Юрьевскомъ университетѣ, в. I, отд. от. стр. 9 и 10. Возможно, что Chodor Otek, упоминаемый въ грамотѣ 1335 года, былъ чешскаго происхожденія (см. выше стр. 155). Такое же предположеніе было высказано и относильно Хотька (см. грамоту 1334 г.) тѣми изслѣдователями, которые признавали возможнымъ отождествлять его съ Хоткомъ Яромировичемъ; см. И. Линниченко, Замѣчанія и проч., стр. 98; Черты и проч., стр. 60, пр. 1. М. Грушевський, Історія Украïны Руси, т. III, стр. 576.

2) Mon. Pol., V, № 42 (*a.* 1372): Король Людовикъ запрещаетъ «transitum ad ciuitatem nostram Lemburgensem ac ad alias partes quaslibet et prouincias terre nostre Ruscie».... «mercatoribus extraneis, utputa Bohemis, Moravis, Slesicis, Prussenis signanter autem Turonensibus»..... Къ концу вѣка относится любопытное извѣстіе, сохранившееся въ описи вещей чешской Хцебуцкой церкви 1393 года, о «трехъ желѣзныхъ замкахъ, въ просторѣчіи называемыхъ русскими» (А. Ясинскій, Op. cit., отд. от., стр. 4—5).

3) Cod. dipl. Arpad., VII, 263 (1248); здѣсь упоминается: «magna porta Galicie, que uocatur Ungarica». См. выше стр. 77 и 79; ниже стр. 277, прим. 3. Въ 1351 году король Людовикъ отправился изъ Буды черезъ Кассу (Кашаву) и Краковъ въ Литву (Hist. Hung. Fontes Domestici, t. III, p. 160). Въ одной грамотѣ 1345 г., начинающейся словами: «quod regum maiestas pro subditorum utilitatibus fieri decrevit, ratum atque stabile debet perpetuo permanere», Казимиръ предоставилъ сандецкимъ мѣщанамъ право безпошлиннаго проѣзда съ товарами «versus Russiam» черезъ Бѣчь, Змигродъ и Санокъ «aut ubicumque directius et utilius ipsis videbitur» (Mon. med. aevi, III, 258). Клады съ венгерскими монетами довольно часто попадаются въ Галиціи; см. В. Ульяницкій, Op. cit., стр. 135. О политическихъ отношеніяхъ Галиціи къ Венгріи, въ XIII в. не разъ овладѣвавшей Галичскою Русью, см. напр., Cod. dipl. Arpad., IX, 31 и

Итакъ, можно было заказать матрицу галичской печати величества за границей и получить её въ числѣ разныхъ драгоцѣнностей «латинскаго» происхожденія, проникавшихъ въ то время на Русь; но можно было поручить выдѣлку её по датско-любекскому или по близкому къ нему образцу и какому-нибудь иностранному мастеру, попавшему въ Червонную Русь. Хотя, въ виду художественныхъ достоинствъ работы, трудно утверждать, что мастеръ, исполнившій её, дѣйствительно проживалъ гдѣ-нибудь въ Червонной Руси, но нельзя совсѣмъ отрицательно отнестись къ такому предположенію; напротивъ, слѣдуетъ имѣть въ виду нѣсколько соображеній въ его пользу. Польскіе лѣтописцы, напримѣръ, свидѣтельствуютъ о томъ, что въ казнѣ послѣдняго князя малорусскаго было много драгоцѣнностей [1]); онъ могъ, конечно, получать ихъ путемъ вышеуказанныхъ сношеній, но могъ держать при своемъ дворѣ и мастера, вѣроятно, иностранца, нужнаго ему для разныхъ работъ; такой мастеръ между прочимъ могъ заняться и изготовленіемъ печатей, которое часто поручалось золотыхъ дѣлъ мастерамъ въ виду того, что печати тогда обыкновенно дѣлались изъ драгоцѣнныхъ металловъ [2]). Дѣйствительно, при дворѣ князей галичско-владимірскихъ лѣтописцы упоминаютъ чужеземцевъ, напримѣръ, нѣмцевъ.

Нѣмцы могли проникать сюда или изъ Польши [3]), или прямо

XII, 442 (1273 и 1285 гг.); здѣсь между прочимъ упоминаются: «legationes ex Hungaria in Rutheniam saepius missae»; ср. G. Fejer, Galiciae ac Lodomeriae cum regno Hungariae nexus въ его Cod. dipl. Hung., t. IX, v. 4, pp. III — LXXIV и др. О встрѣчномъ движеніи см. ib., t. VII, v. 5 (1841), p. 143 и др.

1) См. выше стр. 186 и 189. Въ средніе вѣка въ Польшѣ слово: «clenodia», употребленное Длугошемъ, имѣло еще широкое значеніе драгоцѣнностей вообще; примѣры такого словоупотребленія можно указать и у Длугоша; см. A. Małecki, Studya heraldyczne, t. II (1890), str. 255.

2) См. выше стр. 226. «Diademata», принадлежавшія кн. Болеславу-Юрію II, по словамъ Длугоша имѣли «graves censu uniones» (см. выше стр. 189). Главные центры добыванія жемчуга находились на востокѣ (W. Heyd, Histoire du commerce du Levant, Lpz., II (1886), 648—651); но съ полною достовѣрностью трудно сказать, конечно, откуда они проникли въ Червонную Русь.

3) Ср. выше извѣстіе о нѣмцахъ, взятыхъ въ плѣнъ Владиславомъ Локоткомъ стр. 264, прим. 3.

изъ Германіи. Уже князь Даніилъ Романовичъ призывалъ къ себѣ нѣмцевъ, причемъ лѣтописецъ повѣствуетъ и о томъ, что онъ приглашалъ къ себѣ кузнецовъ «желѣзу и мѣди» [1]). Вмѣстѣ съ владимірцами и «нѣмци» оплакивали смерть Владиміра Васильковича (1289 г.). Во времена кн. Льва нѣмцы уже имѣли въ Львовѣ своего войта («advocatus») [2]). Послѣдній князь Малой Руси, въ грамотахъ котораго городъ Львовъ называется на нѣмецкій ладъ «Lemburga», не только не отсталъ отъ своихъ предшественниковъ, но превзошелъ ихъ: по свидѣтельству лѣтописцевъ онъ «наводнилъ» свою землю нѣмцами и чехами [3]).

Въ числѣ иностранцевъ, проѣзжавшихъ черезъ Червонную Русь могли быть, однако, и извѣстные дѣльцы и монетчики того времени, а именно итальянцы [4]). Выходцы изъ Италіи въ то

---

1) Ипат. сп., 6767 г., 6795 г. и 6796 г. (изд. 1871 г., стр. 558, 596 и 605). Едва ли можно, однако, безъ оговорокъ толковать подобно Аристову, текстъ подъ 6767 г. въ томъ смыслѣ, что князь Даніилъ Романовичъ «призывалъ изъ нѣмцевъ, иноязычниковъ и ляховъ «кузнецѣ желѣзу»... и проч. Въ лѣтописи сказано: «нача призывати прихожаѣ Нѣмцѣ и Русь иноязычникы и Ляхы; идяху день и во день и уноты и мастерѣ всяции бѣжаху ис Татаръ, сѣдѣльници и лучници и тулници и кузницѣ желѣзу и мѣди и сребру»...; ср. Н. Аристовъ, Промышленность древней Руси, стр. 122 и И. Линниченко, Черты изъ исторіи сословій въ Юго-западной (Галицкой) Руси, М. (1894) стр. 190.

2) Akta grodzkie i ziemskie, t. II, № 1 str. 2 (1352 г.); въ грамотѣ упоминается нѣкто «Bertholdus, olym advocatus Lemburgensis, avus ipsorum» (т. е. владѣльцевъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ 1352 году). Bertholdus получилъ «bona» «per magnificum principem.., dictum Leonem ducem». Ср. еще М. Грушевський, Іст. України-Руси, т. II, изд. 2-е, стр. 483—484 и т. V, стр. 224—228.

3) См. выше стр. 154, 186, 187 и 189; а также указатель s. v. «Траска» и «Длугошъ».

4) Въ теченіе XI—XIII вв. монетное дѣло получило значительное развитіе въ Миланѣ, въ особенности съ того времени, «quando l'ambrosiana repubblica [1250—1310] insieme al soldo ed al grosso di buonissimo argento coniò ancora l'ambrosino d'oro,...» и «dopo la discesa di Enrico VII in Italia [1310–1313] l'officina milanese sali a gran rinomanza e fu considerata come imperiale ed exemplare di tutta la penizola» (B. Biondelli, La zecca e le monete di Milano, Mil., 1869, p. 133; см. вообще pp. 132—135). Въ XIII вѣкѣ operarii monetarum de Lombardia объединились въ societatem, которая обнимала всю сѣверную Италію; генуэзскіе монетчики, повидимому, входили въ составъ этого общества; см. H. Sieveking, Genueser Finanzwesen и проч. въ Volkswirth. Abhandl. der Badischen Hochschulen, hrg. von C. J. Fuchs, Freiburg in B. 1899, III, 3. О Ломбардцахъ въ ганзейскихъ городахъ см. W. Stein, Op. cit., ss. 127—128. О флорентинскихъ монет-

Graecorum, Ermineorum uel Rossorum», а отъ позднѣйшаго времени имѣются извѣстія о поѣздкахъ львовскихъ купцовъ въ тотъ-же городъ; та-же городская община, по всей вѣроятности, имѣла право чеканить свою монету; значитъ, въ Каффѣ могли быть и рѣзчики ея [1]).

Предположенія, высказанныя выше, находятъ себѣ нѣкоторое подкрѣпленіе и въ тѣхъ выводахъ, къ которымъ наши нумизматы приходятъ относительно квартниковъ, чеканенныхъ Казиміромъ Великимъ въ Червонной Руси; соглашаясь съ мнѣніемъ одного изъ своихъ предшественниковъ, авторъ новѣйшаго изслѣдованія о нихъ, напримѣръ, полагаетъ, что они отличаются изяществомъ формы рисунка и легендъ, «даже болѣе изящной, чѣмъ въ современныхъ польскихъ монетахъ» и что «рѣзчикъ ихъ былъ не галичанинъ и не полякъ, а иностранецъ — венгерецъ или же итальянецъ» [2]).

Итакъ, возможно, что мастеръ, вырѣзавшій матрицу печати Болеслава-Юрія II-го съ изображеніемъ величества, происходилъ

---

1) Mon. hist. Patr., Leges municipales, t. III (1838), p. 407: certus ordo de Caffa. 1316 г. M. G. Canale, Nuova storia di Genova, del suo commercio etc., Fir., 1858—1864, v. II, pp. 235, 427—428. Въ то время значеніе Венеціанцевъ, и въ особенности Пизанцевъ на Черномъ морѣ уже падало: послѣдніе, въ 1284 году потерпѣли пораженіе при Мелоріи отъ Генуэзцевъ (M. G. Canale, Op. cit., II, 456—457, ср. G. Caro, Op. cit., II, 32—41, 233), да и дорога въ Тану была, конечно, длиннѣе и опаснѣе дороги въ Каффу. Ср. предшествиющее примѣчаніе. Объ Армянахъ, Евреяхъ и другихъ иноземцахъ въ Львовѣ того же времени см. A. Czołovski, Lwów za ruskich czasów въ Kwart. Hist. R. V (1891), str. 805—806.

2) F. Piekosiński, O monecie и проч. въ Rozpr., t. IX (1878), str. 142—143. В. Ульяницкій, Op. cit., ib., стр. 127; ср. стр. 133, 135, 136 и 142; квартники Владислава, по мнѣнію автора, рѣзаны нѣсколько хуже Казиміровыхъ; впрочемъ, проф. Ф. Пѣкосинскій въ указанномъ выше своемъ сочиненіи придерживается иного взгляда. Г. Болсуновскій приписываетъ чеканку извѣстныхъ монетъ съ именемъ Болеслава-Болеславу Тройденовичу (K. Bołsunowski, Solidy Bołesława, Кіевъ, 1888 г., str. 31—33); но безъ дальнѣйшихъ доказательствъ едва ли можно согласиться съ предположеніемъ автора; во всякомъ случаѣ между отдѣлкой вышеназванныхъ монетъ и печатей Болеслава-Юрія II нѣтъ ничего общаго, да и монетчики львовскіе упоминаются въ источникахъ лишь со времени Людовика Венгерскаго и Владислава Опольскаго; см. F. Piekosiński, Op. cit., ib., str. 145.

изъ Германіи или изъ страны съ германской культурой или даже и изъ Италіи; но и въ послѣднемъ случаѣ, надо думать, онъ находился подъ вліяніемъ датско-любекскаго или близкаго къ нему типа величества.

Впрочемъ, такъ какъ до сихъ поръ мнѣ не удалось подыскать европейскій образецъ, который соединялъ бы въ себѣ всѣ особенности галичской печати съ изображеніемъ величества, то я и не могу настаивать на предположеніяхъ, высказанныхъ выше: любопытный вопросъ о происхожденіи типа величества на печати Болеслава-Юрія II-го, да и самой печати все еще ожидаетъ своего окончательнаго рѣшенія, если только оно вообще возможно [1]).

«Печать величества» была обыкновенно въ употребленіи у однихъ только государей, надѣленныхъ суверенною властью; феодальная же аристократія среднихъ вѣковъ часто пользовалась печатями съ изображеніемъ всадника въ рыцарскомъ уборѣ; на изображеніе себя въ такомъ видѣ могли претендовать, повидимому, только лица, удостоенныя рыцарскаго званія [2]). Типъ по-

1) Извѣстно, что вскорѣ по смерти Болеслава-Юрія II-го инсигніи галичскихъ князей были забраны Казимиромъ Великимъ (см. выше стр. 189 и 190). Въ своемъ духовномъ завѣщаніи Казиміръ Великій завѣщалъ свою казну нѣсколькимъ костеламъ и, главнымъ образомъ, своей женѣ и дочерямъ (Jan z Czarnkowa, Chr., ст. 4). Судя по одному извѣстію XVII-го вѣка нѣкоторыя изъ драгоцѣнностей, взятыхъ имъ изъ казны Болеслава-Юрія II-го, пожалуй, могли попасть въ королевскую казну; см. Zbiór pamiętnikow historycznych o dawnej Polszcze... przez J. U. Niemcewicza, Wyd. nowe J. N. Bobrowicz, t. III, (1839), str. 49: «Rewizya skarbu rzeczpospolitej koronnego w Krakowie odprawiona przez JP. Podkomorzego sendomirskiego p. Ossolińskiego R. P. 1633». Здѣсь, по описаніи трехъ коронъ: одной данной Оттономъ Болеславу Храброму, другой, «которой короли коронуются» и третьей короны—«гомагіальной» (homogialna), а также относящихся сюда скипетровъ и державъ, составитель описи продолжаетъ: «Piąta pozłocista srebrna funebralis, catena srebrna crux cum Ligno Vitae krzyżyki Ruskie i Relikwie z skarbów Ruskich, za Kazimierza pobrane...» и проч. Трудно, впрочемъ, сказать заслуживаетъ ли это преданіе полнаго довѣрія: большинство вещей, описанныхъ въ инвентарѣ 1475 года, «oprocz dawnych insigniów», по мнѣнію г. Коперы, появились въ королевской казнѣ со времени Владислава Ягайла; см. F. Kopera, Op. cit., str. 46, 47.

2) G. Seyler, Abriss, ss. 46—47; на монетахъ Болеслава Смѣлаго (об. ст.) уже встрѣчается изображеніе всадника, вооруженнаго копьемъ и щитомъ; см.

добнаго рода (sigillum equestre) былъ уже извѣстенъ во Франціи въ началѣ XI в., а нѣсколько позднѣе встрѣчается и въ Германіи; здѣсь онъ получилъ широкое распространеніе особенно въ XIII ст., и отсюда могъ проникнуть въ Польшу. Архаическій стиль такихъ изображеній отличается особенностью, которую не мѣшаетъ отмѣтить: конь, представленный на нихъ, идетъ шагомъ. Между польскими «конными» печатями древнѣйшаго и позднѣйшаго времени замѣчается то же различіе. Только приблизительно съ половины XII вѣка конь обыкновенно несется галопомъ [1]). Указанный признакъ архаическаго типа сравнительно долго сохранялся на «конныхъ» печатяхъ мазовецкихъ князей. Одна изъ нихъ, принадлежавшая мазовецкому и сандомірскому князю Болеславу Конрадовичу 1229 г. обнаруживаетъ довольно значительное сходство съ «владимірскою печатью», почему я и привожу её здѣсь [2]).

Рис. 6.

Между печатями князя Болеслава Конрадовича и Болеслава Тройденовича, какъ видно, есть одинаковыя черты: оба изображенія выполнены въ довольно сходномъ художественномъ стилѣ; въ посадкѣ всадника есть кое что общее обѣимъ: и тамъ, и здѣсь князь изображенъ ѣдущимъ на конѣ, обращенномъ влѣво отъ зрителя, а не вправо, какъ часто бываетъ [3]); и тамъ, и здѣсь онъ носитъ островерхій шлемъ нѣсколько схожій съ такъ назы-

напр. K. Stronczyński, Dawne monety polskie etc. cz. II (1884), str. 59, 60; ср. str. 86. Tabl. V, t. 33*, 35.

1) H. Bresslau, Op. cit. ss. 968—69.

2) F. Piekosiński, Op. cit., str. 71, № 70.

3) Douët d'Arcq, Op. cit., t. I, p. XLVI.

ваемыми шведскими шлемами[1]), и держитъ въ правой рукѣ копье съ трехконечнымъ знаменемъ; и тамъ, и здѣсь конь идетъ шагомъ. Тѣмъ не менѣе трудно объяснить причины такого сходства: не говоря объ остальныхъ извѣстныхъ мнѣ печатяхъ мазовецкихъ, даже «конная» печать Тройдена, отца Болеслава-Юрія II-го, хранимая въ музеѣ Чарторижскихъ, съ изображеніемъ всадника на конѣ, несущемся галопомъ, тоже влѣво отъ зрителя, совсѣмъ иного вида; послѣдній имѣетъ очень мало родства съ владимірскимъ типомъ[2]).

Печать владимірскаго типа настолько повреждена, что трудно по ней судить о всѣхъ подробностяхъ рыцарскаго и конскаго уборовъ, изображенныхъ на ней; достаточно явственны только главнѣйшіе предметы церемоніальнаго княжескаго вооруженія: копье и щитъ.—Аттрибуты подобнаго рода можно встрѣтить уже на печатяхъ первыхъ каролинговъ, не принадлежащихъ къ разряду геммъ. — Инвеститура производилась обыкновенно путемъ символическаго дѣйствія — врученія вассалу какого либо предмета, различнаго смотря по виду лена, а можетъ быть и по положенію вассала; у свѣтскихъ князей копье съ знаменемъ или, судя по упоминаніямъ въ источникахъ, одно только знамя было такимъ символомъ, почему изображеніе копья съ знаменемъ въ рукахъ всадниковъ могло указывать и на то, что они владѣютъ княжескимъ леномъ (beneficium ducis, ducatus)[3]). Число конечностей на такихъ знаменахъ бывало довольно разнообразнымъ:

---

1) A. Demmin, Die Kriegswaffen, Gera. Untermhaus, 1891, s. 500. «Au XIV sciècle le casque redevient conique et est le plus souvent surmonté d'un cimier» (Douët d'Arcq, Op. cit., t. I, p. XLV).

2) F. Piekosiński, Op. cit., str. 308, № 398. Печати Семовита († 1262), а также послѣдующихъ мазовецкихъ князей, хранимыя въ Кёнигсбергскомъ государственномъ архивѣ, не схожи съ «владимірскою»; см. Königsb. Staatsarchiv, Schiebl. 57, №№ 13, 14, 15, 23—25, 28, и др.

3) G. Waitz, Verfassungsgeschichte, VI, (1875), 54–56; тоже въ изд. 1896 г., VI, 73–75. M. G. Demay, Le Costume de guerre et d'apparat etc., Par., 1875, p. 39; трехконечное знамя у Raoul de Vermandois на печати 1116 года см. также Pl. I № 2; такія конечности на знаменахъ XIII—XIV вв. уже стали отпадать (ibid., p. 40). Ср. еще выше стр. 233.

на бабенбергскихъ печатяхъ встрѣчаются двуконечныя, на венгерскихъ — и трехконечныя знамена [1]); аналогичныя изображенія можно видѣть также на старинныхъ печатяхъ польскихъ, между прочимъ и на многихъ мазовецкихъ; послѣдніе могли послужить образцомъ для владимірскаго знамени [2]); впрочемъ, печать Тройдена представляетъ сравнительно очень мало сходства съ «владимірской, на что я уже обратилъ вниманіе выше; только тотъ жестъ, которымъ лицо, изображенное на ней, въ правой рукѣ держитъ копье почти у самаго наконечника, напоминаетъ аналогичный жестъ владимірскаго рыцаря.—Въ числѣ характерныхъ аттрибутовъ рыцарей-всадниковъ, судя по сфрагистическимъ даннымъ, того времени, можно указать также и на геральдическіе щиты. Треугольные щиты въ родѣ владимірскаго часто встрѣчаются въ рукахъ средневѣковыхъ рыцарей и разнятся только гербами; но послѣдніе вообще появляются на нихъ довольно поздно; символы подобнаго рода легко замѣтить и на польскихъ печатяхъ послѣдней четверти XII-го вѣка и позднѣйшаго времени [3]). Гербы съ львиными изображеніями, также нельзя признать рѣдкостью, на что я уже имѣлъ случай указывать выше: они часто встрѣчаются, напримѣръ, на нѣмецкихъ печатяхъ средневѣковья [4]).

---

1) K. v. Sava, Op. cit., s. 246; Die historischen Denkmäler Ungarns, red. v. dr. Béla Czobor, ss. 37, 39: печать Стефана Младшаго 1257 года.

2) F. Piekosiński, Op. cit., str. 71, 178, 183, 186, 298; №№ 70, 80, 117, 131, 339. T. Żebrawski, Op. cit., str., 10. Впрочемъ Тройденъ на своей печати держитъ копье безъ знамени; см. ibid., str. 309 № 398.

3) Douët d'Arcq, Op. cit., t. I, p. XLIII; XLV; на печатяхъ съ изображеніемъ всадниковъ гербы на щитахъ, замѣнившіе прежніе пупки, уже встрѣчаются между 1150–1200 гг.; авторъ замѣчаетъ также, что въ концѣ XIII в. щиты изображались въ такихъ случаяхъ обращенными не прямо лицевою стороною къ зрителю, какъ было раньше, а въ три четверти, что бы гербъ былъ лучше виденъ; но на польскихъ печатяхъ того времени (см. сборникъ проф. Ф. Пѣкосинскаго) щитъ изображается въ томъ же положеніи, какъ и на изучаемой печати; см. еще T. Żebrawski, Op. cit., str. 13.

4) J. M. Heineccius, Op. cit., p. 125; tab. X, № 5 (печать Генриха Льва); p. 136, tab. XII, № 3; cf. tab. XVI, № 5. Много примѣровъ въ извѣстномъ трудѣ F.K. Fürst zu Hohenlohe-Waldenberg, Sphragistische Aphorismen, Heilbronn, 1882, taf. I, № 1 (?); II, № 16; III, №№ 27, 29, 34—37; IV, № 48; VI, №№ 55, 58; VII, № 65; VIII, № 71; IX, № 88; X, №№ 105, 106; XIV, № 156; XVI, №№ 172,

Возможно, впрочемъ, что, помимо общаго вліянія западно-европейскихъ чешскихъ или венгерскихъ образцовъ въ данномъ случаѣ и традиція оказала нѣкоторое давленіе на Болеслава-Юрія II-го: левъ былъ также представленъ на печати Андрея или Льва; по примѣру ихъ, пожалуй и Болеславъ-Юрій II сталъ употреблять такое же изображеніе на своемъ щитѣ; только прежніе князья, повидимому, еще не придавали ему геральдическаго значенія; Болеславъ-Юрій II, если только отождествлять его съ всадникомъ, представленнымъ на его печати, напротивъ, выставилъ изображеніе льва на своемъ щитѣ и, надо думать, цѣнилъ его въ качествѣ геральдическаго знака[1]); впрочемъ, старѣйшій галичско-владимірскій типъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, который изображенъ на владимірской печати: левъ на щитѣ Болеслава-Юрія II-го не вздернулъ своего хвоста кверху а, напротивъ, пригнулъ его книзу. Возможность той же традиціонной связи обнаруживается и съ другой точки зрѣнія: сюжетъ на щитѣ рыцаря, изображеннаго на владимирской печати, и на оборотной сторонѣ позднѣйшихъ полугрошей, вычеканенныхъ при Казимирѣ Великомъ для Червонной Руси, одинъ и тотъ же; они украшены изображеніемъ «русскаго льва» съ окружною надписью: «Moneta·Dōi·Ruczie ⁘ K ◦»; впрочемъ, между типами ихъ близкаго род-

---

181, 185; XIX, № 213, в; XXIV, № 271; XXVI, № 292. Перечисленные экземпляры, за исключеніемъ двухъ всѣ относятся къ XIII—XIV вв.; № 275 къ 1188 г., а № 172 къ 1424 году.

1) На печатяхъ короля Вацлава, какъ въ бытность его наслѣдникомъ, такъ и по вступленіи его на престолъ геральдическій щитъ съ чешскимъ львомъ изображенъ на sigillum majestatis слѣва или справа отъ трона; см. напр. печати Вацлава при грамотахъ его въ Кёнигсбергскомъ госуд. арх. 1305 года (Königsb. Staatsarchiv, Sch. 28, №№ 4 и. 6; см. еще K. Stronczyński, Op. cit., str. 27; F. Piekosiński, Op. cit., str. 198, № 211). На печатяхъ короля Іоанна представленъ или одинъ геральдическій щитъ съ изображеніемъ четырехъ львовъ, или конный рыцарь съ такимъ же щитомъ въ рукѣ; образцики см. при грамотахъ Іоанна 1329, 1332 и 1337 годовъ въ Königsb. Staatsarch., Sch. 28, № 19; Sch. 60, №№ 4 (хорошо сохранившаяся) и 18. Изображенія венгерскихъ печатей см. въ Die hist. Denkmäler Ungarns, red. v. dr. Béla Czobor, B. I. ss. 21. 37 u. 39.

ства не обнаруживается[1]). Почти все сказанное выше о значеніи львиныхъ изображеній (стр. 236 и сл.), конечно, относится и къ изображенію льва на щитѣ владимірскаго рыцаря.

Касательно конскаго убора, представленнаго на владимірскомъ типѣ, трудно сказать что либо опредѣленное: изображеніе коня сильно потерлось; сѣдло было, повидимому, снабжено довольно высокою спинкою, а подъ нимъ, можетъ быть, виднѣется чепракъ,—обычныя принадлежности конскаго убора того времени[2]).

Замѣтимъ, наконецъ, что свободное поле печати Болеслава-Юрія II украшено растительнымъ орнаментомъ—пріемъ, довольно распространенный въ то время: на одной изъ флорентинскихъ печатей можно видѣть, напримѣръ, аналогичныя украшенія[3]).

Послѣ анализа главнѣйшихъ элементовъ владимірскаго типа легче перейти и къ обсужденію вопроса о происхожденіи его, вопроса, на который, разумѣется, приходиться дать лишь гадательный отвѣтъ. Возможно, что типъ всадника на печати Болеслава-Юрія II-го сложился главнымъ образомъ подъ вліяніемъ польскимъ, въ частности мазовецкимъ и сандомірскимъ. Родственныя связи и дружескія отношенія между его предшественниками и нѣкоторыми государями этихъ земель, а также происхожденіе самого Болеслава-Юрія II-го, его покровительство латынникамъ-католикамъ, и польскимъ колонистамъ на Руси[4]) въ

---

1) E. Hutten-Czapski, Catalogue...., p. 153. J. Stupnicki, O monetach halicko-ruskich въ Bibl. Ossol., p. n., t. VII (1865), str. 102 и др. В. Уляницкій, Op. cit., ib., стр. 126; тотъ же левъ виденъ и на полугрошахъ Владислава Ягайла; послѣ того провинціальной галичской монеты уже не чеканили, (стр. 148). Ср. M. Kirmis, Handbuch der poln. Münzkunde, Posen, 1892 ss. 15, 21, 29. Легенда взята съ снимка изъ Соч. F. Piekosiński, Op. cit. въ Rozpr., t. IX, tab. I, № 7.

2) Douët-d'Arcq, Op. cit., t. I, p. XLVI.

3) Douët-d'Arcq, Op. cit., t. I, p. XLVIII. Periodico di numismatica e sfragistica per la storia d'Italia, Fir., 1868, I, 283—284; тоже встрѣчается и на позднѣйшихъ издѣліяхъ; см., напримѣръ, Rivista Ital. di Numismatica, 1900, t. XII, tav. IV, № 1.

4) См. выше стр. 77, 155, 189, 190, 191, 192, 240, 250. Г. Лонгиновъ уже обратилъ вниманіе на распространеніе православія и при дворѣ Мазовецкихъ князей въ XIV вѣкѣ (А. Лонгиновъ, Op. cit., стр. 13—15).

достаточной мѣрѣ оправдываютъ такое предположеніе; оно подкрѣпляется сходствомъ между конными печатями Болеслава Конрадовича и Болеслава-Юрія II-го. Впрочемъ, и въ данномъ случаѣ трудно сказать что либо предположительное: слѣдуетъ имѣть въ виду возможность и другихъ вліяній, тѣмъ болѣе что вопросъ о происхожденіи даннаго типа нельзя смѣшивать съ вопросомъ о происхожденіи мастера, относительно котораго можно, конечно, повторить догадки, уже сдѣланныя выше (см. стр. 274—279).

Иноземное вліяніе, вѣроятно, обнаруживается и въ комбинаціи двухъ типовъ: sigillum majestatis и sigillum equestre, наблюдаемой на извѣстныхъ намъ двойныхъ печатяхъ Болеслава-Юрія II-го. Такая комбинація затрудняла поддѣлку печатей, вмѣстѣ съ тѣмъ кажется, довольно наглядно иллюстрируя главныя функціи суверенной власти въ мирное и въ военное время; она встрѣчается на французскихъ печатяхъ уже въ XII вѣкѣ[1]). Примѣры подобнаго же рода можно указать и въ чешской, и въ венгерской сфрагистикѣ; такъ, на печатяхъ Вацлава II-го конца XIII-го и начала XIV в. одна сторона занята изображеніемъ маестата, а другая — коннаго рыцаря, причемъ, печати его, какъ князя краковскаго и сандомірскаго, были извѣстны и въ Польшѣ того времени. На венгерскихъ королевскихъ печатяхъ аналогичное соединеніе также встрѣчается: такова, напримѣръ, печать Стефана V-го 1264 года[2]). Напротивъ, польскія печати въ данномъ случаѣ не представляютъ достаточно полныхъ аналогій: на оборотахъ ихъ иногда вовсе нѣтъ изображеній; во всякомъ случаѣ польскія средневѣковыя contrasigilla играли второстепенную роль, представляя иногда, подобно нѣмецкимъ, изображеніе королевскаго герба, а именно одноглававаго орла; таковы, напримѣръ, обороты sigillorum majestatis королей Пшемысла (1295), Владислава Локотка и Казиміра Великаго[3]); печати ихъ какъ

1) Douët-d'Arcq, Op. cit., t. I, pp. XXXIX—XL.

2) См. стр. 245—246. G. Pray, Op. cit., p. 73 и tab. VIII, № 4. Die historische Denkmäler Ungarns, redig. von Fr. B. Czobor, B. I, ss. 37 u. 39.

3) F. Piekosiński, Op. cit., str. 201, 295—296, 305; №№ 219, 322 и 378; ср.

видно, едва ли могли послужить образцами для той именно комбинаціи, о которой идетъ рѣчь. Если признавать тутъ какое либо иностранное вліяніе, то всего проще, кажется, разыскивать его въ Чехіи или Венгріи, о чемъ мнѣ уже приходилось упоминать и выше [1]).

Приведенныя гипотезы о происхожденіи двойной печати Болеслава-Юрія II не предрѣшаютъ, конечно, степени реальности ея изображеній; но, сопоставляя извѣстія польскихъ лѣтописцевъ съ тѣми сюжетами, которые представлены на лицевой и оборотной сторонѣ печати, я готовъ склониться къ предположенію, что они въ общихъ чертахъ и въ нѣкоторой степени могли соотвѣтствовать дѣйствительности. Трудно, разумѣется, за отсутствіемъ положительныхъ данныхъ, утверждать нѣчто подобное относительно самого облика государя, представленнаго на печати; слѣдуетъ только замѣтить, что его типъ, повидимому, не шаблонное воспроизведеніе одного изъ извѣстныхъ въ то время изображеній. Во всякомъ случаѣ обстановка, въ которой онъ представленъ на печати, могла и не быть простою фикціей. Рочники малопольскіе и Длугошъ повѣствуютъ намъ, что, когда, по смерти Болеслава-

---

K. Stronczyński, Pominki książęce Piastów, Piotroków, 1888, str. 53, 80, 95, 123, 127, 214, 215, 222, 226, 232, 247, 256, 267, 274, 278. Впрочемъ, на оборотѣ печати Владислава князя Опольскаго также изображенъ рыцарь на конѣ; T. Żebrawski, Op. cit., str. 5.

1) «Derière un type de majésté, пишетъ г. Лекуа де ла-Маршъ, l'on trouve presque toujours le type équestre du même personnage» (M. Lecoy de la Marche, Les sceaux, P., 1899, pp. 58, 122); здѣсь авторъ, повидимому разумѣетъ главнымъ образомъ двойныя печати французскихъ королей; многія изъ нихъ дѣйствительно украшены обоими типами; та же мода перешла и въ латинскую имперію, гдѣ, напримѣръ на печатяхъ сына Бодуэна II-го—Филиппа встрѣчается комбинація типа маестата съ типомъ всадника (ibid. p. 160). На нѣмецкихъ имперскихъ печатяхъ такой комбинаціи обыкновенно не попадается. «In der Reichskanzlei, замѣчаетъ проф. Г. Бресслау, ist der Typus des Rücksiegels fur das Majestätssiegel unter Heinrich VII festgesetzt worden—ein einfacher Adler und die Umschrift: iuste indicate filii hominum». (H. Bresslau, Urkundenlehre, I, 952). Въ извѣстномъ сборникѣ Геффнера я не нашелъ ни одной печати съ типомъ всадника на оборотѣ; напротивъ, на имперскихъ печатахъ XIV вѣка оборотъ обыкновенно изображеніемъ орла; см. C. Heffner, Op. cit., Taf. VIII, 7; Taf. №№ 72, 81, 84 и 89.

Юрія II, Львовъ былъ взятъ Казиміромъ Великимъ, то послѣдній нашелъ въ казнѣ княжеской богатое собраніе цѣнныхъ вещей, принадлежавшихъ прежнимъ князьямъ: онѣ были сдѣланы изъ золота и серебра, а также украшены драгоцѣнными камнями (gemmis); въ томъ числѣ оказались: два драгоцѣннѣйшихъ вѣнца (dyademata), очень дорогая туника и кресло (sella) съ золотомъ и драгоцѣнными камнями [1]). Стрыйковскій, разсказывая о томъ же событіи, въ числѣ драгоцѣнностей, забранныхъ Казиміромъ Великимъ, также упоминаетъ о двухъ золотыхъ коронахъ («koronie»), разукрашенныхъ множествомъ жемчужинъ, и о золотой одеждѣ (szata), «усаженной жемчугомъ и дорогими каменьями». Подобные же «клейноты» представлены и на лицевой сторонѣ печати Болеслава-Юрія II-го. Аналогичное свидѣтельство можно привестя касательно оборотной стороны той же печати: по словамъ Стрыйковскаго Казиміръ Великій вмѣстѣ съ коронами и прочими драгоцѣнностями Болеслава-Юрія II-го, захватилъ и «сѣдло золотое» [2]). Несмотря на скудость лѣтописныхъ свидѣтельствъ, реальность сюжета на «конной» печати Болеслава-Юрія II-го едва ли можетъ вызвать большія сомнѣнія: Краковъ между прочимъ торговалъ оружіемъ, которое отсюда проникало и далѣе въ Литву [3]). Во всякомъ случаѣ извѣстно, что Казиміръ Великій забралъ богатую добычу изъ казны Болеслава-Юрія II-го и отправилъ ее на храненіе въ Краковъ, а въ числѣ такихъ драгоцѣнностей могли быть и «клейноты» послѣдняго князя Малой Руси [4]).

Въ заключеніе своихъ замѣтокъ о печатяхъ Болеслава-Юрія II-го я считаю не лишнимъ указать на то, что королевскій ти-

---

1) См. выше стр. 187: .... «thesaurum ducum antiquorum tollens, inter quod erant aliquot cruces aureе.... et duo preciosissima dyademata, et una tunica valde preciosa, nec non et sella auro et gemmis adornata . . .»; ср. стр. 186 и 189. Выраженіе «cleinodia», уротребляемое Длугошемъ, можно толковать въ смыслѣ «драгоцѣнности»; ср. A. Małecki, Op. cit., II, 255; о терминѣ «dyademata» см. выше стр. 254.

2) M. Stryjkowski, Kronika, Ks. XII, 5; Warszawa (1846) II, 20.

3) A. Prochaska, Рец. на соч. J. Kutrzeba (см. выше) въ Kwart. hist., XVIII, 1 (1904), str. 95.

4) См. выше стр. 190 и стр. 287 прим. 1.

на то, что бы подобное раздѣленіе обязанностей существовало при дворѣ Болеслава-Юрія II-го.

2. Печати совѣтниковъ кн. Болеслава-Юрія II-го.

Извѣстно, что грамота князя Андрея торунскому магистрату 1320 года была выдана «vestro consilio maturo, baronum ac nobilium nostrorum»; но никакихъ печатей княжескихъ совѣтниковъ при ней не оказалось. Въ грамотахъ Болеслава-Юрія II-го за №№ 7 и 8, напротивъ, упоминается, что онѣ снабжены печатями и его совѣтниковъ (baronum).

Не считая самого князя (№ 1), «бароны» его перечислены здѣсь въ слѣдующемъ порядкѣ:

№ 7 (1334 г.).	№ 8 (1335 г.).
2. Chodor, episcopus galicensis.	2. Demetrius Detco.
3. Temetrius Detko.	3. Mychalus Yelezarowicz, palatinus belzensis.
4. Chotko, judex nostrė curie.	4. Wasco Kudynowicz, judex curiae nostrae.
5. Georgius Calwus.	5. Hryczko Kossaczowicz, palatinus premyssleusis.
6. Mychael Gelezarowicz.	6. Borisco Cracula, palatinus lemburgensis.
7. Alexander Moldaowicz.	7. Chodor Otek, palatinus de Lutzel.
8. Borisco Cracula.	8. Chotko filius Yeromiri.

Съ перваго же взгляда на приводимые мною списки видно, что число именъ, упомянутыхъ въ грамотахъ, одинаково. Судя по нѣкоторымъ признакамъ можно подозрѣвать, что «barones» князя поименованы въ іерархическомъ порядкѣ. Въ грамотѣ 1334 г. Ѳедоръ, епископъ галичскій упоминается на почетномъ мѣстѣ; слѣдующее за нимъ предоставлено Дмитрію Дядькѣ;

но въ грамотѣ 1335 года, за отсутствіемъ епископа, Дмитрій Дядько занялъ его мѣсто. Далѣе «judex curie» въ обѣихъ грамотахъ помѣщенъ на четвертомъ мѣстѣ. Наконецъ, судя по тѣмъ же грамотамъ, Михаилъ Елеазаровичъ (если только признавать, что Michael Geleazarowicz=Mychalus Yelezarowicz) и Борисъ Кракуля, получили повышеніе: въ документѣ 1335 года Михаилъ Елеазаровичъ названъ вмѣсто 6-го мѣста на 3-мъ, а Борисъ Кракуля—вмѣсто 8-го на 6-мъ; послѣднія же два мѣста въ грамотѣ 1335-года заняты новыми лицами: Ходоромъ Отекомъ и Хотькомъ Яроміровичемъ.

Естественно предположить, что лица, упоминаемыя въ текстѣ грамотъ №№ 7 и 8, удостовѣрили ихъ своими печатями. И дѣйствительно, число печатей, привѣшенныхъ къ грамотамъ, соотвѣтствуетъ числу этихъ лицъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что надписи на нѣкоторыхъ изъ печатей свидѣтельствуютъ въ пользу того же предположенія: въ печати, привѣшенной справа отъ княжеской (т. е. съ той стороны, куда обращенъ всадникъ) къ грамотѣ 1334 г., не трудно признать печать галичскаго епископа, а на второй печати слѣва (табл. VI и VIII) легко прочесть имя ея собственника: Бориса, вѣроятно, Бориса Кракули.

Въ тѣхъ средневѣковыхъ документахъ, гдѣ главная печать привѣшена по срединѣ нижняго края ихъ, остальныя обыкновенно слѣдуютъ въ извѣстномъ іерархическомъ порядкѣ; если высшую степень (въ данномъ случаѣ княжескую) означить 1, слѣдующую за ней 2 и т. д., то такой порядокъ легко представить въ слѣдующемъ рядѣ:

8 . . . 6 . . . 4 . . . 2 . . . 1 . . . 3 . . . 5 . . . 7

Обычный въ западно-европейскихъ документахъ порядокъ размѣщенія печатей едва-ли соблюденъ въ малорусскихъ грамотахъ; нарушеніе его замѣчается уже въ томъ, что, тогда какъ въ силу такихъ правилъ справа отъ княжеской печати должно было бы висѣть четыре печати, а слѣва отъ нея—три, на гра-

мотѣ 1334 года соотношеніе обратное. Впрочемъ, указанный порядокъ отчасти принятъ и въ нашей грамотѣ: на второмъ мѣстѣ, дѣйствительно, печать епископа галичскаго, на третьемъ, можетъ быть, печать Д. Дядьки; но печать Бориса Кракули, которая, согласно съ только что указанной послѣдовательностью, должна была бы занимать восьмое мѣсто, т. е. крайнее слѣва отъ княжескаго изображенія, виситъ на пятомъ, а не на восьмомъ мѣстѣ. Вызваны ли такія отступленія ошибкою канцеляріи или произошли по какимъ либо другимъ причинамъ, я не знаю: состояніе почти всѣхъ печатей, привѣшенныхъ къ грамотѣ 1335, настолько плачевно, что выводъ о размѣщеніи печатей 1334 нельзя провѣрить наблюденіемъ надъ размѣщеніемъ печатей 1335 года; можно только замѣтить, что здѣсь вправо отъ княжеской печати — четыре «баронскихъ», а слѣва — три, какъ и слѣдовало ожидать согласно общему правилу; притомъ, если признавать сходство между изображеніями на печати Бориса Кракули 1334 года и на той печати, которая занимаетъ шестое мѣсто (по обычному счету) при грамотѣ 1335 г., то положеніе ея будетъ соотвѣтствовать нумеру, подъ которымъ значится имя предполагаемаго ея владѣльца въ вышеприведенномъ спискѣ.

Въ виду поврежденнаго состоянія большинства печатей княжескихъ совѣтниковъ 1334 и 1335 гг., точное описаніе каждой изъ нихъ затруднительно, а изданія ихъ едва ли можно признать вполнѣ удачными.

Почти всѣ печати 1334 года висятъ у грамоты на пучкахъ шелковыхъ нитей краснаго цвѣта; только крайняя справа отъ зрителя прикрѣплена на розовомъ шелку. Можно судить о дѣйствительныхъ размѣрахъ печатей, сравнивъ измѣренія натуральной величины грамоты и княжеской печати съ величиной ихъ на прилагаемыхъ таблицахъ. На нихъ же легко видѣть оттиски круглыхъ матрицъ боярскихъ печатей; онѣ вдавлены въ восковыя массы, лишенныя искусственной окраски; рельефъ всюду довольно слабый. Такъ какъ изображенія и легенды имѣются только на лицевой сторонѣ печатей, то я оставлю безъ

вниманія обороты ихъ. Въ числѣ нашихъ печатей первое мѣсто занимаетъ печать Ѳедора, епископа галичскаго; затѣмъ слѣдуютъ: печать, можетъ быть, Дмитрія Дядька, печать Бориса Кракули и печать, которую за отсутствіемъ точныхъ свѣдѣній, я назову анонимной; остальныя очень плохо сохранились.

Несмотря на то, что въ «записяхъ о поставленіи русскихъ епископовъ при митрополитѣ Ѳеогностѣ» Аѳанасій епископъ Владимірскій стоитъ выше епископа Ѳедора и что Аѳанасій былъ живъ и епископствовалъ во Владимірѣ во время составленія грамоты 1334 года, однако, на почетномъ мѣстѣ среди княжескихъ совѣтниковъ упоминается одинъ только епископъ Ѳедоръ[1]).

Печать епископа Ѳедора, привѣшенная къ грамотѣ 1334-го года, имѣетъ около 4,4 сант. въ діаметрѣ. На печати легко различить погрудное изображеніе Богоматери; ликъ ея почти совершенно стерся; руки молящейся подняты; на груди ея — образъ Іисуса Христа; по бокамъ обоихъ изображеній видны слѣды надписей въ обычномъ сокращеніи[2]).

Изображенія подобнаго рода часто украшали византійскія печати, особенно со второй половины IX вѣка; типъ, извѣстный подъ названіемъ влахернской Божьей Матери, чаще другихъ встрѣчается на печатяхъ какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ лицъ, занимавшихъ разныя служебныя положенія[3]). Въ виду его распро-

---

1) Новг. лѣт. по Синод. сп. 6839 г. (изд. 2-е, стр. 326, 445) ср. Новгород. IV, 6839 г.; Соф. I, 6839 г. Analecta byz.-ros. ed. W. Regel, I, 55 ss. В. Васильевскій, Записи о пост. рус. епископовъ... въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1888 г., Янв., стр. 445—463; записи №№ 4, 5, 12, 13). Впрочемъ, грамота 1334 г. писана въ Львовѣ.

2) F. Piekosiński, Op. cit., str. 305—306, №№ 380—385; авторъ называстъ изображеніе, представленное на печати епископа Ѳедора: «wizerunek jakiegoś swiętego Pańskiego»; онъ приводитъ надпись на печати Кракули, но объ остальныхъ замѣчаетъ, что «napisy na wszystkich tych pięczęciach są prawie zupełniè zatarte»...; проф. Ф. Пѣкосинскій повторилъ тѣ же выводы и въ статьѣ своей: «O Źródlach heraldyki ruskiej» въ Rozpraw. Akad. Umiejętności, Wydz. hist.-filol., ser. II, t. XIII (Krak., 1899), str. 200. Тѣ же печати изданы имъ и въ его «Studya, Rozprawy i Materiały и проч., t. III, cz. 2, str. 221.

3) G. Schlumberger, Sigillographie de l'empire byzantin, pp. 15, 37; печатей съ интерисующимъ насъ типомъ и принадлежавшихъ свѣтскимъ лицамъ чуть не болѣе, чѣмъ составлявшихъ собственность духовныхъ особъ; см. напр., pp.

страненности онъ, конечно, встрѣчается и на древне-русскихъ, печатяхъ, напримѣръ, на печатяхъ архіепископовъ новгородскихъ [1]). Аналогичныя изображенія можно подыскать и на памятникахъ галичской сфрагистики; таковы, напримѣръ, небольшія «оловянныя» печати, найденныя въ окрестностяхъ Галича и въ Звенигородѣ съ влахернскимъ типомъ Богоматери на одной сторонѣ, и съ греческими надписями на другой [2]). Печати галичскія, судя по надписи на оборотѣ: «μρ θυ σκέποις με Κόσμαν Γαλίτζης», могли принадлежать Козьмѣ, епископу галичскому, упоминаемому въ лѣтописи подъ 1165 годомъ; такое предположеніе подтверждается сопоставленіемъ ея съ аналогичною печатью Θедора, также епископа галичскаго, извѣстнаго приверженца сепаратистическихъ стремленій галичско-владимірскаго княжества [3]). Не мѣшаетъ замѣтить, что одинъ и тотъ же типъ ока-

---

344, 356, 369, 399, 458, 481, 501, 523, 533, 548, 567, 573, 592, 603, 616, 619, 627, 640, 645, 647, 655, 660, 668, 671, 673, 675, 685, 690, 704, 712, 738; на печатяхъ константинопольскихъ патріарховъ XII—XIV вв. представленъ типъ совсѣмъ иного рода (G. Schlumberger, Op. cit., pp. 124—127; ср. Н. Лихачевъ, Печати патріарховъ константинопольскихъ въ Тр. Москов. Нумиз. Общ. м. 1899 г., т. II, стр. 19); но на печати одного антіохійскаго «архіепископа» времени Комниновъ встрѣчается и влахернскій типъ; см. его также на печатяхъ другихъ духовныхъ особъ pp. 376, 399, 402.

1) Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. I, №№ 6, 9 (1305 г.), 10—11 (1307 г.), 12 (1317 г.) и др.; ср. А. Соболевскій и С. Пташицкій, Палеогрифическіе снимки и проч., №№ 43б и 45.

2) М. Грушевський, Звенигородъ галичскій въ Зап. наук. тов. імени Шевченка, т. XXXI—XXXII (1899) стр. 20—21; Его же: Печатки з околиць Галича, тамъ же, т. XXXVIII (1900) стр. 1—2. Печать № 1 найдена въ фундаментахъ церкви св. Спаса за Луквою, а № 2 на ур. Крилосї. Авторъ такъ описсываетъ изображеніе на печати Козьмы: «погрудний образок Богородиці з піднятими руками и з Христом на колїнах...» (стр. 1; ср. стр. 2); но на печати № 2, кажется, можно различить извѣстный влахернскій типъ. «Σκέποις» часто пишется «σκέπης» и эквивалентно «βοήθει» (G. Schlumberger, Op. cit., p. 41).

3) Лѣт. по Ипат. сп. 6673 г. (2-е изд. стр. 359). Объ епископѣ Θедорѣ, личность котораго историки галичской митрополіи, считаютъ возможнымъ отождествить съ личностью извѣстнаго митрополита Θедора, возведеннаго на эту степень между 1341—1347 гг. (Рус. Ист. Библ., т. VI, прил., № 22), см. выше стр. 126 и 181; а также изслѣдованія: А. Павлова, О началѣ Галицкой и Литовской митрополіи и пр. въ Рус. Обозр. за 1894 г., май стр. 222—228 и Н. Тихомирова, Галицкая митрополія въ жур. «Благовѣстъ» (прилож. къ Рус. Бес.), іюль, стр. 65, 67, 68, 71, 75—95.

зывается на печатяхъ галичскихъ епископовъ, отдѣленныхъ болѣе чѣмъ полуторавѣковымъ промежуткомъ времени.

Если бы размѣщеніе главныхъ печатей, привѣшенныхъ къ грамотѣ № 7, соотвѣтствовало обычнымъ правиламъ, то печать ближайшая слѣва къ печати княжеской должна была бы принадлежать Дмитрію Дядькѣ. Въ виду плохой сохранности печати трудно, однако, установить, кому она дѣйствительно принадлежала и дать удовлетворительное описаніе ея. Наибольшій діаметръ печати—4,4 сантиметра. Въ срединѣ печати, кажется, представлено какое то животное, можетъ быть птица; слѣды его изображенія можно различить и на прилагаемомъ снимкѣ. Легенда, вырѣзанная вокругъ печати, почти совершенно стерлась: только въ одномъ мѣстѣ можно, кажется, различить буквы:

. . . . . ѦКО

Нѣсколько свѣдѣній о личности Дмитрія Дядька и его дѣятельности, преимущественно въ качествѣ «старосты» и «опекальника» Малой Руси по смерти Болеслава-Юрія II-го собраны выше; ихъ прідется имѣть въ виду и ниже при описаніи печати его, привѣшенной къ грамотѣ, которая была выдана самимъ Дмитріемъ «Dedko» гражданамъ г. Торуни[1]).

Печать Бориса Кракули сохранились лучше остальныхъ: размѣры ея—около 3,0 сант. въ діаметрѣ; въ серединѣ ея помѣщено, изображеніе животнаго, кажется, птицы, разновидность которой опредѣлить затруднительно. Кругомъ легенда:

+ ПЄЧАТЬ БОРИСОКА

Такъ какъ въ числѣ княжескихъ совѣтниковъ нѣтъ ни одного съ именемъ Бориса, кромѣ Кракули, то можно придти къ заключенію, что эта печать принадлежала ему. Прозвище его, можетъ быть, указываетъ если не на русское происхожденіе, предположеніе, съ которымъ согласуется и русская легенда на его печати,

---

1) См. выше стр. 290 и сл., и ниже стр. 300 и сл.

то, пожалуй, на польское или чешское [1]); но опредѣленныхъ извѣстій о его роли при дворѣ галичско-владимірскаго князя я не знаю; въ грамотѣ 1335 года онъ названъ воеводой львовскимъ.

Едва ли возможно установить принадлежность остальныхъ печатей, привѣшенныхъ къ грамотѣ 1334 года: только одна изъ нихъ нѣсколько сохранилась. Діаметръ ея въ 3,0 сант. Поле ея украшено изображеніемъ птицы съ наклоненною впередъ головой, длинной шеей и, кажется, такимъ же клювомъ; крылья ея полураспущены и приподняты кверху. Сюжетъ подобнаго рода можно встрѣтить на одной польской монетѣ древняго періода; здѣсь птица пожираетъ гадину, чѣмъ и объясняется ея положеніе [2]). Легенда печати, къ сожалѣнію, сохранилась лишь отчасти; нѣкоторыя изъ буквъ ея штемпеля, повидимому, читаются такъ:

..... ЧАТЬ ..... ВА

Вслѣдъ за «...*чать*» можно, пожалуй, разобрать: «*та че...*» (или «*та ге...*»); но въ правильности такого чтенія трудно ручаться. Многія буквы на матрицѣ нашей печати, какъ видно, были вырѣзаны малоопытнымъ рѣзчикомъ, почему и отпечатлѣлись на воскѣ въ обратномъ положеніи.

Отъ остальныхъ печатей 1334 г. сохранились только мелкіе обломки, на которыхъ мнѣ разобрать ничего не удалось, или одни снурки.

Печати 1335-го года даютъ еще менѣе матеріала для заключеній: ни одна изъ нихъ (кромѣ княжеской) вполнѣ не сохранилась. Всѣ онѣ висятъ на пергаминныхъ лентахъ. О ихъ размѣрахъ, матеріалѣ и оттискахъ ихъ на воскѣ можно вообще вы-

---

1) Въ словарѣ И. Срезневскаго я не нашелъ подходящаго слова; проф. М. Грушевскій замѣчаетъ, что въ числѣ лицъ, подписавшихъ грамоту 1334 года, именъ... «польскихъ рiшучо нема анi одного» (М. Грушевський, Op. cit., т. III, стр. 202). Ср. польское—«krakula» (J. Karłowicz, Słownik gwar polskich, Krak.; 1901, II, 468) и чешское: «krakule» (F. Kott, Slownik, I, 781); проф. И. А. Линниченко считаетъ Кракулю—молдаваниномъ.

2) K. Stronczyński, Dawne monety polskie и проч., cz. II (1884) str. 160 и tabl. XVI, t. 128. (monety hebrajsko-napisowe bezimienne).

сказать тѣ же замѣчанія, какія были сдѣланы выше касательно печатей 1334 года (см. выше стр. 292). Нѣкоторыя изъ нихъ круглой, другія овальной формы; за исключеніемъ № 8, рельефъ ихъ изображеній довольно слабый. Для удобства обозначая ихъ нумерами въ вышеуказанномъ общепринятомъ порядкѣ (т. е. ...2...1...3...), можно только замѣтить, что: № 2 носитъ слѣдъ какого то изображенія и легенды; на № 3-мъ ничего не видно; на № 4-мъ замѣтны какъ будто слѣды изображенія голой человѣческой фигуры (?) въ профиль и въ полусидячемъ положеніи; правая рука ея нѣсколько вытянута впередъ; окружной надписи не видно; на № 5-мъ, кажется представлена птичья голова; о легендѣ же ничего сказать нельзя; № 6-й украшенъ изображеніемъ птицы (?) съ полураспущенными крыльями [1]); на № 7-мъ — слѣды какого то изображенія и надписи, но настолько слабые, что разобрать ихъ нѣтъ возможности; наконецъ, печать № 8-ой полуэлипсоидальной формы; изображеніе, можетъ быть какого то животнаго, вдавлено въ неё, кажется, при помощи какого то камея; кругомъ — слѣды легенды, почти совершенно стершейся.

Печати 1334—1335-го годовъ, какъ видно, даютъ слишкомъ мало матеріала для сужденія объ ихъ научномъ значеніи. Почти всѣ онѣ были уже изданы нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Насколько вѣрно заключеніе ученаго издателя ихъ, что изображенія на боярскихъ печатяхъ 1334—1335 гг. должны быть признаны по просту безсмысленными знаками, сказать трудно [2]). Извѣстія о польскихъ «гербахъ» восходятъ къ концу XIII-го вѣка: до того времени, насколько можно судить по сохранившимся экземплярамъ, и польская шляхта обыкновенно пользовалась на своихъ печатяхъ знаками, которые, по всей

---

1) Изображеніе птицъ (орла ?) съ полураскрытыми крыльями встрѣчается, напримѣръ, на монетахъ Болеслава IV Кудрявого (об. с.)—см. K. Stronczyński, Dawne monety polskie etc., cz. II (1884) str. 93 и tabl. X, t. 52.

2) F. Piekosiński, O źródlach heraldyki ruskiej въ Rozpr. Krak. Akad. Um., ser. II, t. XIII, str. 200; о значеніи привилеевъ 1432 и 1434 гг. см. тамъ-же, стр. 189.

вѣроятности, еще не имѣли родового значенія[1]); съ тѣмъ меньшимъ правомъ можно приписывать нашимъ фигурамъ, изображеннымъ на «вольномъ полѣ», геральдическій смыслъ: украшая поле, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, были простыми условными знаками принадлежности въ то время оригинальныхъ печатей извѣстнымъ лицамъ и, въ особенности для людей безграмотныхъ, пожалуй, могли получать такое значеніе даже безъ легендъ. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что изображенія на печатяхъ совѣтниковъ малорусскаго князя были сами по себѣ слишкомъ шаблонны для того, чтобы безъ всякихъ легендъ служить удобными знаками принадлежности; хотя подобнаго рода печати съ изображеніями, которыя иногда могли быть рѣзаны на камнѣ, едва ли бывали у многихъ, но принадлежность ихъ легче было установить, присоединяя къ изображеніямъ и соотвѣтствующія легенды.

Во всякомъ случаѣ основанія, въ силу которыхъ вышеописанныя печати были привѣшены къ грамотамъ 1334—1335 гг. ясно указаны въ самомъ текстѣ ихъ: согласно общераспространенному обычаю того времени приложеніе печатей князя и его совѣтниковъ къ грамотамъ должно было удостовѣрить подлинность ихъ. Въ виду той роли, которую бояре играли при дворѣ Болеслава-Юрія II-го и на которую указываютъ также выраженія въ родѣ «nos una cum ...nostris baronibus militibusque»[2]), въ

---

1) A. Małecki, Studya heraldyczne, Lw. 1890, II, 116—126, 131—139; бывали даже случаи, когда одно и то же лицо черезъ нѣкоторое время замѣняло присвоенный себѣ на печати знакъ (изображеніе) другимъ и т. п. (ib., str. 120). Впрочемъ, «godła przedherbowe» употреблялись еще и въ XIV вѣкѣ (ib., str. 156 и сл.). Ср. еще «Lites ac Res gestae»..., t. I, 1, p. 56. Даже въ позднѣйшее время русскіе дипломаты, припечатывавшіе нѣкоторые документы своими частными печатями, «за полною произвольностью изображеній на такихъ печатяхъ» должны были предварительно показывать ихъ государю; см. Н. Лихачевъ, Дѣло о пріѣздѣ въ Москву А. Поссевина въ Лѣт. Зан. Археогр. Ком., ч. XI, стр. 270.

2) H. Bresslau, Urkundenlehre, I, 518 ff.; 540, 543. «In fremden Angelegenheiten dagegen haben unbedingte Glaubwürdigkeit nur die Siegel des Papstes, des Königs, der Laien—und Pfaffenfürsten, der Prälaten, der Capitel und der Convente.

томъ же смыслѣ, вѣроятно, слѣдуетъ понимать и нѣкоторыя формулы, въ грамотахъ князя Болеслава-Юрія II-го, а именно: «in testimonium horum omnium, читаемъ мы въ грамотѣ 1334 года, praesentes paginas nostri sigilli appensione, nostrorumque baronum sive militum fecimus munimine roborari»; или «ut haec maneant inconvulsa et semper integra, сказано въ заключеніе къ грамотѣ 1335 года, roburque obtineant perpetuae firmitatis ac novitatis vultum assumant, praesentes scribi fecimus et nostro ac praedictorum nostrorum baronum sigillis communiri»[1]). Нельзя не замѣтить, что въ приведенныхъ отрывкахъ, и притомъ въ договорахъ, заключенныхъ съ иностранною державою, самъ князь, повидимому, придаетъ одинаковое значеніе наравнѣ съ своей печатью и печатямъ своихъ совѣтниковъ; въ послѣдней формулѣ онъ ставитъ юридическую силу грамоты въ зависимость отъ исполненія такой формальности, не упоминая о «testimonium». Трудно, однако, сказать, даютъ ли вышеприведенныя сфрагистическія формулы въ связи съ приложеніемъ печатей княжескихъ совѣтниковъ къ грамотамъ 1334 и 1335 годовъ новое основаніе для заключенія, что они были не только свидѣтелями при совершеніи этихъ договоровъ, но и принимали участіе въ самомъ заключеніи ихъ[2]). Сфрагистическія формулы грамотъ 1334 и 1335 годовъ можно, пожалуй, сопоставить съ текстомъ грамоты 1316 г. (см. выше стр. 290) и съ формулой грамоты Болеслава-Юрія II отъ 1339 года, въ силу которой городъ Санокъ получилъ магдебургское право. Эта грамота выдана отъ имени одного князя, который и скрѣпилъ её своею печатью, нынѣ, впрочемъ, утраченной; но въ концѣ ея написано: «actum in Lademiria sub testimonio virorum proborum et honestorum», имена которыхъ и перечислены[3]).

Die Siegel anderer «Herrn» haben glaubwürdigkeit nur in ihren eigenen Angelegenheiten und in denen ihrer Leute...».

1) См. выше стр. 154 и 155 (№№ 7 и 8).

2) М. Грушевськиий, Історія Украïни—Руси, Львовъ, т. III (1900 г.), стр. 203.

3) См. выше, стр. 78 и табл. X.

Тѣмъ не менѣе правила печатанія грамотъ при дворѣ князей галичско-владимірскихъ едва ли были прочно установлены, да и нѣтъ достаточно опредѣленныхъ извѣстій о содержаніи ихъ, почему и предположенія, высказанныя выше, остаются гадательными.

Въ числѣ галичско-владимірскихъ печатей 1316—1341 гг. мнѣ остается еще отмѣтить печать Дмитрія Дядьки, которою онъ удостовѣрилъ грамоту, выданную имъ гражданамъ города Торуни (№ 13).

Печать Дмитрія Дядьки — вислая на пергаминной лентѣ; размѣры наибольшаго діаметра печати — 3,9 сант.; форма ея — полуэллипсоидальная; матеріалъ, изъ котораго она сдѣлана, обычный: воскъ, лишенный искусственной окраски.

На лицевой сторонѣ довольно глубоко въ воскъ вдавлено, повидимому, погрудное изображеніе человѣческой фигуры; она представлена въ профиль и обращена въ лѣвую сторону отъ зрителя. При внимательномъ осмотрѣ оригинала можно замѣтить изображеніе волосъ, а также слѣды глаза и носа; ниже — легко различить оголенную шею и ткань, прикрывающую плечи; послѣднюю хорошо видно и на прилагаемой таблицѣ (табл. III).

Легенда слѣва направо читается такъ:

+ Д......А ДАД... ПЄЧАТЬ

На эллипсоидальномъ оборотѣ той же печати, кажется, никакихъ изображеній и надписей не было.

Личность Дмитрія Дядька достаточно извѣстна: будучи близкимъ человѣкомъ къ Болеславу-Юрію II, онъ послѣ смерти его титуловалъ себя: «provisor seu capitaneus terre Rusie»[1]). Прозвище его, отпечатлѣнное и на вышеописанной печати, толкуется

1) О. Терлецкий, Политичні події на Галицкій Руси в р. 1340 въ Зап. Наук. тов. імени Шевченка, т. XII (1896) стр. 1—26; объ остальной литературѣ см. тамъ же, стр. 17. Извѣстія о Дмитріѣ Дядькѣ собраны въ статьѣ И. Линниченко: Критическій обзоръ новѣйшей литературы Галицкой Руси въ Жур. Мин. Нар. Пр., 1891 г., май, стр. 158—169, а отчасти и въ статьѣ О. Терлец- стр. 14—23.

двояко: или въ смыслѣ кормильца, пѣстуна Болеслава-Юрія II-го, или въ качествѣ обозначенія его фамиліи. Выше уже было указано на то, что «прозваніе Детко ...объясняютъ черезъ Дядько» [1]); такое сближеніе вполнѣ оправдывается тою формою написанія: Дад[ько], которая явственно видна на нашей печати. Въ такомъ случаѣ Дмитрія «Дьядько» можно было бы признать бывшимъ дядькою, т. е. кормильцемъ или пѣстуномъ княжескимъ; въ грамотѣ 1335 года князь Болеславъ-Юрій II, дѣйствительно, пишетъ о «Demetrio Detcone nostro», что, пожалуй, говоритъ въ пользу вышеприведеннаго толкованія. Благодаря своему положенію при дворѣ княжескомъ Дмитрій Дядько могъ получить первенствующее значеніе и среди галичско-владимірскаго боярства [2]). Слѣдуетъ имѣть въ виду, однако, что слово «Дьядько» въ то же время употреблялось и въ смыслѣ имени собственнаго: въ 1381 году, напримѣръ, «Detco» изъ Зубры продалъ сѣножать Григорію Давыдовскому [3]). Съ такой точки зрѣнія слову «Дьядько», встрѣчающемуся на печати, нельзя было бы приписывать нарицательное значеніе. Какъ бы то ни было, значеніе слова «дядько» примѣнительно къ пѣстуну княжескому должно было потерять прежній смыслъ со времени смерти Болеслава-

1) И. Линниченко, Замѣчанія и пр.; см. выше стр. 101—102; ср. стр. 131—135.

2) Кромѣ текстовъ, приведенныхъ на стр. 101—102 и свидѣтельствующихъ объ употребительности слова «дядько» въ Галичско-владимірскомъ княжествѣ, можно указать еще на тексты изъ Лѣтописца Переяславля Суздальскаго (м., 1851 г., 6456 г.), изъ грамоты смоленскаго князя Ѳеодора Ростиславича къ Рижанамъ 1284 г. Русско-Ливонскіе акты, № 37) и жалованной грамоты кн. Олега Ивановича Рязанскаго Ольгову монастырю 1356—1387 гг. (А. И., т. I, № 2), уже собранные В. Срезневскимъ (Словарь, I, 804).

3) И. Линниченко, Критическій обзоръ и проч., ib., стр. 160; другіе примѣры см. тамъ-же. Въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ XV в. и актахъ позднѣйшаго времени можно встрѣтить то же слово въ смыслѣ прозвища (Н. Тупиковъ, Словарь древнерусскихъ личныхъ собственныхъ именъ въ Зап Отд. рус. и слав. арх., т. VI, Спб. 1903 г., стр. 198); вотъ еще одинъ примѣръ: «се язъ Евдокимъ Ѳилиповъ сынъ Дыдка, ненекшанинъ, продалъ есми въ домѣ Пречистые Богородицы Честнаго Ея Успенья... амбаръ...» (Арх. Мин. Юст. Грам. Кол. эк. Двинскаго уѣзда, № 4213/131, купчая 1582 года).

Юрія II, а между тѣмъ самъ «provisor» въ офиціальной грамотѣ называетъ себя уже послѣ апрѣльскихъ событій «Demetrius Dedko»; въ одномъ же изъ лѣтописныхъ извѣстій того же вѣка онъ именуется «baro Datko nomine».

За отсутствіемъ въ самой грамотѣ опредѣленныхъ хронологическихъ указаній время изготовленія нашей восковой печати нельзя опредѣлить съ точьностью; грамота № 13, конечно, писана послѣ смерти Болеслава-Юрія II, случившейся по указанію современника «anno Domini MCCCXL... VII Idus Aprilis»[1]). Если пріурочить походъ Казиміра въ Галицію, о которомъ есть упоминаніе и въ грамотѣ Дмитрія Дьядька, къ 1340-му году и объяснять нѣкоторыя выраженія ея еще свѣжими воспоминаніями о событіяхъ и военныхъ дѣйствіяхъ, происходившихъ въ томъ же году, то составленіе грамоты, а значитъ и приложеніе восковой печати къ ней придется отнести приблизительно къ времени, наступившему вскорѣ послѣ этого похода Казиміра Великаго въ Галицію[2]).

---

1) Monumenta Poloniae, Lw., 1882, t. V, p. 880; проф. О. Бальзеръ, впервые обратившій вниманіе на это показаніе, признаетъ достовѣрность указанной въ немъ хронологической даты (O. Balzer, Geneologia Piastów, Kr., 1895, str. 455).

2) Monum. Pol. Hist., t. II, pp. 621—622. См. выше стр. 156, 157 и табл. III выраженія: «Beati pacifici, quoniam ipsi possidebunt terram....» (ср. выше стр. 209, прим.).... «discordiam a diabolica suggestione seminatam»;.... «Dampna vero post obitum domini nostri felicis memoriae ducis Russie quicunque Lemburgenses intulerunt, duntaxat excipimus litteris in aliis et in istis». Fontes rer. austr., Scriptores, B. VIII, ss. 564—566 (*a.* 1341). Г. Филевичъ относитъ грамоту Д. Дядьки къ 1340; см. И. Филевичъ, Борьба Польши и Литвы Руси за Галичско-владимірское наслѣдіе, Спб. (1890) стр. 62; ср. О. Терлецкій, Op. cit., ib., стр. 9 и др. Уже 25 октября 1341-го года Казиміръ былъ, вѣроятно, въ Краковѣ; см. Mon. Pol. t. III, № 210. Составитель примѣчаній къ хроникѣ Яна изъ Чарнкова былъ готовъ отнести грамоту Дмитрія Дядька къ тому же времени (Monum. Pol. Hist., t. II, p. 622). Въ Hansisches Urkundenbuch, B. II (1879), № 690 таже грамота отнесена тоже къ 1341-му году. Эта датировка (1340—1341 гг.) кажется мнѣ наиболѣе вѣроятной. Въ другихъ сборникахъ актовъ редакторы принимаютъ, однако, и другія даты. Въ Mon. Hung. hist., Acta extera, v. II, p. 259—грамота Дмитрія Дядьки отнесена къ 1347-му году. Въ то время Казиміръ Великій могъ предпринять новый походъ на русскія владѣнія; И. А. Линниченко полагаетъ, однако, что этотъ походъ «скорѣе всего» происходилъ въ 1349 году (И. Линниченко, Критическій обзоръ и пр., ib., май, стр. 160—167; іюнь, стр. 457—

Печать Дмитрія Дядьки представляетъ особенность, которая встрѣчается только на одной изъ вышеописанныхъ печатей 1335-го года: фигура представленная на ней, вдавлена въ восковую массу, по всей вѣроятности при помощи рельефнаго изображенія какого то камея.

Въ средніе вѣка геммы, впрочемъ далеко не всегда древне-классическаго происхожденія, были въ довольно широкомъ употребленіи. Византія до разоренія своего въ 1204 году была богата рѣзными камнями; на Западѣ ихъ очень цѣнили, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приписывали сверхестественную силу [1]). Рѣзные камни служили, конечно, для самыхъ разнообразныхъ цѣлей, въ частности и въ качествѣ печатей на перстняхъ: рѣзной камень обрамляли въ металлическій ободокъ, на которомъ иногда вырѣзывали надпись, и, прикрѣпивъ его къ перстню, пользовались имъ въ качествѣ печатки: «annuli signatorii» не исчезли изъ употребленія и въ нѣсколько позднѣйшее время [2]); въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ средней Европы, напримѣръ въ Вѣнѣ, существовала даже чуть ли не мода на печатки подобнаго рода и какъ разъ въ XIV вѣкѣ [3]). Само собою разумѣется, что сюжетъ,

---

473); значитъ, если грамота Дмитрія Дядьки написана во время второго похода Казиміра Великаго, то пришлось бы согласиться съ предположеніемъ Фойгта, окончательно рѣшившагося отнести этотъ документъ къ 1349 г. (см. выше стр. 123); но источники свидѣтельствуютъ о томъ, что Казиміръ направилъ свой походъ на Волынь и умалчиваютъ объ одновременномъ походѣ его на Червонную Русь, хотя упоминаютъ о приходѣ въ 1349 г. татарскихъ пословъ къ Казиміру.

1) Lecoy de la Marche, Les sceaux, Par., 1899, pp. 17—34, 38, 39. L. A. Muratori, De sigillis medii aevi въ сборн. Argelati, v. III, pp. 119—124. G. Demay, Des pierres gravées employées dans les sceaux du moyen âge въ его Inventaire des sceaux de l'Artois et de la Picardie, Par. 1877, p. IV; ср. еще M. Deloche, Étude... sur les anneaux sigillaires et autres des premiers sciècles du moyen âge, Par. E. Babelon, La gravure en pierres fines etc., Par. (1894), 206 ss. Histoire de la gravure sur gemmes en France, Par. (1902), pp. XV, 86, 91 et ss.; авторъ полагаетъ, однако, что по одному оттиску очень трудно догадаться, какою геммой онъ сдѣланъ: античной или ея средневѣковой имитаціей.

2) E. Babelon, Op. cit., pp. 85—93; ср. H. Bresslau, Urkundenlehre, I, 964.

3) G. Seyler, Geschichte der Siegel, Lpz., ss. 104—109.

изображенный на камнѣ, обыкновенно не имѣлъ, по существу, никакого отношенія къ владѣльцу его; только надпись удостовѣряла, что печать принадлежитъ именно ему [1]). Такіе перстни были, конечно, въ употребленіи и въ Польшѣ: достаточно указать въ качествѣ примѣра на печать Мечислава стараго, для которой служила гемма; оттискъ ея сохранился на одной грамотѣ 1177 г. [2]). Подобные же перстни съ печатками попадаются и среди русскихъ древностей [3]). Сказанное выше, вѣроятно, можно отнести, по крайней мѣрѣ отчасти и къ перстнямъ съ камеями, съ тою только оговоркой, что они вообще встрѣчаются рѣже перстней съ рѣзными камнями.—Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что такія печатки не всегда вправлялись въ перстни: извѣстны, напримѣръ, случаи, когда онѣ снабжались особыми черенками или украшали верхнюю часть рукоятки меча или сабли [4]).

Откуда происходилъ камей, принадлежавшій Дмитрію Дядькѣ, сказать, конечно, трудно: до разоренія своего въ 1204 г. Византія была богата и камеями [5]); но камень Дмитрія Дядьки могъ попасть въ его руки и съ какого нибудь западно-европейскаго рынка. Камей, вставленный въ перстень Дмитрія Дядька или приспособленный какъ нибудь иначе, повидимому, уже значительно потерся, чѣмъ, можетъ быть, объясняется и плохой оттискъ его, имѣющійся при грамотѣ 1340—1341 гг. На рѣзныхъ камняхъ подобнаго рода встрѣчаются погрудныя изображенія раз-

1) О разномъ значеніи, какое въ разное время получали такіе сюжеты см. E. Babelon, Op. cit., pp. 96, 112: «Au moyen âge les sujets des camées antiques sont considérés comme chrétiens et Vénus devient régulièrement la Vierge».

2) Kod. W-Pol. T. IV, № III (снимокъ съ печати); сюжетъ на печати иной: на ней изображеніе коннаго всадника. Ср. еще A. Małecki, Studya heraldyczne, II, 116.

3) Зап. Имп. Археол. Общ. т. IV (1852 г.), отд. 2, стр. 86. Здѣсь описанъ серебряный позолоченый перстень, также служившій печатью и найденный во Владимірѣ на Клязьмѣ: печать съ вырѣзаннымъ на сердоликѣ изображеніемъ звѣрька, похожаго на звѣрьковъ тверскихъ денегъ, и надписью вокругъ: «печать Нестера Турова», «судя по характеру буквъ XIII—XIV-го в.», и не позже какъ «начала XV-го вѣка».

4) T. Żebrawski, Op. cit., str. 6.

5) E. Babelon, Op. cit., pp. 73—76.

ныхъ богинь (напримѣръ, Венеры) или римскихъ императоровъ и императрицъ; но камей, которымъ пользовался Дмитрій Дядько для своей печати, плохо сохранился и трудно квалифицировать его типъ [1]); притомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что античные сюжеты могли получать въ средніе вѣка и иное значеніе; съ такой точки зрѣнія научное истолкованіе изображенія на перстнѣ Дмитрія Дядька становится еще болѣе затруднительнымъ.

Заключительная клаузула грамоты 1340—1341 гг. даетъ понятіе о значеніи, какое самъ Дмитрій Дядько приписывалъ своей печати: «in signum autem hujus compromissionis, читаемъ мы здѣсь, et ut fides nobis poterit adhiberi, hanc paginam nostro munimine jussimus roborari» [2]). Такимъ образомъ, самъ владѣлецъ печати не называетъ ее: «sigillum» и употребляетъ выраженіе: «in signum hujus compromissionis» (ср. signet); съ такой точки зрѣнія можно, пожалуй, назвать печать Дмитрія Дядьки «secretum» и сказать, что, вмѣсто государственной печати, онъ приложилъ къ грамотѣ 1341 года свою, частную. Трудно рѣшить вызванъ ли былъ такой способъ удостовѣренія подлинности грамоты тѣмъ, что «староста и опекальщикъ Русской земли» не могъ пользоваться государственною печатью или не пожелалъ ею воспользоваться: извѣстій о государственной дѣятельности Дмитрія Дядька сохранилось слишкомъ мало.

---

1) G. Demay, Des pierres gravées etc., ib., pp. III—IV, X, XX—XXII. Карлъ Лысый, напримѣръ, употреблялъ печатку въ видѣ камея или подражанія камею (Lecoy de la Marche, Op. cit., p. 23). Византійскіе перстни съ печатками и съ рѣзными изображеніями на нихъ или подражанія такимъ перстнямъ встрѣчаются и въ кіевскихъ древностяхъ; авторъ извѣстнаго труда о русскихъ кладахъ, кажется, не сообщаетъ, однако, свѣдѣній о нахожденіи въ Кіевской Руси перстней съ рѣзными камнями или камеями, которые могли бы служить для печатанія (Н. Кондаковъ, Русскіе клады, Спб., 1896 г., стр. 115, 127 и 204—205).

2) См. выше стр. 157, № 13.

3. Культурное значеніе печатей послѣднихъ князей галичско-владимірскихъ и ихъ совѣтниковъ.

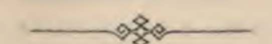
Въ заключеніе своего изслѣдованія о печатяхъ послѣднихъ князей галичско-владимірскихъ и ихъ совѣтниковъ я не стану повторять тѣхъ частныхъ выводовъ, которые уже были сдѣланы мною при изученіи каждаго типа въ отдѣльности. Здѣсь, кажется, достаточно будетъ отмѣтить лишь тѣ общіе результаты, къ которымъ на основаніи произведенной выше работы можно придти относительно культурнаго значенія древнихъ памятниковъ малорусской сфрагистики.

Собраніе печатей, прикрѣпленныхъ къ галичско-владимірскимъ грамотамъ 1316—1341 гг., не представляетъ однороднаго цѣлаго. Въ немъ легко замѣтить два разныхъ культурныхъ вліянія: византійское и западно-европейское. Впрочемъ, византійскихъ элементовъ въ изученныхъ мною типахъ сравнительно уже очень мало [1]): явные слѣды ихъ обнаруживаются только въ изображеніи Богоматери влахернскаго типа на печати галичскаго епископа Ѳедора. Въ остальныхъ памятникахъ галичско-владимірской сфрагистики того времени нельзя не замѣтить преобладанія западно-европейскихъ модъ. Вліяніе ихъ, правда, мало отразилось на боярскихъ печатяхъ; но оно ясно обнаружилось на печатяхъ княжескихъ: почти всѣ типы, изображенные на нихъ обличаютъ или западно-европейское происхожденіе самихъ матрицъ, или, по крайней мѣрѣ, хорошее знакомство рѣзчика ихъ съ западно-европейскими образцами. Такое вліяніе проникало въ

---

1) О византійскихъ элементахъ въ древне-галичскомъ искусствѣ и вліяніи на нихъ западно-европейскаго искусства см. напр. соч. M. Sokolowski, Badania archeologiczne na Rusi galicyjskiej въ его «Studiya i skice z dziejów sztuki cywilizacyi, Kr., 1899 г., I, 433—472. Погрудное изображеніе лица въ византійскомъ царскомъ орнатѣ на извѣстной печати, найденный въ Ступницѣ подъ [illegible] явно свидѣтельствуетъ о существованіи здѣсь византійскихъ ти[illegible]тики; см. М. Грушевськиӣ, Печатка з Ступниці під Самбором [illegible] імени Шевченка, т. XXXI—XXXII (1899 г.) стр. 1—4.

Малую Русь, по всей вѣроятности разными путями: въ главнѣйшихъ своихъ чертахъ нѣкоторые изъ типовъ, напримѣръ, на печатяхъ князей Андрея или Льва, а также на «конной печати» князя Болеслава Тройденовича, кажется, могли сложиться подъ вліяніемъ польскимъ, въ частности благодаря родственнымъ связямъ галичско-владимірскихъ князей съ мазовецкими; но косвенныя или даже прямыя сношенія галичско-владимірскаго княжества съ Германіей или съ сосѣдними странами, съ западноевропейской культурой, не остались безъ вліянія на стиль печатей послѣдняго князя Малой Руси: датско-любекскій или близкій къ нему типъ могъ послужить образцомъ для изготовленія «sigillum majestatis» кн. Болеслава-Юрія II-го, а въ двойныхъ печатяхъ чешскихъ или венгерскихъ королей уже встрѣчается та комбинація двухъ типовъ (маестата и коннаго), которая характеризуетъ печать Болеслава-Юрія II-го. Во всякомъ случаѣ, судя по памятникамъ сфрагистики, можно сказать, что послѣдніе князья галичско-владимірскіе, подобно польскимъ государямъ, уже слѣдовали европейскимъ модамъ; онѣ могли получить дальнѣйшее распространеніе въ другихъ русскихъ земляхъ и черезъ посредство «Малой Руси».

Дополнительная замѣтка къ стр. 265 и сл. Уже по отпечатаніи стр. 265—279 предлагаемаго изслѣдованія въ «Bulletin International des Sciences de Cracovie» (Classe de philologie, classe d'histoire et de philosophie, 1906, №№ 9—10, Novembre—Décembre, pp. 131—136) появился отчетъ о книгѣ г. St. Lewicki, Drogi handlowe w Polsce w wiekach średnich; авторъ задался цѣлью построить карту торговыхъ путей сообщенія, существовавшихъ въ средневѣковой Польшѣ; онъ описываетъ также отдѣльные пути сообщенія, между прочимъ дороги, исходившія изъ Владиміра (гл. об. куявскую, мазовецкую и львовскую), дороги, связывавшія Львовъ съ Каффой, Венгріей, Краковомъ (ихъ двѣ), Бреславлемъ (ихъ три) и, черезъ землю мазовецкую, съ Торномъ (ихъ двѣ); далѣе «большую» дорогу изъ Каффы на Львовъ, Люблинъ, Познань и Губенъ, переходившую вслѣдъ за тѣмъ въ нижнелужицкую дорогу; также дороги, связывавшія Бреславль съ Прагой, съ Вѣной, съ Лейпцигомъ, съ Франкфуртомъ и др. городами, дорогу изъ Познани на Франкфуртъ и др.; авторъ указываетъ и на постепенное возрастаніе торговаго значенія Данцига. Впрочемъ, сочиненіе г. Левицкаго до появленія отчета о немъ еще не было напечатано.

А. Л.-Д.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

				Напечатано:	*Слѣдуетъ:*
Стр.	5	строка	12 снизу	Jelezarowicz	Gelezarowicz
»	205	»	14 сверху	пѣсни Дисьченка	імени Шевченка
»	232	»	4 сверху	кольчуга, копье...	латы, копье...
»	245	»	2 сверху	табл. IV	табл. VI
»	246	»	2 сверху	Короля чешскаго и польскаго	Короля «чешскаго и польскаго»
»	246	»	10 снизу	Orstla	Orseln
»	251	»	20 сверху	Ier[usalem] Siciliae	Ier[oso] l [imae] et Sicil[iae]
»	281	»	6 сверху	Чарторижскіе	Чарторыйскіе
»	291	»	5 сверху	Geleazarowicz	Gelezarowicz

Указатели личныхъ и географическихъ именъ[1]).

I.

A.

B.

---

1) Ссылки на личныя имена: Ἀντώνιος, Βολοδίμηρος, Γαβριήλ, Καζήμηρος, Κόσμα, Δημήτριος Λούμπορτος (Любартъ), Νίφων, Πέτρος, Θεόδωρος и Θεόφιλος, а также на имена географическія: Γάλιτζα, Κωνσταντινούπολις, Λαχία (Польша), Ῥωσία, Ῥῶσοι отнесены подъ соотвѣтствующія имена въ русской транскрипціи.

C.

D.

E.

F.

G.

H.

I, J.

M.

N.

O.

P.

R.

S.

T.

U.

V.

W.

Y.

Z.

II.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

I.

К.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Э.

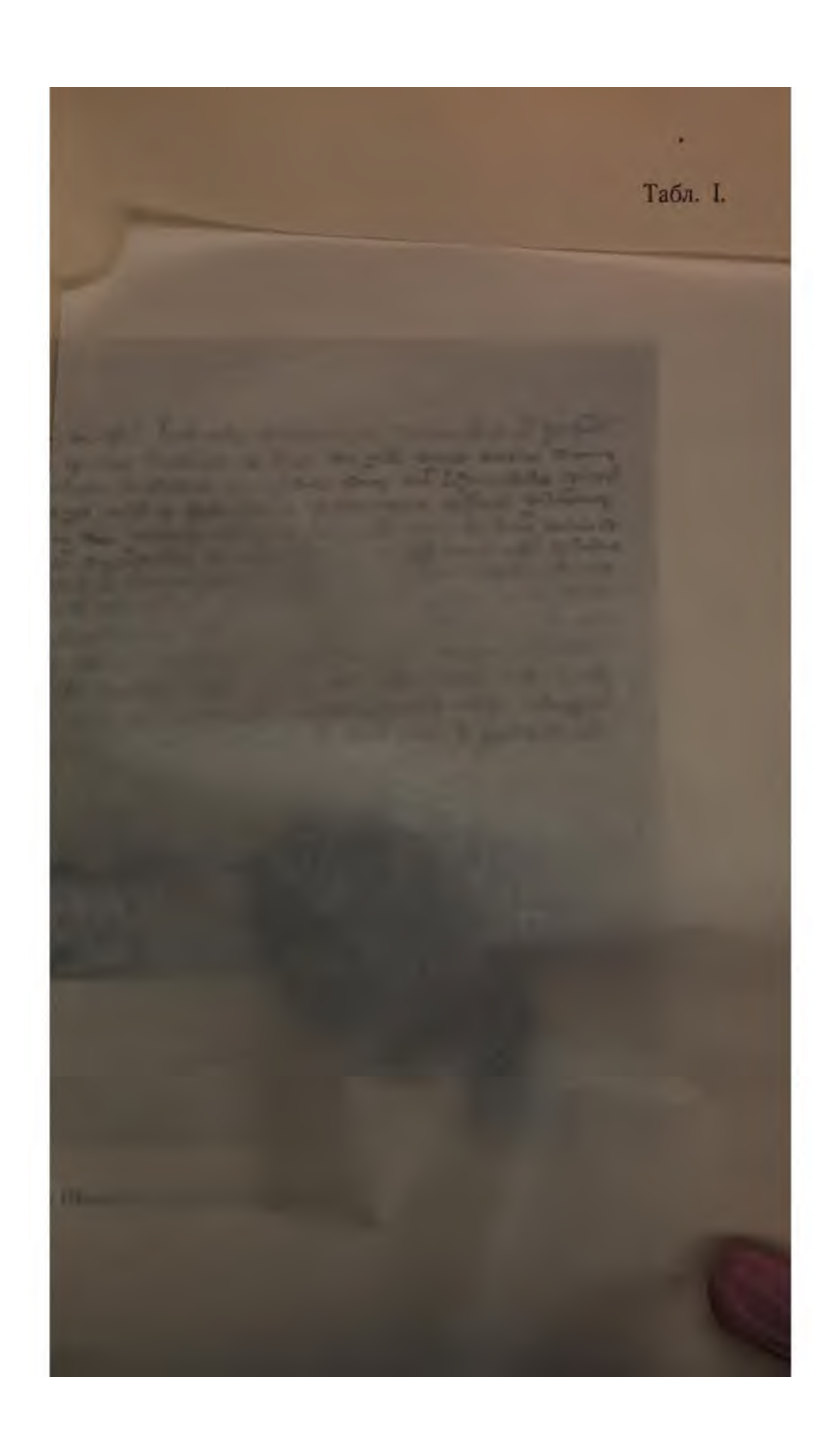
Ю.

Magnifico . domino . dilecto . ac nobis . in Christo . f
Magistro . Generali . Ceteris . quoque . fratribus . eiusdem . p
Prusie . Galicie . et Lademirie . salutem . et post .
vestros . predecessores . . . . . . fratres . p
insignia . ac mutue promocionis vinculo . . .
federati . Maxime . cum honorabilis . et religi
. . . antiquorum . amiciciam . nobiscum . . .
est expressum . Nos . volentes . vestigia . exempla . .
. . . federacionibus . et pace . . . nos . . .
mino . habundancius ad augere . Ceterum . . .
bis . constiterit . et ab hostili quolibet . . .
beneplacita . promocionis . et favoris . exposimus
. . . . Datum . et . . .
Laurencii martiris .

Грамота князей Владиміра-Андрея и Льва Юрьевичей къ велико

Табл. I.

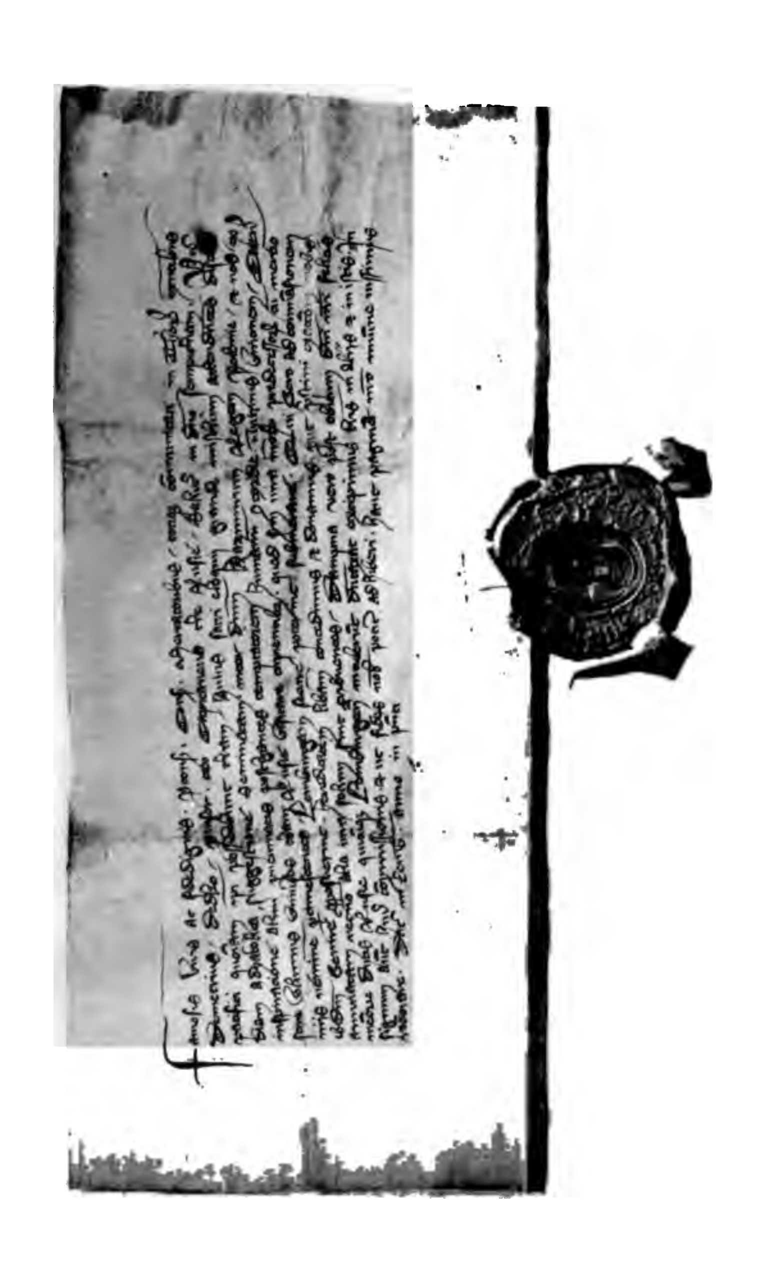
Оборотная сторона печати, привѣшенной справа къ грамотѣ князей Владиміра-Андрея и Льва Юрьевичей, отъ 9 августа 1316 года (ср. табл. I).

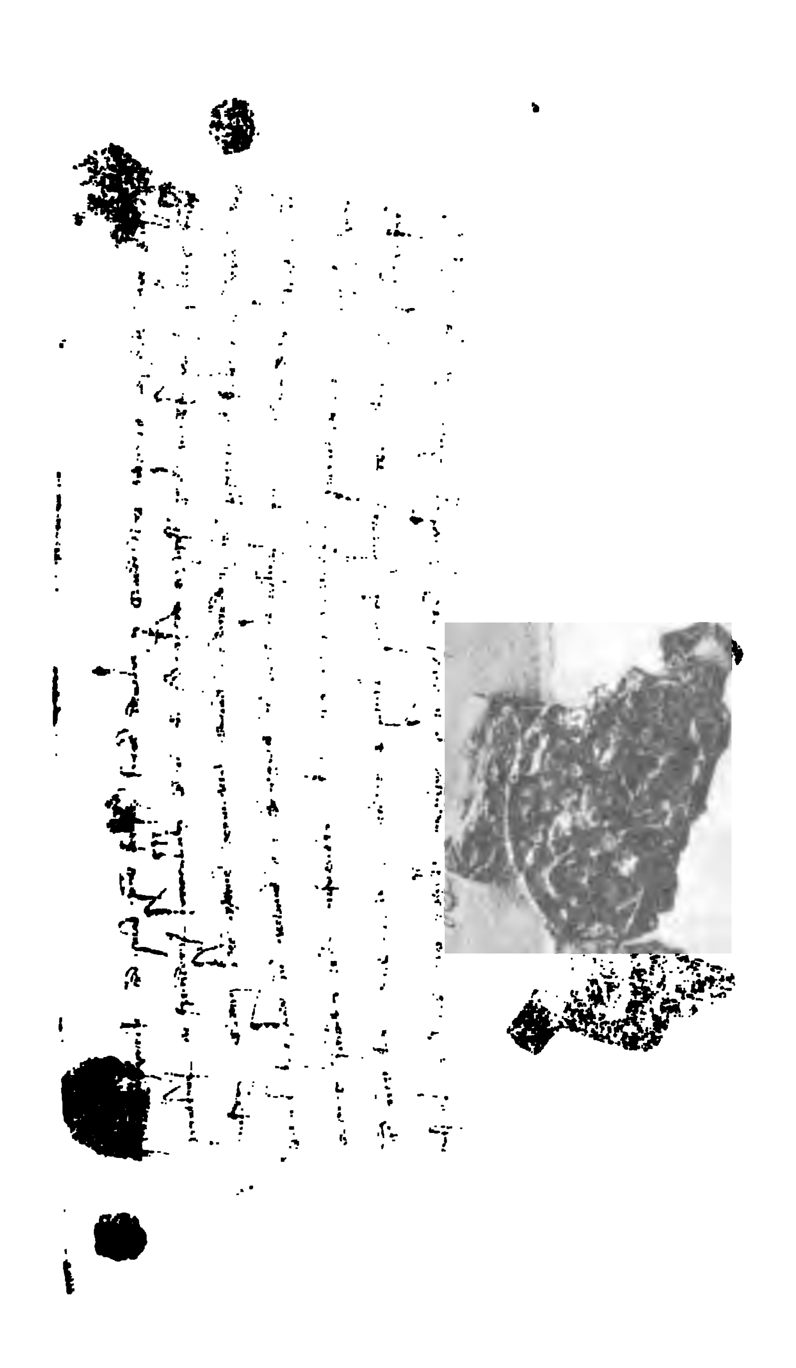
Табл. III.

Грамота кн. Болеслава — Юрія II къ великому магистру Нѣмецкаго Ордена Вернеру, отъ 1325 года.

Грамота старосты земли Русской Дмитрія Дядьки къ гражданамъ г. Торн
около 1341 года.

Грамота кн. Болеслава-Юрія II [illegible] ...дкаго [illegible]
Вернеру, отъ [illegible]

Лицевая и оборотная сторона печати съ

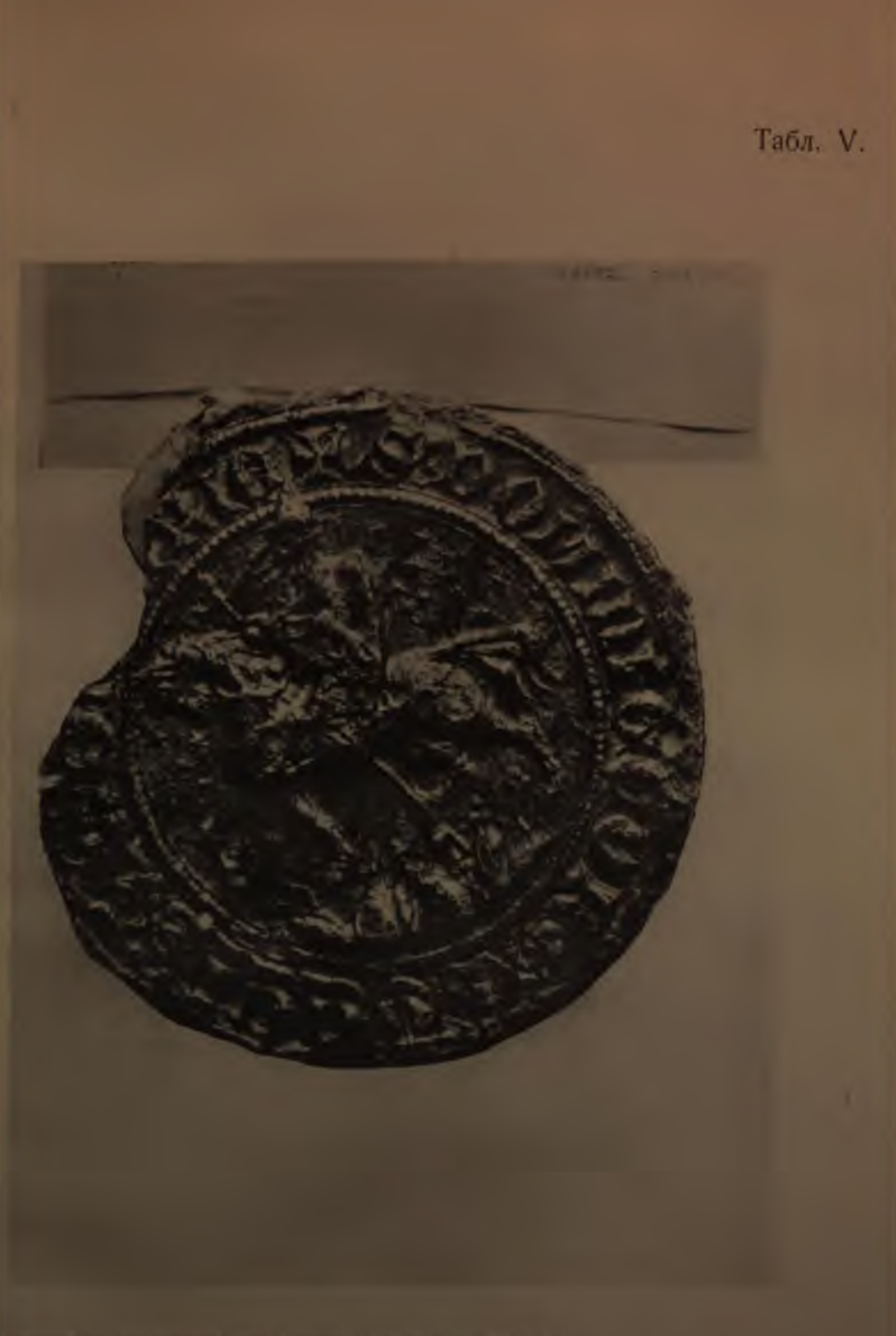

ивѣшенной къ его грамотѣ, отъ 9 марта 1327 года (ср. табл. IV).

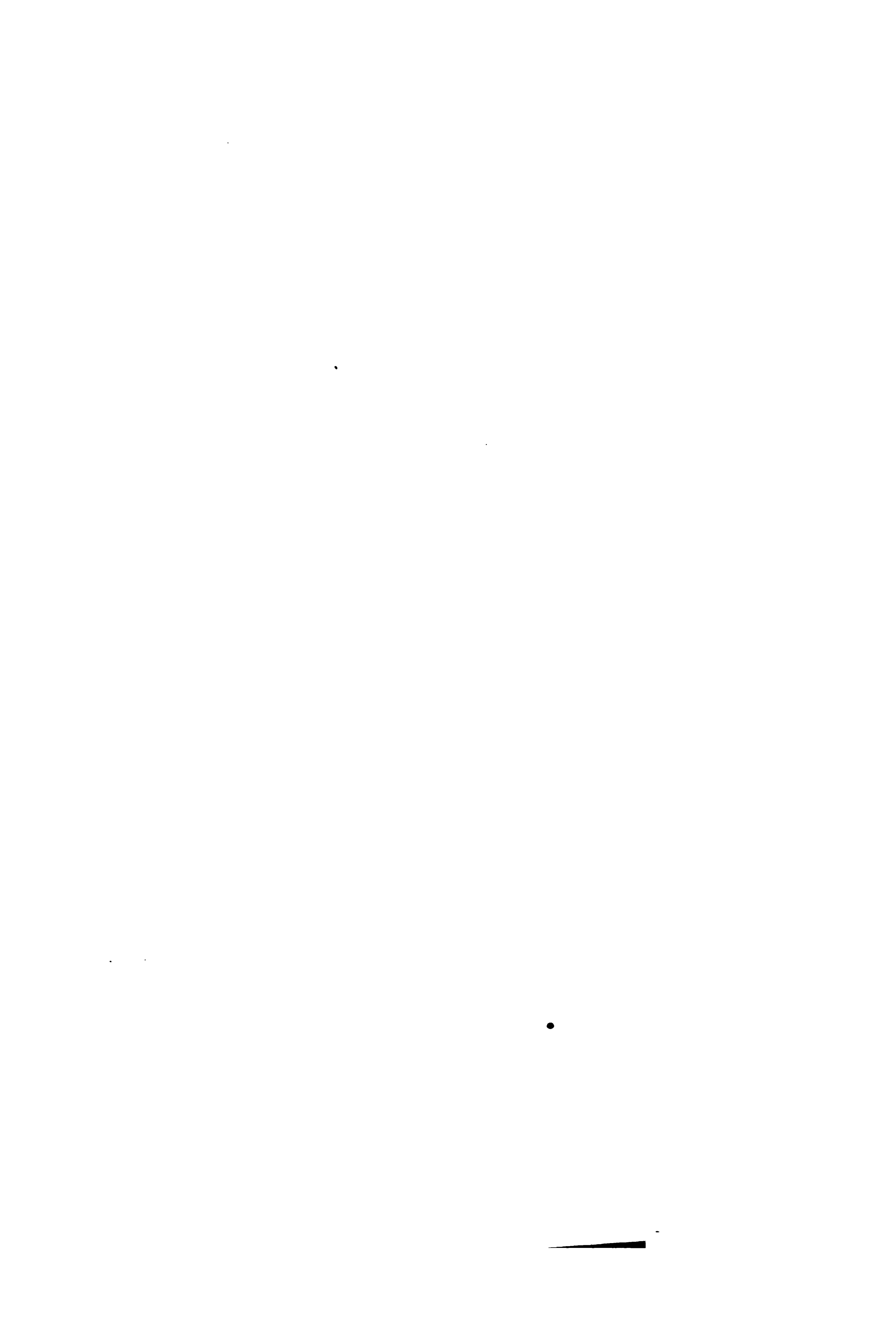
, СПБ Мтш. 2

Табл. V.

ѣшенной къ его грамотѣ, отъ 9 марта 1327 года (ср. табл. IV).

Лицевая (справа) и оборотная (слѣва) стороны печати

ѣшенной къ его грамотѣ, отъ 11 февраля 1334 года (ср. табл. VI).

Печати совѣтниковъ кн. Болеслава-Юрія II, при

ı къ его грамотѣ, отъ 11 февраля 1334 года (ср. табл. VI).

ргъ, СПБ. Мѣщ. 2

Цѣна: 4 руб. 50 коп.; Prix: 10 Mrk.

[illegible] Академіи Наукъ:
[illegible]
[illegible] des Sciences:
[illegible]